

«Издательский дом «Юр-ВАК»

ISSN 2072-3164 (print)
ISSN 2310-7049 (online)

ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Том / Vol. 18. № 4 . 2025

GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION

Publishing house «Yur-VAK»
г.Москва / Moscow

ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

16+

Рецензируемый научно-практический журнал

Том 18, № 4, 2025 г.

Концепция журнала

Исследование всех областей права. Каждый автор выявляет пробелы в рассматриваемой им области права — изъяны, создающие угрозу построению правового государства, дает научно обоснованные рекомендации по их устранению вплоть до проектов статей законодательных актов. Результаты доводятся до сведения законодательных органов страны и юридической общественности. Журнал предназначен для юристов, руководителей организаций, сотрудников правоохранительных органов, аппарата Президента РФ и территориальных органов управления, законодательных органов страны, регионов, городов, юридических факультетов и вузов.

Миссия журнала — предоставлять научно обоснованные решения актуальных юридических проблем российского общества. Способствовать формированию национально-государственной идентичности в России.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «Пробелы в российском законодательстве» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий** (<http://vak.ed.gov.ru/>), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук **по специальностям:**

- 5.1. — Юридические науки;
- 5.1.1. — Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.3. — Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
- 5.1.4. — Уголовно-правовые науки (юридические науки);
- 5.1.5. — Международно-правовые науки (юридические науки).

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Некоммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций».

Рецензирование

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный научный редактор — Абашидзе Аслан Хусейнович, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой международного права Юридического института Российского университета дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК» — Чистяков Владимир Всеволодович, профессор, г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора — Ястребова Елена Владимировна, канд. физ.-мат. наук, член-корр. РАН, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера — Павлинова Т.А.

Перевод текста — Кожалиева А.Е.

Дизайн обложки — Бородин П.А.

Журнал «Пробелы в российском законодательстве» рекомендован Юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской Академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московским государственным институтом международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, Финансовым Университетом при Правительстве РФ, Всероссийской академией внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Российским Университетом Дружбы Народов (РУДН) для публикации основных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по праву.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-46785 от 30.09.11 г. (ранее ПИ №ФС77-29502 от 13.09.2007)

ISSN

2072-3164 (print)
2310-7049 (online)

Периодичность

7 раз в год

Учредитель и издатель

«Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Типография

ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д.24, стр.5, тел. (495) 585-08-95

Адрес учредителя и издателя

121069, г. Москва, ул. Поварская, д.23А/21

Сайт

<http://www.urvak.ru>

E-Mail

urvak@urvak.ru

Телефон редакции

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Адрес редакции

121069, г. Москва, ул. Поварская, д.23А/21

Подписка и распространение

Журнал распространяется **только по подписке.**

Индекс по Каталогу «Почта России»

ПП611 «Пробелы в российском законодательстве». Свободная цена.

Агентство «Урал-Пресс», <http://www.ural-press.ru>

Тираж

250 экз. (1 завод 56 экз.) Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.

Дата выхода в свет

Бумага офсетная №1. Печ. л.
30.07.2025

GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION

Peer-reviewed journal of research and practice

Vol. 18, No. 4, 2025

Journal concept

The study of all areas of law. Each author identifies gaps in the area of law under study—flaws that create a threat to the construction of a legal state and gives scientifically based recommendations for their elimination, such as draft articles of legislative acts. The results are brought to the attention of the country's legislature and the legal community. The journal is for lawyers, heads of organizations, employees of law enforcement agencies, the apparatus of the President of the Russian Federation and territorial government bodies, legislative bodies of the country, regions, cities, law faculties and universities.

The mission of the journal is to provide scientifically based solutions to the relevant legal problems of Russian society; promote the formation of national-state identity in Russia.

In accordance with the decision of the **Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia** the journal "GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION" is included in the **List of leading peer-reviewed scientific journals and publications** in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences should be published (<http://vak.ed.gov.ru/>).

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following scientific specialty:

- 5.1. — Legal Sciences
- 5.1.1. — Theory and history law;
- 5.1.2. — Public law (state law);
- 5.1.3. — Private law (civil);
- 5.1.4. — Criminal law;
- 5.1.5. — International law.

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the Publishing House "Yur-VAK" is based on the principles formulated by the Committee on Publication Ethics and complies with the Code of Ethics for Scientific Publications of non-profit organization "Committee on the Ethics of Scientific Publications".

Peer review

All **articles** published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the Publishing House "Yur-VAK" www.urvak.ru.

Scientific Editor-in-chief—Aslan Kh. Abashidze, Dr.Sci.(Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of International law chair, Law Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Editor-in-chief—Vladimir Vs. Chistyakov, Professor, Publishing House "Yur-VAK", Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief—Elena VL. Yastrebova, Cand. Sci.(Phys.–Math.), corresponding member RANS, Publishing House "Yur-VAK", Moscow, Russian Federation

Computer layout of the number—Pavlinova T.A.

Translator—Kozhalieva A.E.

Cover Design—Borodin P.A.

The journal is published with the participation of: Lomonosov Moscow State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of economic development of the Russian Federation, RUDN University

Name of the authority that registered the publication

The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Media Registration Certificate: PI No. FS77- 46785 dated 30.09.11 (earlier PI №FS77-29502 dated 13.09.2007)

ISSN

2072-3164 (print)
2310-7049 (online)

Publication Frequency

7 times a year

Founder

"Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Printing House

ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld.5, phone: (495) 585-08-95

Web-site

<http://www.urvak.ru>

Postal address

23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Editorial address

23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

E-Mail

urvak@urvak.ru

Tel.

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Subscription

The journal is distributed by subscription only.

Index according to the catalog of the "Russian Post" agency: PP611 "GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION". Free price.

Circulation

250 copies (1 printing 56 copies). Format 60x84 1/8. Offset printing.

Offset paper No. 1 Pr. sh.

The official public release date

30.07.2025

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
«ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ»**

Главный научный редактор журнала

Абашидзе Аслан Хусейнович, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заведующий кафедрой международного права Юридического института Российского университета дружбы народов, г.Москва, РФ

**Сопредседатель редакционной коллегии журнала
«Пробелы в российском законодательстве»:**

Чистяков Владимир Всеволодович, профессор, главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК», г.Москва, РФ

**Члены редакционной коллегии журнала
«Пробелы в российском законодательстве»:**

РОССИЯ

Абдуллин Адель Ильясович, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета, г.Казань, РФ

Андреев Валерий Витальевич, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского Университета кооперации, г.Чебоксары, РФ

Березин Максим Юрьевич, д-р экон. наук, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового Университета при Правительстве РФ, г.Москва, РФ

Букалерова Людмила Александровна, д-р юрид. наук, профессор, Проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, г.Москва, РФ

Буянова Марина Олеговна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры Трудового права и права социального обеспечения НИУ «Высшая школа экономики», г.Москва, РФ

Володина Светлана Игоревна, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой адвокатуры МГЮА им.О.Е.Кутафина, Президент Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации, г.Москва, РФ

Воронов Александр Федорович, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, г.Москва, РФ

Иванов Никита Георгиевич, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии НИИ Всероссийского государственного университета юстиции, член Европейской академии права (Будапешт, Венгрия), г.Москва, РФ

Исаенко Вячеслав Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный работник прокуратуры РФ, профессор кафедры прокурорско-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета Прокуратуры России, Государственный советник юстиции 3 класса, г.Москва, РФ

Капинус Оксана Сергеевна, д-р юрид. наук, профессор, Государственный советник юстиции 2 класса, профессор Российской академии наук, г.Москва, РФ

Карелина Светлана Александровна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, МГУ им. М.В. Ломоносова, г.Москва, РФ

Ковлер Анатолий Иванович, д-р юрид. наук, профессор, зав. центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г.Москва, РФ

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Советник Директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Прави-

**THE EDITORIAL BOARD
AND THE EDITORIAL COUNCIL
OF "GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION" JOURNAL**

Scientific Editor-in-chief

Aslan Kh. Abashidze, Dr.Sci.(Law), professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of International law chair, Law Institute, RUDN University, Moscow, Russia

**Co-Chairman of the editorial board of
"Gaps in Russian legislation" journal:**

Vladimir V. Chistyakov, professor, Editor-in-chief, "Yur-VAK" Publishing house, Moscow, Russia

Members of the editorial board of "Gaps in Russian legislation" journal:

RUSSIAN FEDERATION

Adel I. Abdullin, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and European Law Department, Kazan Federal University

Valerii V. Andreev, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Honoured Cultural Worker of the Chuvash Republic, Chief Researcher, Cheboksary Cooperative Institute, Cheboksary, Russia

Maxim Yur. Berezin, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Lyudmila Aleksandr. Bukalero, Dr. Sci. (Law), Professor, Prorector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia

Marina Oleg. Buyanova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Svetlana Igor. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Advocacy of Kutafin Moscow State Law University, President of the Federal Chamber of Advocates of Russian Federation, Moscow, Russia

Alexander Fedor. Voronov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Procedure of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nikita Georg. Ivanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Research Institute of the All-Russian State University of Justice, Member of the European Academy of Law (Budapest, Hungary), Moscow, Russia

Vyacheslav Nikol. Isaenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision of Law Enforcement in Law Enforcement Intelligence Operations and Participation of the Prosecutor in the Criminal Procedure of the University of the Prosecutor's Office of Russia, Third Class State Counselor of Justice, Moscow, Russia

Oksana Serg. Kapinus, Dr. Sci. (Law), Professor, Second Class State Counselor of Justice, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana A. Karelina, Dr. Sci. (Law), Prof., Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Moscow, Russia

Anatoly Ivan. Kovler, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Foreign Law and Comparative Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Rashad A. Kurbanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Advisor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government

тельстве РФ, Директор Института правовых исследований и региональной интеграции РЭУ имени Г.В.Плеханова, г.Москва, РФ

Максимов Сергей Васильевич, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, профессор, полковник милиции, Начальник Управления лицензирования и правового обеспечения Росздравнадзора, заместитель начальника Правового управления ФАС России, директор Департамента конкурентной политики и политики в области государственных закупок Евразийской экономической комиссии, ведущий научный сотрудник

Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры Международного права Всероссийской академии внешней торговли, г.Москва, РФ

Параскевова Светлана Андреевна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета, г.Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Научный руководитель Института комплаенса и этики бизнеса ВШЮА НИУ ВШЭ; профессор кафедры публичного права ВАВТ Минэкономразвития России, г.Москва, РФ

Северин Виталий Андреевич, д-р юрид. наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, г.Москва, РФ

Тонков Евгений Евгеньевич, д-р юрид. наук, д-р пед. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, директор Юридического института ИНУ «БелГУ», г.Белгород, РФ

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, д-р юрид. наук, профессор, заведующая отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, г.Москва, РФ

Шмалый Оксана Васильевна, д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой административного и информационного права, зам. директора института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г.Москва, РФ

Эбзеев Борис Сафарович, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, член ЦИК РФ, г.Москва, РФ

Эминов Владимир Евгеньевич, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры МГЮА имени О. Е. Кутафина, г.Москва, РФ

of the Russian Federation, Director of the Institute of Legal Research and Regional Integration, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Sergey V. Maksimov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci.(Philosophy), Professor, Police Colonel, Head of the Department of licensing and legal provision of healthcare, Deputy head of Legal Department of the Federal Antimonopoly service of Russia, the Director of the Department for competition policy in the field of public procurement of the Eurasian economic Commission, leading researcher

Olga Mikhail. Meshcheryakova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Moscow, Russia

Svetlana Andrey. Paraskevova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of Law Faculty of Kuban State Agrarian University, Moscow, Russia

Vladislav Evg. Ponomorenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Director of the Institute of Compliance and Business Ethics of the Higher School of Economics; Professor, Department of Public Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vitaliy Andrey. Severin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Commercial Law and Fundamentals of Law of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Evgeny Evgen. Tonkov, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Ped.), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute of NRU "Belgorod State University", Moscow, Russia

Irina Antol. Umnova-Konyukhova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional Legal Studies of the Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, Moscow, Russia

Oksana Vasil. Shmaly, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative and Information Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Boris Safar. Ebzееv, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the CEC of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir Evgen. Eminov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА

КИТАЙ

Wang Zan—Ph.D., доцент, Юридический факультет Далянского морского университета, провинция Ляонин, г.Далянь, Китай

ГЕРМАНИЯ

Ольга Зигмунт—Ph.D по праву, доцент, Университет Фехта, г. Фехта, Германия

ТУРЦИЯ

Ünver, Yener—PhD, профессор, декан Университета Эзиегин, юридический факультет, Стамбул, Турция

ИРАК

Hunar Ameen Hasan— PhD, кандидат юридических наук, декан факультета государственного управления и рационального использования природных ресурсов, Университет Чармо, Ирак

FOREIGN EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

CHINA

Wang Zan—Ph.D. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Dalian Maritime University, Liaoning Province, Dalian, China

GERMANY

Zigmunt Olga—PhD (Law), Associate Professor, University of Vechta, Vechta, Germany

TURKEY

Ünver Yener—PhD (Law), Professor, Dean of the Eziegın University, Faculty of Law, Istanbul, Turkey

IRAQ

Hunar Ameen Hasan—PhD (Law), Dean of the Faculty of Public Administration and Rational Use of Natural Resources, Charmon University, Sulaimani Kurdistan region, Iraq

ЛИТВА

Edita Gruodyte—PhD, профессор, Заместитель декана по научным исследованиям Университета Витутаса Магнуса, юридический факультет, г. Каунас, Литва

ВЬЕТНАМ

Cao Ngoc Anh—PhD, вице-декан факультета консультирования по вопросам безопасности и лидерства Академии национальной безопасности, Ханой, Вьетнам

АЗЕРБАЙДЖАН

Велиев Исахан Вейсал оглы—д-р юрид. наук, профессор, заведующий отделом уголовного права и уголовного процесса Института права и прав человека Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Гусейнов Насир Джаваншир оглу—доктор философии по праву (Ph.D), профессор, Главное управление Внутренних Войск МВД Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан

Джафаров Азер Мамед оглы—д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Азербайджанской Республики, Государственный советник юстиции 3 класса, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, Заместитель Министра юстиции Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан

Мустафаев Мубариз Хасрат оглы—д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики и судебной экспертизы Бакинского Государственного Университета

КАЗАХСТАН

Жалыбин Сергей Михайлович—д-р юрид. наук, профессор, академик Международной академии информатизации, директор НИИ института экономики и права Костанайского социально-технического университета им. академика З.Алдамжара, г. Костанай, Казахстан

Сулейменов Майдан Кунтуарович—д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, директор НИИ частного права Каспийского государственного университета, г. Алматы, Казахстан

КЫРГЫЗСТАН

Осмоналиев Кайрат Медербекович—д-р юрид. наук, профессор, проректор Дипломатической академии МИД КР, председатель ОНС Госкомитета национальной безопасности, г. Бишкек, Кыргызстан

СЛОВЕНИЯ

Kraljić Suzana—PhD (Law), доцент, Мариборский университет, юридический факультет, Марибор, Словения

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агафонов В.Б., Барзилова И.С., Беликова К.М., Берова Дж.М., Бертковский Л.В., Винокуров А.Ю., Воскобитова Л.А., Выпханова Г.В., Горбунова О.Н., Гречкина О.В., Еремин И.И., Ершова И.В., Женетль С.З., Жаворонкова Н.Г., Жданов С.П., Зиядова Д.З., Иванов Д.В., Казакова В.А., Касумов А.М., Колиев В.В., Краснов Д.А., Кудрявцева Е.В., Кузнецов А.П., Кулешов Р.В., Курманов М.М., Лабин Д.К., Лесников Г.Ю., Летова Н.В., Линников А.С., Лопашенко Н.А., Магомедов М.Р., Мархгейм М.В., Мулукаев Р.С., Насурдинов Э.С., Павлюк А.В., Петрова Г.В., Плахотнюк В.А., Пospelов О.В., Попов А.П., Рассолов И.М., Расторопов С.В., Серебренникова А.В., Скачкова Г.С., Трунцевский Ю.В., Хатунцев О.А., Чупрова А.Ю., Шульженко Ю.Л., Шуняева В.А., Шхагапсоев З.Л.

LITHUANIA

Edita Gruodyte—PhD (Law), Professor, Deputy Dean for Research, Vytautas Magnus University, Faculty of Law, Kaunas, Lithuania

VIETNAM

Cao Ngoc Anh—PhD, Lecturer, Vice Dean of the Security and Leadership Advisory Department, People's Security Academy, Hanoi, Vietnam

REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Isahan V. o. Veliyev—Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Nasir Javanshir oglu Huseynov—PhD (Law), Professor, Main Directorate of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Azer Mammad oglu Jafarov—Dr. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Republic of Azerbaijan, Third Class State Counselor of Justice, member of the Judicial-Legal Council of the Republic of Azerbaijan, Deputy Minister of Justice of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Mubariz Nusrat oglu Mustafayev—Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminalistics and Forensics of Baku State University

THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Sergey M. Zhalybin—Dr. Sci. (Law), Professor, Academician of the International Academy of Informatization, Director of the Research Institute of the Institute of Economics and Law of Kostanai Social-Technical University named after academician Z. Aldamzhar, Kosta-nay, Kazakhstan

Maidan Kuntuar. Suleimenov—Dr. Sci. (Law), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the Research Institute of Private Law of the Caspian Public University Almaty, Kazakhstan

KYRGYZSTAN

Kairat Mederbek. Osmonaliev—Dr. Sci. (Law), Professor, Prorector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Chairman of the PSB of the State Committee for National Security, Bishkek, Kyrgyzstan

SLOVENIA

KRALJIĆ Suzana—PhD (Law), Associate Professor, University of Maribor, Law Faculty, Maribor, Slovenia

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL:

Agafonov V.B., Barzilova I.S., Belikova K.M., Berova Dzh.M., Bertovskij L.V., Vinokurov A.YU., Voskobitova L.A., Vyphanova G.V., Gorbunova O.N., Grechkina O.V., Eremin I.I., Ershova I.V., ZHenetl' S.Z., ZHavoronkova N.G., ZHdanov S.P., Ziyadova D.Z., Ivanov D.V., Kazakova V.A., Kasumov A.M., Koliev V.V., Krasnov D.A., Kudryavceva E.V., Kuznecov A.P., Kuleshov R.V., Kurmanov M.M., Labin D.K., Lesnikov G.YU., Letova N.V., Linnikov A.S., Lopashenko N.A., Magomedov M.R., Marhgejm M.V., Mulukaev R.S., Nasuridinov E.S., Pavlyuk A.V., Petrova G.V., Plahotnyuk V.A., Pospelov O.V., Popov A.P., Rassolov I.M., Rastoropov S.V., Serebrennikova A.V., Skachkova G.S., Truncevskij YU.V., Hatuncev O.A., CHuprova A.YU., SHul'zhenko YU.L., Shunyaeva V.A., SHkhagapsoev Z.L.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ИНСТИТУТОМ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ.....	11
<i>БАЙДАРОВА М.А., канд. юрид. наук, ФОМИН В.В.</i>	

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМУЛЯТОРОВ ВОЖДЕНИЯ НА КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ КАНДИДАТОВ В ВОДИТЕЛИ.....	19
<i>ТАРАСОВ А.Ю., канд. юрид. наук, доцент, ТАРАСОВА И.А., канд. юрид. наук, доцент</i>	

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ.....	24
<i>СЕВЕРИН В.А., д-р юрид. наук</i>	

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В СИСТЕМУ ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	34
<i>КРОХИНА Ю.А., д-р юрид. наук, профессор, МАХУ В.Ф.</i>	

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ.....	42
<i>ГАЗИМАГОМЕДОВА Н.А.</i>	

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВЫЕ НОВАЦИИ.....	53
<i>ВОЛКОВА Е.И., канд. юрид. наук, ХАПСИРОВА Е.А., канд. юрид. наук, доцент</i>	

СОГЛАШЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.....	60
<i>УШАКОВ Р.М.</i>	

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС БАНКА РОССИИ КАК ОПЕРАТОРА ПЛАТФОРМЫ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ.....	67
<i>НЕДРОВ А.А.</i>	

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА ЧЕРЕЗ SMM-ПРОДВИЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ.....	76
<i>СЛОБОДЯНИН И.Д.</i>	

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

О КОНКУРСНОМ КОНТРОЛЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ПРЕДПРИЯТИЙ.....	83
<i>БЕЛИКОВА К.М., д-р юрид. наук, профессор</i>	

СИСТЕМА ВЕЩНЫХ ПРАВ: О ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТАХ ПОСТРОЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	97
<i>РЯБЗИН Р.А., канд. юрид. наук</i>	

ЦИФРОВОЙ ГОСПЛАН: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ, ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ, НЕОБХОДИМОСТЬ МАКЕТИРОВАНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	105
<i>БЕЛИКОВА К.М., д-р юрид. наук, профессор</i>	

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	113
<i>САВИН В.Т., канд. юрид. наук, доцент, САВИН С.В., канд. юрид. наук</i>	

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК» ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ ОТМЕНЫ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ.....	120
<i>ЛЯМПОРТ А.А.</i>	

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА) В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	127
<i>БАШЛУЕВА Н.Н., канд. пед. наук, доцент</i>	

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 282.3 УК РФ.....	133
<i>КАМЕНЕВА А.Н., канд. юрид. наук, доцент, КОЛОКОЛОВА М.В.</i>	

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КИБЕРПРЕСТУПНИКА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	138
<i>БАШЛУЕВА Н.Н., канд. пед. наук, доцент, БАШЛУЕВА М.А., канд. пед. наук, АКВИТ В.С.</i>	

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМ ОСМЫСЛЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.....	143
<i>ШХАГАПСОВ З.Л., д-р юрид. наук, профессор</i>	

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ РФ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЕГО ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В ПЕРИОД 2014–2024 ГОДОВ.....	150
<i>ХАЛИПОВ С.В., канд. юрид. наук, доцент, АГАПОВ А.Ю.</i>	

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ», «ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ» ИЛИ «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДАННЫЕ».....	162
<i>ГОНЧАРОВА Н.Н., канд. юрид. наук, ДЯТЛОВА Е.В.</i>	

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР В ЕС И В ЕАЭС.....	169
<i>АСТАПЕНКО И.В.</i>	

СВЕДЕНИЯ О СОСТАВЕ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДСОВЕТА ЖУРНАЛА «ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ».....	177
---	-----

О ЖУРНАЛЕ. ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ СТАТЕЙ, ПОСТУПАЮЩИХ В ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЮР-ВАК» (В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ») ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ. ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ. ТРЕБОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ НА ПУБЛИКАЦИЮ.....	179
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

TECHNOLOGIES OF LEGAL EDUCATION OF YOUTH IMPLEMENTED BY THE INSTITUTE OF HUMAN RIGHTS COMMISSIONERS IN THE RUSSIAN FEDERATION	11
<i>M. A. BAIDAROVA, Cand. Sci. (Law), V. V. FOMIN</i>	

IMPACT OF THE USE OF DRIVING SIMULATORS ON THE QUALITY OF DRIVER CANDIDATE TRAINING	19
<i>A. YU. TARASOV, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., I. A. TARASOVA, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof.</i>	

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

DIGITAL TRANSFORMATION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE INFORMATION SPHERE	24
<i>V. A. SEVERIN, Dr. Sci. (Law)</i>	

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTEGRATING DIGITAL CURRENCIES INTO THE MONETARY RELATIONS SYSTEM	34
<i>Y. A. KROKHINA, Dr. Sci. (Law), Prof., V. F. MAKHU</i>	

HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS, LEGISLATIVE GAPS AND REMEDIAL MEASURES	42
<i>N. A. GAZIMAGOMEDOVA</i>	

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY: THE EVOLUTION OF LEGISLATION AND LEGAL INNOVATIONS	53
<i>H. A. KHAPSIROKOVA, Cand. Sci. (Law), A. Prof., H. I. VOLKOVA, Cand. Sci. (Law)</i>	

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AGREEMENT AS A TYPE OF ADMINISTRATIVE CONTRACT: CONCEPTUAL FOUNDATIONS	60
<i>R. M. USHAKOV</i>	

PUBLIC LAW STATUS OF THE BANK OF RUSSIA AS THE OPERATOR OF THE DIGITAL RUBLE PLATFORM	67
<i>A. A. NEDROV</i>	

DIGITAL LAW: STRATEGIES FOR PROMOTING LEGAL EDUCATION PROGRAMS IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA	76
<i>I. D. SLOBODYANIN</i>	

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

ON THE CONTROL OF THE ADMINISTRATION OF INSOLVENCY PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF BANKRUPTCY OF ENTERPRISES	83
<i>K. M. BELIKOVA, Dr. Sci. (Law), Prof.</i>	

THE SYSTEM OF PROPERTY RIGHTS: POSSIBLE OPTIONS FOR COMPOSITION AT THE CURRENT STAGE OF CIVIL LEGISLATION DEVELOPMENT	97
<i>R. A. RYABZIN, Cand. Sci. (Law)</i>	

DIGITAL STATE PLAN ("GOSPLAN"): KEY PARAMETERS, APPROACHES TO LEGAL REGULATION, THE NEED FOR MODELING, CHALLENGES AND PROSPECTS.....	105
<i>K. M. BELIKOVA, Dr. Sci. (Law), Prof.</i>	

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR FOR VIOLATION OF LABOR LEGISLATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS.....	113
<i>V. T. SAVIN, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., S. V. SAVIN, Cand. Sci. (Law)</i>	

THE CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONCEPT OF "PUBLIC POLICY" FOR THE PURPOSES OF ENFORCING OR CANCELLING AN ARBITRAL AWARD.....	120
<i>A. A. LYAMPORT</i>	

CRIMINAL LAW SCIENCES

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES (ARTIFICIAL INTELLIGENCE) IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES.....	127
<i>N. N. BASLUEVA, Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.</i>	

FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITY: THE FEATURES OF THE ACTUS REUS OF THE 282.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	133
<i>A. N. KAMENEVA, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., M. V. KOLOKOLOVA</i>	

CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A CYBERCRIMINAL: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE.....	138
<i>N. N. BASLUEVA, Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., M. A. BASHLUEVA, Cand. Sci. (Ped.), V. S. AKVIT</i>	

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE FEATURES OF ENSURING EXTERNAL SECURITY IN THE CONTEXT OF COUNTERING CRIME	143
<i>Z. L. SHKHAGAPSOEV, Dr. Sci. (Law), Prof.</i>	

EXPORT CONTROL OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CHANGES IN ITS LEGAL REGULATION IN THE PERIOD 2014–2024 YEARS.....	150
<i>S. V. KHALIPOV, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., A. YU. AGAPOV</i>	

LEGAL CONFLICTS IN THE DEFINITION OF THE CONCEPTS OF "COMPUTER INFORMATION", "DIGITAL INFORMATION" OR "ELECTRONIC DATA".....	162
<i>N. N. GONCHAROVA, Cand. Sci. (Law), E. V. DYATLOVA</i>	

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LAW-MAKING PROCEDURES IN THE EU AND THE EAEU	169
<i>I. V. ASTAPENKO</i>	

"GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION" EDITORS' BOARD DETAILED INFORMATION.....	177
--	-----

ABOUT THE "GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION" JOURNAL. REVIEWING RULES. AUTHORS' RIGHTS AND OBLIGATIONS. REQUIREMENTS FOR PUBLICATIONS.....	179
---	-----

5.1.1.

Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)

Theoretical and Historical Legal Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-11-18

УДК: 342

ГРНТИ: 10.27.01

EDN: PVHVCL

Технологии правового просвещения молодежи, реализуемые институтом Уполномоченных по правам человека в РФ

© Байдарова Марина Александровна^{1,a}

© Фомин Владимир Владимирович^{1,2,b}

¹ Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

² Молодежный Совет при Уполномоченном по правам человека в Пензенской области, г. Пенза, Российская Федерация

^a fetisowa.marina2010@yandex.ru

^b fominvv18@mail.ru

Аннотация: Цель исследования. Актуальность исследования обусловлена стратегической важностью молодежной политики, отмеченной на высшем уровне, тревожной статистикой правонарушений среди молодежи и необходимостью формирования устойчивого правосознания в условиях цифровой трансформации. Целью настоящего исследования является анализ технологии правового просвещения молодежи, реализуемой институтом Уполномоченных по правам человека (УПЧ) в Российской Федерации, и разработка конкретных предложений по его модернизации. **Выводы.** Выводы исследования подтверждают значимость правового просвещения молодежи, а также указывают на важность УПЧ как субъекта данной системы. Одним из элементов технологии правового просвещения молодежи в деятельности УПЧ выступает Молодежный совет при УПЧ, выступающий уникальным каналом прямого диалога между омбудсменами и молодежью. Однако эффективность текущей технологии требует существенных изменений. Для этого необходимо расширение сети Молодежных советов на все регионы РФ, обеспечение их деятельности прочной законодательной базой через внесение соответствующих поправок в федеральные законы об УПЧ, а также активная цифровизация взаимодействия путем создания специализированной онлайн-платформы для повышения прозрачности и вовлеченности. Системная интеграция советов в правозащитную и просветительскую работу, включая мониторинг нарушений и образовательные инициативы, значительно усилит профилактику правонарушений и будет способствовать достижению целей не только института УПЧ, но и государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, Молодежный совет при УПЧ, молодежь, правовое просвещение (молодежи), технология правового просвещения (молодежи), Уполномоченный по правам человека

Для цитирования: Байдарова М.А., Фомин В.В. Технологии правового просвещения молодежи, реализуемые институтом Уполномоченных по правам человека в РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 11–18. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-11-18. EDN: PVHVCL

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-11-18

Technologies of Legal Education of Youth Implemented by the Institute of Human Rights Commissioners in the Russian Federation

© Marina A. Baidarova^{1,a}

© Vladimir V. Fomin^{1,2,b}

¹ Penza State University, Penza, Russian Federation

² Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Penza Region, Penza, Russian Federation

^a fetisowa.marina2010@yandex.ru

^b fominvv18@mail.ru

Annotation: *The purpose of the research.* The relevance of the research is conditioned by the strategic importance of youth policy, noted at the highest level, alarming statistics of offenses among youth, and the need to form sustainable legal awareness in the context of digital transformation. *The purpose of this research is to analyze the technology of legal awareness-raising for youth, implemented by the Institution of Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, and to develop specific proposals for modernization. Conclusions.* The conclusions of the research confirm that legal awareness-raising serves not only as a guarantee of the observance of the rights and freedoms of the young generation but also as a key tool for the prevention of unlawful behavior. At the same time, an extremely effective tool for the legal awareness-raising of youth is the Youth Council under the Commissioner for Human Rights, building a unique channel of direct dialogue between ombudspersons and youth. However, the effectiveness of the current technology requires significant changes. For this, it is necessary to expand the network of Youth Councils to all regions of the Russian Federation, ensure their activities with a solid legislative basis through the introduction of relevant amendments to federal laws on the Commissioner for Human Rights, as well as actively digitalize interaction by creating a specialized online platform to increase transparency and involvement. The systemic integration of the councils into human rights protection and educational work, including monitoring of violations and educational initiatives, will significantly strengthen the prevention of offenses and will contribute to achieving the goals not only of the Commissioner for Human Rights institution but also of state youth policy.

Keywords: youth policy, Youth Council under the Commissioner for Human Rights, youth, legal education (youth), technology of legal education (youth), Commissioner for Human Rights

For citation: Baidarova M.A., Fomin V.V. Technologies of Legal Education of Youth Implemented by the Institute of Human Rights Commissioners in the Russian Federation. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 11–18. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-11-18. EDN: PVHVCL

ВВЕДЕНИЕ

Президент России еще в 2022 году на заседании Государственного Совета Российской Федерации подчеркнул, что молодежная политика является стратегической темой, тем самым отметив ценность развития и просвещения молодого поколения для реализации национальных целей страны, которые кристаллизуются уже сегодня [Фомин, 2025: 103]. В условиях прогрессивного технологического роста, открытого информационного пространства [Баранов, Кабанов 2024: 17], периода трансформации современного миропорядка, появления радикальных и экстремистских настроений вопросы просвещения молодежи приобретают особое концептуальное содержание.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее по тексту—УПЧ)¹ Т.Н. Москаль-

кова неоднократно в своих докладах акцентировала внимание на вопросах просвещения молодежи². Просвещение молодого поколения сегодня выступает важным стратегическим приоритетом страны, поскольку оказывает воздействие на формирование мировоззрения молодых людей, способствует снижению уровня преступности и гармоничному развитию личности. Более того, просвещение молодежи играет решающую роль в формировании нравственно зрелого человека, способного осознанно делать выбор легитимного способа достижения своих целей и установок, понимать юридически значимые последствия своего поведения, выраженного как в действии, так и в бездействии.

Правовое просвещение и информирование россий-

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

² Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации. Москалькова Т.Н. объяснила важность курса правового воспитания в заведениях СПО // Электронный ресурс].—Режим доступа: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20230327/308780091.html (дата обращения: 05.05.2025 г.)

ских граждан осуществляется субъектами государственной системы бесплатной юридической помощи, среди которых законодатель выделяет как УПЧ в России, так и УПЧ в субъектах Российской Федерации (ч. 1 ст. 15)³. Институт УПЧ является важной основой [Иссабекова, 2024: 17], позволяющей гарантировать необходимое единообразие подходов в обеспечении прав человека и правозащитной деятельности на всей территории Российской Федерации [Костин, Тыртышный, Касс, 2020].

На сегодняшний день молодежь представляет собой не только некоторую социально-демографическую группу⁴, стратифицирующуюся по возрастным данным, интересам, ценностям и особенностям, но и основу гражданского общества, составляющую трудовой и социальный потенциал общественного развития нашей страны. Только по данным «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года»⁵ (далее по тексту—Стратегии) ожидается, что к 2030 году общая численность молодежи (в возрасте от 14 до 24 лет) увеличится примерно на 2,7 млн человек.

Примечательно отметить, что обилие информационного потока в реалиях современной действительности оказывает не только прорывное влияние на развитие общественных отношений, но и в ряде случаев деструктивное воздействие на наиболее уязвимые категории, к которым следует относить и молодежь⁶. Только по официальным данным МВД Российской Федерации в 2024 году 74% нарушения закона были совершены учащимися и студентами, причем 4 тысячи—ранее совершали общественно опасные деяния, а 1,5 тысячи—уже были судимы.

Указанное позволяет констатировать, что просвещение следует рассматривать не только как гарантию соблюдения прав и свобод молодежи, но и как профилактику от противоправного поведения. В сфере молодежной политики среди актуальных вопросов, связанных с государственной и общественной безопасностью, пока еще остается «слабость» действующей системы просвещения. Ввиду чего одним из приоритетных направлений указанной выше Стратегии выступает правовое просвещение и информационная защита молодежи [Москалькова, Панова, 2022].

В связи с чем консолидация усилий различных органов власти как федерального, так и регионального уровня, органов местного самоуправления, а также УПЧ (в Российской Федерации, в соответствующем субъекте РФ) [Петракова, Безруков, 2024: 127] по вы-

работке, реализации и оптимизации государственной молодежной политике [Дмитриев, Султанов, 2024: 56–57] сегодня векторно направлена на молодого человека, молодежь.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПЧ

Правовое просвещение УПЧ (технология данного направления профессиональной деятельности) реализуется не только в рамках работы с обращениями граждан, а также личных приемов, но и в рамках взаимодействия с представителями Молодежного совета при УПЧ.

Переходя к рассмотрению категории «технология правового просвещения» молодежи УПЧ, следует обратиться к мнениям ученых о понимании дефиниции «юридической технологии». По мнению Н.А. Власенко, юридическая технология представляет собой основанную на прогнозах систему интеллектуальных и внешне выраженных юридически значимых действий (и операций), направленных на результат (эффект) юридической деятельности [Власенко, 2001: 7–8]. В.М. Баранов под юридической технологией понимает некоторую общность принципов, приемов и процедур формирования и реализации всех видов юридической практики [Баранов, 2000: 13]. Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что **технология правового просвещения молодежи в деятельности УПЧ**—это комплексная система мероприятий, приемов, способов и методов, направленная на взаимодействие с молодым поколением, выражающаяся в повышении уровня их правовой грамотности, обеспечении доступности юридических знаний, формировании культуры уважения прав и свобод личности. Целями указанной технологии УПЧ являются:

1. информирование о правах и обязанностях;
2. содействие защите нарушенных прав (и профилактика от возможных нарушений);
3. совершенствование законодательства.

Эффективность разработки и внедрения в правовое (например, региональное) пространство системообразующей технологии правового просвещения молодежи правовыми средствами (инструментами) УПЧ во многом будет зависеть не только от степени развития правотворчества, уровня правосознания, профессиональных и личностных качеств УПЧ, но и от прогнозирования результативности конкретных мероприятий (форумов, турниров, лекций и т.д.), уровня их восприятия, а также заинтересованности в них молодежи.

Среди ключевых просветительских средств [Байдарава, Фомин, 2025] УПЧ целесообразно выделять следующие: информационно-просветительская деятельность, консультативная помощь, мониторинг соблюдения прав и свобод молодежи, правовая защита, профилактика правонарушений.

Тем не менее, необходимо отметить, что действующая технология правового просвещения УПЧ неидеальна и нуждается в изменениях. Для повышения её эффективности видится необходимым осуществление следующих преобразований.

³ Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. №48. Ст. 6725.

⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.

⁶ Официальный сайт Сетевого издания РИА Новости. Президент Российской Федерации Путин В.В. назвал молодежь наиболее уязвимой категорией для экстремистов // [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://ria.ru/20250505/tramp-2015159010.html> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ
ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ УПЧ

Во-первых, говоря о предложениях в области правового просвещения молодежи, следует отметить, что расширение и укрепление взаимодействия между институтом УПЧ и представителями молодежи видится не только через конструктивную, спланированную работу в сфере молодежной политики, но и через создание Молодежных советов в каждом субъекте Российской Федерации, так как на данный момент рассматриваемые институты функционируют лишь в 45 регионах⁷.

Первый Молодежный совет при УПЧ был сформирован в 2021 году при поддержке УПЧ РФ Т.Н. Москальковой. Указанный консультативно-коллективный орган за период своего развития и функционирования зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны [Будзишвили, 2022: 63–64].

Сегодня предельно ясно, что деятельность Молодежных советов при УПЧ в субъектах РФ—это не просто очередная институционально-организационная мера, а формирование принципиально важного коммуникационного «мостика» между омбудсменами и обществом молодежи, соединяющего и вбирающего в себя лучшие практики по просветительскому и правозащитному направлению в условиях интенсивной цифровизации [Баранов, Васяев, Зуева, 2025: 15–16] складывающихся правоотношений [Суменков, Осипов, 2024: 275]. Указанный совет призван обеспечить непрерывный, прямой и содержательный диалог между аппаратом УПЧ и представителями молодежи.

Следует отметить, что в Пензенской области Молодежный совет появился относительно недавно. Данный институт был создан в 2024 году, но за этот небольшой период времени его члены проделали значительную работу [Фомин, 2025: 104]. Так, члены Молодежного совета приняли участие в ежегодной акции-Всероссийский единый урок «Права человека», проведенной в учебно-образовательных учреждениях г. Пензы и Пензенской области с охватом более 350 школьников и студентов, в Международном молодежном юридическом форуме «Экстремизму—отпор!» на базе Пензенского государственного университета с участием представителей правоохранительных органов, религиозных конфессий, политических и общественных организаций, активно взаимодействовали с волонтерами Общероссийского общественного движения «Народный фронт» в рамках гуманитарной акции по оказанию помощи для жителей Курской области.

Анализ деятельности Молодежных советов при УПЧ (в том числе и в Пензенской области) позволил прийти к выводу, что значение данного органа в контексте функционирования института УПЧ велико.

Как было сказано ранее, рассматриваемый Молодежный совет обеспечивает высокий уровень координационного взаимодействия между УПЧ и молодежью, что позволяет омбудсменам не только знать и располагать

данными по поступающей оперативной информации в рамках конкретных проблем, но и работать на опережение, принимая упреждающие меры и управленческие решения по тем или иным вопросам.

Представители молодого поколения, являющиеся членами данного совета, имеют уникальную возможность прочувствовать слаженную работу, пройти профессионально-ориентированную подготовку, изучить и проникнуться в особенности взаимодействия и сотрудничества с УПЧ как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Так, члены Молодежного совета могут напрямую задавать УПЧ (например, по конкретному субъекту) интересующие вопросы, получать актуальную информацию об имеющихся правах и обязанностях, наблюдать и включаться в работу аппарата УПЧ. Тем самым, члены Молодежного совета расширяют собственные правовые знания и профессиональные навыки, что позволяет сформировать зрелый уровень правосознания и правовой культуры. Фактически, УПЧ проводит очень важную воспитательную работу с молодежью.

С другой стороны, Молодежный совет также активно помогает реализации профессиональных задач, стоящих перед УПЧ, тем самым повышая эффективность его деятельности по направлениям правозащитной работы, а также правового просвещения и образования. Например, его члены проводят активную профилактическую работу с обучающимися образовательных учреждений, осуществляют мониторинг состояния законности в сфере обеспечения прав и законных интересов молодежи, сотрудничают с институтами гражданского общества и студенческими объединениями, а также осуществляют комплекс иных мероприятий.

Безусловно, УПЧ должен активно взаимодействовать с населением, однако сфера его деятельности настолько многогранна и уникальна, что не всегда позволяет «помочь» всем без исключения субъектам, например, тем лицам, которые умалчивают и не заявляют УПЧ о своей проблеме по каким-либо личным и иным причинам. Молодежный совет, проводя регулярные лекции, семинары, игровые занятия, способствует решению указанной проблемы.

Важно обратить внимание и на то, что данный институт, состоящий из лиц, отличающихся по возрастному, имущественному, половому, а также иным признакам, является так называемым «индикатором» высвечивания проблем. Резюмируя, считаем важным отметить, что УПЧ как самостоятельно, так и посредством аппарата УПЧ взаимодействует с членами Молодежного совета, а потому имеет возможность своевременно узнавать об имеющихся трудностях в той или иной области и оперативно их решать.

Во-вторых, в целях повышения вовлечения молодых граждан в правовое просвещение считаем необходимым создать электронный сайт [Суменков, Апкаев, 2023: 35], аккумулирующий не только общую информацию о целях и задачах данного совета, его составе, прошедших заседаниях, но и в целом, повышающий прозрачность его деятельности за счет открытого диалога между молодежью, органами власти и правозащитными образованиями.

Деятельность Молодежного совета имеет важное значение не только в рамках функционирования ин-

⁷ Москалькова Т.Н. высоко оценила потенциал молодежных советов при омбудсменах | Российское агентство правовой и судебной информации—РАПСИ // [Электронный ресурс].—Режим доступа: https://rapsinews.ru/incident_news/20250310/310691756.html (дата обращения: 05.05.2025 г.).

ститута УПЧ, но и в контексте проведения молодежной политики нашей страны. Считаем необходимым расширять количественный состав данного института, однако сделать указанное весьма проблематично, не имея многофункциональной цифровой платформы (со встроенными (отдельными) функциями ИИ (искусственного интеллекта)) [Барзилова, 2022: 366–367].

В контексте изложенного, следует обратить внимание на то, что зачастую человек занимает пассивную гражданскую позицию не потому, что не хотел бы участвовать в общественных мероприятиях, а ввиду низкой информативной среды, доступности качественного телекоммуникационного контента о подобных правозащитных и просветительских организациях или непонимания целей и задач их деятельности.

В-третьих, следует включить в Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», а также Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ отдельные статьи о Молодежном совете при Уполномоченном по правам человека. Предлагаем изложить данные предложения в следующей редакции.

Статья 42.

При Уполномоченном в целях осуществления деятельности по защите прав, свобод и законных интересов молодежи, формирования гражданского общества, развития молодежного участия в просвещении и информировании молодежи, привлечения молодых граждан к правозащитной деятельности создается Молодежный совет при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Статья 20. Молодежный совет при Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации.

1. При Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации в целях осуществления деятельности по защите прав, свобод и законных интересов молодежи, формирования гражданского общества, развития молодежного участия в просвещении и информировании молодежи, привлечения молодых граждан к правозащитной деятельности создается Молодежный совет при Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации.

2. Молодежный совет при Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации состоит из его членов. Членом совета может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет.

3. Положение о Молодежном совете при Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации утверждается Уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации.

4. Финансирование деятельности Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета Российской Федерации.

Реализация данных законодательных инициатив по закреплению статуса Молодежных советов на федеральном и региональном уровнях не только нормативно регламентирует и формализует правовые основы

их деятельности, но и станет мощным катализатором для развития технологии правового просвещения молодежи. Придание данным Молодежным советам легитимного статуса напрямую усилит институт УПЧ в его просветительской миссии.

ВЫВОДЫ

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

- молодежная политика в России имеет стратегическое значение, а одним из важнейших ее направлений является правовое просвещение;
- правовое просвещение представляет собой не только гарантию соблюдения прав и свобод молодежи, но и профилактику от противоправного поведения;
- УПЧ является одним из субъектов правового просвещения, реализуя данную функцию посредством работы с обращениями граждан, проведения личных приемов, а также взаимодействия с представителями Молодежного совета при УПЧ;
- технология правового просвещения молодежи в деятельности УПЧ представляет собой комплексную систему мероприятий, приемов, способов и методов, направленную на взаимодействие с молодым поколением, выражающуюся в повышении уровня их правовой грамотности, обеспечении доступности юридических знаний, формировании культуры уважения прав и свобод личности, а ее целями являются информирование о правах и обязанностях, содействие защите нарушенных прав, а также совершенствование законодательства;
- Молодежный совет при УПЧ способствует реализации правового просвещения молодежи, ввиду чего видится актуальной модернизация технологии правового просвещения молодежи УПЧ посредством преобразований, связанных с функционированием данного института.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, технология правового просвещения в деятельности УПЧ играет магистральную роль в формировании гражданского общества, обеспечения законности и правопорядка, защите прав, свобод и законных интересов каждого гражданина, повышения общего уровня социальной устойчивости и справедливости в стране. Только спроецированная технология просвещения молодежи в деятельности УПЧ позволит добиться высоких показателей в просвещении, существенно уменьшить число правонарушений среди молодежи, повысить уровень общественной безопасности.

Особую роль в решении указанного вопроса выполняет Молодежный совет при УПЧ. Именно поэтому необходимо способствовать развитию и популяризации данного института в различных направлениях. От того насколько выверенно и точно будет развиваться российское законодательство, регулирующее вопросы оптимизации профессиональной деятельности УПЧ, во многом зависит и эффективность проводимой в Российской Федерации национальной молодежной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдарова М. А., Фомин В.В. Юридически значимые последствия в деятельности Уполномоченного по правам человека: теоретические и практические аспекты / М.А. Байдарова, В.В. Фомин // Евразийский юридический журнал. 2025. №. 4 (203). С. 69–72. DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-69-72.
2. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2000. 823 с.
3. Баранов В. М., Васяев А. А., Зуева Ю.В. Цифровая трансформация правозащитной деятельности / В.М. Баранов, А.А. Васяев, Ю.В. Зуева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1. №. 69. С. 13–21. EDN: BGHLJU.
4. Баранов В. М., Кабанов П. А. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России / В.М. Баранов, П.А. Кабанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. №. 2 (66). С. 16–28. EDN: JHNOXR. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-2-16-28.
5. Барзилова И.С. Защита прав человека в условиях цифровой трансформации российской правовой системы / И.С. Барзилова // Права человека и политика в XXI в.: перспективы и вызовы. Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов. Издательство: «Саратовский источник». 2022. С. 364–378. EDN: JFECRM.
6. Будзишвили Ц.З. Конституционно-правовой статус Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации / Ц.З. Будзишвили // Образование и право. 2022. №. 12. С. 62–66. EDN: DBYOII. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-12-62-66.
7. Власенко Н.А. Законодательная технология: теория, опыт, правила. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания. 2001. 142 с. ISBN: 5-7424-0798-X.
8. Дмитриев А. Г., Султанов Р. С. О новом определении молодежной политики и молодежной политики в образовательных организациях / А.Г. Дмитриев, Р.С. Султанов // Вестник академии. 2024. №. 2. С. 53–62. EDN: DGWMHK. DOI: 10.51409/v.a.2024.06.01.00.
9. Костин С. А., Тыртышный А. А., Касс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий / С.А. Костин, А.А. Тыртышный, К.Г. Касс // Конституционное и муниципальное право. 2020. №. 7. С. 55–61. EDN: XUKOVT. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-55-61.
10. Москалькова Т. Н., Панова И.В. Защита прав человека главная задача государства / Т.Н. Москалькова, И.В. Панова // Публичное право сегодня. 2022. №. 2 (12). С. 6–19. EDN: UELOCQ. DOI: 10.24411/2541-8440-2022-2-0001.
11. Петракова А. С., Безруков Я.В. Вопросы оптимизации отдельных правовых аспектов деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / А.С. Петракова, Я.В. Безруков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.

REFERENCES

1. Baidarova M. A., Fomin V.V. Legally Significant Consequences in the Activities of the Human Rights Commissioner: Theoretical and Practical Aspects. M.A. Baidarova, V.V. Fomin. *Eurasian Law Journal*. 2025. No. 4. Pp. 69–72. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-4-203-69-72. (in Rus.).
2. Baranov V.M. Foreword. Problems of Legal Technique: Collection of Articles. 2000. 823 p. Nizhny Novgorod.
3. Baranov V. M., Vasiaev A. A., Zueva J.V. Digital Transformation of Human Rights Activities. V.M. Baranov, A.A. Vasiaev, J.V. Zueva. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 1 (69), Pp. 13–21. EDN: BGHLJU. (in Rus.).
4. Baranov V. M., Kabanov P.A. On New Directions of Doctrinal Research on Combating Corruption in Modern Russia. V.M. Baranov, P.A. Kabanov. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2 (66). Pp. 16–28. EDN: JHNOXR. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-2-16-28. (in Rus.).
5. Barzilova I.S. Protection of Human Rights in the Context of the Digital Transformation of the Russian Legal System. I.S. Barzilova. *Human Rights and Politics in the 21st Century: Prospects and Challenges. Collection of Scientific Papers following the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation*. Publisher: "Saratov Source". 2022. Pp. 364–378. EDN: JFECRM.
6. Budzishvili Ts. Z. Constitutional and Legal Status of the Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. Ts. Z. Budzishvili. *Education and Law*. 2022. No. (12). Pp. 62–66. EDN: DBYOII. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-12-62-66. (in Rus.).
7. Vlasenko N.A. Legislative Technology: Theory, Experience, Rules. Irkutsk: Vost.-Sib. izd. kompaniya. 2001. 142 p. ISBN: 5-7424-0798-X.
8. Dmitriev A. G., Sultanov R.S. On the New Definition of Youth Policy and Youth Policy in Educational Organizations. A.G. Dmitriev, R.S. Sultanov. *Bulletin of the Academy*. 2024. No. (2). Pp. 53–62. EDN: DGWMHK. DOI: 10.51409/v.a.2024.06.01.00. (in Rus.).
9. Kostin S. A., Tyrtshnyi A. A., Kass K.G. Modern Approaches to Legal Education of Youth in the Russian Federation: Experience in Implementing Project Technologies. S.A. Kostin, A.A. Tyrtshnyi, K.G. Kass. *Constitutional and Municipal Law*. 2020. No. (7). Pp. 55–61. EDN: XUKOVT. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-55-61. (in Rus.).
10. Moskalkova T. N., Panova I. V. Protection of Human Rights as the State's Primary Task. T.N. Moskalkova, I.V. Panova. *Public Law Today*. 2022. No. 2 (12). Pp. 6–19. EDN: UELOCQ. DOI: 10.24411/2541-8440-2022-2-0001. (in Rus.).
11. Petrakova A. S., Bezrukov Y.V. Issues of Optimizing Certain Legal Aspects of the Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. A.S. Petrakova, Y.V. Bezrukov. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024. No. 4–3 (91). Pp. 126–130. EDN: NOXMZF. DOI: 10.2

2024. №. 4–3 (91). С. 126–130. EDN: NOXMZF. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-3-12-130.
12. Суменков С. Ю., Апкаев Д.М. Правовое регулирование информационных технологий / С.Ю. Суменков, Д.М. Апкаев // Государство, право и общество: актуальные проблемы и современные вызовы. Сборник научных статей. Владимир, Издательство Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2023. С. 34–42. EDN: HWVXYX.
13. Суменков С. Ю., Осипов Р. А. Правовое просвещение в условиях цифровизации общественных отношений / С.Ю. Суменков, Р.А. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. №. 4. С. 267–277. EDN: VGFXID. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-267-277.
14. Фомин В. В. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Пензенской области в 2024 году. Пенза: ИП Симанова Е.А., 2025. 122 с.
15. Иссабекова, В. С. Институт уполномоченного по правам человека: история, современность, перспективы / В.С. Иссабекова // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2024. №. 4 (116). С. 16–24. EDN: DJOHRX. DOI: 10.31489/2024L4/16-24.
- 4412/2500-1000-2024-4-3-126-130. (in Rus.).
12. Sumenkov S. Y., Apkaev D. M. Legal Regulation of Information Technologies. S.Y. Sumenkov, D.M. Apkaev. State, Law and Society: Current Problems and Modern Challenges. 2023. Collection of Scientific Articles (Pp. 34–42). Vladimir: Vladimir Juridical Institute of the Federal Penitentiary Service Publishing House. EDN: HWVXYX.
13. Sumenkov S. Y., Osipov R. A. Legal Education in the Context of Digitalization of Social Relations. S.Y. Sumenkov, R.A. Osipov. *Legal Policy and Legal Life*. 2024. No. (4). P.p 267–277. EDN: VGFXID. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-267-277. (in Rus.).
14. Fomin V. V. Report on the Activities of the Commissioner for Human Rights in Penza Oblast in 2024. Penza: IP Simonova E.A. 2025. 122 p.
15. Issabekova V. S. The Institute of the Commissioner for Human Rights: history, modernity, prospects. V.S. Issabekova. *Bulletin of the Karaganda University. Law series*. 2024. No. 4. Pp. 16–24. EDN: DJOHRX. DOI: 10.31489/2024L4/16-24. (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Технологии правового просвещения молодежи, реализуемые институтом Уполномоченных по правам человека в РФ».

Автор: Байдарава Марина Александровна, к.ю.н., доцент кафедры «Правосудие» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Автор: Фомин Владимир Владимирович – член Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Пензенской области, студент группы 21ю1, кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Юридического института, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Актуальность темы. Научная статья, заявленная к публикации, несомненно, представляет интерес не только для ученых-теоретиков, профильных специалистов, но и для законодательных органов власти в Российской Федерации. Актуальность темы научного исследования более чем очевидна в условиях проведения специальной военной операции, стремительно-го технологического прогресса и развития молодежной политики государства.

Научная новизна. Новизна исследовательской направленности, нестандартный подход к раскрытию материала, позволили проявить ярко выраженную авторскую линию.

Авторы научной статьи предприняли попытку не только проанализировать технологии правового просвещения молодежи, реализуемые институтом Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации, но и сформулировали определение данной правовой категории, а также ее цели.

Теоретическая и практическая значимость статьи. Осмысление нормативно-правового регулирования молодежной политики и деятельного участия Уполномоченного по правам человека в ее развитии и реализации позволили прийти к выводам и конструктивным предложениям о необходимости модернизации технологии правового просвещения молодежи.

Практическая значимость рассматриваемой научной статьи состоит в том, что предложения, сделанные авторами направлены на совершенствование действующего законодательства, а именно, на нормативное закрепление статуса Молодежных советов при Уполномоченных по правам человека на федеральном и региональном уровнях, что будет способствовать как укреплению данного консультативно-коллективного органа, так и оптимизации технологии правового просвещения молодежи.

Выводы авторов являются весьма обоснованными, что позволяет говорить о достаточной проработке научной литературы, а также нацеленности данного исследования на решение как научно-теоретических, так и практико-ориентированных задач.

Оценка научного уровня, терминологии и стиля изложения. Статья достаточно хорошо структурирована, написана четким и понятным научным языком, содержит интересные и перспективные выводы для решения современных проблем, связанных с нивелированием числа правонарушений среди молодежи, а также обеспечением должного уровня общественной и национальной безопасности.

Название статьи полностью отражает ее содержание, изложение соответствует научному стилю. Статья соответствует всем требованиям, предъявляемым к научным статьям.

Допущенные авторами неточности и ошибки. В научном исследовании не было выявлено внутренних противоречий, каких-либо неточностей, а также ошибок.

Рекомендации. Авторам в перспективе своих научных исследований, следует, обратить внимание на изучение вопро-

сов, связанных с оптимизацией деятельности Уполномоченного по правам человека в условиях трансформационных процессов цифровизации.

Рекомендована к публикации: да.

Рецензент: Суменков С.Ю., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой Государственно-правовые дисциплины, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 84,36%.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025, принята к публикации 16.07.2025

The article was received on 09.06.2025, accepted for publication 16.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT THE AUTHORS

Байдарова Марина Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института; Пензенский государственный университет; г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: 0009-0002-2282-9920, SPIN-код: 5519-5337, AuthorID: 1035641, e-mail: fetisowa.marina2010@yandex.ru

Фомин Владимир Владимирович, Юридический институт; Пензенский государственный университет; г. Пенза, Российская Федерация; член Молодежного совета; Молодежный Совет при Уполномоченном по правам человека в Пензенской области; г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: 0009-0005-6314-0814, SPIN-код: 2876-6097, AuthorID: 1296200, e-mail: fominvv18@mail.ru

Marina A. Baidarova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Justice Law Institute; Penza State University; Penza, Russian Federation, ORCID: 0009-0002-2282-9920, SPIN-code: 5519-5337, AuthorID: 1035641, e-mail: fetisowa.marina2010@yandex.ru

Vladimir V. Fomin, Law Institute; Penza State University; Penza, Russian Federation; Member of the Youth Council; Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Penza Region; Penza, Russian Federation, ORCID: 0009-0005-6314-0814, SPIN-code: 2876-6097, AuthorID: 1296200, e-mail: fominvv18@mail.ru

5.1.1.

Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)

Theoretical and Historical Legal Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-19-23

УДК: 34.06

ГРНТИ: 10.01.07

EDN: VHISPN

Влияние использования симуляторов вождения на качество подготовки кандидатов в водители

© Тарасов Александр Юрьевич^а

© Тарасова Ирина Анатольевна^б

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

^а 7137355@gmail.com

^б tarasovairina2@rambler.ru

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение особенностей получения водительских удостоверений в разных странах и связь между работой на симуляторе и результатами экзаменов по вождению. Тренажеры все шире используются для обучения водителей, что дает возможность собирать объективные данные о квалификации водителей в стандартизированных условиях. Однако относительно мало известно о том, как навыки, получаемые на тренажере для начинающих водителей, связаны с вождением по дорогам.

В этом исследовании предлагается теоретическая основа, позволяющая количественно оценить квалификацию водителя с точки зрения скорости выполнения задач, нарушений и ошибок.

Ключевые слова: молодые водители, тренажеры, экзаменов по вождению, подготовка водителей

Для цитирования: Тарасов А.Ю., Тарасова И.А. Влияние использования симуляторов вождения на качество подготовки кандидатов в водители // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 19–23. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-19-23. EDN: VHISPN

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-19-23

Impact of the Use of Driving Simulators on the Quality of Driver Candidate Training

© Alexander Yu. Tarasov^a

© Irina A. Tarasova^b

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

^a 7137355@gmail.com

^b tarasovairina2@rambler.ru

Annotation: The purpose of the article is to consider the features of obtaining driver's licenses in different countries and the relationship between working on a simulator and the results of driving exams. Simulators are increasingly used to train drivers, which makes it possible to collect objective data on the qualifications of drivers in standardized conditions. However, relatively little is known about how the skills learned on the novice driver simulator relate to driving on roads.

This study offers a theoretical framework to quantify driver qualifications in terms of task speed, violations, and errors.

Keywords: young drivers, simulators, driving tests, driver training

For citation: Tarasov A.Yu., Tarasova I.A. Impact of the Use of Driving Simulators on the Quality of Driver Candidate Training. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 19–23. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-19-23. EDN: VHISPN

ВВЕДЕНИЕ

Учитывая тот факт, что человеческий фактор играет важную роль почти во всех дорожно-транспортных происшествиях (далее—ДТП) с серьезными травмами и смертельным исходом, улучшение поведения водителей посредством образования и обучения представляется очевидным средством решения этой серьезной проблемы. Но что интересно, большинство исследований, оценивающих программы подготовки и обучения водителей пришли к выводу, что такие программы (до и после получения водительского удостоверения) мало что давали в плане обеспечения последовательных преимуществ в области безопасности [Кристи Р., 2021.].

Для расширения эмпирической базы исследований предлагаем более подробно остановиться на исследованиях, проведенных в Нидерландах.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРЕНАЖЕРОВ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ТЕСТИРОВАНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ

В Нидерландах методы обучения для получения водительских прав имеют ряд существенных особенностей и значительно отличаются от общепринятых в большинстве европейских стран. На наш взгляд, анализ этих особенностей может быть полезен для изучения, тем более, что качество подготовки начинающих водителей является проблемой не только для Российской Федерации, но и всего мира. В Нидерландах методы обучения для получения водительских

прав не регулируются никакими условиями, но вождение без профессионального инструктора не допускается. В принципе, водители-ученики могут сдать экзамен по вождению, не имея уроков вождения, но на практике почти каждый берет уроки в коммерческих автошколах.

Экзамены по вождению проводятся Голландской организацией по экзаменам по вождению (CBR). Практическая часть теста занимает 55 минут и включает около 35 минут эффективного вождения. Водитель-ученик должен сначала сдать теоретический тест, прежде чем сможет приступить к выполнению практического задания.

В настоящее время в Нидерландах для обучения водителей используется около 100 симуляторов вождения [Каппе Б. и Ван Эммерик М.Л., 2020:114]. Примерно 3–5 % водителей, обучающихся в Нидерландах, часть своего обучения проходили на симуляторе вождения. Симуляторы вождения в основном установлены в крупных автошколах. Несмотря на то, что уроки на симуляторе разрешены в возрасте до 18 лет, но участие в тесте по теории CBR, а также обучение вождению на дороге не разрешается до достижения 18-летия.

Учебная программа на симуляторах состоит из 15 уроков по 27 минут каждый. Уроки 1–5 посвящены управлению транспортными средствами, уроки 6–10—вождению в городских условиях с перекрестками и кольцевыми развязками, а уроки 11–15—вождению по автомагистралям. Каждый урок состоит из двух-трех так называемых блоков, которым предшествовал инструктивный текст, голос и/или видеоролики. Во время вождения на основе симуляции виртуальный инструктор формулировал инструкции (маршрут),

а также давал отзывы о выполнении задач. Важной особенностью программного обеспечения тренажера было то, что обучение не основывалось на заранее запрограммированных сценариях.

Учащиеся могли управлять автомобилем в виртуальной среде. Виртуальный инструктор адаптировал свою обратную связь в зависимости от успешности выполнения задач водителем-учеником и ситуации в виртуальной среде.

В ходе полугодового обслуживания симуляторов вождения в 43 различных автошколах были сделаны копии записей о вождении, хранящихся в памяти компьютера. Были отобраны записи о производительности 2578 человек, которые использовали одну и ту же версию программного обеспечения симулятора, и чей пол был указан в системе администрирования симулятора. Исследовательская группа проверила результаты экзаменов по вождению на дороге и последнего теоретического теста лиц из этой группы, чьи личные данные также были заполнены. Соответственно, выборка, использованная в этом исследовании, составила 804 человека (средний возраст 19,4 года, 54 % женщины), чьи характеристики симулятора и результаты испытаний CBR были доступны. Участники данного исследования прошли обучение в 36 различных автошколах [Де Винтер, JCF, и др., 2017: 138–158].

В ходе исследования была обнаружена значительная количественная связь между работой на симуляторе и результатами экзамена по вождению. Меньшее количество ошибок рулевого управления соответствовало более высоким шансам сдать экзамен по вождению с первой попытки. Таким образом, настоящие результаты подтверждают теоретическую основу, в которой выражается повышение квалификации водителей вследствие работы на симуляторах с точки зрения увеличения скорости выполнения задач, и, наоборот, сокращения количества нарушений и ошибок. Кроме того, предполагается, что водители-ученики адаптируют свои способности во время обучения вождению на симуляторах. Также следует отметить, что последние в настоящем исследовании использовались еще до того, как водители-ученики получили урок управления настоящим автомобилем.

Исследование, проведенное в Великобритании [Лайонен Т. и Суммала Х., 2021: 307–318], потребовало, чтобы 366 человек повторно сдали практическую часть экзамена по вождению в течение нескольких дней после первого экзамена с другим экзаменатором, но в том же регионе. Результат первого экзамена по вождению стал известен только после повторного экзамена. При этом во время повторного теста экзаменатор не был осведомлен о результате первого теста.

Результаты показали, что последовательность практического экзамена по вождению составила 64 %, 16 % прошли первый тест и провалили второй, 20 % прошли второй тест, но провалили первый. Исходя

из вероятности прохождения первого теста в 37,4 % и второго теста в 42,3 %, можно было бы ожидать согласованности 51,9 %, если бы использовались полностью случайные данные. Частичное объяснение поразительно низкой последовательности практического экзамена по вождению заключалось в том, что водители-ученики подают заявку на сдачу экзамена, когда считают, что их уровень знаний достаточен для сдачи [Бойдстан, Л.Е., Кессель, Д.С. и Миллер, Дж. М., 2020: 111–113]. Таким образом, результат теста сильно зависел от случайных обстоятельств.

Здесь следует подчеркнуть, что целью данного исследования было не продемонстрировать причинно-следственную связь, а оценить статистические связи между работой симулятора и результатами экзаменов по вождению. Тот факт, что связи были обнаружены, несмотря на наличие множества неконтролируемых факторов, действительно укрепляет уверенность в полученных результатах.

Измерения на симуляторе водителей-обучающихся использовались для прогнозирования результатов экзамена по вождению. Однако остается очень важный вопрос: действительно ли результаты теста различают безопасных и небезопасных водителей. Наконец, симулятор вождения предоставил информацию о том, оптимизировал ли водитель-ученик точность или оптимизировал ли он скорость при выполнении задачи вождения.

ВЫВОДЫ

Результаты показывают, что измерения производительности действий водителя-обучающегося на основе симулятора могут предоставить измерения, которые информативны для будущих результатов экзамена по вождению на дороге. Эти меры потенциально могут быть применены для информативной оценки навыков вождения учащегося с целью повышения эффективности обучения вождению. Например, симулятор вождения может регулярно выводить оценку скорости, оценку нарушений и оценку ошибки рулевого управления и использовать их для обратной связи о характеристиках.

Также одной из интересных возможностей является предоставление специальной программы обучения для обучающихся с высоким баллом нарушений. Здесь можно подумать об обучении саморефлексии или самоконтролю.

Вождение автомобиля является критически важной задачей с точки зрения безопасности, поскольку молодые и неопытные водители часто попадают в аварии. Одним из недостатков подготовки водителей является плохое понимание того, что на самом деле происходит на дороге, а также отсутствие объективных измерений. Поэтому, как представляется, к симуляторам вождения следует относиться серьезно, прежде всего как к дополнительным средствам обучения и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойдстан Л. Е., Кессель Д. С., Миллер Дж. М. Оценка навыков вождения лиц с нарушениями восприятия на симуляторе вождения. Материалы 24-го ежегод-

REFERENCES

1. Boydstan, L. E., Kessel, D. S., Miller, J.M. Assessment of driving skills of persons with visual impairments in a driving simulator. Proceedings of the 24th Annual

- ного собрания Общества человеческого фактора. Санта-Моника, Калифорния: HFES, 2020. С. 111–113.
2. *Де Винтер JCF*, и др. Нарушения и ошибки при Обучении водителей на основе симуляций. *Эргономика*, Т. 50, 2017. С. 138–158.
3. *Долс Дж. Ф.*, и др. Тренерский проект: новый Программа подготовки водителей на тренажере. Первый международный симпозиум по человеческому фактору в оценке, обучении и проектировании транспортных средств водителей. Город Айова: Университет Айовы, 2021. С. 119–124.
4. *Kanne B., Van Emmerik M.L.* Использование вождения тренажеры для первоначального обучения и тестирования водителей. Отчет ТНО-ДВ3, 2020. С. 114.
5. *Кристи Р.* Эффективность обучения водителей как меры безопасности дорожного движения: Обзор литературы (№ 01/03). Королевский автомобильный клуб Виктории, 2021.
6. *Лаунен Т., Суммала Х.* Опыт вождения. личность, а также навыки и мотивы безопасности в самооценках водителей. Личность и индивидуальные различия, Т. 19, 2021. С. 307–318.
7. *Ранни Т.А.* Модели поведения за рулем: обзор их эволюция. Анализ и предотвращение несчастных случаев, Т. 26, 2017. С. 733–750.
8. *Фишер Д.Л., Поллацек А.П., Прадхан А.* Что может научить начинающих водителей искать информацию, которая снизит вероятность попадания в аварию? Профилактика травм, Т. 12, 2026. С. 25–29.
- Meeting of the Human Factor Society. Santa Monica, California: HFES, 2020. Pp. 111–113.
2. *De Winter JCF*, et al. Violations and errors in Driver training based on simulations. *Ergonomics*, Vol. 50, 2017. Pp. 138–158.
3. *Dols, J. F.*, et al. Coaching project: a new Simulator driver training Program. The first international symposium on the human factor in the assessment, training and design of drivers' vehicles. Iowa City: University of Iowa, 2021. Pp. 119–124.
4. *Kappe B., Van Emmerik M.L.* Using driving simulators for initial driver training and testing. TNO-DV3 Report, 2020. p. 114.
5. *Christie R.* The effectiveness of driver training as a road safety measure: A literature review (No. 01/03). Royal Automobile Club of Victoria, 2021.
6. *Layunen T., Summala H.* Driving experience. personality, as well as skills and motives for safety in drivers' self-assessments. *Personality and Individual Differences*, Vol. 19, 2021. Pp. 307–318.
7. *Ranni, T.A.* Patterns of driving behavior: an overview of their evolution. *Accident Analysis and Prevention*, Vol. 26, 2017. Pp. 733–750.
8. *Fischer D.L., Pollatsek A.P., Pradhan A.* What can teach novice drivers to look for information that will reduce the likelihood of an accident? *Injury Prevention*, Vol. 12, 2026. Pp. 25–29.

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью кандидата юридических наук, доцента Тарасова А.Ю. и кандидата юридических наук, доцента Тарасовой И.А. «Влияние использования симуляторов вождения на качество подготовки кандидатов в водители».

Рецензируемая статья посвящена актуальной теме изучения взаимосвязи использования при подготовке кандидатов в водители высокотехнологичных тренажеров и результатов сдачи экзаменов на право управление транспортными средствами. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. При этом предметом исследования являются технологии, лежащие в основе высокотехнологических симуляторов дорожного движения. В рамках методологии исследования с использованием сравнительно-правового метода осуществлен анализ влияния высокотехнологических симуляторов дорожного движения на формирование навыков управления транспортными средствами.

При этом особое внимание авторами уделено изучению различных исследований по определению основных рисков внедрения симуляторов вождения автомобилем. В статье рассматривается связь между работой на симуляторе и результатами экзаменов по вождению – актуальная тема для тех, кто занимается подготовкой водителей и индустрией виртуальной реальности. Эта статья дает новое представление об индивидуальных различиях в поведении молодых водителей.

В научной статье авторами сделан правильный вывод, что тренажеры все шире используются для обучения водителей, что дает возможность собирать объективные данные о квалификации водителей в стандартизованных условиях. Однако относительно мало известно о том, как навыки, получаемые на тренажере для начинающих водителей, связаны с вождением по дорогам. Анализ показал относительно сильную связь между количеством блоков обучения на тренажере и продолжительностью обучения водителей. Эти наблюдения доказывают, что симулятор приводит к лучшим результатам экзаменов по вождению. Также, наиболее продвинутые автошколы с большей вероятностью имеют симуляторы и что люди с более высокими способностями были более склонны использовать симулятор вождения. Таким образом, обобщение представленных результатов на всю популяцию молодых водителей должно осуществляться только с осторожностью.

Особенностью исследуемой выборки было то, что многие из них начали обучение на тренажере до достижения 18-летнего возраста, тогда как обучение вождению на улично-дорожной сети во многих странах не допускается.

При подготовке статьи авторы использовали значительное количество источников, в основном зарубежную публицистику, которая представлена в работе в авторском переводе.

Научная статья Тарасова А.Ю. и Тарасовой И.А. «Влияние использования симуляторов вождения на качество подготовки кандидатов в водители» отвечает требованиям, предъявляемым к научным работам, и рекомендуется к опубликованию в издании, реферируемом ВАК РФ.

Рецензент: Лукьянов С.А., д-р юрид. наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин,

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 71,93%.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025, принята к публикации 15.07.2025

The article was received on 05.02.2025, accepted for publication 15.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарасов Александр Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1693-4387, AuthorID: 697402, e-mail: 7137355@gmail.com

Тарасова Ирина Анатольевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 4185-0419, AuthorID: 679187, e-mail: tarasovairina2@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander Yu. Tarasov, Cand.Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Organization of Activities of Subdivisions to Ensure Road Safety; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1693-4387, AuthorID: 697402, e-mail: 7137355@gmail.com

Irina A. Tarasova, Cand.Sci. (Law), Assoc. Prof., Associate Professor of the department of state, civil and law disciplines; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 4185-0419, AuthorID: 679187, e-mail: tarasovairina2@rambler.ru

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-24-33

УДК: 342.9 (075.8)

ГРНТИ: 10.19

ББК 67.401

EDN: WIAGRC

Цифровая трансформация договорных отношений в информационной сфере

© Северин Виталий Андреевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

severin-v.a@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в правовом регулировании договорных отношений по поводу информации, которые связаны с процессами информатизации и цифровизации экономики России. Актуальность исследования договоров в информационной сфере обусловлена: динамичным развитием информационных технологий и появлением новых видов информационных продуктов и услуг, требующих договорного регулирования; усложнением правоотношений в информационной сфере и необходимостью адаптации традиционных договорных конструкций к специфике информационных отношений; недостаточной разработанностью теоретических аспектов правового регулирования договоров в информационной сфере. Специфика информации как объекта правоотношений требует особых подходов к конструированию договоров, определению их предмета, прав и обязанностей сторон, ответственности за нарушение условий договора.

Методы исследования. Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных ученых в области информационного и гражданского права. Комплексно на межотраслевой основе рассматривается понятийный аппарат и влияние различных факторов на развитие договорных отношений в информационной сфере. Методологическую основу составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, системный, формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, метод анализа и синтеза, метод классификации и другие методы научного познания.

Результаты. Показана роль договора как инструмента регулирования информационных отношений; обоснованы четыре этапа договорного регулирования информационных отношений с учетом влияния научно-технической и информационной революции на развитие отечественной экономики; разработана классификация договоров в информационной сфере в условиях цифровой экономики.

Дискуссия. Результаты исследования конструкции договоров в информационной сфере показывают, что в условиях цифровизации имеются особенности их правового регулирования. С внедрением «сквозных технологий» и особенно искусственного интеллекта многие эксперты отмечают, что это создает как новые возможности для управления данными и цифровыми потоками, так и правовые риски, поэтому требуется комплексный межотраслевой подход к оценке нормативной базы и выработка правовых механизмов, регулирующих договорные информационные отношения, с необходимостью адаптации к технологическим изменениям.

Ключевые слова: информационное право, гражданское право, законодательство, информационная сфера, цифровая экономика, информатизация, цифровизация, обращение информации, договорное регулирование, информационные отношения, договор, этапы договорного регулирования, классификация договоров, сквозные технологии, программное обеспечение, платформа, искусственный интеллект, информационная безопасность

Для цитирования: Северин В.А. Цифровая трансформация договорных отношений в информационной сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 24–33. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-24-33. EDN: WIAGRC

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-24-33

Digital Transformation of Contractual Relations in the Information Sphere

© Vitaly A. Severin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

severin-v.a@mail.ru

Annotation: The article examines changes in the legal regulation of contractual relations concerning information, which are associated with the processes of informatization and digitalization of the Russian economy. The relevance of the study of contracts in the information sphere is due to: the dynamic development of information technologies and the emergence of new types of information products and services that require contractual regulation; the complication of legal relations in the information sphere and the need to adapt traditional contractual structures to the specifics of information relations; insufficient development of the theoretical aspects of legal regulation of contracts in the information sphere. The specificity of information as an object of legal relations requires special approaches to the construction of contracts, determination of their subject, rights and obligations of the parties, liability for breach of the terms of the contract.

Research methods. The theoretical basis of the study is the works of domestic scientists in the field of information and civil law. The conceptual apparatus and the influence of various factors on the development of contractual relations in the information sphere are considered in a comprehensive manner on an intersectoral basis. The methodological basis is formed by general scientific and specific scientific methods of cognition: dialectical, systemic, formal-logical, comparative-legal, historical-legal, formal-legal, method of analysis and synthesis, method of classification and other methods of scientific cognition.

Results. The role of the contract as an instrument for regulating information relations is shown; four stages of contractual regulation of information relations are substantiated taking into account the influence of the scientific, technological and information revolution on the development of the domestic economy; a classification of contracts in the information sphere in the context of the digital economy is developed.

Discussion. The results of the study of the design of contracts in the information sphere show that in the context of digitalization there are features of their legal regulation. With the introduction of "end-to-end technologies" and especially artificial intelligence, many experts note that this creates both new opportunities for managing data and digital flows, and legal risks, therefore, an integrated intersectoral approach is required to assess the regulatory framework and the development of legal mechanisms regulating contractual information relations, with the need to adapt to technological changes.

Keywords: information law, civil law, legislation, information sphere, digital economy, informatization, digitalization, information circulation, contractual regulation, information relations, contract, stages of contractual regulation, classification of contracts, end-to-end technologies, software, platform, artificial intelligence, information security

For citation: Severin V.A. Digital Transformation of Contractual Relations in the Information Sphere. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 24–33. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-24-33. EDN: WIAGRC

РОЛЬ ДОГОВОРА КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

За последние два десятилетия в условиях информатизации и цифровизации стремительно происходит

трансформация правового регулирования договорных отношений в информационной сфере. Характерной является тенденция комплексного использования нормативной базы гражданского и информационного права при заключении договоров и исполнении обязательств в сфере обращения информации. Договор является универсальным правовым инструментом регулирова-

ния общественных отношений¹, в том числе отношений в информационной сфере. Согласно ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее, — ГК РФ), договор—это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Благодаря договору стороны определяют свои субъективные права и обязанности по использованию полученной информации, ее передачи и охране конфиденциальности при взаимоотношении с участниками экономического оборота². Договорные отношения в информационной сфере, подчиняясь в целом общим закономерностям правового регулирования гражданского оборота, обладают определенной *спецификой*³, вытекающей из свойств информации⁴, о чем справедливо отмечают ученые, специализирующиеся в этой области научных знаний⁵. Принцип свободы договора в гражданском праве позволяет участникам информационного рынка самостоятельно регулировать между собой отношения по поводу информации путем заключения договоров. Для выбора его модели стороны могут использовать как поименованные в ГК РФ договоры, так и непоименованные, но не противоречащие общим началам и смыслу гражданского законодательства. Договоры в информационной сфере имеют определенные особенности, в частности:

- 1) специфический предмет договора—информация, информационные продукты, информационные услуги, информационные системы;
- 2) особый субъектный состав договорных отношений—создатели, обладатели и потребители информации, информационные посредники и др.;
- 3) сложность определения объема передаваемых прав на информацию и условий ее использования;
- 4) необходимость обеспечения информационной безопасности и защиты информации;
- 5) возможность заключения договоров в электронной форме с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;
- 6) особенности ответственности за нарушение условий договора, связанные со спецификой информации как объекта правоотношений.

В качестве предмета договоров в информационной сфере может выступать: информация как таковая (сведения, данные, факты); информационные продукты (программы для ЭВМ, базы данных, электронные издания); информационные услуги (поиск, сбор, хранение, обработка, предоставление информации); информационные системы (совокупность информации и обеспечивающих ее обработку технологий и технических средств). В зависимости от вида информации и режима доступа к ней законодательство устанавливает различные правила ее оборотоспособности и, соответ-

ственно, различные условия договоров, предметом которых является такая информация.

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ: ЭТАПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Полученные автором настоящей статьи результаты исследований⁶ с учетом фактора влияния научно-технической и информационной революции на развитие отечественной экономики позволили структурно выделить основные три этапа договорного регулирования отношений при обращении информации⁷. Предлагаемая структура договорных отношений в информационной сфере с началом формирования цифровой экономики претерпела определенную трансформацию и поэтому предлагается её дополнить четвертым этапом, имеющим свои особенности.

Первый этап (с 60-х годов XX в.) характеризуется созданием и освоением в производстве новой техники, технологии и материалов. Динамика инновационной деятельности характеризуется в разные периоды ростом и падением числа созданных и внедренных образцов новых типов машин, оборудования, приборов и средств автоматизации⁸. Технологический кризис конца 80-х годов привел к падению конкурентоспособности отечественной продукции. Уменьшилось число инноваций и изменился их характер⁹.

Объектом договорных отношений в советский период была продукция научных организаций, предприятий и учреждений¹⁰. К научно-технической продукции относились законченные научно-исследовательские, проектные, опытно-конструкторские и технологические работы; опытные и экспериментальные образцы или партии изделий (продукции). К этой же категории были отнесены и научно-технические услуги, связанные с внедрением новой техники и технологии, консультациями методического характера, координацией научных исследований.

Договорные отношения в этой сфере были урегулированы в тот период правовыми актами Госкомитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР), Академией наук СССР и отраслевых общесоюзных министерств, а затем и Основами гражданского законодательства Союза ССР и ре-

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 2-е изд. доп. М., 1999 и др. работы.

² См.: Северин В.А. Договоры в сфере обращения информации // Коммерческое право: учебник для вузов / под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. М.: Издательство Юрайт. 2021. С. 470–476.

³ См.: Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование обязательств по передаче информации. Канд. диссертация. М., 1980. С. 24–27.

⁴ См.: Копылов В.А. Информационное право. Учебник. 2-е изд. М., 2003. С. 51–78; Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федоров М.А. Информационное право. Учебник. СПб. 2001. С. 133–180 и др.

⁵ См. научные труды И.Л. Бачило, И.А. Зенина, В.А. Копылова, В.Н. Лопатина, В.А. Дозорцева, Э.П. Гаврилова, А.П. Сергеева, и др. ученых.

⁶ См.: Северин В.А. Услуги информационного характера, обеспечивающие коммерческую деятельность // Законодательство, 2000. № 1, С. 32–39; Северин В.А. Регулирование коммерчески значимой информации в торговом обороте. // В сб.: Актуальные проблемы коммерческого права / Под ред. проф. Б.И. Пугинского. М., 2002. С. 103–123; Северин В.А. Договоры на обращение коммерчески значимой информации // Актуальные проблемы коммерческого права: Сборник статей. Вып. 3 /Под ред. проф. Б.И. Пугинского.—ИКД Зерцало—М Москва: 2007.—С. 135–168.

⁷ Подробнее см. Северин В.А. Договоры в сфере обращения информации //Коммерческое право: учебник для вузов / под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. 2021. Издательство Юрайт Москва. С. 470–476. КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО 6-е изд., пер. и доп. Учебник для вузов (urait.ru)

⁸ См.: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050. Стратегия инновационного прорыва. М., 2005. С. 58.

⁹ См.: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Указ. соч., С. 72, 74–75.

¹⁰ Общее положение о научно-исследовательских, конструкторских, проектно-конструкторских и технологических организациях было утверждено постановлением Госкомитета СССР по науке и технике от 13 ноября 1970 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1983, № 7. С. 3.

спублик от 31 мая 1991 года (ст. 97 главы 12)¹¹. В настоящее время эти отношения регулируются главой 38 ГК РФ.

В договорной практике начиная с 80-х годов широко использовался примерный текст договора на создание (передачу) научно-технической продукции, утвержденный ГКНТ СССР¹². Этот документ отличался значительной степенью общности формулировок, что позволяло предприятиям на его основе конструировать различные виды договоров на выполнение подрядных работ и оказание услуг в этой области.

Основными видами договоров, которые активно использовались предприятиями в конце 80-х годов, были следующие:

1) Договор на создание научно-технической продукции—особенностью являлось определение и согласование сторонами содержания и объема работы в целом и отдельных ее этапов. Такой договор предусматривал полный цикл работ: научные исследования—разработки—производство—сбыт—обслуживание. Для этих целей создавались научно-производственные объединения¹³. Особо в договоре выделялись положения, регулирующие поведение сторон по соблюдению условий конфиденциальности информации, касающейся содержания предмета договора, сроков поставки продукции и др.;

2) Договор на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских (технологических) работ. Этот договор мало чем отличается от предыдущего, пожалуй, только меньшим объемом работы и возможностью раздельного или совместного проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских (технологических) работ (НИР и ОКР)¹⁴. Требования к сторонам по соблюдению условий конфиденциальности аналогичны тем, которые изложены к предыдущему договору;

3) Договор на передачу (тиражирование) научно-технической продукции предусматривал возможность многократной передачи научно-технической продукции по договорной цене. Особенностью этого договора является подтверждение передающей стороной своего права на ранее созданную научно-техническую продукцию, и на неё возлагаются обязанности по авторскому надзору и сопровождению освоения данной продукции.

Второй этап (с 80-х гг.) договорного регулирования был связан с широким внедрением в различные отрасли народного хозяйства электронно-вычислительной техники (ЭВМ), персональных компьютеров и программных средств (ПС) к ним. Появление машинной информации (МИ) и необходимость ее обработки с помощью программных средств ЭВМ потребовали разработки новых договорных конструкций и предложений по их правовой охране¹⁵. В практике начали использовать новые договоры, такие как:

1) Договор на разработку и передачу программ-

ных средств. Предметом этого договора являются отношения по выполнению НИР и ОКР, передача результатов заказчику, оказание научно-технических и информационных услуг, направленных на внедрение и обслуживание ПС (ст. 769–778 ГК РФ);

2) Договор на оказание научно-технических услуг пользователям программных средств. Поставляемые ПС включают программы на материальных носителях и эксплуатационную документацию, поэтому договор заключается для обучения персонала заказчика работе на ЭВМ с новыми ПС (глава 39 ГК РФ). Условия о конфиденциальности содержат требования о соблюдении сторонами режима информации, получаемой в ходе консультаций;

3) Договор на выполнение информационно-вычислительных работ (услуг)¹⁶. Этот договор имел широкое распространение в 70-х–80-х годах. Пользователям оказывались информационно-вычислительные услуги с предоставлением машинного времени ЭВМ. Обработка информации пользователями могла осуществляться и по договору аренды ЭВМ либо проката программных средств. В начале 90-х годов происходит массовое внедрение персональной компьютерной техники и надобность в таких услугах постепенно отпадает.

Третий этап (с 2000-х гг.)¹⁷ связан с обособлением нового вида общественных отношений—информационных¹⁸ и освоением экономикой информационного ресурса как товара¹⁹. Появление субъектов информационного рынка и различных видов информационных ресурсов потребовали от государства правового регулирования этих отношений. Анализ показывает, что в большинстве случаев информационные отношения в этот период регулируются с помощью договоров на оказание информационных услуг, реже с помощью договоров подряда на выполнение работ²⁰. Договор на выполнение НИОКР практически не претерпел существенных изменений с советского периода в части соблюдения требований конфиденциальности²¹.

Четвертый этап (с 2017 г. по н/время)²² связан с появлением и внедрением «сквозных технологий», в том числе технологии искусственного интеллекта и освоением их в цифровой экономике.

На данном этапе увеличивается доля договоров, заключаемых в электронной форме с применением технологий электронной идентификации и аутенти-

¹¹ См.: Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 1993, № 3. С. 4–63.

¹² См.: Положение о договорах на создание (передачу) научно-технической продукции. Пост. ГКНТ СССР от 19 ноября 1987 г. № 435.

¹³ См.: СП СССР, отдел первый, 1983, № 24; 1984, № 6, Ст. 31.

¹⁴ См.: Ринг М.П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967; Зенин И.А. Наука и техника в гражданском праве. М., 1977 и др.

¹⁵ См.: Защита прав создателей и пользователей программ для ЭВМ и баз данных. Коллектив авторов: Л.К. Терещенко, Е.К. Волчинская, Г.В. Виталиев, и др. М., 1996 и др.

¹⁶ См.: Шерстобитов А.Е. Правовое регулирование договорных отношений в сфере информатики // В сб. Право и информатика. Под ред. Е.А. Суханова. М., 1990. С. 35.

¹⁷ См.: Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 года. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию • Президент России.

¹⁸ См.: Право и информатика. Под ред. Е.А. Суханова. М., 1990. С. 5.

¹⁹ См.: Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. М., 2003. С. 14–60.

²⁰ См.: Северин В.А. Правовая защищенность коммерчески ценной информации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. № 6, 2001. С. 68.

²¹ См.: Северин В.А. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Вестн Моск. ун-та. Серия 11, Право. № 4, 2000. С. 28.

²² См.: Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение от 28 июля 2017 года № 1632-р. Документы—Правительство России; «Паспорт национального проекта "Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) \ КонсультантПлюс.

фикации сторон договора. Происходит модификация традиционных договорных конструкций и адаптация традиционных договоров (купли-продажи, оказания услуг, аренды) к особенностям информационных отношений. Функционирование информационного рынка требует определения сущности и видовой принадлежности договоров, предназначенных для регулирования информационных отношений в цифровой экономике. Классификация договоров, принятая в *гражданском праве*²³, где традиционно выделяются такие типы договоров, как договоры, направленные на передачу имущества в собственность (или иное вещное право) либо в пользование, на производство работ или на оказание услуг, получившая свое развитие в *предпринимательском*²⁴ и *коммерческом*²⁵ праве, является основой для выделения договоров в информационной сфере цифровой экономики. Формируются новые типы договоров, отражающих специфику информационной сферы (договоры о предоставлении облачных сервисов и др.) за счет расширения круга объектов договорных отношений и включения в оборот новых видов информационных объектов (большие данные, виртуальные объекты в цифровых мирах и др.). Получают развитие договоры, предметом которых являются результаты деятельности искусственного интеллекта. Все это способствует формированию новых рынков информационных продуктов и услуг, требующих договорного регулирования.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА КЛАССИФИКАЦИЮ ДОГОВОРОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Особенности цифровизации структуры и инфраструктуры информационного рынка определяют подходы к типизации договоров в сфере обращения информации. В современный период она может быть представлена в виде следующих групп:

Первая группа—Договоры о создании информационных продуктов, которые представляют собой соглашения, направленные на создание новых информационных объектов, таких как: программы для ЭВМ, базы данных, интернет-сайты, мультимедийные продукты и т.д. К данной группе договоров относятся:

1) Договор авторского заказа—соглашение между автором и заказчиком о создании произведения науки, литературы или искусства в соответствии с условиями договора (ст. 1288 ГК РФ). В информационной сфере предметом договора могут быть программы для ЭВМ, базы данных, произведения мультимедиа и др.;

2) Договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИР и ОКР)—соглашение, по которому ис-

полнитель обязуется провести научные исследования, разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него или новую технологию, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее (ст. 769 ГК РФ). Договоры часто заключаются для разработки новых информационных технологий, программного обеспечения, информационных систем;

3) Договор подряда на создание информационного продукта—соглашение, по которому подрядчик обязуется создать информационный продукт и передать его заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (ст. 702 ГК РФ). Договор широко применяется для создания интернет-сайтов, электронных изданий, баз данных и других информационных продуктов. Кроме того, могут заключаться **смешанные договоры**, сочетающие элементы различных договоров, например, *договор на разработку и внедрение информационной системы* может включать элементы договора подряда, договора на выполнение НИР и ОКР, договора оказания услуг. Этой группе договоров присущи такие особенности, как: сложность определения технических требований к создаваемому продукту; необходимость детализации прав на результаты интеллектуальной деятельности, возникающие в процессе создания информационного продукта; целесообразность включения положений о технической поддержке и обновлении информационного продукта после его передачи заказчику.

Вторая группа—Договоры на передачу информации и информационных прав. Эта группа включает соглашения, направленные на предоставление доступа к информации, передачу прав на использование информационных продуктов или передачу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в информационной сфере. К данной группе относятся:

1) Лицензионный договор—соглашение, по которому правообладатель (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности в предусмотренных договором пределах (ст. 1235–1238, 1286 ГК РФ). В информационной сфере такие договоры заключаются на использование программ для ЭВМ, мультимедийных продуктов и других объектов авторского права. Договор отличается условиями своего содержания: предмет договора (конкретная программа для ЭВМ, ее версия); способы использования программы (установка, запуск, копирование и др.); территория, на которой допускается использование программы; срок, на который предоставляется право использования программы; технические требования к компьютеру пользователя и другие ограничения по использованию программы (количество рабочих мест, серверов и др.);

2) Договор об отчуждении исключительного права—соглашение, по которому правообладатель передает или обязуется передать приобретателю исключительное право на результат интеллектуальной деятельности в полном объеме (ст. 1234 ГК РФ), в частности, такие договоры заключаются при продаже прав на программное обеспечение, интернет-сайты, доменные имена и другие информационные объекты;

3) Договор о предоставлении информации—соглашение, по которому одна сторона предоставляет

²³ См.: Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Витрянский В.В. и др.]; отв. ред.—Е.А. Суханов.—3е изд., перераб. и доп.—М.: Волтерс Клувер, 2005.—800 с.—(Серия «Классический университетский учебник» / Моск. гос. унт им. М.В. Ломоносова).

²⁴ См.: Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 923–948.

²⁵ См.: Пугинский Б.И. Коммерческое право России. Учебник. 2-е изд., М., Зерцало. 2006. С. 118–121.

другой стороне определенную информацию для использования в согласованных целях, например, предоставления доступа к базам данных;

4) Договор о передаче ноу-хау (секрета производства)—соглашение по которому одна сторона (правообладатель) передает другой стороне (приобретателю) исключительное право на секрет производства или предоставляет право его использования в установленном договором пределах (ст. 1468, 1469 ГК РФ). Договоры могут касаться передачи технологических решений, алгоритмов, методик обработки информации;

5) Договор о передаче материальных носителей информации—соглашение, направленное на передачу материальных объектов, содержащих информацию, без передачи прав на саму информацию или с ограниченными правами использования. Особенности договоров являются: необходимость четкого определения объема передаваемых прав; важность указания способов и целей использования информации; целесообразность включения положений о конфиденциальности; требования к форме договора (например, письменная форма для лицензионных договоров); учет и регистрация некоторых видов договоров (например, регистрация программ для ЭВМ).

Третья группа—Договоры об оказании информационных услуг—это соглашения, направленные на совершение исполнителем определенных действий или осуществление определенной деятельности в информационной сфере в интересах заказчика, например, предоставление информации определенного содержания (ст. 779 ГК РФ). К таким договорам следует отнести:

1) Договор об оказании услуг связи—соглашение между оператором и пользователем об оказании услуг связи (ст. 44 Федерального закона «О связи») ²⁶. Речь идет о договорах об оказании услуг телефонной связи, доступа к сети Интернет, услуг передачи данных;

2) Договор об оказании услуг по обработке информации—соглашение, по которому исполнитель обязуется осуществить сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение, обработку, анализ информации для заказчика;

3) Договор об оказании услуг по технической поддержке—соглашение, по которому исполнитель обязуется оказывать заказчику услуги по обслуживанию, настройке, обновлению программного обеспечения, информационных систем, баз данных;

4) Договор об оказании услуг хостинга—соглашение, по которому исполнитель (хостинг-провайдер) обязуется предоставить заказчику дисковое пространство для размещения информации на сервере, постоянно подключенном к сети Интернет;

5) Договор об оказании услуг по созданию и продвижению сайта—соглашение, включающее комплекс услуг по разработке, поддержке, оптимизации и продвижению веб-сайта в сети Интернет. Названные договоры имеют особенности: сложность определения качества и объема оказываемых услуг; необходимость установления сроков и порядка оказания услуг; важность согласования технических условий оказания услуг; целесообразность включения положений о кон-

фиденциальности информации, получаемой исполнителем при оказании услуг.

Четвертая группа—Договоры в сфере информационной безопасности могут включать различные соглашения по обеспечению защиты информации от несанкционированного доступа, утечки, уничтожения, модификации и других угроз. Разрабатываются новые договоры в сфере информационной безопасности—это соглашения о киберзащите, договоры о безопасности данных и др. Наиболее распространенным является **соглашение о конфиденциальности**—договор, по которому стороны обязуются не разглашать конфиденциальную информацию, полученную от другой стороны. Такие соглашения заключаются как самостоятельные договоры или включаются в качестве разделов в другие договоры. Предметом соглашения о конфиденциальности является обязательство сторон не разглашать конфиденциальную информацию, полученную от другой стороны, и не использовать ее в иных целях, кроме тех, которые указаны в соглашении. Различают:

1) односторонние соглашения—одна сторона передает конфиденциальную информацию, а другая обязуется обеспечить ее конфиденциальность;

2) двусторонние (взаимные) соглашения—обе стороны передают друг другу конфиденциальную информацию и обязуются обеспечить ее конфиденциальность;

3) многосторонние соглашения—несколько сторон передают друг другу конфиденциальную информацию и обязуются обеспечить ее конфиденциальность. В практике используются и другие договоры, такие как:

1) Договор об оказании услуг по защите информации—соглашение, по которому исполнитель обязуется оказать услуги по обеспечению информационной безопасности заказчика, включая аудит информационной безопасности, внедрение средств защиты информации, мониторинг угроз информационной безопасности;

2) Договор об оказании услуг по сертификации средств защиты информации—соглашение между заявителем и органом по сертификации о проведении работ по подтверждению соответствия средств защиты информации установленным требованиям;

3) Договор о резервном копировании и восстановлении данных—соглашение, по которому исполнитель обязуется осуществлять регулярное резервное копирование данных заказчика и при необходимости восстанавливать данные из резервных копий;

4) Соглашение об уровне обслуживания—договор, определяющий уровень доступности, качества и непрерывности информационных услуг, включая параметры информационной безопасности. При заключении названных договоров нужно учитывать некоторые особенности: необходимость четкого определения объекта защиты (информации, подлежащей защите); важность указания конкретных мер и средств защиты информации; целесообразность включения положений об ответственности за нарушение режима конфиденциальности; специфика определения убытков при нарушении информационной безопасности, учитывая правовую природу информации; необходимость учета требований законодательства о персональных данных, государственной и коммерческой тайны.

²⁶ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N 126-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс.

Пятая группа включает отдельные договоры в информационной сфере, которые имеют особенности предмета правового регулирования в условиях цифровизации общества и государства.

Первая подгруппа. Договоры о создании и использовании баз данных. База данных как объект правовой охраны представляет собой представленную в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ст. 1260 ГК РФ). Названная подгруппа включает:

1) **Договор о создании базы данных**—соглашение, по которому исполнитель обязуется создать базу данных в соответствии с требованиями заказчика и передать ее заказчику, а заказчик обязуется принять и оплатить результат работы. Такой договор может быть оформлен как договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ) или договор подряда (ст. 702 ГК РФ);

2) **Лицензионный договор о предоставлении права использования базы данных**—соглашение, по которому правообладатель предоставляет лицензиату право использования базы данных определенными способами (воспроизведение, распространение, модификация и др.) в установленных пределах (ст. 1235, 1286 ГК РФ);

3) **Договор об отчуждении исключительного права на базу данных**—соглашение, по которому правообладатель передает приобретателю исключительное право на базу данных в полном объеме (ст. 1234 ГК РФ);

4) **Договор о предоставлении доступа к базе данных**—соглашение, по которому одна сторона предоставляет другой стороне доступ к базе данных для получения и использования содержащейся в ней информации. Такой договор может быть оформлен как договор оказания услуг (ст. 779 ГК РФ);

5) **Договор о создании и поддержке базы данных**—смешанный договор, включающий элементы договора подряда и договора оказания услуг, по которому исполнитель обязуется создать базу данных и осуществлять ее техническую поддержку, актуализацию и модификацию. Применительно к названным договорам можно выделить особенности: необходимость четкого определения предмета договора (структура и содержание базы данных); урегулирование сторонами интеллектуальных прав на базу данных; целесообразность включения положений о конфиденциальности информации, содержащейся в базе данных; необходимость согласования порядка обновления и актуализации базы данных; учет требований законодательства о персональных данных при создании и использовании баз данных.

Вторая подгруппа. Договоры об оказании телекоммуникационных услуг. Телекоммуникационные услуги являются одним из ключевых элементов информационной инфраструктуры. Правовое регулирование договоров об оказании телекоммуникационных услуг осуществляется Федеральным законом «О связи», Правилами оказания различных видов услуг связи, утвержденными Правительством РФ²⁷, а также общими поло-

жениями ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг (ст. 779–783). К договорам названной подгруппы можно отнести²⁸:

1) **Договор об оказании услуг телефонной связи**—соглашение, по которому оператор связи обязуется предоставить абоненту доступ к сети телефонной связи, осуществлять передачу голосовой информации, а абонент обязуется оплачивать оказанные услуги связи;

2) **Договор об оказании услуг передачи данных**—соглашение, по которому оператор связи обязуется предоставить абоненту доступ к сети передачи данных, осуществлять прием и передачу телематических электронных сообщений, а абонент обязуется оплачивать оказанные услуги связи;

3) **Договор об оказании услуг доступа к сети Интернет**—соглашение, по которому оператор связи обязуется предоставить абоненту доступ к информационным системам информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе к сети Интернет, а абонент обязуется оплачивать оказанные услуги связи;

4) **Договор об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи (мобильной связи)**—соглашение, по которому оператор связи обязуется предоставить абоненту доступ к сети подвижной радиотелефонной связи, осуществлять передачу голосовой информации, коротких текстовых сообщений и данных, а абонент обязуется оплачивать оказанные услуги связи;

5) **Договор об оказании услуг спутниковой связи**—соглашение, по которому оператор связи обязуется предоставить абоненту доступ к сети спутниковой связи, а абонент обязуется оплачивать оказанные услуги связи. Договоры об оказании телекоммуникационных услуг имеют следующие особенности: публичный характер договора (ст. 426 ГК РФ), что обязывает оператора связи заключить договор с любым обратившимся лицом; детальная регламентация условий договора на уровне подзаконных актов; особый порядок заключения договора (например с использованием типовых форм); особенности определения качества услуг связи (скорость передачи данных, время установления соединения и др.); наличие особых прав и обязанностей сторон, установленных законодательством о связи (обязанность оператора связи обеспечить тайну связи, право оператора приостановить оказание услуг в случае нарушения абонентом условий договора).

Третья подгруппа. Договоры в сфере электронной коммерции. Под электронной коммерцией понимается сфера экономики, которая включает в себя финансовые и торговые транзакции, осуществляемые с помощью компьютерных сетей, и бизнес-процессы, связанные с проведением таких транзакций²⁹. Правовое регулирование договоров в сфере электронной коммерции осуществляется общими положениями гражданского законодательства о сделках и догово-

²⁸ См.: Кузнецова О.А. О правовой конструкции единого договора об оказании телекоммуникационных услуг // Вопросы российского и международного права. 2016. № 7 С. 23–32, и др.

²⁹ См.: Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60; Чиркова С.А. Правовое регулирование договоров, заключаемых в сети интернет // Вестник науки. 2024. № 5 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-dogovorov-zaklyuchaemyh-v-seti-internet> (дата обращения: 29.06.2025).

²⁷ Правила Оказания Услуг Связи По Передаче Данных \ КонсультантПлюс; Постановление Правительства РФ от 24 января 2024 г. № 59 «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи» | Документы ленты Прайм: Гарант.ру и др.

рах, специальными нормами о конкретных видах договоров, а также законодательством об электронной подписи, о защите прав потребителей, о национальной платежной системе, об информации, информационных технологиях и о защите информации. Для этой подгруппы договоров присущи свои особенности: заключение договоров осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; стороны договора взаимодействуют дистанционно, не встречаясь лично; для идентификации сторон и подтверждения их волеизъявления используются электронные средства (логины, пароли, электронные подписи); исполнение договоров связано с использованием электронных средств платежа. В данной сфере выделяют следующие договоры:

1) Договор розничной купли-продажи товаров дистанционным способом—соглашение, по которому продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, на основании ознакомления покупателя с описанием товара, предложенным продавцом в каталогах, проспектах, буклетах, представленным на фотоснимках или посредством средств связи, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (ст. 497 ГК РФ, ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»³⁰);

2) Договор об оказании услуг информационного посредника—соглашение, по которому информационный посредник обязуется осуществлять передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, предоставлять возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, или предоставлять доступ к материалу в этой сети (ст. 1253.1 ГК РФ);

3) Договор об использовании электронных средств платежа—соглашение между оператором по переводу денежных средств и клиентом об использовании электронного средства платежа (платежной карты, электронного кошелька и др.) (ст. 9 Федерального закона «О национальной платежной системе»³¹);

4) Пользовательское соглашение интернет-

сервиса—договор между владельцем интернет-сервиса и пользователем об условиях использования сервиса. Такой договор может содержать элементы различных типов договоров (оказания услуг, лицензионного договора и др.); 5) Договор об оказании услуг электронной торговой площадки—соглашение между оператором электронной торговой площадки и ее пользователем об организации торгов, размещении предложений о продаже товаров, заключении договоров с использованием функционала площадки.

Четвертая подгруппа. Договоры на предоставление облачных сервисов. Облачные сервисы представляют собой модель предоставления повсеместного и удобного сетевого доступа к общему пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов (сетям, серверам, хранилищам данных, приложениям и сервисам), которые могут быть быстро предоставлены и освобождены с минимальными управленческими усилиями или взаимодействием с провайдером услуг³². В российском законодательстве отсутствует специальное регулирование договоров на предоставление облачных сервисов, поэтому к ним применяются общие положения гражданского законодательства о договорах, а также, в зависимости от правовой природы конкретного договора, нормы о соответствующих типах договоров (лицензионный договор, договор оказания услуг и др.). В зависимости от модели обслуживания выделяют:

1) Программное обеспечение как услуга—модель, при которой потребителю предоставляется доступ к программному обеспечению, работающему на облачной инфраструктуре провайдера;

2) Платформа как услуга—модель, при которой потребителю предоставляется доступ к платформе, позволяющей развертывать, создавать и управлять приложениями;

3) Инфраструктура как услуга—модель, при которой потребителю предоставляются вычислительные ресурсы (процессор, память, дисковое пространство и др.)³³.

Таким образом, договоры в информационной сфере представляют собой активно развивающийся межотраслевой институт информационного и гражданского права, который требует комплексного правового регулирования с учетом цифровой трансформации информационных отношений и развития современных технологий.

³⁰ Закон РФ «О защите прав потребителей» (ЗОЗПП) от 07.02.1992 № 2300-1 (последняя редакция) \ КонсультантПлюс.

³¹ Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс.

³² См.: Елуферьева Ю.С., Михайлов А.П. Облачные сервисы // Экономика и социум. 2016. № 4–2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oblachnye-servisy> (дата обращения: 29.06.2025, и др.).

³³ См.: Суслова С.А. Договорное регулирование облачных услуг // Право и бизнес. 2025, № 1, с. 24–28, и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник/Под ред. Б.Н. Топорнина. СПб., 2001. 789 с.
2. Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. М., 2003. 352 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 2-е изд. доп. М., 2005. 842 с.

REFERENCES

1. Bachilo I.L., Lopatin V.N., Fedotov M.A. Information Law: Textbook. Ed. by B.N. Topornin. St. Petersburg, 2001. 789 p.
2. Bachilo I.L. Information Law: Fundamentals of Practical Informatics. Moscow, 2003. 352 p.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book One. General Provisions. 2nd ed. supplemented. Moscow, 2005. 842 p.

4. Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Витрянский В.В. и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 3е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 800 с.
5. Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. М., 1978. 191 с.
6. Елуферьева Ю.С., Михайлов А.П. Облачные сервисы // Экономика и социум. 2016. № 4–2 (23).
7. Зенин И.А. Наука и техника в гражданском праве. М., 1977. 208 с.
8. Копылов В.А. Информационное право: учебник. 2-е изд., доп. М.: Юрист, 2003. 512 с.
9. Кузнецова О.А. О правовой конструкции единого договора об оказании телекоммуникационных услуг // Вопросы российского и международного права. 2016, № 7.
10. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050. Стратегия инновационного прорыва. М., 2005. 624 с.
11. Право и информатика. Под ред. Е.А. Суханова. М., 1990. 144 с.
12. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 999 с.
13. Пугинский Б.И. Коммерческое право России. Учебник. 2-е изд., М., Зерцало. 2006. 350 с.
14. Ринг М.П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967. 200 с.
15. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.
16. Северин В.А. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Вестн Моск. ун-та. Серия 11, Право. № 4, 2000.
17. Северин В.А. Услуги информационного характера, обеспечивающие коммерческую деятельность // Законодательство, 2000. № 1.
18. Северин В.А. Правовая защищенность коммерчески ценной информации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. № 6, 2001.
19. Северин В.А. Регулирование коммерчески значимой информации в торговом обороте. // В сб.: Актуальные проблемы коммерческого права / Под ред. проф. Б.И. Пугинского. М., 2002. С. 103–123.
20. Северин В.А. Договоры на обращение коммерчески значимой информации // Актуальные проблемы коммерческого права: Сборник статей. Вып. 3 / Под ред. проф. Б.И. Пугинского. ИКД Зерцало-М Москва: 2007. С. 135–168.
21. Северин В.А. Договоры в сфере обращения информации // Коммерческое право: учебник для вузов / под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. 2021. Издательство Юрайт Москва. С. 470–476.
22. Сулова С.А. Договорное регулирование облачных услуг // Право и бизнес. 2025, № 1.
23. Чиркова С.А. Правовое регулирование договоров, заключаемых в сети интернет // Вестник науки. 2024. № 5 (74).
4. Civil Law: In 4 volumes. Volume 3: Law of Obligations: textbook. for university students studying in the field of 521400 "Jurisprudence" and in the specialty 021100 "Jurisprudence". [Vitryansky V.V. et al.]; responsible editors E.A. Sukhanov. 3rd ed., revised. and enlarged. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 800 p.
5. Dozortsev V.A. Legislation and scientific and technological progress. Moscow, 1978. 191 p.
6. Eluferyeva Yu.S., Mikhailov A.P. Cloud Services . *Economy and Society*. 2016. No. 4–2 (23). (in Rus.).
7. Zenin I.A. Science and technology in civil law. Moscow, 1977. 208 p.
8. Kopilov V.A. Information Law: textbook. 2nd ed., suppl. Moscow: Jurist, 2003. 512 p.
9. Kuznetsova O.A. On the legal structure of a single contract for the provision of telecommunication services. *Issues of Russian and International Law*. 2016, No. 7. (in Rus.).
10. Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. Russia-2050. Strategy for an Innovative Breakthrough. Moscow, 2005. 624 p.
11. Law and Information Science. Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow, 1990. 144 p.
12. Entrepreneurial Law of the Russian Federation: Textbook. Ed. E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 999 p.
13. Puginsky B.I. Commercial Law of Russia. Textbook. 2nd ed., Moscow, Zertsalo. 2006. 350 p.
14. Ring M.P. Contracts for Research and Design Work. Moscow, 1967. 200 p.
15. Savelyev A.I. Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law. *Bulletin of Civil Law*. 2016. No. 3. (in Rus.).
16. Severin V.A. Legal Problems of Ensuring Information Security in the Russian Federation. *Vestn. Mosk. Univ. Series 11, Law*. No. 4, 2000. (in Rus.).
17. Severin V.A. Information services supporting commercial activities. *Legislation*, 2000. No. 1. (in Rus.).
18. Severin V.A. Legal protection of commercially valuable information. *Vestn. Mosk. Univ. Series 11, Law*. No. 6, 2001.
19. Severin V.A. Regulation of commercially significant information in trade turnover. In the collection: Actual problems of commercial law. Ed. by prof. B.I. Puginsky. Moscow, 2002. Pp. 103–123.
20. Severin V.A. Agreements for circulation of commercially significant information. Actual problems of commercial law: Collection of articles. Issue 3. Ed. by prof. B.I. Puginsky. ICD Zertsalo-M Moscow: 2007. Pp. 135–168.
21. Severin V.A. Agreements in the Sphere of Information Circulation. Commercial Law: Textbook for Universities. Ed. by E.A. Abrosimova, V.A. Belov, B.I. Puginsky. 2021. Yurait Publishing House Moscow. Pp.470–476.
22. Suslova S.A. Contractual Regulation of Cloud Services. *Law and Business*. 2025, No. 1. (in Rus.).
23. Chirkova S.A. Legal Regulation of Contracts Concluded on the Internet. *Science Bulletin*. 2024. No. 5 (74). (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

На статью Северина Виталия Андреевича «Цифровая трансформация договорных отношений в информационной сфере».

Статья Северина В.Л. посвящена актуальной проблеме трансформации договорных отношений в информационной сфере за определенный период (с 60-х годов XX столетия по настоящее время) в условиях научно-технической революции, внедрения инноваций и цифровизации. Договор как правовой инструмент позволяет наиболее гибко и эффективно регулировать взаимоотношения субъектов, связанные с созданием, передачей, использованием и защитой информации. Однако, при составлении договора нужно учитывать особенности информации как объекта правоотношений, что требует особых подходов к конструированию договоров, определению их предмета, прав, обязанностей и ответственности сторон.

Уникальность работы заключается в комплексном анализе понятия, сущности и видов договоров в информационной сфере, выявлении особенностей их правового регулирования и определении перспектив развития договорных отношений в данной области. Автор рассматривает как поименованные, так и не поименованные в Гражданском кодексе РФ договоры, связанные с инновационным развитием отечественной экономики и технологий, и выделяет на этой основе — четыре этапа договорного регулирования информационных отношений с учетом последствий влияния информационной революции и принятия законодательства. Ценность статьи заключается в разработке автором классификации договоров в научно-технологической и информационной деятельности в условиях формирования цифровой экономики, что связано с использованием различных по направленности групп договоров в информационной сфере, имеющих специфику предмета договора и субъектного состава.

Стиль изложения статьи логичен и структурирован. Результаты исследования могут способствовать развитию научных представлений о договорах в информационной сфере и особенностях их правового регулирования, при совершенствовании законодательства в области информационного права, а также в образовательном процессе при преподавании информационно-правовых дисциплин.

На основе изложенного, статья Северина В.А. может быть рекомендована к публикации в журнале «Пробелы в российском законодательстве».

Рецензент: Варламова А.Н., д-р юрид. наук, профессор юридического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат».

Статья поступила в редакцию 05.07.2025, принята к публикации 23.07.2025

The article was received on 05.07.2025, accepted for publication 23.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Северин Виталий Андреевич, д-р юрид. наук, руководитель магистерской программы «Информационные правоотношения в инновационной экономике», почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры правовой информатики, информационного и цифрового права, Юридический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0012-1094, AuthorID: 552647, e-mail: severin-v.a@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vitaly A. Severin, Dr. Sci. (Law), Head of the Master's program "Information Legal Relations in Innovative Economics", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Informatics, Information and Digital Law, Faculty of Law; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0012-1094, AuthorID: 552647, e-mail: severin-v.a@mail.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-34-41

УДК: 336.74:004.738.5

ГРНТИ: 06.73.15, 06.81.25

EDN: VYSTEC

Проблемы правового регулирования интеграции цифровых валют в систему денежных отношений

© Маху Василий Федорович^а

© Крохина Юлия Александровна^б

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

^а makhu.v@yandex.ru

^б jkrokhina@mail.ru

Аннотация: Цель исследования. Анализ ключевых правовых проблем, возникающих при попытках интегрировать цифровые валюты (децентрализованные криптоактивы, стейблкоины, цифровые валюты центральных банков – CBDC) в сложившуюся систему денежных отношений, и разработка предложений по формированию адаптивной правовой модели.

Методология. Исследование основано на общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой) методах. Проведен анализ норм российского и зарубежного законодательства, доктринальных источников, практики регулирующих органов.

Выводы. Выявлена фундаментальная правовая неопределенность статуса различных типов цифровых валют, препятствующая их полноценному включению в денежную систему. Установлены значительные риски для финансовой стабильности (волатильность, угрозы монетарному суверенитету, отмывание средств) и прав потребителей (отсутствие гарантий, сложность защиты). Доказана необходимость дифференцированного подхода к регулированию. Предложены контуры правовой модели, основанной на: 1) законодательном закреплении четких дефиниций и статуса для CBDC, криптоактивов и стейблкоинов; 2) внедрении пропорционального пруденциального надзора и требований AML/CFT; 3) создании механизмов защиты прав пользователей; 4) обеспечении совместимости с международными стандартами (FATF, BIS).

Основные моменты:

Анализ правовой неопределенности статуса цифровых валют как барьера интеграции.

Оценка системных рисков (финансовая стабильность, монетарный суверенитет) и рисков для потребителей.

Обоснование необходимости дифференцированного регулирования CBDC, криптоактивов, стейблкоинов.

Предложение элементов правовой модели: четкий статус, пруденциальный надзор, защита прав, международная гармонизация.

Акцент на баланс между инновациями, стабильностью и защитой прав.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптоактивы, CBDC, стейблкоины, денежные отношения, правовое регулирование, финансовая стабильность, права потребителей, отмывание денег, монетарный суверенитет

Для цитирования: Маху В.Ф., Крохина Ю.А. Проблемы правового регулирования интеграции цифровых валют в систему денежных отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 34–41. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-34-41. EDN: VYSTEC

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-34-41

Problems of Legal Regulation of Integrating Digital Currencies into the Monetary Relations System

© Vasiliy F. Makhu^a

© Yuliya A. Krokhina^b

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^a makhu.v@yandex.ru

^b jkrokhina@mail.ru

Annotation: Purpose of the study. Analysis of key legal problems arising from attempts to integrate digital currencies (decentralized crypto-assets, stablecoins, central bank digital currencies - CBDCs) into the established monetary relations system and development of proposals for an adaptive legal model.

Methodology. The research is based on general scientific (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific (comparative legal, formal legal, historical legal) methods. Analysis of Russian and foreign legislation, doctrinal sources, and regulatory practices was conducted.

Results. Fundamental legal uncertainty regarding the status of various types of digital currencies hindering their full integration into the monetary system has been identified. Significant risks to financial stability (volatility, threats to monetary sovereignty, money laundering) and consumer rights (lack of guarantees, difficulty of protection) have been established. The necessity of a differentiated regulatory approach is proven. The contours of a legal model are proposed, based on: 1) legislative enshrinement of clear definitions and status for CBDCs, crypto-assets, and stablecoins; 2) implementation of proportional prudential supervision and AML/CFT requirements; 3) creation of user rights protection mechanisms; 4) ensuring compatibility with international standards (FATF, BIS).

Highlights:

Analysis of legal status uncertainty of digital currencies as an integration barrier.

Assessment of systemic risks (financial stability, monetary sovereignty) and consumer risks.

Justification for differentiated regulation of CBDCs, crypto-assets, stablecoins.

Proposal of legal model elements: clear status, prudential supervision, rights protection, international harmonization.

Focus on balancing innovation, stability, and rights protection.

Keywords: digital currency, crypto-assets, CBDC, stablecoins, monetary relations, legal regulation, financial stability, consumer rights, money laundering, monetary sovereignty

For citation: Makhu V.F., Krokhina Yu.A. Problems of Legal Regulation of Integrating Digital Currencies into the Monetary Relations System. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 34–41. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-34-41. EDN: VYSTEC

ВВЕДЕНИЕ

Развитие финансовых технологий (FinTech) привело к появлению принципиально новых феноменов в сфере денежного обращения—цифровых валют. Под этим широким термином понимают как децентрализованные криптоактивы (например, Биткоин, Эфириум), так и стейблкоины (цифровые активы, привязанные к стоимости традиционных активов или валют), и, что особенно актуально для государств,—цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currencies, CBDC). Их стремительное распространение и попытки интеграции в существующую финансовую систему ставят перед правовой наукой и законодателем комплекс сложных, не имеющих прецедентов проблем. Традиционная система денежных отношений, основанная на фиатных (фидуциарных) деньгах, эмитируемых центральными банками и регулируемых

национальным законодательством и международными стандартами, сталкивается с вызовом децентрализованных, трансграничных и технологически сложных инструментов. Правовая неопределенность статуса цифровых валют, отсутствие адекватных механизмов их регулирования, потенциальные риски для финансовой стабильности, монетарного суверенитета государств и защиты прав потребителей создают значительные барьеры для их легитимного использования и полноценного включения в экономический оборот. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования научно обоснованной правовой модели, способной обеспечить баланс между стимулированием финансовых инноваций, поддержанием стабильности денежно-кредитной системы, защитой прав участников отношений и соблюдением публичных интересов государства. **Целью исследования** является выявление ключевых правовых проблем интеграции

различных типов цифровых валют в систему денежных отношений и разработка предложений по формированию эффективной и адаптивной правовой модели их регулирования. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: 1) проанализировать правовую природу и выявить неопределенность статуса различных типов цифровых валют; 2) исследовать основные риски, связанные с их интеграцией, для финансовой стабильности и прав потребителей; 3) определить ключевые направления и принципы формирования правовой модели регулирования цифровых валют, учитывающей их специфику и обеспечивающей гармонизацию с международными подходами.

Методологическая база проведенного исследования.

Исследование базируется на комплексе общенаучных и частнонаучных методов познания. **Системный подход** позволил рассмотреть цифровые валюты как элемент эволюционирующей системы денежных отношений, выявить их взаимосвязи с традиционными финансовыми институтами и правовыми регуляторами. **Формально-юридический метод** был применен для анализа действующего российского законодательства (в первую очередь, Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», проекта закона о цифровом рубле, норм Гражданского кодекса РФ, законов о ЦБ РФ, о противодействии отмыванию доходов) и его соответствия вызовам цифровизации денежной сферы. **Сравнительно-правовой метод** использовался для изучения опыта правового регулирования цифровых валют в ключевых юрисдикциях (ЕС – Регламент MiCA, США, Швейцария, Сингапур, Китай), а также подходов международных организаций (ФАТФ, БМР, МВФ, ФСБ). **Историко-правовой метод** дал возможность проследить эволюцию понятия «деньги» и правовых режимов их обращения в контексте технологических инноваций. **Метод правового моделирования** использовался при разработке предложений по конструированию элементов будущей правовой модели регулирования. Также применялись методы **анализа** (доктринальных источников, позиций регуляторов, статистики рисков) и **синтеза** для формулирования обобщенных выводов и рекомендаций.

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СТАТУСА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Интеграция цифровых валют в систему денежных отношений наталкивается на фундаментальную проблему—отсутствие единого и четкого понимания их правовой природы и статуса. Эта неопределенность проявляется на нескольких уровнях.

1. Отсутствие универсального определения и классификации. Термин «цифровая валюта» (digital currency) является собирательным и охватывает технологически и экономически разнородные явления: — **Криптоактивы (Crypto-assets):** Децентрализованные цифровые активы, созданные с использованием криптографии и распределенных реестров (DLT), ценность которых определяется преимущественно рыночным спросом и предложением (Биткоин,

Эфириум и др.). Их ключевая характеристика—отсутствие эмитента, ответственного за их стоимость. — **Стейблкоины (Stablecoins):** Цифровые активы, разработанные для поддержания стабильной стоимости путем привязки к одному или нескольким активам (фиатным валютам, товарам, другим криптоактивам) или алгоритмического регулирования предложения. Могут быть обеспеченными (например, USDT, USDC) или алгоритмическими (например, бывший UST). Правовой статус и степень ответственности эмитента сильно варьируются. — **Цифровые валюты центральных банков (CBDC):** Цифровая форма фиатной валюты страны, эмитируемая и гарантируемая центральным банком. Является прямым обязательством ЦБ, аналогом наличных денег в цифровой форме (ретортная модель) или новым видом денег (инновационная модель). Примеры: цифровой юань (e-CNY), цифровой евро (проект), цифровой рубль (проект).

Действующее законодательство большинства стран, включая Россию (ФЗ-259), не дает единого, охватывающего все виды, определения «цифровой валюты», предпочитая использовать более узкие категории («цифровая валюта», «цифровой финансовый актив», «утилитарный цифровой правоустанавливающий документ» в РФ; «криптоактив», «эмитированный токен», «стейблкоин» в ЕС MiCA). Это создает сложности в квалификации конкретного актива и применении к нему соответствующих правовых норм.

2. Проблема квалификации в качестве «денег» или «денежного суррогата». Является ли цифровая валюта (особенно криптоактив или стейблкоин) законным средством платежа («деньгами») в юридическом смысле? В большинстве юрисдикций, включая РФ (ст. 140 ГК РФ, ст. 27, 29 Закона о ЦБ РФ), законным средством платежа, обязательным к приему по нарицательной стоимости, является только национальная валюта (рубль). Все остальные средства расчетов (включая иностранную валюту в определенных случаях) функционируют на основе договоренностей сторон. Криптоактивы и стейблкоины не признаются законным средством платежа в РФ (прямой запрет в ФЗ-259) и большинстве стран. Их использование в расчетах основано на соглашении сторон, что не придает им статуса «денег». CBDC, напротив, по замыслу, должны стать цифровой формой национальной валюты, обладающей статусом законного средства платежа. Однако правовые рамки этого статуса для CBDC еще только формируются. Отказ признавать криптоактивы/стейблкоины деньгами часто сопровождается квалификацией их как «денежных суррогатов», оборот которых ограничивается или запрещается (как в РФ для криптоактивов в качестве платежного средства), что создает правовые риски для пользователей.

3. Правовая природа: товар, имущество, имущественное право, ценная бумага? В отсутствие статуса денег возникает вопрос о гражданско-правовой природе цифровых валют. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые признаются объектом имущественных прав, но не относит ее к имуществу или имущественным правам в классическом понимании ГК РФ. Они признаются «иным

имуществом». Цифровые финансовые активы (ЦФА) в РФ—это, по сути, токенизированные традиционные активы (права требования, ценные бумаги, доли участия). В других юрисдикциях подходы разнятся: от признания криптоактивов имуществом (США в ряде решений) или инвестиционным активом (Швейцария) до специфических категорий (виртуальные активы). Стейблкоины, особенно обеспеченные, могут рассматриваться как цифровое представление лежащих в их основе активов (например, доллара), что сближает их с электронными деньгами, но их правовой режим часто отличается. CBDC позиционируются как цифровая форма наличных денег (обязательство ЦБ), но их технологическая реализация может влиять на характер прав владельца (например, вопросы анонимности, программируемости). Эта правовая неоднозначность затрудняет определение применимых норм (о купле-продаже, займе, залоге, наследовании), юрисдикции, налогового режима, правил бухучета и защиты прав в случае споров или банкротства платформы.

4. Проблема определения эмитента и ответственности. Для децентрализованных криптоактивов (Биткоин) проблема эмитента и контролирующего лица неразрешима в традиционных правовых категориях. Кто несет ответственность перед владельцами в случае технического сбоя, потери ключей или мошенничества? Для стейблкоинов ответственность эмитента за обеспечение и погашение по номиналу является ключевым вопросом доверия, но правовые механизмы гарантий часто недостаточны. Для CBDC эмитентом выступает ЦБ, что снимает этот вопрос, но порождает другие—о степени гарантий, конфиденциальности, доступности.

Выводы к разделу № 1: Правовая неопределенность статуса различных типов цифровых валют является основным барьером для их безопасной и эффективной интеграции в систему денежных отношений. Необходимо законодательное закрепление:

— Четких, технологически нейтральных дефиниций для основных типов цифровых валют (криптоактив, стейблкоин, CBDC).

— Гражданско-правовой природы каждого типа (особенно криптоактивов и стейблкоинов) и вытекающих из этого прав и обязанностей владельцев.

— Статуса CBDC как цифровой формы национальной валюты с соответствующими атрибутами законного средства платежа.

— Сферы допустимого использования каждого типа цифровых валют (запрет использования криптоактивов как платежного средства в РФ—пример).

РИСКИ ДЛЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Интеграция цифровых валют, особенно без адекватного правового регулирования, несет значительные риски, требующие внимания законодателя и регуляторов.

1. Риски для финансовой стабильности и монетарного суверенитета:

— **Волатильность криптоактивов:** Резкие колебания курсов (особенно необеспеченных криптоактивов) могут дестабилизировать финансовые рынки, приводить к значительным потерям инвесторов и угрожать

стабильности финансовых институтов, активно инвестирующих в криптоактивы или обслуживающих связанные с ними операции. Примеры крахов Terra/Luna, FTX демонстрируют масштаб потенциального системного воздействия.

— **Риски стейблкоинов:** Нарушение механизма поддержания стабильности (падение стоимости обеспечения, сбой алгоритма) может привести к «отрыву» стейблкоина от паритета («депеггинг»), что подрывает доверие ко всему сегменту и вызывает панику. Крупные стейблкоины (USDT, USDC) по объему операций сопоставимы с крупными банками, их крах будет иметь системные последствия. Существует риск концентрации значительной денежной массы вне банковской системы под контролем частных эмитентов, что ослабляет традиционные каналы денежно-кредитной политики ЦБ.

— **«Банковский ран» в эпоху CBDC:** Широкое внедрение CBDC может спровоцировать отток депозитов из коммерческих банков в «безрисковые» счета ЦБ в кризисные периоды, усугубляя проблемы ликвидности банков и дестабилизируя кредитную систему. Необходимы продуманные ограничения на объемы CBDC на счетах граждан/бизнеса или дифференцированные ставки.

*Угрозы монетарному суверенитету: Широкое распространение глобальных стейблкоинов, привязанных к иностранным валютам (например, USD), или CBDC крупных экономик может привести к долларизации/евроизации цифровых платежей внутри страны, подрывая роль национальной валюты и ограничивая возможности ЦБ в проведении независимой денежно-кредитной политики. Цифровой рубль призван противодействовать этому риску. *Риски кибербезопасности: Кибератаки на криптобиржи, кошельки или инфраструктуру CBDC могут привести к хищению средств в огромных масштабах и подорвать доверие ко всей системе цифровых валют.

2. Риски для прав потребителей (инвесторов, пользователей):

— **Отсутствие гарантий и защиты:** Владельцы криптоактивов и пользователи стейблкоинов, в отличие от вкладчиков банков, как правило, не защищены системами страхования вкладов или государственными гарантиями. В случае банкротства платформы (биржи, кошелька), мошенничества или технической ошибки велика вероятность безвозвратной потери средств. Правовые механизмы возмещения ущерба слабо развиты и сложны в реализации из-за трансграничности и анонимности.

— **Высокая сложность и непрозрачность:** Технологическая сложность блокчейна, смарт-контрактов, ключей безопасности делает продукты труднопонимаемыми для рядового пользователя. Риск совершения ошибки (отправка на неверный адрес, потеря ключа) велик и часто необратим. Недостаточная прозрачность алгоритмов стейблкоинов, состава и качества обеспечения повышает риски.

— **Мошенничество и недобросовестные практики:** Сфера цифровых валют остается привлекательной для мошенников (финансовые пирамиды, скам-проекты, фишинг). Отсутствие четкого регулирования и лицензирования деятельности операторов (бирж, кошельков) затрудняет борьбу с этим.

— **Проблемы конфиденциальности и контроля:** С одной стороны, публичные блокчейны обеспечивают прозрачность транзакций. С другой—это создает риски для финансовой конфиденциальности пользователей. CBDC, в зависимости от модели, могут предоставлять ЦБ беспрецедентный доступ к данным о транзакциях граждан, что требует четкого правового регулирования предоставления такого доступа и защиты персональных данных.

— **Отсутствие эффективных механизмов разрешения споров:** Трансграничный и децентрализованный характер многих цифровых валют усложняет определение подсудности и применимого права, а также исполнение судебных решений.

3. Риски использования в противоправной деятельности:

— **Отмывание доходов (AML) и финансирование терроризма (CFT):** Псевдоанонимность некоторых криптоактивов может использоваться для сокрытия происхождения преступных доходов и их трансграничного перемещения. Необходимо внедрение требований AML/CFT для всех профессиональных участников рынка (биржи, кошельки, эмитенты стейблкоинов), аналогичных требованиям к традиционным финансовым институтам (стандарты ФАТФ). Реализация этих требований в децентрализованной среде (DeFi) представляет особую сложность.

Выводы к разделу № 2: Интеграция цифровых валют несет существенные риски для макроэкономической стабильности (волатильность, угрозы банковской системе, монетарному суверенитету) и прав потребителей (отсутствие гарантий, сложность использования, мошенничество, проблемы конфиденциальности). Для их минимизации правовое регулирование должно предусматривать:

— Пропорциональные пруденциальные требования к эмитентам стейблкоинов и операторам инфраструктуры крипторынка.

— Четкие требования AML/CFT для всех профессиональных участников рынка.

— Механизмы защиты прав пользователей (раскрытие информации, обеспечение прозрачности, правила деятельности платформ, создание фондов компенсации).

— Продуманный дизайн CBDC, минимизирующий риски для банковского сектора и защищающий конфиденциальность в рамках закона.

— Эффективный надзор со стороны финансовых регуляторов (ЦБ, Росфинмониторинг).

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

Преодоление правовой неопределенности и смягчение рисков требуют разработки комплексной и гибкой правовой модели регулирования цифровых валют. Эта модель должна быть дифференцированной, учитывающей специфику разных типов активов, и базироваться на следующих ключевых направлениях:

1. Четкое законодательное определение статуса и правового режима:

— **Дифференциация по типам:** Необходимо законодательно закрепить отдельные категории: 1) **CBDC** (цифровая форма национальной валюты, законное средство платежа, эмиссия и гарантии—ЦБ); 2) **Стейблкоины** (частные цифровые активы, привязанные

к стоимости иного актива, с обязательным требованием к обеспечению и прозрачности, эмиссия—лицензированные юрлица под надзором ЦБ/финрегулятора); 3) **Криптоактивы (утилитарные токены)** (децентрализованные цифровые активы, признаваемые иным имуществом, не являющиеся законным средством платежа, обращение—на лицензированных площадках с соблюдением AML/CFT); 4) **Цифровые финансовые активы (ЦФА/инвестиционные/эмиссионные токены)**—токенизированные права/обязательства (регулируются в рамках существующего законодательства о ценных бумагах, коллективных инвестициях и т.д., с учетом специфики технологии).

— **Гражданско-правовой статус:** Четкое определение правового режима владения, распоряжения, залога, наследования для криптоактивов и стейблкоинов как объектов гражданских прав.

— **Сфера допустимого использования:** Законодательное закрепление разрешенных сфер применения (например, CBDC—все платежи; стейблкоины—расчеты на крипторынках, трансграничные платежи; криптоактивы—инвестиции, расчеты в децентрализованных экосистемах по соглашению сторон).

2. Регулирование эмиссии и деятельности участников рынка:

— **Лицензирование/регистрация:** Введение требований к лицензированию или регистрации эмитентов стейблкоинов, операторов криптобирж, провайдеров кошельков и других профессиональных участников рынка.

— **Пруденциальные требования:** Установление пропорциональных пруденциальных норм (достаточность капитала, требования к обеспечению стейблкоинов, управление рисками, кибербезопасность) для эмитентов стейблкоинов и системно значимых операторов инфраструктуры.

— **Требования AML/CFT:** Обязательное применение законодательства о ПОД/ФТ ко всем лицензированным/зарегистрированным участникам рынка (идентификация клиентов, мониторинг транзакций, сообщение о подозрительных операциях, хранение данных). Разработка подходов к регулированию DeFi.

— **Защита прав потребителей:** Введение обязательных стандартов раскрытия информации о рисках, условиях обслуживания, комиссиях. Установление правил деятельности платформ (обеспечение сохранности активов клиентов, порядок рассмотрения жалоб, механизмы возврата средств при технических сбоях/мошенничестве платформы). Рассмотрение возможности создания фондов компенсации по аналогии со страхованием вкладов (для средств на биржах/в кошельках).

3. Разработка и внедрение CBDC:

— **Законодательная база:** Принятие специального закона о цифровом рубле (или внесение изменений в законы о ЦБ РФ, о НПС), четко определяющего его статус как цифровой формы рубля, законного средства платежа, эмитента, права и обязанности держателей, ЦБ и операторов платформы, вопросы конфиденциальности и контроля.

— **Дизайн CBDC:** Продуманный выбор модели (ретортная, инновационная; розничная, оптовая; счета в ЦБ или токены) с учетом целей (финансовая доступность, эффективность платежей, стабильность, суверенитет) и рисков (для банковской системы, конфи-

денциальности). Ключевое значение имеет решение о степени анонимности/псевдоанонимности и доступе ЦБ к данным.

— **Технологическая и правовая совместимость:** Обеспечение совместимости платформы CBDC с существующей платежной инфраструктурой и правовыми нормами.

4. Международная гармонизация:

— **Следование международным стандартам:** Учет и имплементация рекомендаций и стандартов международных организаций (ФАТФ—по AML/CFT, БМР/CPMI—по платежным системам и CBDC, ФСБ/IOSCO—по регулированию рынков криптоактивов).

— **Трансграничное взаимодействие:** Разработка правовых основ для трансграничного использования CBDC и регулирования трансграничных операций с криптоактивами/стейблкоинами, включая вопросы юрисдикции, применимого права, обмена информацией между регуляторами.

Выводы к разделу № 3: Формирование эффективной правовой модели регулирования цифровых валют требует дифференцированного подхода и комплексного решения следующих задач законодательными и регулятивными мерами:

— Закрепление в законе четких дефиниций и статуса CBDC, стейблкоинов, криптоактивов.

— Создание пропорциональной системы регулирования и надзора за эмитентами и профессиональными участниками рынка (лицензирование, пруденциальные нормы, AML/CFT).

— Разработка и законодательное оформление модели цифрового рубля (CBDC) с учетом баланса целей и рисков.

— Внедрение надежных механизмов защиты прав потребителей и инвесторов.

— Обеспечение гармонизации национального регулирования с международными стандартами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграция цифровых валют—криптоактивов, стейблкоинов и CBDC—в систему денежных отношений представляет собой сложный и многогранный вызов для правовой системы. Проведенное исследование выявило, что ключевым препятствием является **глубокая правовая неопределенность статуса** этих новых феноменов, что затрудняет их квалификацию, применение существующих норм и защиту прав участников отношений. Эта неопределенность напрямую способствует возникновению **значительных рисков:** для финансовой стабильности (волатильность, угрозы банковской системе, монетарному суверенитету) и, особенно, для прав потребителей и инвесторов (отсутствие га-

рантий возврата средств, высокая сложность и риск ошибок, мошенничество, проблемы конфиденциальности, отсутствие эффективных механизмов разрешения споров). Угрозы использования цифровых валют для **отмывания доходов и финансирования терроризма** также требуют адекватного правового ответа.

Преодоление этих проблем и рисков возможно только через формирование **адаптивной, дифференцированной и сбалансированной правовой модели регулирования**. Основными путями ее создания являются:

1. **Четкое законодательное определение** природы, статуса и правового режима для каждого основного типа цифровых валют (CBDC как цифровая форма национальной валюты; стейблкоины как частные обеспеченные платежные инструменты под надзором; криптоактивы как иное имущество/инвестиционные активы).

2. **Введение пропорционального регулирования и надзора** за деятельностью эмитентов (особенно стейблкоинов) и профессиональных участников рынка (биржи, кошельки), включая лицензирование, пруденциальные требования и строгое соблюдение норм ПОД/ФТ.

3. **Продуманное законодательное оформление CBDC (цифрового рубля)**, определяющее его статус, гарантии, дизайн (включая критически важные аспекты конфиденциальности и воздействия на банковский сектор), права и обязанности сторон.

4. **Создание эффективных механизмов защиты прав потребителей** (раскрытие информации, правила деятельности платформ, прозрачность, потенциальные компенсационные схемы) и инвесторов.

5. **Обеспечение международной гармонизации** регулирования путем следования разрабатываемым стандартам (ФАТФ, БМР, ФСБ) и развития сотрудничества между регуляторами разных стран.

Успешная интеграция цифровых валют в денежную систему возможна лишь при нахождении **оптимального баланса** между целями:

— **Поддержания финансовой стабильности и монетарного суверенитета;**

— **Защиты прав и интересов потребителей и инвесторов;**

— **Стимулирования финансовых инноваций и повышения эффективности платежной системы;**

— **Противодействия противоправному использованию.**

Достижение этого баланса—задача сложная, но необходимая для развития современной, устойчивой и инклюзивной финансово-правовой системы в эпоху цифровой трансформации. Формирование научно обоснованной правовой модели, предложенное в данном исследовании, является важным шагом на этом пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашанова Т.В. Правовые проблемы цифровых финансовых активов и валют // Закон. 2021. № 10. С. 78–92.
2. Тихомиров Ю.А., Бельх В.С. Цифровой рубль: правовые аспекты внедрения // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 23–37.

REFERENCES

1. Kashanova T.V. Legal Problems of Digital Financial Assets and Currencies. *Zakon (Law)*. 2021. No. 10. Pp. 78–92. (in Rus.).
2. Tikhomirov Yu.A., Belykh V.S. Digital Ruble: Legal Aspects of Implementation. *Zhurnal rossiyskogo prava (Journal of Russian Law)*. 2022. No. 5. Pp. 23–37.

3. Хашева З.М., Шамраев А.В. Регулирование крипто-активов и стейблкоинов: международный опыт и перспективы для России // Деньги и кредит. 2022. № 8. С. 45–59.
4. Arner D.W., Buckley R.P., Zetzsche D.A., et al. Decentralized Finance (DeFi) // Journal of Financial Regulation. 2022. Vol. 8. P. 172–203.
5. BIS. Central bank digital currencies: foundational principles and core features. Report No 1. 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm>.
6. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114> (дата обращения: 15.10.2023).
7. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/updated-guidance-rba-virtual-assets-2021.html>.
8. G7. Public Policy Principles for Retail Central Bank Digital Currencies. 2021. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/G7-CBDC-Principles-final-Oct-13-2021.pdf>.
9. International Monetary Fund (IMF). Global Financial Stability Report: Cryptoization and Financial Stability. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021>.
10. Радченко С.Д. Цифровая валюта центрального банка: экономико-правовые аспекты // Финансовое право. 2021. № 12. С. 15–19.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в оборот цифрового рубля» // Официальный сайт Государственной Думы РФ.
3. Hasheva Z.M., Shamraev A.V. Regulation of Crypto-Assets and Stablecoins: International Experience and Prospects for Russia. *Den'gi i kredit (Money and Credit)*. 2022. No. 8. Pp. 45–59. (in Rus.).
4. Arner D.W., Buckley R.P., Zetzsche D.A., et al. Decentralized Finance (DeFi). *Journal of Financial Regulation*. 2022. Vol. 8. Pp. 172–203.
5. BIS. Central bank digital currencies: foundational principles and core features. Report No 1. 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm>.
6. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-assets (MiCA). *Official Journal of the European Union*. 2023. L 150. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114>.
7. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/updated-guidance-rba-virtual-assets-2021.html>.
8. G7. Public Policy Principles for Retail Central Bank Digital Currencies. 2021. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/G7-CBDC-Principles-final-Oct-13-2021.pdf>.
9. International Monetary Fund (IMF). Global Financial Stability Report: Cryptoization and Financial Stability. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021>.
10. Radchenko S.D. Central Bank Digital Currency: Economic and Legal Aspects. *Finansovoe pravo (Financial Law)*. 2021. No. 12. Pp. 15–19. (in Rus.).
11. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (Collected Legislation of the Russian Federation)*. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
12. Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Digital Ruble". Official website of the State Duma of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью аспиранта кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита МГУ им. Ломоносова—Василия Федоровича Маху и доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита МГУ им. Ломоносова—Юлии Александровны Крохиной на тему: «Проблемы правового регулирования интеграции цифровых валют в систему денежных отношений».

В статье авторы последовательно и глубоко выявляют ключевые пробелы и противоречия в действующем российском законодательстве (прежде всего, в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ, Гражданском кодексе Российской Федерации, законодательстве о Банке России) в части регулирования различных типов цифровых валют (криптоактивов, стейблкоинов, CBDC).

Центральная проблема статьи—правовая неопределенность статуса цифровых валют—является прямым следствием существующих законодательных пробелов. Научная работа также указывает на недостаточность правовых норм, регулирующих риски для финансовой стабильности, защиты прав потребителей и противодействия противоправной деятельности в контексте цифровых валют. Предлагаемые авторами пути формирования правовой модели напрямую направлены на устранение выявленных пробелов.

Статья содержит значительную долю оригинальности и научной новизны, учитывая присутствие следующих аспектов:

— четкая дифференциация и комплексный анализ правовых проблем каждого из трех основных типов цифровых валют (криптоактивы, стейблкоины, CBDC) в российском контексте;

– глубокий анализ системных рисков (включая специфический риск «банковского рана» для CBDC и угрозы монетарному суверенитету от глобальных стейблкоинов) и рисков для потребителей, выходящий за рамки простого перечисления;
– разработка конкретных, детализированных контуров адаптивной правовой модели, включающей законодательное закрепление статуса, дифференцированное регулирование участников, механизмы защиты прав и международную гармонизацию;

– предложения по четкой классификации и правовому режиму для каждого типа актива;

– акцент на необходимость баланса между инновациями, стабильностью и защитой прав как ключевой принцип регулирования.

В представленном тексте не выявлено грубых фактических или концептуальных ошибок. Анализ законодательства и рисков представляется корректным. Терминология используется последовательно. Статья демонстрирует высокую степень самостоятельности. Использованные источники должным образом цитируются и служат основой для аргументации, а не заменой авторской позиции.

Тема статьи актуальна в свете стремительного развития рынка цифровых активов, пилотного проекта цифрового рубля в России и активной международной дискуссии по регулированию (MiCA в ЕС, подходы США, ФАТФ, БМР).

Представленная работа систематизирует ключевые правовые проблемы интеграции цифровых валют, обосновывает необходимость срочного устранения законодательных пробелов, предлагает конкретные, научно обоснованные пути совершенствования законодательства и практики регулирования для России.

Включены ключевые российские авторы, исследующие проблемы цифровых активов и валют (Кашанова Т.В., Тихомиров Ю.А. и Белых В.С., Хашева З. М. и Шамраев А.В., Радченко С.Д.).

Присутствуют фундаментальные международные источники: доклады БМР, ФАТФ, МВФ, G7; Регламент ЕС MiCA; работы ведущих зарубежных ученых (Amer, Buckley, Zetzsche).

Ссылки на действующее законодательство Российской Федерации и международные акты корректны.

Учитывая глубину анализа, можно было бы расширить ссылки на некоторые дополнительные работы по экономическим аспектам CBDC или конкретным правовым моделям других юрисдикций (Швейцария, Сингапур), но текущий список является удовлетворительным и соответствует уровню исследования.

Заголовок точно отражает суть исследования. Аннотации (русская и английская) лаконично и информативно излагают цель, методы, основные результаты (выводы) и ключевые аспекты статьи (Highlights).

Цель работы сформулирована корректно и четко: «выявление ключевых правовых проблем интеграции различных типов цифровых валют в систему денежных отношений и разработка предложений по формированию эффективной и адаптивной правовой модели их регулирования». Задачи логично вытекают из цели.

Выводы являются адекватными и хорошо обоснованными. Они логично вытекают из проведенного анализа. Каждый ключевой вывод (о правовой неопределенности как барьере, о значительных рисках, о необходимости дифференцированного регулирования и конкретных элементах правовой модели) подкреплен аргументацией и ссылками на законодательство, практику или доктрину. Заключение суммирует выводы работы последовательно.

Статья «Проблемы правового регулирования интеграции цифровых валют в систему денежных отношений» представляет собой качественную, актуальную и научно обоснованную работу, рекомендуется к опубликованию в журнале «Проблемы в российском законодательстве» (Издательский дом «Юр-БАК») в представленном виде.

Рецензент: Тиханыхев А.П., канд. юрид. наук, налоговый консультант, Общество с ограниченной ответственностью «Такс Комплаенс», г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 90,09%.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, принята к публикации 22.07.2025

The article was received on 02.07.2025, accepted for publication 22.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Маху Василий Федорович, аспирант; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, e-mail: makhu.v@yandex.ru

Крохина Юлия Александровна, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9178-758X, SPIN-код: 3526-8230, AuthorID: 691672, e-mail: jkrokhina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vasiliy F. Makhu, Postgraduate Student; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, e-mail: makhu.v@yandex.ru

Yuliya A. Krokhina, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9178-758X, SPIN-code: 3526-8230, AuthorID: 691672, e-mail: jkrokhina@mail.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-42-52

УДК: 342.7

ГРНТИ: 10.19.01

EDN: UBSUXF

Правозащитная деятельность в Российской Федерации: конституционные основы, законодательные пробелы и пути их устранения

© Газимагомедова Наида Абулмуслимовна

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

dgu5555@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые конституционные основы правозащитной деятельности в Российской Федерации, а также выявляются и анализируются существующие законодательные пробелы, препятствующие эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина. Особое внимание уделяется динамичности правовых отношений, недостаточности существующих механизмов защиты, проблемам нормативной несправедливости, законодательским ошибкам, появлению новых категорий прав (в частности, цифровых), а также влиянию внешних факторов и чрезвычайных ситуаций. Целью исследования является не только систематизация выявленных пробелов, но и предложение конкретных путей и механизмов их устранения для совершенствования правовой базы.

Методология проведенного исследования основана на традиционных познавательных приемах и средствах теоретико-правового и юридико-догматического анализа рассматриваемой проблематики.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что эффективное устранение законодательных пробелов требует комплексного подхода, включающего механизмы постоянного мониторинга законодательства, развитие форм защиты, иницируемых гражданским обществом, проактивное законотворчество для обеспечения справедливости норм, оперативное законодательное закрепление новых категорий прав и адаптацию правовой базы к внешним вызовам. Подчеркивается, что суверенитет государства является необходимым условием для эффективной правозащитной деятельности, позволяя формировать законодательство, отвечающее национальным интересам и конституционным принципам.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, законодательные пробелы, конституционные основы, защита прав человека, цифровые права, гражданское общество, законотворчество, Северо-Кавказский округ, Российская Федерация

Для цитирования: Газимагомедова Н.А. Правозащитная деятельность в Российской Федерации: конституционные основы, законодательные пробелы и пути их устранения // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 42–52. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-42-52. EDN: UBSUXF

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-42-52

Human Rights Protection in the Russian Federation: Constitutional Foundations, Legislative Gaps and Remedial Measures

© Naida A. Gazimagomedova

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

dgu5555@mail.ru

Annotation: The article examines the key constitutional foundations of human rights protection in the Russian Federation, identifying and analyzing existing legislative gaps that hinder the effective realization of human and civil rights and freedoms. Special attention is given to the dynamics of legal relations, inadequacies in existing protection mechanisms, problems of regulatory injustice, legislative drafting flaws, the emergence of new categories of rights (particularly digital rights), as well as the impact of external factors and emergency situations. The study aims not only to systematize identified gaps but also to propose concrete remedial measures and mechanisms for improving the legal framework. The research methodology is based on traditional cognitive techniques of theoretical-legal and legal-dogmatic analysis. The study concludes that effectively addressing legislative gaps requires a comprehensive approach. This includes establishing mechanisms for continuous legislative monitoring, developing civil society-initiated protection formats, proactive lawmaking to ensure regulatory fairness, prompt legislative recognition of new rights categories, and adapting the legal framework to external challenges. It emphasizes that state sovereignty is a prerequisite for effective human rights protection, enabling the development of legislation aligned with national interests and constitutional principles.

Keywords: human rights protection, legislative gaps, constitutional foundations, human rights, digital rights, civil society, lawmaking, North Caucasus District, Russian Federation

For citation: Gazimagomedova N.A. Human Rights Protection in the Russian Federation: Constitutional Foundations, Legislative Gaps and Remedial Measures. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 42–52. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-42-52. EDN: UBSUXF

ВВЕДЕНИЕ

Защита прав и свобод человека является краеугольным камнем любого современного правового государства, и Российская Федерация не является исключением. В условиях становления правового государства и динамично развивающихся общественных отношений вопросы обеспечения правозащитной деятельности приобретают особое политическое и правовое значение, что требует более полного и последовательного учета при устранении пробелов в российском законодательстве.

Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные принципы, определяющие роль государства и общества в обеспечении и защите прав и свобод граждан. Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства. Дополнительно, часть 1 статьи 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Эти конституционные положения формируют нормативную и аксиологическую основу для всей системы обеспечения и защиты прав граждан в стране. Такая конституционная формулировка не просто декларирует ценности, но и закладывает системный фундамент для правозащитной деятельности, которая подразумевает, что защита прав человека не является второстепенной или факультативной функцией, а представляет собой неотъемлемую, конституционно закрепленную обязанность государства, пронизывающую все уровни и структуры управления.

Любое действие или бездействие органов власти должно рассматриваться через призму его воздействия на права человека, делая правозащитную деятельность системным, а не узкоотраслевым вопросом.

Несмотря на прочную конституционную основу и декларируемую высокую ценность прав человека, последующий анализ проблем и пробелов в законодательстве указывает на существенное напряжение между конституционными идеалами и их эффективной практической реализацией. Это свидетельствует о том, что основные вызовы заключаются не столько в отсутствии конституционной приверженности, сколько в конкретизации этих принципов через эффективное законодательство и последовательное правоприменение. Постоянное совершенствование конституционно-правовых основ, с учетом не только самого законодательства, но и состояния практики его реализации выступает важнейшим требованием обеспечения принципа справедливости и основной целью преодоления пробелов в законодательстве для правозащитной деятельности.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Правозащитная деятельность в Российской Федерации представляет собой комплекс социально значимых действий, направленных на защиту, восстановление и всестороннее обеспечение прав и свобод человека и гражда-

нина, признанных Конституцией РФ, международными нормативно-правовыми актами и действующим законодательством. Основной целью правозащитной деятельности является обеспечение, защита и восстановление нарушенных прав и свобод, что включает противодействие нарушениям, содействие реализации прав и свобод, а также повышение правовой культуры и грамотности населения. Закрепленная в Конституции РФ (ст. 19, 45 и др.) правозащитная функция российского государства выступает неотъемлемой составляющей государственной деятельности, проникающей в различные сферы общественной жизни и играющей ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан.

В условиях динамично развивающихся общественных отношений и появления новых вызовов, статичное по своей сути законодательство неизбежно порождает пробелы, препятствующие полной и эффективной реализации конституционных основ и гарантий. Теоретически, в условиях постоянно развивающихся общественных отношений законодательство не может всецело отвечать уровню и специфике их развития, и тем самым избежать возникновения пробелов и коллизий. Возникающий в результате этого недостаток ясности в праве может привести к неправомерным действиям и неблагоприятным последствиям как для граждан, так и для государственных органов. Для разрешения такой ситуации, как правильно отмечается в литературе, «необходимо разработать результативные решения, обеспечивающие правильную и гарантированную работу системы и ее будущее развитие» [Камышанова, 2024:59]. В особенности это имеет отношение к правозащитной деятельности, которая, будучи элементом системы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, представляет собой целостную конституционно обусловленную упорядоченную совокупность взаимодействующих звеньев правового механизма, направленная на достижение защищенности на практике прав и свобод граждан. Закрепленная в Конституции РФ (ст. 19, 45 и др.) правозащитная функция российского государства выступает неотъемлемой составляющей государственной деятельности, которая проникает в различные сферы общественной жизни и играет ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан [Воскресенская, 2024].

Для реализации прав граждан с учетом принципов конституционной справедливости и обеспечения их реальной защиты важнейшим условием преодоления пробелов законодательства, особенно с учетом состояния практики, выступает деятельность институтов гражданского общества правозащитного направления и осуществляемый ими общественный контроль [Хайруллина, 2023]. Право граждан на создание общественных объединений, закрепленное Конституцией РФ (ст. 13, 30, 114) и федеральным законодательством¹ (включая общественный контроль²), составляет конституционно-правовую основу для функ-

ционирования и правозащитной деятельности институтов гражданского общества. В этой связи значимым шагом в развитии конституционно-правовых основ стала конституционная поправка 2020 г. (ст. 114 (е.1)), включившая в полномочия Правительства РФ—поддержку институтов гражданского общества и обеспечение их участия в выработке государственной политики.

Однако, несмотря на конституционно-правовые основы и законодательства в целом, деятельность институтов гражданского общества и в особенности правозащитных организаций сталкивается на практике с системными вызовами, ограничивающими их способность эффективно защищать права граждан. Особую остроту эти проблемы приобретают в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), где исторические, этнокультурные, политические и иные особенности создают дополнительные ограничения специфические условия для их деятельности [Газимагомедова, 2011]. Хотя за 15 лет с создания этого федерального округа (с 2010 г.) находящиеся в его составе субъекты РФ (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия—Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край) достигли определенного прогресса в социально-экономическом развитии, в результате чего валовой региональный продукт на душу населения вырос почти в 4 раза, а общий уровень безработицы снизился вдвое³, проблемы защиты прав граждан напрямую коррелируются с неблагоприятным состоянием правозащитной деятельности институтов гражданского общества и прежде всего с крайне низким уровнем развития здесь некоммерческого сектора. Так, по масштабам развития некоммерческого сектора субъекты РФ СКФО занимают (по данным за 2024 г.) среди 89 регионов России следующие рейтинговые места: Ставропольский край—32, Республика Дагестан—63, Чеченская Республика—67, Карачаево-Черкесская Республика—73, Кабардино-Балкарская Республика—76, Республика Северная Осетия—Алания—78 и Республика Ингушетия—85⁴.

Как видно из этих данных, за исключением Ставропольского края, все другие регионы СКФО—северокавказские республики, характеризуются относительно низкими показателями по развитию некоммерческого сектора и находятся в третьей—заключительной части общего списка по России. При этом регионы СКФО характеризуются высоким уровнем конфликтности, связанным с нерешенными социально-экономическими противоречиями и незавершенностью полной интеграции в общероссийское правовое пространство, а экономика СКФО остается крайне зависимой от федеральных трансфертов⁵, что также вли-

¹ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/; Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/; Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» от 23.06.2016 N 183-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/ и другие (дата обращения 30.05.2025).

² Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения 30.05.2025).

³ См. Материалы заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на полях II Кавказского инвестиционного форума. // г. Минеральные Воды, 2025. 27 мая. // <http://government.ru/news/55146/> (дата обращения 30.05.2025)

⁴ См.: Результаты специального проекта Общественной палаты РФ и рейтингового агентства «РАЭК-Аналитика» Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО-2024»: V выпуск рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню и качеству развития некоммерческого сектора // <https://raec-rr.com/NKO/Region-nko/Region-nko-size/2024/> (дата обращения 30.05.2025)

⁵ Межбюджетные трансферты сократились в 57 регионах // Журнал бюджет 2024 .№ 778 // https://t.me/bujet_ru.

яет на рост коррупции и другие тенденции и вызовы в его регионах.

Таким образом, актуальность своевременного выявления и устранения факторов, существенно снижающих эффективность правозащитной деятельности, а также пробельности действующего законодательства обусловлена необходимостью обеспечения реальной защиты прав и свобод граждан в постоянно меняющихся условиях общественных отношений как в России в целом, так и в ее регионах, что особо важно для СКФО. Защита прав человека является непрерывным, динамичным процессом, требующим постоянного, прежде всего, научного внимания, совершенствования и адаптации правовой базы с акцентом на предупреждение новых нарушений и пробелов законодательства.

ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В СФЕРЕ ПРАВООЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ литературы и законодательства, посвященных правозащитной деятельности и практике ее осуществления, позволяет выявить ряд проблемных вопросов, связанных прежде всего с определением и закреплением в законодательстве понятия «правозащитная деятельность». Отсутствие четкого, универсального определения «правозащитной деятельности» в российском законодательстве приводит к неоднозначности толкования, возможности злоупотреблений со стороны государства (например, при причислении организаций к «иностранным агентам») и создает препятствия для самих правозащитников в осуществлении их миссии. Во многих случаях законодательство упоминает «правозащитные организации», но не дает определения самой этой деятельности. Эта дефинитивная неопределенность не является лишь академическим вопросом; она создает правовой вакуум, который может быть использован для произвольной классификации и ограничения деятельности организаций гражданского общества, что, в свою очередь, подрывает их способность эффективно защищать права граждан.

Характеризуя основные причины появления пробелов в праве, в литературе выделяют следующие обстоятельства: отсутствие общественных отношений при принятии нормы права, которые в последствие оказались, что нуждаются в правовом урегулировании; некачественная характеристика состояния существующих общественных отношений особенно с учетом их состояния на практике; недочеты и упущения в процессе правотворческой деятельности; несоблюдение законодателем правил юридической техники, что приводит к принятию некачественных правовых предписаний [Максимов, 2022: 1149]. В большей части пробел в праве происходит прежде всего из-за объективной невозможности законодателя поспеть за развитием общественных отношений, что подтверждается и применительно рассматриваемой нами сфере правозащитных отношений. Поэтому, несмотря на развитую систему правозащитной деятельности, российское законодательство постоянно сталкивается с необходимостью постоянной адаптации к новым вызовам и устранения пробелов, которые, свидетельствуют о многогранном характере вызовов, стоящих перед правовой системой.

Правозащитная деятельность в Российской Федерации как комплекс социально значимых действий, на-

правленных на защиту, восстановление и обеспечение прав и свобод человека и гражданина, признанных Конституцией РФ, международными нормативно-правовыми актами и действующим законодательством, должно найти закрепление также и в существующих нормативных актах: «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях», «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» для более точного регулирования правозащитного аспекта.

Динамичность правовых отношений и отставание законодательного регулирования выступает один из главных факторов в силу которого возникают пробелы в праве и необходимо достаточно оперативно их восполнить. Развиваясь динамично правовые отношения порождают новые формы нарушений прав человека, которые могут не быть адекватно урегулированы существующими нормативно-правовыми актами и требуют оперативного мониторинга и выработки предложений по совершенствованию законодательства. Законодательный процесс зачастую отстает от темпов социальных, экономических и технологических изменений, что приводит к появлению «серых зон» или правовых вакуумов, где права граждан оказываются незащищенными.

К числу их можно отнести бурно развивающиеся общественные отношения в сфере цифровых технологий, которые нередко создают правовую неопределенность и потенциал для злоупотреблений в сфере прав человека. Так, например, в результате попустительства государственных органов власти, банковских учреждений, операторов связи и владельцев мессенджеров мошенники украли у россиян не менее 295 млрд рублей в 2024 году⁶. Лишь к концу 2024 и началу 2025 г. Правительство РФ с Центробанком РФ начали предпринимать хотя и недостаточные, но какие-то правовые меры предупредительного характера в этой сфере.

Из-за отсутствия необходимой правовой базы и сложившейся судебной и административной практики отказа в привлечении к ответственности государственных и коммерческих структур, особенно в сфере цифровых технологий, была возвращена гражданам очень незначительная часть украденных мошенниками денег. Этот пример наглядно демонстрирует, как законодательная инертность и отсутствие упреждающего регулирования приводят к значительным негативным последствиям для граждан, подрывая их доверие к правовой системе.

Недостаточность существующих механизмов защиты прав граждан и нереализованный потенциал институтов гражданского общества также свидетельствуют об имеющихся проблемных зонах в законодательстве. Несмотря на обилие судебных и несудебных форм защиты, существует потребность в создании новых способов защиты гражданских прав и свобод, исходящих именно от институтов гражданского общества, что указывает на потенциальные пробелы в правозащитной деятельности государственных механизмов. Государственные механизмы могут быть недостаточно гибкими, специализированными или доступными для всех категорий граждан, что создает необходимость в альтернативных или дополняющих формах защиты, развиваемых гражданским обществом.

⁶ Мошенники украли у россиян не менее 295 млрд рублей в 2024 году// <https://www.rbc.ru/life/news/67c701169a79471c14b76fa5> (дата обращения 05.06.2025)

Правозащитная практика демонстрирует многочисленные ситуации, когда формально законные нормы могут приводить к несправедливым последствиям. Пример с валютными ипотечными заемщиками, когда закон был на стороне банка-кредитора, но Уполномоченный по правам человека помог через инициирование специальной государственной программы, подчеркивает необходимость законодательного реагирования на такие пробелы справедливости. Это не просто отсутствие нормы, а ситуация на практике, когда существующая норма входит в конфликт с принципами справедливости, гуманизма и нравственной обоснованности. Проблемы нормативной несправедливости на практике и необходимость законодательного реагирования — отнюдь не редкость.

Достижение правозащитного результата нередко требует изменения действующего законодательства из-за изначально неурегулированных вопросов или ошибок в правотворчестве. Случай с переводом осужденных ближе к месту жительства родственников, когда законодательство не предусматривало такого основания, является ярким примером устранения явной ошибки в законодательстве посредством законотворческой работы, продиктованной инициативами правозащитных общественных организаций. Эти пробелы могут быть результатом недосмотра, неполного научного анализа последствий или недостаточной координации между различными ветвями власти. Существенную положительную роль по выявлению, преодолению и предупреждению конституционно значимых дефектов действующего законодательства (пробелов, противоречий, неопределенностей) играет Конституционный Суд РФ, который на основе базовых конституционных принципов российской правовой системы и более полного учета социальных интересов населения формулирует свои правовые позиции [Зорькин, 2023].

Стремительное развитие технологий, в частности, появление цифровых прав человека (например, право на цифровое забвение, цифровую личность, использование цифровой валюты), ставит перед законодателем задачу их закрепления и обеспечения государственной защиты. Многие из этих прав еще не нашли отражения в действующем законодательстве, что формирует значительный пробел и требует безотлагательного внимания. Как отмечает Т.А. Полякова, «в условиях цифровой трансформации необходимо проработать и укрепить научно-правовые методы в различных направлениях информационного общества, законодательно закрепить понятия, связанные с оборотом информации, разработать требования к государственным информационным системам» [Полякова 2023: 25], поскольку отсутствие регулирования в этой сфере может привести к серьезным нарушениям прав граждан.

Современные реалии, такие как массовые вынужденные эвакуации граждан, определяют новые цели для правозащитной деятельности [Чечельницкий, 2023], выходящие за рамки «классического» восстановления нарушенных прав, что требует осмысления и совершенствования правозащитного законодательства для обеспечения активной помощи людям в их сложных жизненных ситуациях. Непредвиденные события и кризисы выявляют неготовность законодательства к обеспечению прав граждан в нестандартных, чрезвычайных условиях. На современном этапе влияние внешних факторов и чрезвычайных ситуаций на правозащитное законодательство все более становится масштабным.

Таким образом можно считать, что перечисленные причины и условия определяют в основном пробелы в современном российском законодательстве в сфере правозащитной деятельности и соответственно фронт для активной законодательной деятельности. Для систематизации выявленных пробелов в законодательстве в сфере правозащитной деятельности в Российской Федерации предлагается следующая таблица.

Таблица 1

Классификация законодательных пробелов в сфере правозащитной деятельности в Российской Федерации

Тип пробела	Краткое описание	Пример
Отсутствие четкого универсального понятия «правозащитная деятельность»	Это приводит к неоднозначности толкования и возможности злоупотреблений со стороны государства и создает препятствия для самих правозащитников в осуществлении их миссии	Например, при причислении организаций к «иностранным агентам», а также в вопросах финансирования НКО
Динамичность правовых отношений	Правовые отношения развиваются быстрее законодательства, порождая неурегулированные сферы	Появление новых форм нарушений прав, не урегулированных существующими актами
Недостаточность механизмов защиты	Необходимость создания новых способов защиты, особенно со стороны гражданского общества, в дополнение к государственным	Потребность в новых механизмах защиты гражданских прав и свобод, исходящих от институтов гражданского общества
Нормативная несправедливость	Формально законные нормы приводят к несправедливым последствиям, требуя законодательной коррекции	Ситуация с валютными ипотечными заемщиками, где закон был на стороне банка, но требовалось вмешательство омбудсмана
Законотворческие ошибки	Наличие изначально неурегулированных вопросов или ошибок в процессе правотворчества	Вопрос о переводе осужденных ближе к месту жительства родственников, не предусмотренный законодательством

Тип пробела	Краткое описание	Пример
Новые категории прав	Появление прав, связанных с технологическим прогрессом (например, цифровых), не имеющих законодательного закрепления	Право на цифровое забвение, цифровая личность, использование цифровой валюты
Внешние факторы и ЧС	Необходимость адаптации законодательства к чрезвычайным ситуациям и новым внешним вызовам	Массовые вынужденные эвакуации граждан и потребность в проактивной помощи

ПУТИ УСТРАНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ

Эффективное устранение выявленных законодательных пробелов требует комплексного подхода, включающего как совершенствование практики реализации существующих законодательных механизмов, так и разработку новых инструментов, а также переосмысление роли различных акторов в правозащитной деятельности.

Устранение прежде всего основного пробела, связанного с понятием «правозащитная деятельность», связано с разработкой и принятием федерального закона «О правозащитной деятельности в Российской Федерации», который должен четко определить понятие, субъекты, принципы, формы и гарантии правозащитной деятельности. Важно закрепить в нем положение о недопустимости необоснованного вмешательства в деятельность правозащитников. Такой закон привнес бы необходимую ясность, которая в настоящее время отсутствует в академическом и правоприменительном толковании понятия «правозащитная деятельность».

Для преодоления отставания законодательства от динамично развивающихся правовых отношений необходимо создание и усиление постоянно действующих механизмов мониторинга законодательства и правоприменительной его практики в области прав человека. Это включает систематический анализ новых социальных, экономических и технологических вызовов, а также оценку эффективности существующих норм. Важно внедрять проактивные подходы к законотворчеству, позволяющие предвосхищать потенциальные пробелы и разрабатывать превентивные правовые нормы. Отсутствие необходимого системного мониторинга и научного анализа приводит к недостатку комплексных исследований и постоянного наблюдения за состоянием гражданского общества, что создает фрагментарное понимание общественных проблем и затрудняет выработку эффективных стратегий развития. Существующие исследования часто фокусируются на наиболее заметных или удобных для изучения аспектах, игнорируя более существенные процессы в правозащитной сфере. Переход от реактивного к проактивному законотворчеству является ключевым для обеспечения актуальности и эффективности правовой базы.

Стимулирование и законодательное закрепление новых способов защиты гражданских прав и свобод, исходящих от институтов гражданского общества, является ключевым направлением. Это включает поддержку правозащитных некоммерческих организаций, расширение участия адвокатуры и нотариата, а также развитие механизмов общественного контроля и гражданского участия. В целях развития и интеграции новых форм защиты, инициируемых гражданским

обществом, законодательство должно предусматривать четкие процедуры для взаимодействия государственных органов с гражданским обществом в процессе выявления пробелов и разработки предложений.

Для устранения «пробелов справедливости» необходима разработка и принятие законодательных актов, направленных на коррекцию норм, которые, будучи формально законными, приводят к несправедливым последствиям из-за отсутствия необходимых средств. Это может проявиться при реализации гражданами своих конституционных прав на качественное образование, здравоохранение и другие жизненно важные блага, в результате чего практика их реализации, особенно в регионах России, оказывается для основной части населения, весьма дифференцированной по различным основаниям. Обеспечение социальной справедливости норм через проактивное законотворчество требует не только юридической, но и социально-этической экспертизы законопроектов, с целью чтобы заранее предвидеть проблемы и своевременно принимать меры до их возникновения. Это подразумевает способность не просто реагировать на события, но и управлять ими и создавать нужный результат посредством создания проактивного правозащитного законотворчества. В этом контексте очень важно усиление роли Уполномоченных по правам человека в РФ (федерального и региональных) как инициаторов законодательных изменений в случаях выявления таких пробелов с практическим уклоном.

Для преодоления отставания законодательства от динамично развивающихся правовых отношений необходимо создание и усиление постоянно действующих механизмов мониторинга законодательства и правоприменительной его практики в области прав человека. Это включает систематический анализ новых социальных, экономических и технологических вызовов, а также оценку эффективности существующих норм. Важно внедрять проактивные подходы к законотворчеству, позволяющие предвосхищать потенциальные пробелы и разрабатывать превентивные правовые нормы.

При этом, отсутствие необходимого системного мониторинга и научного анализа приводит к недостатку комплексных исследований и постоянного наблюдения за состоянием гражданского общества, что создает фрагментарное понимание общественных проблем и затрудняет выработку эффективных стратегий развития. Будучи по содержанию исследовательским этот фактор действительно создает серьезные препятствия для понимания сути происходящих общественных процессов, которые приводят прежде всего к искаженной картине и оценке реальности. Поскольку существующие исследования часто фокусируются на наиболее заметных, «громких» или удобных для изучения аспектах, игнорируя скорее по политическим

соображениям более сущностностей процессы в правозащитной сфере. И такая практика анализа пробелов в законодательстве становится привычной не только для публичной среды, но и в некотором отношении научно-исследовательской деятельности в этой сфере.

Стимулирование и законодательное закрепление новых способов защиты гражданских прав и свобод, исходящих от институтов гражданского общества, является ключевым направлением, который включает поддержку правозащитных некоммерческих организаций, расширение участия адвокатуры и нотариата, а также развитие механизмов общественного контроля и гражданского участия. В целях развития и интеграции новых форм защиты, инициируемых гражданским обществом. Законодательство должно предусматривать при этом четкие процедуры для взаимодействия государственных органов с гражданским обществом в процессе выявления пробелов и разработки предложений.

Для устранения «пробелов справедливости» в правоприменительной практике необходима разработка и принятие законодательных актов, направленных на коррекцию норм, которые, будучи формально законными, но приводят на практике к несправедливым последствиям из-за отсутствия необходимых средств. Это может проявиться при реализации гражданами своих конституционных прав на качественное образование, здравоохранение и другие жизненно необходимые права, в результате чего практика их реализации особенно в регионах России оказывается для основной части населения, весьма дифференцированной по различным основаниям. Обеспечение социальной справедливости норм через проактивное законотворчество требует не только юридической, но и социально-этической экспертизы законопроектов, с целью чтобы заранее предвидеть проблемы и своевременно принимать меры до их возникновения. Это подразумевает способность не просто реагировать на события, но и управлять ими и создавать нужный результат посредством создания проактивного правозащитного законотворчества. В этом контексте очень важно усиление роли Уполномоченных по правам человека в РФ (федерального и региональных) как инициаторов законодательных изменений в случаях выявления таких пробелов с практическим уклоном.

Приоритетное внимание должно быть уделено законодательному закреплению и обеспечению государственной защиты новых категорий прав, особенно в цифровой сфере (право на цифровое забвение, цифровую личность, использование цифровой валюты). Это требует не только принятия новых законов, но и адаптации существующих правовых институтов

к новым реалиям. Как отмечает Т.А. Полякова, «в условиях цифровой трансформации необходимо проработать и укрепить научно-правовые методы в различных направлениях информационного общества, законодательно закрепить понятия, связанные с оборотом информации, разработать требования к государственным информационным системам», поскольку отсутствие регулирования в этой сфере может привести к серьезным нарушениям прав граждан [Полякова 2023:27].

Разработка гибкого и адаптивного законодательства, способного эффективно реагировать на внешние факторы и чрезвычайные ситуации, обеспечивая проактивную помощь гражданам, является неотложной задачей. Адаптация правовой базы к внешним вызовам и чрезвычайным ситуациям может включать создание специальных правовых режимов для чрезвычайных ситуаций, которые гарантируют защиту прав граждан, а также разработку детальных протоколов для межведомственного и межрегионального взаимодействия.

Роль государственного суверенитета в обеспечении эффективной правозащитной деятельности проявляется в том, что в условиях активной трансформации конституционно-правовых институтов публичной власти, обусловленной геополитическими сдвигами, возникает необходимость переосмысления концепции прав и свобод человека как основы для укрепления государственного суверенитета на национальном и международном уровнях. Суверенитет, понимаемый как «внутренняя» власть над гражданами и «внешняя» независимость от других государств, требует гармонизации с принципами, закрепленными в конституционных нормах [Святогорова, 2023]. Это означает, что суверенное государство обладает всей полнотой власти и ресурсов для создания и поддержания эффективной системы защиты прав человека внутри своих границ, включая разработку адекватного законодательства и функционирование всех правовых систем. Это утверждение переосмысливает суверенитет как фактор, способствующий, а не ограничивающий реализацию прав человека, подчеркивая, что сильное государство способно лучше обеспечить защиту своих граждан.

Таким образом, пути устранения законодательных пробелов и совершенствования правовой базы в целом обусловлены спецификой выявленных и прогнозируемых пробелов в законодательстве и практике его реализации и их решение, на наш взгляд, должно носить дифференцированный характер не только в зависимости от сути выявленного пробела законодательства, но и специфики его проявления в том или ином регионе.

Для наглядности предлагаемые нами решения по устранению законодательных пробелов представлены в приведенной таблице 2.

Таблица 2

Рекомендации по устранению законодательных пробелов

Выявленный пробел	Предлагаемое решение/направление совершенствования	Детализация/механизмы реализации	Ожидаемый результат
Отсутствие четкого универсального понятия «правозащитная деятельность»	Принятие федерального закона «О правозащитной деятельности в Российской Федерации»	Подготовка проекта закона с учетом не только состояния законодательства о правозащитной деятельности, но и практики его применения	Внесение ясности и четкости в правовое регулирование «правозащитная деятельность»

Выявленный пробел	Предлагаемое решение/ направление совершенствования	Детализация/механизмы реализации	Ожидаемый результат
Динамичность правовых отношений	Усиление механизмов постоянного мониторинга законодательства и правоприменительной практики	Создание специализированных научно-аналитических центров, регулярные общественные слушания, экспертные обсуждения	Снижение отставания законодательства от общественных отношений, повышение правовой определенности в сфере регулируемых отношений
Недостаточность механизмов защиты	Стимулирование и законодательное закрепление новых форм защиты, иницируемых гражданским обществом	Поддержка правозащитных НКО, развитие юридических клиник, расширение практики общественного наблюдения	Расширение спектра доступных механизмов защиты, повышение их гибкости и специализации
Нормативная несправедливость	Разработка и принятие законодательных актов, направленных на устранение «пробелов справедливости»	Включение этической экспертизы в законотворческий процесс, усиление роли Уполномоченного по правам человека как инициатора изменений	Согласование формального права с принципами справедливости и гуманизма, повышение доверия к правовой системе
Законотворческие ошибки	Повышение качества законотворческого процесса, устранение изначально неурегулированных вопросов	Тщательный анализ последствий законопроектов, усиление координации между ветвями власти	Минимизация юридических коллизий и пробелов, повышение эффективности правоприменения
Новые категории прав	Приоритетное законодательное закрепление и обеспечение государственной защиты новых категорий прав (особенно цифровых)	Создание специализированных рабочих групп по цифровым правам, активное участие в разработке международных стандартов	Обеспечение правовой защиты в условиях технологического прогресса, предотвращение правового вакуума в цифровой сфере
Внешние факторы и ЧС	Разработка гибкого и адаптивного законодательства для реагирования на чрезвычайные ситуации	Создание специальных правовых режимов для ЧС, разработка детальных протоколов межведомственного взаимодействия	Обеспечение проактивной помощи гражданам в сложных жизненных ситуациях, повышение устойчивости правовой системы

ВЫВОДЫ

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы и заключение, отражающие ключевые проблемы и пути их решения в сфере правозащитной деятельности в Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации, особенно статьи 2 и 46, устанавливает права человека как высшую ценность и гарантирует обязанность государства по их защите как системообразующий принцип. Однако реализация этих принципов сталкивается с серьезными трудностями и существует заметный разрыв между этими конституционными идеалами и их эффективной реализацией их на практике.

2. Пробелы в законодательстве о правозащитной деятельности носят не случайный, а системный характер поскольку обусловлены:

- динамикой общественных отношений так как законодательство неизбежно отстает от быстро меняющихся социальных, экономических и технологических реалий;

- отсутствием законодательно закрепленного универсального понятия «правозащитная деятельность», которая создает правовой вакуум, ведущий к произвольному толкованию, злоупотреблениям (например, закон об «иноагентах») и препятствует работе правозащитников;

- недостаточностью и негибкостью механизмов защиты, так как государственные механизмы не всегда

доступны и эффективны, что требует развития альтернативных форм защиты через институты гражданского общества, которые сами сталкиваются с ограничениями;

- «нормативной несправедливостью» из-за того, что формально законные нормы иногда приводят к несправедливым последствиям, конфликту с принципами справедливости и гуманизма;

- законотворческими ошибками и недосмотром поскольку пробелы возникают из-за неполного учета последствий, недостаточной координации между ветвями власти или простого упущения при создании правовых норм;

- появлением новых прав так как стремительное развитие технологий порождает новые категории прав (цифровые права), не в полном объеме урегулированные законодательством;

- внешними вызовами и чрезвычайными ситуациями: законодательство неадекватно реагирует на непредвиденные кризисы (массовые эвакуации), которые требуют проактивной помощи, выходящей за рамки восстановления нарушенных прав.

3. Несмотря на некоторый социально-экономический прогресс проблемы правозащитной деятельности особенно остры в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, поскольку в шести северокавказских республиках (кроме Ставропольского края) наблюдается крайне низкий уровень развития некоммерческого сектора и высокий уровень конфликтности,

зависимость от федеральных трансфертов и сложности полной интеграции в общероссийское правовое пространство (из-за традиционных и корпоративных—устанавливаемых кланами, социальных норм) что ограничивает возможности государственных органов и гражданского общества в защите прав граждан;

4. Институты гражданского общества и осуществляемый ими общественный контроль следует считать ключевым условием для выявления пробелов законодательства при обеспечении реальной защиты прав граждан;

5. Отсутствие системного научного мониторинга законодательства и практики его применения, а также фрагментарность существующих исследований (часто игнорирующих сущностные процессы по политическим соображениям) затрудняют понимание реальных проблем и выработку эффективных стратегий в право-защитной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правозащитная деятельность в Российской Федерации, будучи конституционной обязанностью государства, сталкивается со значительными вызовами, коренящимися в системных пробелах и противоречиях действующего законодательства. Эти пробелы носят многоаспектный характер—от фундаментальной неопределенности базовых понятий до неспособности адекватно реагировать на технологический прогресс и чрезвычайные ситуации. Разрыв между конституционными гарантиями и правоприменительной практикой наиболее рельефно проявляется в регионах СКФО, где слабость гражданского общества усугубляет проблемы защиты прав граждан.

Устранение выявленных пробелов требует не точечных корректировок, а комплексного, проактивного подхода к законотворчеству. Ключевыми направлениями совершенствования правовой базы должны стать:

1. Принятие Федерального закона «О правозащитной деятельности в РФ», четко определяющего понятие, субъекты, принципы, формы и гарантии этой деятельности, включая недопустимость необоснованного вмешательства;

2. Учреждение постоянно действующих научно-аналитических механизмов для систематического отсле-

живания новых вызовов, оценки эффективности норм и прогнозирования потенциальных пробелов законодательства, с активным вовлечением гражданского общества;

3. Стимулирование и интеграция институтов гражданского общества: Законодательное закрепление и поддержка новых форм защиты прав, инициируемых НКО, адвокатурой, нотариатом (юридические клиники, общественный контроль), с четкими процедурами взаимодействия с государственными органами;

4. Внедрение социально-этической экспертизы законопроектов и усиление роли Уполномоченных по правам человека как инициаторов законодательных изменений для корректировки норм, ведущих к несправедливым последствиям на практике;

5. Приоритетное законодательное регулирование и обеспечение защиты цифровых прав, адаптация существующих институтов к данной группе прав;

6. Разработка адаптивного законодательства для чрезвычайных ситуаций путем создания гибких правовых режимов и протоколов для обеспечения прав граждан и оказания проактивной помощи в условиях чрезвычайных ситуаций и внешних вызовов;

7. Усиление научного анализа проблем повышение качества законотворчества, межведомственной и межрегиональной координации для устранения пробелов и минимизации ошибок и коллизий в законодательстве.

Таким образом, устранение законодательных пробелов необходимо для эффективного правового регулирования общественных отношений в соответствии с конституционными основами, преследующими социально-экономические, политические и нравственные задачи. Правозащитная деятельность реализует ключевые задачи Конституции РФ по защите прав и свобод граждан. Отсутствие пробелов в правозащитном законодательстве подтверждается состоянием законности и правопорядка, справедливым с конституционно-правовой точки зрения, а преодоление возникающих пробелов—необходимое условие верховенства прав человека, требующее перехода к проактивному, научно обоснованному законотворчеству с участием гражданского общества и учетом региональной специфики. Это обеспечит действенную защиту прав граждан во всех сферах и регионах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воскресенская Е.В. Правозащитная деятельность как функция правового государства / Е.В. Воскресенская, А.С. Категов // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: Сборник научных трудов X международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Поволжская научная корпорация», 2024. С. 93–96.
2. Газимагомедова Н.А. Некоторые вопросы совершенствования системы защиты прав человека в Северо-Кавказском регионе / Н.А. Газимагомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 2. С. 134–137.
3. Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законода-

REFERENCES

1. Voskresenskaya E.V. Human Rights Protection as a Function of the Rule-of-Law State. E.V. Voskresenskaya, A.S. Kategov. Human Rights Protection in Modern Russia: Problems and Solutions: Collection of Scientific Papers of the X International Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, March 21, 2024. St. Petersburg: Limited Liability Company "Volga Scientific Corporation", 2024. Pp. 93–96.
2. Gazimagomedova N.A. Some Issues of Improving the Human Rights Protection System in the North Caucasus Region. N.A. Gazimagomedova. Bulletin of Dagestan State University. 2011. No. 2. Pp. 134–137. (in Rus.).
3. Zorkin V.D. Constitutional Oversight as a Factor in Improving Russian Legislation. V.D. Zorkin. Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27, No. 5. Pp. 86–102. (in Rus.).

- тельства / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 5. С. 86–102.
4. Камышанова Л.В. Коллизии и пробелы в праве российского законодательства / Л.В. Камышанова, В.А. Сипливая // Научные дискуссии. 2024. Т. 4, № 3. С. 59–62.
 5. Максимов А.А. Пробелы в российском законодательстве / А.А. Максимов, С.В. Косарев // Эволюция российского права: Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург: ФГОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2022. С. 1148–1158.
 6. Полякова Т.А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации / Т.А. Полякова, Н.А. Троян // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2(102). С. 25–33.
 7. Святогорова А.Э. Государственный суверенитет как конституционно-правовой институт публичной власти в современной России / А.Э. Святогорова, Е.В. Сорокина, М.А. Дроздова // Образование и право. 2023. № 3. С. 45–50;
 8. Хайруллина Р.М. Правозащитная деятельность институтов гражданского общества / Р.М. Хайруллина // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2023. № 2(22). С. 135–139.
 9. Чечельницкий И. В. О целях государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации / И.В. Чечельницкий // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 10(203). С. 56–70;
 10. Хайруллина Р.М. Правозащитная деятельность институтов гражданского общества / Р.М. Хайруллина // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2023. № 2(22). С. 135–139.
 11. Чечельницкий И. В. О целях государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации / И.В. Чечельницкий // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 10(203). С. 56–70.
 4. Kamyshevanova L.V. Collisions and Gaps in Russian Legislative Law. L.V. Kamyshevanova, V.A. Siplivaya. Scientific Discussions. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 59–62. (in Rus.).
 5. Maksimov A.A. Gaps in Russian Legislation. A.A. Maksimov, S.V. Kosarev. Evolution of Russian Law: Materials of the XX International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 28–29, 2022. Ural State Law University. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution "Ural State Law University", 2022. Pp. 1148–1158.
 6. Polyakova T.A. Current Issues of Systematization of Russian Legislation Under the Influence of Digital Technologies During Digital Transformation. T.A. Polyakova, N.A. Troyan. Bulletin of Kutafin Moscow State Law University. 2023. No. 2(102). Pp. 25–33. (in Rus.).
 7. Svyatogorova A.E. State Sovereignty as a Constitutional-Legal Institution of Public Authority in Modern Russia. A.E. Svyatogorova, E.V. Sorokina, M.A. Drozdova. Education and Law. 2023. No. 3. Pp. 45–50. (in Rus.).
 8. Khayrullina R.M. Human Rights Protection Activities of Civil Society Institutions. R.M. Khayrullina. Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences. 2023. No. 2(22). Pp. 135–139. (in Rus.).
 9. Chechel'nitskiy I.V. On the Goals of State Human Rights Protection Activities in the Russian Federation. I.V. Chechel'nitskiy. Lex Russica (Russian Law). 2023. Vol. 76, No. 10(203). Pp. 56–70. (in Rus.).
 10. Khayrullina R.M. Human Rights Protection Activities of Civil Society Institutions. R.M. Khayrullina. Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences. 2023. No. 2(22). Pp. 135–139. (in Rus.).
 11. Chechel'nitskiy I.V. On the Goals of State Human Rights Protection Activities in the Russian Federation. I.V. Chechel'nitskiy. Lex Russica (Russian Law). 2023. Vol. 76, No. 10(203). Pp. 56–70. (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия на статью Н.А. Газимагомедовой «Правозащитная деятельность в Российской Федерации: конституционные основы, законодательные пробелы и пути их устранения».

Статья Н.А. Газимагомедовой представляет собой актуальное и содержательное исследование ключевых проблем правозащитной деятельности в Российской Федерации, фокусируясь на выявлении конституционно-правовых и законодательных пробелов и разработке путей их преодоления. Работа отличается четкой структурой, логической последовательностью изложения и опорой на широкий круг источников, включая современную научную литературу и статистические данные.

Сильные стороны работы:

1. Автор обоснованно подчеркивает фундаментальную роль защиты прав человека как конституционной обязанности государства и своевременно ставит проблему разрыва между декларируемыми принципами (ст. 2, 46 Конституции РФ) и практикой их реализации. Особую ценность придает исследованию фокус на динамичности общественных отношений, порождающей новые вызовы для законодателя (цифровизация, ЧС).

2. Центральным достижением статьи является детальная классификация и анализ причин возникновения пробелов в правозащитной сфере (Таблица 1). Автор убедительно аргументирует отсутствие законодательного определения «правозащитной деятельности» справедливо признается корневой проблемой, ведущей к произвольному толкованию (в т.ч. закону об «иноагентах») и препятствующей работе правозащитников; отставание законодательства от социальных, экономических и технологических изменений (особенно в цифровой сфере, пример с кибермошенничеством) показано как объективный, но требующий преодоления фактор; недостаточность механизмов: правильно акцентируется необходимость развития альтернативных (негосударственных) форм защиты через институты гражданского общества; — «нормативная несправедливость» как важное наблюдение о том, что формально законные нормы могут приводить к неспра-

ведливым результатам (пример с валютными ипотечниками), требующим законодательной коррекции; законотворческие ошибки, которые указывают на пробелы, вызванные недосмотром или неполным анализом последствий (пример с переводом осужденных); новые категории прав: обоснованно выделяется проблема незащищенности цифровых прав (заведение, личность, валюта); внешние факторы и ЧС: подчеркивается неготовность законодательства к обеспечению прав в нестандартных условиях (массовые эвакуации).

3. Весьма ценным является региональный аспект- анализ специфики правозащитной деятельности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Использование статистических данных (рейтинг развития НКО) наглядно демонстрирует серьезные проблемы: крайне низкий уровень развития некоммерческого сектора (кроме Ставрополя), высокую конфликтность, зависимость от трансфертов и трудности интеграции в общероссийское правовое пространство. Это придает исследованию конкретику и практическую направленность.

о Предлагаемые пути устранения пробелов (Таблица 2) в целом адекватны выявленным проблемам и носят конструктивный характер: идея Федерального закона «О правозащитной деятельности» для устранения дефинитивной неопределенности—ключевое и обоснованное предложение; предложение о создании системы постоянного мониторинга законодательства и практики с вовлечением науки и гражданского общества направлено на преодоление отставания права от жизни; поддержка и законодательное закрепление роли институтов гражданского общества (НКО, адвокатура, нотариат, общественный контроль)—важный вектор для развития гибких механизмов защиты; введение социально-этической экспертизы законопроектов и усиление роли Уполномоченных по правам человека для борьбы с «нормативной несправедливостью» как актуальная мера; приоритетное регулирование цифровых прав как необходимая реакция на технологический прогресс, а также разработка адаптивного законодательства для ЧС как логичный ответ на вызовы времени.

4. Теоретическая и методологическая основа: работа опирается на релевантную современную научную литературу по конституционному праву, проблемам пробельности законодательства, цифровизации, гражданскому обществу. Используются традиционные методы теоретико-правового и юридико-догматического анализа, адекватные поставленным задачам.

Аспекты, требующие доработки или вызывающие вопросы:

1. Хотя рекомендации в Таблице 2 сформулированы, их реализационные механизмы иногда описаны слишком в общем виде (например, конкретные формы «протоколов межведомственного взаимодействия» для ЧС, детали «социально-этической экспертизы»).

2. Автор справедливо критикует последствия отсутствия четкого определения правозащитной деятельности, в частности, для закона об «иноагентах». Одновременно подчеркивается роль государственного суверенитета как основы для эффективной правозащиты. Необходимо более четко проработать, как предлагаемые меры (особенно закон о правозащитной деятельности) обеспечат баланс между суверенным правом государства регулировать деятельность НКО и недопущением необоснованных ограничений.

3. Тезис о необходимости усиления роли Уполномоченных по правам человека как инициаторов изменений законодательства правильный, но требует более конкретного предложения: наделение их формальным правом законодательной инициативы по определенному кругу вопросов или создание обязательного механизма рассмотрения их рекомендаций парламентом?

Заключение: Статья Н.А. Газимагомедовой «Правозащитная деятельность в Российской Федерации: конституционные основы, законодательные пробелы и пути их устранения» является значимым вкладом в исследование проблем правозащитной деятельности в России. Автор успешно выполнил поставленные задачи: систематизировал ключевые конституционные основы, выявил и классифицировал основные законодательные пробелы (особенно ценен региональный срез по СКФО) и предложил комплекс мер по их устранению. Работа отличается научной новизной, практической значимостью и логической стройностью.

Несмотря на отдельные замечания, требующие возможной доработки (углубление анализа реализации предложений, проработка баланса суверенитета и свободы деятельности НКО), статья соответствует критериям научного исследования и может быть рекомендована к публикации в рецензируемом юридическом издании. Предложенные автором пути совершенствования законодательства, особенно идея профильного федерального закона и усиление роли гражданского общества и проактивного мониторинга, заслуживают самого пристального внимания/законодателя и правоприменителей.

Рецензент: Магомедов Ш.Б., д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 86,35%.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025, принята к публикации 06.07.2025

The article was received on 16.06.2025, accepted for publication 06.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ABOUT THE AUTHOR

Газимагомедова Наида Абулмуслимовна, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, Юридический институт; Дагестанский государственный университет; г. Махачкала, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9657-8605, SPIN-код: 8684-1820, AuthorID: 1162316, e-mail: dgu5555@mail.ru

Naida A. Gazimagomedova, Senior Lecturer Department of Constitutional and Municipal Law, Law Institut; Dagestan State University; Makhachkala, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9657-8605, SPIN-code: 8684-1820, AuthorID: 1162316, e-mail: dgu5555@mail.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-53-59

УДК: 34.07

ГРНТИ: 10.17.21

EDN: XWGHTL

Местное самоуправление в единой системе публичной власти: эволюция законодательства и правовые новации

© Волкова Елена Ивановна^а

© Хапсирокова Елена Анатольевна^б

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация

^а gubanle@yandex.ru

^б elena-adzinova@yandex.ru

Аннотация: В настоящем исследовании рассматривается правовая сущность местного самоуправления с точки зрения его интеграции в единую систему публичной власти в современной Российской Федерации. Провозглашённая Конституцией Российской Федерации организационная и функциональная самостоятельность органов местного самоуправления многократно преломлялась в российской нормативной системе, судебной практике и научном дискурсе – трансформируясь вследствие последовательной эволюции идеи публичной власти. Новая законодательная основа, заложенная Федеральным законом от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», закрепила качественно иной способ правового бытия местной власти – как компоненты государственно-муниципального симбиоза, подчинённого логике централизации и управленческой унификации. Анализируя генезис, доктринальные подходы, конституционные и законодательные изменения, авторы раскрывают современное содержание юридической природы местного самоуправления, выделяют основные тенденции в развитии законодательства о местном самоуправлении, а также определяют перспективы развития новой модели местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, публичная власть, единая система публичной власти, централизация

Для цитирования: Волкова Е.И., Хапсирокова Е.А. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: эволюция законодательства и правовые новации // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 53–59. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-53-59. EDN: XWGHTL

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-53-59

Local Self-Government in a Unified System of Public Authority: the Evolution of Legislation and Legal Innovations

© **Helen I. Volkova^a**

© **Helen A. Khapsirokova^b**

Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

^a *gubanle@yandex.ru*

^b *elena-adzinova@yandex.ru*

Annotation: *This study examines the legal essence of local self-government through the prism of its integration into a single system of public authority in the modern Russian Federation. The organizational and substantive independence of local government bodies proclaimed by the Constitution of the Russian Federation has been repeatedly refracted in the Russian regulatory system, judicial practice and scientific discourse, transforming as a result of the consistent evolution of the idea of public authority. The new legislative basis laid down by Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Single System of Public Authority" has enshrined a qualitatively different way of legal existence of local self-government - as a component of state-municipal symbiosis, subordinated to the logic of centralization and managerial unification. Analyzing the genesis, doctrinal approaches, constitutional and legislative transformations, the authors reveal the modern content of the legal nature of local self-government, highlight the main trends in the development of legislation on local self-government, and identify prospects for the development of a new model of local self-government.*

Keywords: *local government, local government bodies, public authority, unified system of public authority, centralization*

For citation: Volkova H.I., Khapsirokova H.A. *Local Self-Government in a Unified System of Public Authority: the Evolution of Legislation and Legal Innovations. Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 53–59. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-53-59. EDN: XWGHTL

ВВЕДЕНИЕ

Развитие отечественных институтов самоорганизации населения прошло сложный путь от земств Российской империи, через эпоху советских Советов к постсоветской модели гражданской локальной самоорганизации. В современной юридической доктрине местное самоуправление традиционно трактовалось как форма непосредственного народовластия, обеспечивающая прямой канал влияния граждан на управление общественными делами, а также как противовес централизму и администрированию. Муниципалитеты рассматривались как первичный феномен публичной власти и средоточие демократических ценностей, необходимых для построения устойчивого государства и самоуправляемого общества.

Проблематика происхождения и сущностной характеристики местного самоуправления находит отражение в современных подходах: от классического противопоставления общественной и государственной теорий до более гибких дуалистических моделей, сочетающих самостоятельность органов местного самоуправления с их органическим включением в вертикаль публичного управления.

СТАНОВЛЕНИЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Конституция Российской Федерации 1993 года¹ (далее—«Конституция РФ») закрепила уникальный, дуалистический статус местного самоуправления как независимого института публичной власти, не входящего в иерархию органов государственной власти (ст. 12). Статьи 131–133 Основного закона России сформулировали принципы организационной и содержательной самостоятельности муниципалитетов, гарантии их участия в распоряжении имуществом, финансовыми, земельными ресурсами, а также возможность непосредственного и представительного народного волеизъявления. В этой связи важно отметить, что заложенная нормами Конституции РФ самостоятельность местного самоуправления не имеет абсолютного характера и ограничивается федеральным законодателем в установленных им пределах. По мнению А.В. Зуйкова, с которым нельзя не согласиться,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

«конституционный смысл самостоятельности не в размежевании местного самоуправления и государственной власти (тем более государства), а в создании условий для эффективного осуществления возложенных на местное самоуправление в соответствии с Конституцией РФ целей и задач, связанных с лучшим обустройством жизни и деятельности населения по месту жительства» [2, с. 43–47].

Дуализм местного самоуправления выражается в том, что, с одной стороны, оно признаётся и гарантируется как форма самостоятельного осуществления населением своей власти. С другой стороны, органы местного самоуправления участвуют в реализации публичных задач, оказывают муниципальные услуги, исполняют отдельные государственные полномочия, то есть тесно взаимодействуют с государственными органами и выполняют функции, значимые для всего государства.

Как справедливо отмечает А.Н. Диденко, «местное или территориальное, самоуправление—тот институт, в котором встречаются публичная власть и общественное самоуправление и который специфическим образом—неслиянно, но и нераздельно—соединяет в себе и то, и другое» [1, с. 3]. Представляет интерес и точка зрения В.В. Королькова о юридической природе местного самоуправления. Он указывает, что «как общественный характер местного самоуправления не исключает его публичного (политического) характера и, следовательно, встроенности в систему публичной (то есть политической) власти, так и государственный характер местного самоуправления не ограничивает местное население в принятии решений по вопросам местного значения» [3, с. 95].

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ШИРОКОЙ АВТОНОМИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Последующее после Конституции Российской Федерации принятие Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² ознаменовало собой первую попытку кодификации принципов муниципальной автономии и самоорганизации. Стремление декларировать автономию муниципалитетов соответствовало поиску новых основ государственного строительства, пониманию муниципального уровня как пространства «малой демократии». Как справедливо отмечается в юридической литературе, законодатель предоставил местному самоуправлению наиболее широкие полномочия за всю историю местной власти в России, что было для неё своеобразным карт-бланшем [6, с. 121]. Однако вскоре стало понятно, что реальная автономия местного самоуправления ограничена экономической и политической асимметрией субъектов Российской Федерации, нерешённостью вопросов бюджетного федерализма, а главное—отсутствием единой модели взаимодействия между муниципальным и государственным уровнями власти. Закон страдал от казуистичности, избыточной декларативности и универсальности формулировок, а также слабой связи с реальными

процессами институционализации власти на местах, что существенно ограничивало реформаторский потенциал данного нормативного акта. Российская практика постепенно отходила от концепции независимых муниципальных органов, интегрируя местное самоуправление в пространство публичной власти.

В доктринальной практике того периода вопрос о сущности местного самоуправления неоднократно становился предметом научных и политико-правовых дискуссий о том, где пролегает демаркационная линия между государственной и муниципальной властью, какие критерии позволяют квалифицировать муниципальное образование как юридически автономную единицу. Проблема отсутствия чёткого разделения компетенций во многом обуславливала дальнейшую централизацию, формирование и усиление механизмов государственно-правового контроля.

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ОГРАНИЧЕНИЕ АВТОНОМИИ, ТОЧНУЮ И НЕУКОСНИТЕЛЬНУЮ РЕГЛАМЕНТАЦИЮ ЕГО СТАТУСА И ФУНКЦИЙ

Решающим этапом на пути эволюции местного самоуправления стала реформа 2003 года, основным результатом которой явилось принятие Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ³. Данный нормативный акт определил жёсткую типологию муниципальных образований и наделил их строго регламентированными полномочиями при расширении прямого контроля субъектов Федерации. По мнению авторов, указанный законодательный акт закрепил не просто усовершенствованную модель местного самоуправления, но и продиктовал вектор к центростремительному устройству публичной власти.

Особую роль сыграло нормативное закрепление двухуровневой модели местного самоуправления и дифференциация компетенций, в том числе—с введением детальных «перечней вопросов местного значения». Одновременно повысился уровень административного контроля—от прямого (бюджетного, финансового, надзорного) со стороны региональных властей до косвенного (через механизм согласования уставов, участие в назначении главы местной администрации и т.д.). Постепенно укрупнение территориальных единиц и рационализация бюджетных потоков сопровождались сокращением организационно-правовой вариативности на местах, сведением к минимуму практики реализации институтов непосредственной демократии.

Дальнейшие реформы 2010–2023 годов привели к значительному усилению контроля региональных и федеральных властей над муниципалитетами, сокращению их самостоятельности, пересмотру принципов выборности местной власти. Муниципальные образования остались важным звеном публичной власти, но их автономия стала заметно ограниченной по сравнению с началом 2000-х годов. Как отмечает, И.В. Упоров, «эти изменения отражают последовательный процесс "огосударствления" местного самоуправления, когда полномочия местного самоуправления сужают-

² Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.08.1995, № 35, ст. 3506.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

ся, а полномочия государственных органов расширяются» [6, с. 122].

Сказанное позволяет сделать вывод, что отечественная модель все более отходила от принципов Европейской хартии местного самоуправления⁴, а вектор развития определялся уже не столько соображениями демократии, сколько рациональностью властных действий и прагматическими задачами повышения управленческой мобильности, социально-экономической эффективности и политической устойчивости центра.

СОВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ КАРТИНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Конституционные новеллы 2020-х гг. (развитые положениями Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») зафиксировали правовой сдвиг—от декларации самостоятельности (как иного рода публичной власти) к юридически оформленному синтезу государственных и муниципальных начал в вертикально выстроенной иерархии публичной власти, управляемой из центра. Таким образом, специфическое положение местного самоуправления (ст. 12, 131–133 Конституции РФ в редакции после последних поправок) может рассматриваться в ключе приоритета государственной координации, что свидетельствует и о смене научно-правовой парадигмы.

Рефлексия современной конституционно-правовой доктрины после реформы публичной власти приводит к выводу о том, что классические представления о местном самоуправлении как исключительно общественно-правовой категории утрачивают свою эвристическую ценность. В условиях усиления централизованных режимов контроля органы местного самоуправления теряют статус автономных субъектов и приобретают черты локальных государственных администраций, реализующих государственную политику на местах. Однако отрицать наличие элементов общественной основы муниципальной власти преждевременно: наличие выборных муниципальных органов, широкий перечень форм непосредственной демократии и возможности реализации её отдельных институтов, определённая степень вариативности в структуре органов (пусть и в строго очерченных законом пределах) позволяет говорить как о сохранении (пусть номинальном) принципа народовластия, так и о представительной функции местного самоуправления.

В новейшей редакции конституционного и федерального законодательства воля законодателя предельно ясно направлена на построение единой системы публичной власти—централизованной и структурно интегрированной. Принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее—«Федеральный

закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ»)⁵ знаменует торжество концепции единой вертикали публичной власти, внутри которой органы местного самоуправления рассматриваются как неотъемлемая часть публичного управления, функционирующая под координационно-методическим, а в ряде случаев—под прямым управленческим воздействием государственных органов всех уровней. Правовая самостоятельность муниципальных образований и в прошлом была строго ограничена рамками федерального регулирования и контролем со стороны субъектов Федерации, однако ныне степень интеграции местного самоуправления в государственно-правовой механизм приобрела более широкие пределы. Установление процедур вовлечённости государственных органов в процессы формирования, ротации и контроля муниципальных органов (особенно в части кадрового обеспечения, оценки эффективности, ответственности и подотчётности) окончательно смещает акцент с признака автономии на признак кооперативного участия во властном механизме.

Указанный закон явился не только очередным этапом кодификации, но и новым идейным рубежом, конституирующим принципиально иной способ существования местного самоуправления.

Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ основан на ряде базовых методологических посылок:

- отказ от чёткой дуалистической модели разграничения государственной и муниципальной власти;
- институционализация понятия «публичная власть» как интегративной категории;
- приоритет административной целесообразности над формами гражданского участия и автономии.

Формулой новой парадигмы становится выстраивание местного самоуправления как подконтрольного, структурно и процедурно зависимого от государства института, реализующего административно-исполнительные функции на локальном уровне в форме распределённого государственного управления.

Обширная структура Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ охватывает как общие принципы формирования и функционирования муниципальных органов, так и детальные положения об их кадровой, финансовой, имущественной и управленческой подчинённости.

Закон закрепляет исполнение наиболее значимых кадровых решений на муниципальном уровне только с согласия или под контролем компетентных органов субъекта Федерации, вводит единые стандарты профессиональной и этической пригодности муниципальных должностных лиц, формализует систему их аттестации, дисциплинарной ответственности и перевода (ротации).

Вместо жёсткого разграничения вопросов местного значения и полномочий государственной власти, закон внедряет «модель распределённой компетенции». В отличие от Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, который устанавливал перечни вопросов местного значения и пол-

⁴ Европейская хартия местного самоуправления (принята в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ, 07.09.1998, № 36, ст. 4466.

⁵ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.03.2025.

номочия по их решению для различных видов муниципальных образований, Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ закрепил иную конструкцию. Новым законом полномочия органов местного самоуправления разграничиваются на 3 группы в зависимости от возможности перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами региональной государственной власти. Первая группа зафиксирована в ч. 1 ст. 32, вторая—в ч. 2 ст. 32, третья—в ч. 3 ст. 32. Если закон 2003 года предусматривал выполнение местным самоуправлением самостоятельных функций, обеспечивающих решение локальных задач на основе интересов местного населения, то нормативный акт 2025 года устанавливает, что функциональная деятельность местного самоуправления подчинена государственным стратегиям, функции определяются преимущественно «сверху», а муниципалитеты становятся исполнителями делегированных или жестко регламентированных задач с высокой степенью подотчетности и контролируемости.

Таким образом, новый федеральный закон закрепляет модель местного самоуправления как элемента единой системы публичной власти с минимальной автономией и максимальной интеграцией с государственной региональной и федеральной властью.

Действующее нормативное регулирование базисно меняет доктрину о природе муниципалитета как автономного субъекта права. В свете Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ местное самоуправление—уже не самостоятельный, а институционально обусловленный уровень публичной администрации, наделяемый функциями оператора государственных решений и координатора отдельных проявлений локальной специфики.

Показательно, что концепт народовластия в новых условиях сохраняется в основном как атрибут символического участия, реализуемый через опосредованные и строго регламентированные процедуры онлайн-обсуждений, муниципальных слушаний и общественных советов, а не как источник реального самоопределения локальных сообществ. В этой связи нельзя не согласиться с М.В. Пенизевым, указывающим, что «формальный характер ряда форм непосредственной демократии ...приводит к отчуждению местного сообщества от процессов управления и формирует пассивную гражданскую позицию», что «создает дополнительные риски для автономии местного самоуправления и угрожает иным конституционным принципам» [4, с. 243–244]. В поддержку подобной точки зрения и наличие явной недостаточности учета возможностей населения по реализации своих конституционных прав в части решения вопросов функционирования местных сообществ, что тоже отмечают исследователи [5, с. 560].

В итоге, как представляется, переход к единой публичной вертикали порождает институциональное напряжение между задачами государственного развития и необходимостью поддержки минимальных демократических начал на местах. Исследования последних лет указывают на значительное снижение инициативы муниципальных образований (результат ухода от выборности к назначению или контрак-

ту, зависимость от региональных центров принятия решений). Ранние парадигмы, рассматривавшие местное самоуправление как децентрализованное проявление локальных сообществ, корректируются под влиянием современных юридических и политических реалий, в которых нормы об автономии муниципалитетов приобретают декларативный, а иногда и инструментальный характер.

С другой стороны, интеграционная модель в ряде случаев обуславливает рост административной эффективности: оптимизация бюджетных потоков, повышение согласованности долгосрочных программ. Однако стратегическим дефицитом становится ослабление каналов обратной связи между органами власти и местным сообществом.

ВЫВОДЫ

В последние годы институт местного самоуправления в России радикально сменил свой концептуальный и правовой облик. Появление в российском праве термина «единая система публичной власти», объединяющего как государственные, так и муниципальные органы, требует новой оценки самой сущности публичного управления. Институт местного самоуправления занимает уникальное положение в отечественной системе публичной власти, представляя собой синтетическую конструкцию, вобравшую в себя как элементы децентрализации и гражданского участия, так и черты административно-командного регулирования, унаследованные из советского и постсоветского конституционного развития. Уже более тридцати лет российское местное самоуправление находится в эпицентре напряжённой динамики политико-правовых реформ, претерпевая на себе все изменения политического дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая исследование, отметим, что юридическая природа современного местного самоуправления в России определяется центристскими тенденциями формирования единой публичной вертикали, где муниципальная власть утрачивает качество автономного субъекта, и в то же время—не растворяется полностью в структуре государственной власти ввиду конституционного запрета на его упразднение и регулируемых законом форм непосредственного народного участия. Правовая сущность местного самоуправления сегодня—это разновидность публичной власти с государственно-административной доминантой, организационно и функционально внедрённой в федеральную модель управления, однако сохраняющей некоторые (пусть и урезанные) коллективно-общественные черты. Статус современной власти на местах требует дальнейшей разработки доктрины «публичной платформы» местного самоуправления—открытой распределённой системы, призванной не только исполнять управленческие задачи, но и интегрировать локальную идентичность и коллективные интересы в единое концептуальное поле развития Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диденко А.Н. Соотношение публично-властных и общественных компонентов в организации местного самоуправления и муниципальных образований и их опора на традиционные российские цивилизационные ценности // Местное право. 2025. № 2. С. 3–14.
2. Зуйков А.В. Конституционные ориентиры развития местного самоуправления в единой системе публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 43–47.
3. Корольков В.В. Муниципальная реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 95–119.
4. Пенizeв М.В. «Огосударствление» местного самоуправления: угроза конституционным принципам // Енисейские политико-правовые чтения. сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 2024. С. 241–245.
5. Сираждинов Р.Ж. Анализ изменений полномочий органов местного самоуправления в России в рамках проводимой реформы системы местного самоуправления // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 556–562.
6. Упоров И.В. Структура и содержание законов о местном самоуправлении в СССР, РСФСР, Российской Федерации: краткий историко-правовой обзор // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115–9. С. 118–124.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью Волковой Елены Ивановны и Хапсироковой Елены Анатольевны «Местное самоуправление в единой системе публичной власти: эволюция законодательства и правовые новации».

Представленная статья на тему «Местное самоуправление в единой системе публичной власти: эволюция законодательства и правовые новации» посвящена актуальным и значимым в науке вопросам организации и функционирования местного самоуправления. В исследовании проводится комплексный анализ эволюции законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации с акцентом на недавние законодательные преобразования, выразившиеся в Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Авторы актуализируют основополагающую проблему – изменение концепта и правового положения местного самоуправления в контексте формирования единой системы публичной власти, что делает материал чрезвычайно востребованным для научного сообщества, занимающегося теорией и практикой государственного и муниципального управления.

В статье осуществляется обобщение динамики отечественного законодательства в сфере местного самоуправления, раскрывается противоречие между провозглашёнными принципами автономии и современными тенденциями централизации. Неоспоримым достоинством исследования выступает освещение новаций 2025 года – в частности, подробный разбор введения «модели распределённой компетенции» и новых правил кадрового регулирования на муниципальном уровне. Авторы предлагают системный взгляд на трансформацию отечественной доктрины местного самоуправления, фиксируя сдвиг от децентрализации к доминированию административно-государственных начал.

Материал статьи изложен последовательно, логично и аргументированно. Авторы последовательно проводят анализ исторических этапов становления отечественного местного самоуправления, демонстрируют эволюцию понятийных основ, юридического статуса и функций муниципалитетов в разные периоды. Уместно использована сравнительная перспектива и обширный теоретико-правовой инструментарий, обеспечивающий научную глубину работы.

Работа опирается на широкий круг современного законодательства, нормативных актов и научных источников, что подтверждает высокий уровень проработки вопроса. Исследование проведено на высоком научном уровне: отсутствуют ошибочные утверждения и заимствования, оригинальность исследования составляет более 80 %. Фундаментом статьи явились исследования российских авторов, работающих в данном научном направлении, вместе с тем, чувствуется собственная дискуссионная позиция авторов, что способствует возбуждению дальнейшего научного дискурса.

Статья обладает высокой теоретической значимостью благодаря системному обзору и анализу новейших тенденций от-

REFERENCES

1. Didenko AN. The relationship of public-power and public components in the organization of local self-government and municipal entities and their reliance on traditional Russian civilizational values. *Local law*. 2025. No. 2. Pp. 3–14. (in Rus.).
2. Zuykov A.V. Constitutional guidelines for the development of local self-government in a unified system of public authority. *State power and local self-government*. 2025. No. 2. Pp. 43–47. (in Rus.).
3. Korolkov V. Municipal reform in Russia in the context of world models of organization of local self-government in federal systems. *Comparative constitutional review*. 2025. No. 1. Pp. 95–119. (in Rus.).
4. Penizev M.V. "Statehood" of local self-government: a threat to constitutional principles. Eniseysky political-legal readings. Collection of scientific articles on materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2024. Pp. 241–245.
5. Sirajdinov R.Z. Analysis of changes in the powers of local self-government bodies in Russia within the framework of the ongoing reform of the system of local self-government. *Municipal Academy*. 2024. No. 2. Pp. 556–562.
6. Uporov I.V. Structure and content of laws on local self-government in the USSR, RSFSR, Russian Federation: a brief historical-legal review. *Trends in the development of science and education*. 2024. No. 115–9. Pp. 118–124. (in Rus.).

естественного законодательства в области местного самоуправления. Практическая ценность выражается в возможности применения выводов и рекомендаций для дальнейшей научной разработки проблематики, участия в экспертной оценке нормативно-правовых актов, совершенствования реализации муниципальной политики.

В качестве рекомендации можно отметить, что в работе сравнительно мало внимания уделено соотношению российской модели единой публичной власти с зарубежными моделями организации местного самоуправления, без сомнения подобный сравнительный анализ позволил бы получить более полное представление об особенностях современного института местного самоуправления в России.

В целом, статья отличается высоким научным уровнем, актуальностью рассматриваемой проблематики, полнотой охвата вопроса и оригинальностью выводов, будет полезна широкому кругу исследователей, преподавателей, практикующих юристов и государственных служащих. Представляется, что данная работа соответствует тематике журнала и может быть рекомендована публикации.

Рецензент: Попова С.П., Заместитель заведующего кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 71,05%.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025, принята к публикации 24.07.2025
The article was received on 04.07.2025, accepted for publication 24.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Елена Ивановна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука; Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 2288-6160, AuthorID: 1033364, e-mail: gubanle@yandex.ru

Хапсиорокова Елена Анатольевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука; Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 3089-7078, AuthorID: 199991, e-mail: elena-adzinova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Helen I. Volkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Department of constitutional law named after N.V. Vitruka; Lebedev Russian State University of Justice; Moscow, Russian Federation, e-mail: gubanle@yandex.ru

Helen A. Khapsirokova, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Associate Professor of Department of constitutional law named after N.V. Vitruka; Lebedev Russian State University of Justice; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 3089-7078, AuthorID: 199991 e-mail: elena-adzinova@yandex.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-60-66

УДК: 347

ГРНТИ: 10.27

EDN: XYZSTI

Соглашение о государственно-частном партнерстве как вид административного договора: теоретические основы

© Ушаков Руслан Михайлович

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

ru.ushushakov@yandex.ru

Аннотация: Цель исследования. В статье исследуются концептуальные вопросы административно-правовой природы соглашения о государственно-частном партнерстве. **Выводы.** В результате проведенного исследования установлено, что соглашение о государственно-частном партнерстве является разновидностью административного договора, поскольку: общественные отношения, составляющие государственно-частное партнерство, образуют область регулирования нормами административного права и реализации государственного управления; субъектный состав сторон соглашения представлен формально равными партнерами, один из которых всегда является лицом, наделенным государственными (публичными) полномочиями (публичный партнер как публичный субъект); предметом соглашения является совершение комплекса действий по созданию (строительству и (или) реконструкции), эксплуатации и (или) техническому обслуживанию в отношении объекта соглашения, составляющего сферу публичного интереса и контроля, при этом в рамках управления данным имуществом предметом соглашения может являться не только выполнение публичных работ, но и производство и реализация публичных товаров, оказание публичных услуг; выполнение публично значимой задачи делегируется частному партнеру посредством последовательного издания административных актов и заключения административного договора, опосредующих организационные, контрольные и координационные отношения; реализация публичного интереса допускает прерогативу публичного субъекта.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, соглашение о государственно-частном партнерстве, концессионное соглашение, административный договор, виды административного договора, государственное управление, административно-правовое сотрудничество

Для цитирования: Ушаков Р.М. Соглашение о государственно-частном партнерстве как вид административного договора: теоретические основы // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 60–66. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-60-66. EDN: XYZSTI

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-60-66

Public-Private Partnership Agreement as a Type of Administrative Contract: Conceptual Foundations

© Ruslan M. Ushakov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ru.ushushakov@yandex.ru

Annotation: The purpose of the study. The article examines the conceptual issues of the administrative and legal nature of the public-private partnership agreement. **Conclusions.** The conducted research established that the public-private partnership agreement is a type of administrative contract, because: public relations constituting the public-private partnership form the area of regulation by the norms of administrative law and the implementation of public administration; the subject composition of the parties to the agreement is represented by formally equal partners, one of which is always a person endowed with state (public) powers (the public partner as a public entity); the subject of the agreement is the performance of a set of actions on the creation (construction and (or) reconstruction), operation and (or) technical maintenance in relation to the object of the agreement, which is the sphere of public interest and control, while within the framework of the management of this property, the subject of the agreement may be not only the performance of public works, but also the production and sale of public goods, the provision of public services; the performance of a publicly significant task is delegated to the private partner through the successive issuance of administrative acts and the conclusion of an administrative contract, mediating organizational, control and coordination relations; the implementation of public interest allows for the prerogative of a public subject.

Keywords: public-private partnership, public-private partnership agreement, concession agreement, administrative contract, types of administrative contract, public administration, administrative and legal cooperation

For citation: Ushakov R.M. Public-Private Partnership Agreement as a Type of Administrative Contract: Conceptual Foundations. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 60–66. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-60-66. EDN: XYZSTI

ВВЕДЕНИЕ

Государственно-частное (публично-частное) партнерство выступает самостоятельным комплексным правовым институтом и средством реализации публично значимых проектов, как правило, в отношении объектов инфраструктуры, что осуществляется в договорной форме посредством выполнения публичных (общественно значимых) работ, производства и реализации публичных товаров, оказания публичных услуг.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫЕ ОСНОВЫ СОГЛАШЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ

Правовые действия, реализуемые в сфере государственно-частного партнерства, осуществляются в следующих административно-правовых формах, присущих административно-правовому взаимодействию в целом: издании публичным субъектом нормативных и индивидуальных (ненормативных) правовых актов (административных актов); заключении субъектами административных договоров; подачи частным субъектом обращений и их рассмотрении публичным субъектом; совершении субъектами иных юридически значимых действий в сфере государственного управления, предусмотренных законодательством или на основе изданного административного акта. В частности, административные акты опосредуют

процедурные аспекты (принятие решения о реализации проекта, проведение конкурса на право заключения соглашения и др.), определяют начальные условия и порядок реализации государственно-частного партнерства в рамках будущего соглашения¹, выражают властно-управленческую волю публичного субъекта, обязательную для частного субъекта. Административный договор, в свою очередь, закрепляет конкретные условия реализации проектов в рамках согласованного волеизъявления субъектов, выступая, таким образом, продолжением административного акта. При этом для обеспечения исполнения административного договора в последующем также могут издаваться административные акты (например, в рамках передачи объекта соглашения в собственность частному партнеру по итогам реализации проекта). Приведенные формы, таким образом, не существуют обособленно, напротив, следует говорить об их взаимодействии и синергии.

Договор о государственно-частном партнерстве со-

¹ Например, Распоряжение Департамента от 28 декабря 2021 г. ДИПП-Р-97/21 «О заключении соглашения о государственно-частном партнерстве о реализации проекта по финансированию, проектированию, реконструкции, содержанию и эксплуатации имущественного комплекса, предназначенного для приема, накопления и обработки утратившего потребительские свойства электронного и электрического (электротехнического) оборудования в целях его последующей утилизации в городе Москве». URL: <https://www.mos.ru/dipp/documents/informaciya-o-proektakh-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva/sozdanie-obektov-po-priemu-nakopleniyu-sortirovke-elektronnogo-i-elektricheskogo-oborudovaniya-po-soglasheniyu-o-gchp/view/288829220/> (дата обращения: 15.06.2025).

вмещает одновременно две стороны: административного договора² и гражданского договора. Публичный партнер выступает в отношениях партнерства не только как публичный субъект, реализующий государственные (публичные) полномочия, но и как субъект гражданского права, что основывается, в том числе, на реализации гражданско-правовых принципов, изложенных в ст. 4 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее—Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве»)³, в частности, добросовестного исполнения сторонами обязательств по соглашению и свободы заключения соглашения. При этом гражданско-правовой аспект имеет дополняющий характер относительно административно-правового, что выражается в применении гражданско-правовых норм в той части договора, которая не урегулирована нормами административного права и основанными на них положениями административного договора.

Анализ подходов к пониманию административного договора позволяет выделить его основные признаки: наличие «двух и более сторон, хотя бы одна из которых при заключении договора реализует установленное или делегированное полномочие государственного управления» [Бодгаев, 2019: 11], формально-юридическое равенство субъектов, определенная административно-правовыми нормами форма административного договора, в качестве цели—публично-правовые интересы [Синдеева, 2009: 11], выражение совпадающего волеизъявления двух или более субъектов административного права, автономия их воли, реализация планирования, регулирования, организации и координации как функций управления [Ротенберг, 2006: 8–9], регулирование не только на основе административно-правовых норм, но и общими гражданско-правовыми положениями о договоре в той части, в которой они не противоречат публично-правовой природе данного соглашения [Курчевская, 2002: 10], обеспечение его реализации административным ресурсом [Колокольцев, 2009: 101], он понимается «как один из типов публично-правового договора, нормативной базой которого выступает административное право», «как многосторонний акт косвенного управленческого воздействия на общественные отношения», как управленческое соглашение, «опосредующее горизонтальные (координационные) управленческие отношения» [Дёмин, 1996: 8, 188]; и др. признаки. В доктрине выделяются, в частности, горизонтальный

(заключаются между органами исполнительной власти) и вертикальный типы (заключаются между органами исполнительной власти и иными субъектами административного права) административных договоров [Ротенберг, 2006: 9–10]; в зависимости от предмета выделяются: договоры о компетенции, договоры о сотрудничестве, договоры о поступлении граждан на государственную службу [Синдеева, 2009: 12]; и др.

Таким образом, административный договор выполняет функцию правового регулятора, предполагая установление, изменение или прекращение административных правоотношений. Именно через административный договор реализуется управленческая роль публичного субъекта, он является инструментом, на основании которого, в том числе, осуществляется передача (делегирующее) частным субъектам выполнения публичных функций, что составляет его организационное содержание. В рамках его применения частные субъекты принимают на себя выполнение задач, традиционно относящихся к компетенции органов публичной власти, в строго определенных рамках, соответствующих целям публичного управления. Публичные функции, передаваемые в рамках таких договоров, охватывают широкий спектр задач—от производства товаров и предоставления услуг в области образования, здравоохранения и др. до управления публичной собственностью, например, объектами коммунальной инфраструктуры, энергетики, что может включать комплекс действий по созданию, реконструкции, эксплуатации и техническому обслуживанию данных объектов (публичные работы, товары и услуги). Контрольные отношения выражены в праве публичного субъекта как стороны соглашения на осуществление контроля за его исполнением. Координационное содержание административного договора, в свою очередь, предполагает сотрудничество органов публичной власти между собой и с частным субъектом, понимаемое как взаимное содействие по выполнению его условий в рамках реализации государственного управления, в том числе в процессе осуществления вышеизложенной публичной функции⁴.

Полагаем, соглашение о государственно-частном партнерстве является разновидностью административного договора, поскольку:

1) общественные отношения, составляющие государственно-частное партнерство, образуют область регулирования нормами административного права и реализации государственного управления⁵, направлены на достижение общественно значимых результатов, что отражено в предполагающей реализацию публичного интереса цели Федерального закона

² Следует учитывать, что в рамках континентальной правовой традиции договор о государственно-частном (публично-частном) партнерстве, как правило, является административным (публичным) договором. Например, он определен в таком качестве на законодательном уровне во Франции: Code de la commande publique. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000037701019/ (дата обращения: 20.06.2025).

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (в ред. от 30.11.2024) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

⁴ Реализация координационных отношений может предполагать, в частности, управленческие действия публичного субъекта, направленные на поддержку частного субъекта, заключение новых административных договоров (например, договоров о сотрудничестве органов публичной власти) и др.

⁵ Гражданско-правовые и иные нормы, отраженные в смежных законах, имеют субсидиарное значение и применяются в случае, если исследуемые отношения не урегулированы Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве». При этом указанный закон является по природе публично-правовым, поскольку большая его часть посвящена определению административно-правового статуса субъектов публичной власти, в том числе содержанию их полномочий, регламентации административно-процедурных аспектов и др. (например, главы 2, 4, 5, 5.1, 6).

«О государственно-частном партнерстве» (ст. 1) и цели соглашения о государственно-частном партнерстве, состоящей в привлечении в экономику частных инвестиций, обеспечении органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества (п. 1 ст. 3), то есть данное соглашение направлено на развитие сферы публичных работ, товаров и услуг;

2) субъектный состав сторон соглашения представлен партнерами, один из которых всегда является лицом, наделенным государственными (публичными) полномочиями (публичный партнер как публичный субъект);

3) предметом данного соглашения является совершение комплекса действий по созданию (строительству и (или) реконструкции), эксплуатации и (или) техническому обслуживанию в отношении имущества⁶ (объекта соглашения), составляющего сферу публичного интереса и контроля⁷ (ст. 7), например, объектов транспортной инфраструктуры, железнодорожного и трубопроводного транспорта и др. объектов публичной собственности, в том числе критически важных объектов⁸, при этом в рамках управления данным имуществом предметом соглашения может являться не только выполнение публичных работ, но и производство и реализация публичных товаров, оказание публичных услуг (п. 1, 3, 4 ч. 11 ст. 12);

4) выполнение публично значимой задачи (публичной функции)⁹ делегируется частному партнеру посредством последовательного издания административных актов и заключения административного

договора¹⁰, опосредующих организационные (выражены в делегировании частному партнеру выполнения публично значимой задачи), контрольные (выражены в праве публичного партнера на осуществление контроля за исполнением соглашения) и координационные (выражены в сотрудничестве, взаимной поддержке партнеров, в том числе с участием иных субъектов административного права, в процессе выполнения публично значимой задачи¹¹) отношения в условиях устойчивого сотрудничества, что может обеспечиваться предоставлением бюджетных субсидий (ч. 5 ст. 6) и характеризуется высокой степенью социальной ответственности частного партнера за результат;

5) реализация публичного интереса допускает prerogative—особое право публичного субъекта как выражение его административной правосубъектности по предпринятию в одностороннем порядке действий, направленных на защиту данного интереса и предполагающих ограничение частного интереса, присущего частному партнеру, по конкретному договору во благо общества: например, осуществление публичным партнером контрольных полномочий (ст. 14); замена частного партнера без проведения конкурса на основании соответствующего решения, при условии, что неисполнение или ненадлежащее исполнение частным партнером обязательств по соглашению повлекло за собой нарушение существенных условий соглашения и (или) причинение вреда жизни или здоровью людей либо имеется угроза причинения такого вреда (ч. 14 ст. 13); и др., что является одним из признаков административного договора, допускающим его больший правовой «вес», преобладание над гражданско-правовым аспектом соглашения о государственно-частном партнерстве. Административно-правовой характер данного соглашения проявляется в том, что публичный партнер в одностороннем порядке посредством из-

⁶ При этом в 2018 г. в качестве самостоятельных объектов соглашения о государственно-частном партнерстве были признаны также объекты информационных технологий, в том числе программы для электронных вычислительных машин (ЭВМ), базы данных др., которые образуют интеллектуальную собственность (п. 19 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»): Федеральный закон от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 3956.

⁷ Данные объекты составляют сферу публичного интереса, так как имеют значительное социально-экономическое и инфраструктурное значение, обеспечивают функционирование образования, культуры, здравоохранения и др. сфер и иным образом необходимы для нормального существования общества. Пример из практики—объекты для оказания первичной медико-санитарной помощи, строительство, финансирование и техническое обслуживание которых осуществляется в г. Новосибирске в рамках соглашения о государственно-частном партнерстве (URL: <https://econom.nso.ru/news/2470> (дата обращения: 15.06.2025)).

⁸ Постановление Правительства РФ от 14 августа 2020 г. № 1225 «Об утверждении Правил разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам» // СЗ РФ. 2020. № 34. Ст. 5455; Приказ Министерства транспорта РФ от 25 мая 2021 г. № 169 «Об утверждении критериев отнесения объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования всех форм собственности к критически важным объектам» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 21 июня 2021 г.; и др.

⁹ Примером делегирования выполнения публичной функции частному субъекту, обычно реализуемой органами публичной власти, является строительство и эксплуатация объектов, на которых осуществляются обработка, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов (п. 12 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»). Тем самым, публичный субъект на взаимовыгодных условиях дистанцируется от непосредственной оперативной деятельности по строительству и эксплуатации данных объектов, передавая данную функцию частному субъекту и осуществляя контроль за ее реализацией.

¹⁰ Существует тесная взаимообусловленная связь между административным договором и административными актами, проявляемая в рамках системы административных процедур, в том числе конкурсного характера. До заключения (и после заключения) административного договора принимается ряд административных актов, в частности, решение о реализации проекта государственно-частного партнерства. Например: Постановление Правительства Новосибирской области от 28.06.2021 № 244-п (в ред. от 17.04.2023) «О принятии решения о реализации проекта государственно-частного партнерства в отношении проектирования, строительства, финансирования и технического обслуживания объекта для оказания первичной медико-санитарной помощи в городе Новосибирске» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 28 июня 2021 г.

¹¹ Данное сотрудничество может выражаться как в непосредственном содействии управленческими средствами частному партнеру в его деятельности, направленной на реализацию проекта (например, в рамках обязанности публичного партнера по оказанию частному партнеру содействия в получении обязательных для достижения целей соглашения разрешений органов публичной власти и (или) согласований указанных органов—ч. 10 ст. 15 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»), так и в рамках заключения нового договора (вспомогательного соглашения второго порядка), затрагивающего административно-правовые и (или) гражданско-правовые отношения и направленного на реализацию соглашения о государственно-частном партнерстве—например, в рамках заключения прямого соглашения между публичным партнером, частным партнером и финансирующим лицом, предоставляющим заемные средства частному партнеру для реализации соглашения на условиях возвратности, платности, срочности (п. 6, 7 ст. 3), соглашения о проведении совместного конкурса, заключаемого между публичными партнерами (ч. 3, 4, 5 ст. 20) и др.

дания административных актов определяет перечень условий соглашения, к которому имеет право присоединиться частный субъект, но не имеет возможности их изменить¹². Государство как выразитель публичных интересов также имеет прерогативу в виде возможности одностороннего внедоговорного воздействия на конструкцию отношений государственно-частного партнерства, в том числе права и обязанности частных субъектов, обусловленного объективной необходимостью по реализации и защите публичного интереса, посредством мер законодательного регулирования.

Сходным примером делегирования публичных функций через административный договор выступает «родственное» концессионное соглашение, от которого в отечественном и зарубежном праве ведет свой генезис соглашение о государственно-частном партнерстве, являющееся более «молодой» формой административно-правового сотрудничества публичного и частного субъектов, модификацией концессионного соглашения, выделившейся в самостоятельный правовой институт. При этом концессионное соглашение традиционно признается в доктрине в качестве разновидности административного договора многими ведущими административистами [Шорохов, 2009: 14; Бахрах, Россинский, Старилов, 2005: 404], в частности, также определяется как разновидность административного договора в сфере предпринимательской деятельности [Бодгаев, 2019: 166], что, считаем, является дополнительным аргументом и в пользу административно-договорной природы соглашения о государственно-частном партнерстве, исходя из следующих соображений, отражающих их общие признаки:

1) сходство целей законов, регламентирующих данные соглашения (ст. 1 законов), отражено в двух элементах: привлечении инвестиций в экономику РФ и повышении качества товаров, работ, услуг, относимых к публичной сфере;

2) указанные соглашения, выступая в качестве инструмента реализации соответствующей публичной функции (задачи), предполагают сходные по объективной стороне (действий) административно-правовые отношения, выраженные в совпадающей комбинации действий публичного и частного субъектов: создание и (или) реконструкция имущества, составляющего объект соглашения, осуществление деятельности с его использованием (эксплуатацией) с возможностью включения условий о его техническом обслуживании (ч. 1, ч. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее—Федеральный закон «О концессионных соглашениях»); создание (строительство и (или) реконструкцию) имущества, составляющего объект соглашения, его эксплуатация и (или) техническое обслуживание (ч. 1 ст. 12, ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»);

3) объектами соглашений являются объекты с высокой публичностью значимостью (ст. 7 Федерального

закона «О государственно-частном партнерстве», ст. 4 Федерального закона «О концессионных соглашениях»), а их перечень в значительной степени пересекается (например, объекты железнодорожного транспорта, объекты трубопроводного транспорта, объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии и др.);

4) иные общие признаки: один из субъектов отношений всегда представлен публичным лицом; реализация на основе административного акта (решения лица, представляющего РФ, субъект РФ, муниципальное образование); частному субъекту могут предоставляться земельные и лесные участки, водные объекты, участки недр, которые находятся в публичной собственности, а также бюджетное финансирование и налоговые льготы; контроль публичного субъекта за исполнением соглашения и иные публичные прерогативы; наличие примерных форм соглашений, утвержденных Правительством РФ; в значительной степени сходные административные конкурсные процедуры, предшествующие заключению соглашений, административные процедуры, связанные с изменением и расторжением договора; и др.

Таким образом, логика, структура и содержание обоих законов, регламентирующих указанные соглашения, в значительной степени сходны, а отличия¹³ придают специфику публично-частному партнерству как обособленному правовому институту, но не отменяют сущностного сходства концессионным соглашениям и соглашениям о государственно-частном партнерстве как административных договоров, направленных на реализацию косвенного государственного управления в отношении публичной собственности в рамках координационных (горизонтальных), а также организационных и контрольных (вертикальных) управленческих отношений. Обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, отраженное в ст. 1 Федерального закона «О концессионных соглашениях», проявляется фактически и в государственно-частном партнерстве в рамках проектной деятельности частного партнера, направленной на эксплуатацию объекта соглашения. Считаем, с точки зрения административного права отличия между данными соглашениями не отменяют того факта, что по основным моментам—сходству целей законов, делегировании выполнения публично значимых задач, комбинации действий, объектов, в отношении которых они совершаются, природы и основного содержания обязательств субъектов как концессионное соглашение, так и соглашение о государственно-частном партнерстве являются разновидностями административного договора.

Полагаем, вышеуказанное предполагает понимание соглашения о государственно-частном партнерстве не только как разновидности административного до-

¹² В частности, по результатам переговоров, посвященным обсуждению условий соглашения, не могут быть изменены существенные условия, а также те условия, которые являлись критериями конкурса и (или) содержание которых определялось на основании конкурсного предложения лица, в отношении которого принято решение о заключении соглашения (ч. 1, 3 ст. 32 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»).

¹³ Например, на стороне частных партнеров в соглашении о государственно-частном партнерстве могут выступать только юридические лица и именно российские, в отличие более широкого круга лиц на стороне концессионера в концессионном соглашении; предусмотрена возможность перехода частному партнеру права собственности на объект соглашения, в отличие от концессионного соглашения и др.

говора (узкий подход), но и в качестве самостоятельной комплексной («малой») формы косвенного государственного управления публичной собственностью, основанной на делегировании частному субъекту выполнения публичных (общественно значимых) работ, производства и реализации публичных товаров, оказания публичных услуг, что осуществляется посредством административного договора в сочетании с последовательным изданием административных актов (широкий подход)¹⁴.

Данные подходы взаимодополняюще описывают разные аспекты одного явления. Узкий подход исходит из понимания соглашения о государственно-частном партнерстве в качестве самостоятельной разновидности административного договора, что справедливо, поскольку первое в той или иной степени соответствует доктринальным признакам таких видов административного договора, как соглашение о сотрудничестве, соглашение о передаче полномочий, соглашение в сфере управления публичной собственностью, соглашение в сфере предпринимательской деятельности, но представляет собой специфическое сочетание их признаков, дающее новое качество в рамках самостоятельного правового института, исходя из объективной стороны анализируемого соглашения, в частности, закрепленных в нем и реализуемых комбинаций правовых действий в отношении объекта соглашения, составляющего сферу публичного интереса и контроля, при этом в рамках управления данным имуществом предметом соглашения может являться не только выполнение публичных работ, но и производство и реализация публичных товаров, оказание публичных услуг. Широкий подход служит продолжением узкого подхода и основан на плюрализме форм государственного управления, что имеет под собой логический основание—административный договор, выступающий в современной доктрине классической формой, долгое время понимался лишь проявлением административного акта и не признавался в качестве самостоятельной формы. Выделение комплексной формы в виде соглашения о государственно-частном партнерстве служит закономерным продолжением указанной тенденции расширения форм, при этом оно не образует принципиально новую форму государственного управления, по своему значению равную классическим формам—административным актам и административным договорам, а представляет собой «надстройку» над данными формами, уникальное сочетание их использования, включая в себя административно-процедурный процесс, осуществляемый вне стадии непосредственной реализации заключенного административного договора, что дает ему новое качество как «малой» формы¹⁵, проявленное в рамках административно-правового аспекта комплексного правового института публично-частного партнерства.

Соглашение о государственно-частном партнерстве как комплексная форма косвенного государственного управления, основанная на использовании материальных и финансово-экономических, в том числе бюджетных (ст. 12.1. Федерального закона «О государственно-частном партнерстве»), форм стимулирования, является актуальной в условиях возрастающей роли автономных частных субъектов в управленческих отношениях, добровольно и на взаимовыгодных условиях вступающих в них с целью реализации публично значимых задач, что способствует определённому отходу от классических методов и форм прямого государственного управления, основанного на непосредственном выполнении публичным субъектом публичных работ, производстве и реализации публичных товаров, оказании публичных услуг, осуществляемых посредством издания административных актов и без заключения административного договора.

Полагаем, характеристика управления в сфере государственно-частного партнерства как косвенного выражается в том, что публичный субъект, сохраняя контрольные полномочия, в административно-договорной форме делегирует автономному частному субъекту выполнение публично значимой задачи, определяя цели, параметры и условия проекта государственно-частного партнерства, а частный субъект осуществляет оперативную хозяйственную деятельность по его реализации—при этом публичный субъект не вмешивается в нее (п. 1 ч. 3 ст. 14),—что предполагает создание (строительство и (или) реконструкцию), эксплуатацию и (или) техническое обслуживание объекта соглашения, составляющего сферу публичного интереса и контроля, в том числе на основе объединения ресурсов субъектов, передачи публичным субъектом прав владения и пользования создаваемым имуществом и осуществлении им бюджетной и иной поддержки.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования установлено, что соглашение о государственно-частном партнерстве является разновидностью административного договора, поскольку соответствует следующим признакам: общественные отношения, составляющие государственно-частное партнерство, образуют область регулирования нормами административного права и реализации государственного управления; субъектный состав сторон соглашения представлен партнерами, один из которых всегда является лицом, наделенным государственными (публичными) полномочиями (публичный партнер как публичный субъект); предметом соглашения является совершение комплекса действий по созданию (строительству и (или) реконструкции), эксплуатации и (или) техническому обслуживанию в отношении объекта соглашения, составляющего сферу публичного интереса и контроля, при этом в рамках управления данным имуществом предметом соглашения может являться не только выполнение публичных работ, но и производство и реализация публичных товаров, оказание публичных услуг; выполнение публично значимой задачи делегируется частному партнеру посредством последователь-

¹⁴ При этом с учетом развиваемого подхода административно-правового взаимодействия данная комплексная форма, основанная на административном договоре, может осуществляться при вспомогательной роли иных административно-правовых форм (например, в рамках подачи частным субъектом обращений и их рассмотрении публичным субъектом).

¹⁵ Организационные, контрольные и координационные отношения, регулируемые административным договором и предшествующими ему (а также последующими) административными актами, образуют область регламентации соглашения о государственно-частном партнерстве как комплексной формы косвенного управления.

ного издания административных актов и заключения административного договора, опосредующих организационные, контрольные и координационные отношения; реализация публичного интереса допускает прерогативу публичного субъекта.

Соглашение о государственно-частном партнерстве может рассматриваться в качестве разновидности административного договора (узкий подход) и самостоятельной комплексной («малой») формой косвенного государственного управления публичной собственностью, основанной на делегировании частному субъекту выполнения публичных (общественно значимых)

работ, производства и реализации публичных товаров, оказания публичных услуг, что осуществляется посредством административного договора в сочетании с последовательным изданием административных актов (широкий подход). Данная форма актуальна в условиях динамичного развития современной экономики и возрастающей роли автономных частных субъектов в управленческих отношениях, добровольно и на взаимовыгодных условиях вступающих в них с целью реализации публично значимых задач, что способствует определенному отходу от классических методов и форм прямого государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
2. Бодгаев Д.Б. Административный договор как правовая форма государственного управления в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 229 с.
3. Дёмин А.В. Административные договоры: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 206 с.
4. Колокольцев А.Н. Теоретические концепции административного договора в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 213 с.
5. Курчевская С.В. Административный договор: формирование современной теории и основные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 230 с.
6. Ротенберг А.С. Административный договор: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 183 с.
7. Синдеева И.Ю. Административный договор как институт административного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 184 с.
8. Шорохов С.В. Концессионное соглашение как форма публичного управления: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 223 с.

REFERENCES

1. Bakhrah D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook for Universities. 2nd ed., amended and supplemented. Moscow: Norma, 2005. 800 p.
2. Bodgaev D.B. Administrative Contract as a Legal Form of Public Administration in the Sphere of Entrepreneurial Activity: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2019. 229 p.
3. Demin A.V. Administrative Contracts: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Yekaterinburg, 1996. 206 p.
4. Kolokoltsev A.N. Theoretical Concepts of the Administrative Contract in the Russian Federation: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Tyumen, 2009. 213 p.
5. Kurchevskaya S.V. Administrative contract: formation of a modern theory and main problems: dis. ... Cand. Sci. (Law). Voronezh, 2002. 230 p.
6. Rotenberg A.S. Administrative contract: dis. ... Cand. Sci. (Law). Rostov-on-Don, 2006. 183 p.
7. Sindeeva I. Yu. Administrative contract as an institution of administrative law: dis. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2009. 184 p.
8. Shorokhov S.V. Concession agreement as a form of public administration: comparative legal study: dis. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2009. 223 p.

Рецензент: Зеленцов А.Б., д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор-консультант кафедры административного и финансового права Юридического института, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 81,23%.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025, принята к публикации 19.07.2025

The article was received on 01.07.2025, accepted for publication 19.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ушаков Руслан Михайлович, аспирант кафедры административного и финансового права Юридического института; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8090-4920, SPIN-код: 2424-4636, AuthorID: 998688, e-mail: ru.ushushakov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ruslan M. Ushakov, postgraduate student of the Department of Administrative and Financial Law, Law Institute; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8090-4920, SPIN-code: 2424-4636, AuthorID: 998688, e-mail: ru.ushushakov@yandex.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-67-75

УДК: 342.5

ГРНТИ: 10.27

EDN: YGMAZB

Публично-правовой статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля

© Недров Артём Анатольевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Nedrov@spa.msu.ru

Аннотация: Цель исследования. В статье рассматриваются особенности публично-правового статуса Банка России в контексте разработки и внедрения на территории Российской Федерации цифровой валюты центрального банка—цифрового рубля. Проведен анализ соответствия новой функции Центрального банка—по организации и обеспечения функционирования платформы цифрового рубля—нормативно закреплённым целям его деятельности. Целью исследования является установление особенностей публично-правового статуса Банка России как особого института в системе органов государственной власти, а также выявление произошедших изменений в связи с наделением его полномочиями оператора платформы цифрового рубля. **Выводы.** Отмечен неоднозначный публично-правовой статус Банка России, сочетающий в себе признаки государственного органа и особого юридического лица. Подчеркнуты потенциальные риски, связанные с совмещением Банком России роли регулятора и участника платформы цифрового рубля. Выявлены проблемные зоны правового регулирования в сфере выпуска и обращения цифрового рубля и выработаны предложения по их устранению. В частности, рассмотрены вопросы необходимости закрепления за цифровым рублём статуса официального платёжного средства, блок проблем, связанный с правовыми гарантиями конфиденциальности личных данных пользователей ЦБЦБ, а также спорные положения касающиеся права Банка России в одностороннем порядке вносить изменения в договор счета цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, Банк России, Центральный Банк, криптовалюты, платформа цифрового рубля, оператор платформы цифрового рубля, цифровая валюта центрального банка

Для цитирования: Недров А.А. Публично-правовой статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 67–75. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-67-75. EDN: YGMAZB

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-67-75

Public Law Status of the Bank of Russia as the Operator of the Digital Ruble Platform

© Artem A. Nedrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Nedrov@spa.msu.ru

Annotation: The purpose of the research. This article examines the public law status of the Bank of Russia in the context of developing and introducing a central bank digital currency (CBDC)—the digital ruble—in Russia. It analyzes whether the Bank's new role as operator of the digital ruble platform aligns with its statutory objectives. The study aims to identify key features of the Bank's legal status as a unique entity within the system of state authorities and to assess changes resulting from its expanded operational responsibilities. **Results.** The research reveals the hybrid nature of the Bank of Russia, combining attributes of both a state body and a special legal entity. It highlights potential conflicts of interest arising from the Bank acting simultaneously as regulator and market participant in the CBDC ecosystem. Key legal challenges in regulating the issuance and circulation of the digital ruble are identified, along with proposals for their resolution. Particular attention is given to the need to define the digital ruble as legal tender, ensure data privacy protections, and address provisions allowing the Bank of Russia to unilaterally amend digital ruble account terms.

Keywords: digital ruble, Bank of Russia, Central Bank, cryptocurrencies, digital ruble platform, digital ruble platform operator, central bank digital currency

For citation: Nedrov A.A. Public Law Status of the Bank of Russia as the Operator of the Digital Ruble Platform. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 67–75. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-67-75. EDN: YGMAZB

ВВЕДЕНИЕ

Центральные банки являются важнейшими институтами государств, которые обеспечивают устойчивое функционирование финансовой системы страны, способствуют росту экономики и в целом опосредованно влияют практически на все области жизни. Стремительное развитие мировых финансов, в том числе обусловленное появлением новых финансовых инструментов, требует от центральных банков проявления гибкости и адаптивности в вопросах интеграции новых технологий в финансовую систему государства.

Примером такой технологии можно назвать криптовалюты, разработка и широкое использование которых стало одним из ведущих трендов XXI-го века. Являясь по своей сути разновидностью частных денег, криптовалюты получают полярные оценки с точки зрения законности, а также перспектив использования в качестве альтернативного платёжного средства. Ряд исследователей полагает, что они имеют потенциал составить конкуренцию мировым национальным валютам¹. Другие же утверждают, что криптовалюты являются ни чем иным как новым инструментом совершения финансовых преступлений².

Независимо от существующих правовых оценок легитимности частных криптовалют, невозможно отрицать факт их всё большего распространения и пер-

спективность применения технологии, лежащей в их основе. В этой связи центральными банками большинства стран мира ведётся активная работа по изучению и разработке государственной альтернативы криптовалютам—цифровых валют центральных банков (далее—ЦВЦБ)³. В Российской Федерации Банком России в качестве ЦВЦБ был разработан и запущен в пилотное тестирование цифровой рубль. По заявлениям самого Банка России цифровой рубль станет новой формой российской валюты, сделает платежи надежнее и дешевле, а также предоставит новые возможности для развития российской финансовой системы.

При этом внедрение цифрового рубля расширяет перечень полномочий Банка России, прибавляя к уже существующим функциям выполнение роли оператора платформы цифрового рубля. В связи с этим публично правовой статус Центрального банка, который и до этого неоднократно вызывал оживленные споры в научном сообществе, приобретает ещё большую неопределённость. Для её разрешения требуется проведение анализа основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих статус Банка России, выделение целей его деятельности и функций, а также их сопоставление с новыми, приобретаемыми в связи с осуществлением полномочий оператора платформы цифрового рубля.

Банк России играет центральную роль в обеспечении нормального функционирования экономики России и в поддержании устойчивости финансовой системы государства⁴. Для выполнения возложенных на него

¹ Жилкин А.Н. Способны ли криптовалюты вытеснить доллары в международных расчетах? // Вестник Евразийской науки. 2018. № 5 // [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/57ECVN518.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

² Казинская С.Н. «Криптовалюта» как Великая афера XXI века // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10161.

³ Today's Central Bank Digital Currencies Status. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cbdctracker.org/> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Российская финансовая система устояла благодаря ЦБ, заявил Путин // РИА новости // [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230314/ekonomika-1857822680.html> (дата обращения: 15.06.2024).

полномочий Банк России должен в полной мере использовать имеющиеся в его распоряжении инструменты воздействия на экономику, а также быть открытым к использованию новых передовых технологий. При этом деятельность столь важного для общества института должна осуществляться в строгом соответствии с действующими правовыми нормами для недопущения нарушения прав и свобод граждан.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ БАНКА РОССИИ

Правовой статус Банка России на всем протяжении его существования является предметом дискуссии в научном сообществе. В рамках данной работы представляется целесообразным отметить ряд наиболее существенных аспектов публично-правового статуса Банка России, а уже после этого перейти к рассмотрению вопросов, связанных с наделением его статусом оператора платформы цифрового рубля.

Среди ученых, занимающихся исследованием вопросов государственного устройства и правового регулирования, доминирующей является точка зрения, согласно которой Центральный банк Российской Федерации занимает особое положение в системе национального управления⁵. Это выражается в его независимости от традиционной структуры федеральных органов государственной власти и обусловлено спецификой выполняемых им функций в условиях современной рыночной экономики.

Особый статус Банка России получил закрепление на конституционном уровне, что подчеркивает его уникальную роль в системе государственного управления. Примечательно, что статья 75 Конституции РФ содержит специальное указание на независимый характер деятельности Центрального банка по отношению к «другим» органам государственной власти. Данная норма призвана обеспечить эффективное выполнение основных функций Банка России, главной из которых является защита и обеспечение устойчивости национальной валюты.

Вместе с тем, при дословном толковании статьи 75 Конституции РФ обращает на себя внимание, использованное законодателем местоимение «других». Указанная формулировка может указывать на необходимость отнесения Банка России к числу органов государственной власти.

Принимая во внимание вышеописанный вывод, необходимо также указать на внутреннюю противоречивость Федерального закона от 10 июля 2002 № 86—Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶ (далее—ФЗ «О Центральном банке»). Статья 2 полностью отграничивает государство и Банк России друг от друга: «Государство не отвечает по обязательствам Банка России, а Банк России—по обязательствам государства, если они не приняты на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами». Следует заключить, что независимо от того, является Банк

России органом государственной власти или нет, одна из статей ФЗ «О Центральном банке» (1-я либо 2-ая) будет противоречить действующему законодательству.

Спорной представляется правовая норма, закрепленная в статье 1 ФЗ «О Центральном банке». Согласно ей Банк России обладает статусом юридического лица. Однако анализ действующего законодательства позволяет выявить существенные пробелы в регулировании данного вопроса. Ни в самом Федеральном законе, ни в иных нормативно-правовых актах нельзя найти четкого указания на организационно-правовую форму, в рамках которой функционирует Банк России.

Подобная неопределенность приобретает особую значимость, поскольку описанная ситуация уникальна в своем роде и, более того, может быть квалифицирована как противоречащая общим принципам российского гражданского законодательства. В соответствии с пунктом 2 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации, каждый субъект, обладающий статусом юридического лица, подлежит включению в единый государственный реестр юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, строго определенных данным кодифицированным актом. Тем не менее, применение этого требования к Банку России вызывает серьезные вопросы, учитывая его особое конституционно-правовое положение⁷.

Кроме того, обращает на себя внимание, что статья 71 Конституции РФ относит денежную эмиссию к предмету исключительного ведения Российской Федерации, в то время как статья 75 Конституции РФ указывает, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. В совокупности со статьей 1 ФЗ «О Центральном банке» складывается ситуация, когда реализацией полномочий по вопросу, отнесенному к ведению Российской Федерации, занимается юридическое лицо, не имеющее установленной организационно правовой формы. При этом, как отмечают некоторые учёные, отнесение его к конкретному виду юридического лица невозможно⁸.

Схожие выводы относительно неоднозначного публично-правового статуса Банка России можно найти в работах других отечественных исследователей⁹.

Так, Е.В. Лунгу высказана идея, согласно которой, исходя из целей и выполняемых задач, Центральный банк Российской Федерации обладает признаками государственного органа с особым статусом. При этом отнесение его к какой-либо из конституционно установленных ветвей государственной власти не представляется возможным ввиду сложного переплетения его публично-правовых и частноправовых полномочий¹⁰.

Е.В. Жильникова относит Банк России к категории «особый субъект права». Данный взгляд предполагает

⁷ СЗ РФ. 1994, № 32, ст. 3301.

⁸ См., в частности: Ересько А.В. Банковская система российской Федерации и тенденции ее развития // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2021. № 18. С. 130–140. DOI: 10.47576/2949-1878_2023_7_28.

⁹ Например: Бикбулатова Д.Р., Шарипова Э.А., К вопросу об административно-правовом статусе Центрального банка Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 109–7. С. 46–49.

¹⁰ Лунгу Е.В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 5.

⁵ См., например: Прокопьев А.И. Публично-правовой статус банка России и его роль в банковской системе России // Вестник НИИ. 2020. № 40. С. 82–86.; Беляев С.А. Место и роль центрального банка в рыночной экономике российской федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 79–82.

⁶ СЗ РФ. 2002, № 28, ст. 2790.

определенную двойственность статуса: с одной стороны, Банк России обладает публично-властными полномочиями, а с другой—имеет ограниченную правоспособность юридического лица, проявляющуюся лишь в строго определенных правоотношениях. Таким образом, Центральный банк представляется как «особый субъект права специальной компетенции», сочетающий в себе черты «государственно-властного органа» и юридического лица¹¹.

По мнению Е.Н. Пастушенко, Банк России следует считать «органом государственной власти особого рода». Важно подчеркнуть, что данный орган не относится ни к одной из традиционных ветвей власти, упомянутых в Конституции Российской Федерации (законодательной, исполнительной или судебной). Тем не менее, он наделен широкими полномочиями по осуществлению государственного управления, банковского регулирования и надзора за функционированием денежно-кредитной системы. Для реализации установленных законом целей деятельность Банка России включает в себя комплекс разнонаправленных функций: от определения финансово-правовой политики до нормотворческой деятельности, осуществления контроля, надзора и управления государственным имуществом¹².

Одной из наиболее распространенных теорий в научной литературе является концепция федеральных государственных органов с особым статусом. К числу таких органов, помимо Банка России, относятся Счетная палата РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ и Центральная избирательная комиссия РФ. Эти органы объединяет то, что они не входят в классическую триаду ветвей власти, однако обладают важнейшими властными полномочиями¹³. В рамках данного подхода предполагается, что Банк России можно отнести к своеобразной «денежно-кредитной ветви власти»¹⁴, что подчеркивает специфику его функционального предназначения. Однако важно отметить, что без законодательного закрепления категории «федеральный государственный орган с особым статусом» такая квалификация носит сугубо теоретический характер.

В итоге следует заключить, что действующие законодательные нормы не содержат однозначного определения правового статуса одного из главных финансовых органов страны. То же касается и вырабатываемой годами правовой доктрины. Хотя проблематика правового статуса Банка России не столь актуальна сегодня, тем не менее за годы его существования так и не был выработан единый, общепризнанный подход к определению роли и статуса данного института.

Вместе с тем, проблема неопределенности правового статуса центрального банка (или иного аналогичного по функционалу денежно-кредитного института) ха-

рактерна не только для России. Так, правовой статус Народного банка Сербии (далее—НБС) определяется Конституцией Республики Сербии, Законом о Народном банке Сербии и рядом других законодательных актов. Институциональная независимость НБС в основном гарантируется статьей 2 Закона об НБС, которая устанавливает, что банк независим и автономен в выполнении своих функций. Однако отмечается, что в сербском законодательстве существует неопределенность в использовании терминов «независимость» и «самостоятельность», что создает правовую несогласованность и размытость правового статуса НБС¹⁵.

В работе, посвященной изучению степени правовой независимости центральных банков Хорватии и Северной Македонии, указывается, что фактическая независимость главных финансовых институтов в большей степени зависит не от самих норм, а от их практического применения¹⁶.

Правовой статус Народного банка Китая (далее—НБК) четко не определен ни на законодательном уровне, ни в юридической доктрине¹⁷.

ЦЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФУНКЦИИ БАНКА РОССИИ В СВЯЗИ С НАДЕЛЕНИЕМ ЕГО ПОЛНОМОЧИЯМИ ОПЕРАТОРА ПЛАТФОРМЫ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

24 июля 2023 года был подписан Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который обеспечил правовую базу для внедрения в финансовую систему России нового финансового инструмента—цифрового рубля. В соответствии с вносимыми изменениями оборот цифрового рубля будет осуществляться в рамках платформы цифрового рубля. Обеспечивать же функционирование данной платформы призван её оператор, которым является Банк России¹⁸. Дополнительно Банком России было принято положение от 03 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля»¹⁹, которое устанавливает:

1. общие положения;
2. режим доступа к платформе;
3. порядок осуществления регулирования операций с цифровыми рублями;
4. порядок урегулирования споров;
5. положения о контроле и взаимодействии.

Исполнение роли оператора платформы цифрового рубля существенным образом расширяет функционал Банка России и в определенной степени влияет на его публично-правовой статус. Согласно общепринятой до недавнего времени позиции Банк России главным

¹⁵ Ilić N. Theoretical concept of Central Bank independence and legal status of the National Bank of Serbia // Bankarstvo. 2017. № 46. Pp. 32–49.

¹⁶ Mladenović M. Analysis of the degree of legal independence of the Croatian National bank and the National bank of the Republic of North Macedonia // Glasnik Advokatske komore Vojvodine. 2023. № 95. Pp. 733–775.

¹⁷ Кроме того, поднимается вопрос о том, способствует ли усиление независимости НБК устойчивому развитию китайской экономики, стабильности финансовой системы и эффективной реализации денежно-кредитной политики (см.: Wenhui J. Research on the Legal Status of the People's Bank of China From the Perspective of Independence // Advances in Economics and Management Research. 2022. 1. 227).

¹⁸ СЗ РФ. 2023. № 31. Ст. 5766.

¹⁹ Положение от 03 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. 2023. № 58.

¹¹ Жильникова Е.В. Центральный банк Российской Федерации как особый субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 5–7.

¹² Rapajić M., Petković N. The legal status and the role of the Bank of Russia in providing economic sovereignty of the Russian Federation // Strani pravni život. № 2021. P. 445–461.

¹³ Романов М.Л. Федеральные государственные органы с особым статусом и их публично-властные характеристики // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2022. № 2(74). С. 79–88. DOI: <https://doi.org/10.24143/1812-9498-2022-2-79-88>.

¹⁴ Столяренко М.В. Центральный банк—как орган государственной власти: На примере Великобритании, Испании, Российской Федерации, США, Франции и ФРГ: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 1999. С. 6–15.

образом выполнял функцию мегарегулятора в экономике страны. Принятие роли оператора платформы цифрового рубля фактически ставит Банк России на один уровень с прочими участниками платформы. Становясь оператором платформы, Банк России берёт на себя выполнение функций, аналогичных тем, которые выполняют иные участники платформы: он участвует в транзакциях, взаимодействует с пользователями и обеспечивает функционирование системы наряду с коммерческими банками. Такая ситуация ставит под сомнение принцип независимости Центрального банка, так как новые задачи более характерны для коммерческих структур.

Ситуация, связанная с внедрением платформы цифрового рубля, уникальна с правовой и организационной точки зрения. Центральный банк выступает одновременно в двух принципиально разных ролях: с одной стороны, он является регулятором финансового рынка, а с другой—становится его непосредственным участником. Такая двойственность вызывает определенные вопросы позиции как теории права, так и практической реализации установленных норм.

В качестве регулятора Банк России традиционно выполняет функции по установлению правил, принципов и стандартов, которые обязательны для всех участников финансового рынка. Эти правила направлены на обеспечение стабильности, прозрачности и эффективности функционирования финансовой системы, а также на защиту интересов граждан, бизнеса и государства. Однако при внедрении платформы цифрового рубля возникает новое измерение деятельности Центрального банка: данный институт становится участником тех правоотношений, которые ранее регулировал. Это означает, что Банк России вынужден подчиняться тем самым нормам и требованиям, которые сам же разработал и закрепил в соответствующих правовых актах.

Такая ситуация требует особого внимания, поскольку она может порождать определенные коллизии. Например, возникает вопрос о том, каким образом можно обеспечить объективность и непредвзятость в условиях, когда регулятор одновременно является стороной регулируемых отношений. Кроме того, данная двойственность может быть интерпретирована как потенциальное нарушение принципа разделения функций между участниками рынка и органами государственного управления. В связи с этим важно четко определить границы компетенции Банка России в его новом качестве и предусмотреть механизмы, исключающие возможность конфликта интересов.

Положение п. 2 ст. 75 Конституции Российской Федерации устанавливает основную **функцию** Центрального банка—защита и обеспечение устойчивости рубля. В то же время, аналогичная формулировка используется в ст. 3 ФЗ «О Центральном банке», но уже в качестве **цели** деятельности Банка России. В данном случае важно установить соотношение понятий «цель деятельности» и «функция». Представляется, что под целью следует понимать некое конечное желаемое состояние. Под функцией же—полномочия и действия, которые осуществляются для достижения той или иной цели. В контексте приведенного соотношения «защита и обеспечение устойчивости рубля» ближе к «функции», так как представляет собой выполнение

конкретных действий для достижения стабильности национальной валюты. Следует заключить, что существующая терминологическая неопределенность требует унификации формулировок для повышения ясности нормативного регулирования.

Помимо описанной выше цели деятельности Банка России ст. 3 ФЗ «О Центральном банке» устанавливает еще четыре других. Учитывая, тот факт, что цель деятельности, закрепляемая Конституцией Российской Федерации, названа «основной» здесь и далее прочие четыре будем называть «дополнительными». Общий перечень целей деятельности Центрального банка включает:

- «защита и обеспечение устойчивости рубля;
- развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;
- обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы;
- развитие финансового рынка Российской Федерации;
- обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации».

Для достижения заявленных целей деятельности Банк России выполняет 37 различных функций, перечень которых устанавливается ст. 4 ФЗ «О Центральном банке». Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в перечень функций Банка России—к уже существующим добавилась функция организации и обеспечения функционирования платформы цифрового рубля. Ключевой вопрос в данном случае заключается в том, отвечает ли новая функция Банка России нормативно установленным целям его деятельности.

Анализируя основную цель деятельности Банка России, следует отметить, возможность её множественного толкования. Законодателем в качестве основного критерия достижения цели была установлена некая «устойчивость» рубля. Без дополнительных уточнений такая формулировка не даёт никакой конкретики и возможности оценки её достижения. Что понимать под устойчивостью, остаётся лишь догадываться: стабильный уровень инфляции, неизменный курс национальной валюты, общий экономический рост? Одной из причин такой формулировки цели деятельности может являться разноплановый характер задач, с которыми Центральному банку приходится сталкиваться в своей деятельности. Более узкая постановка цели потенциально могла бы ограничить возможности Банка России и, как следствие, негативно сказаться на макроэкономических показателях российской экономики.

Дополнительные цели деятельности, которые предусмотрены в ФЗ «О Центральном банке», сформулированы более удачным образом. Ими устанавливаются три основные сферы деятельности Банка России: банковская система Российской Федерации, национальная платежная система, финансовый рынок Российской Федерации. В отношении каждой из перечисленных сфер Банк России должен добиваться их «развития», «укрепления» и «обеспечения стабильности», то есть не допускать негативной динамики развития данных отраслей, а также обеспечивать возможности для их качественного и количественного роста.

Таким образом, оценка соответствия новой функции Банка России (организации и обеспечения функционирования платформы цифрового рубля) возможна лишь по отношению к четырем дополнительным целям его деятельности, так как для основной цели невозможно выявить конкретных критериев оценки её достижения. На этапе разработки и проведения пилотных испытаний цифрового рубля влияние на каждую из сфер деятельности Банка России совершенно незаметно.

В августе 2024 года Банк России в своём telegram канале отчитался о некоторых результатах закрытого тестирования цифрового рубля. Так, участниками проекта было совершено около 40000 операций с его использованием. Среди этих операций 30000 переводов (включая 4000 с применением смарт-контрактов), а также 9000 оплат за товары и услуги²⁰. Иная информация о результатах проводимого эксперимента в открытых источниках отсутствует. Приведенные же цифры слишком малы, чтобы на их основании делать выводы о последствиях для всей экономики государства.

Ошутимые последствия можно будет наблюдать только после полномасштабного запуска цифрового рубля в оборот на всей территории Российской Федерации. Именно тогда станет возможна объективная оценка: не привело ли использование цифрового рубля к дестабилизации национальной платежной системы, отразилось ли на негативной динамике развития банковской системы или стало препятствием для развития финансового рынка Российской Федерации. В случае если один из описанных выше сценариев произойдет, необходимо будет заключить, что эксперимент с внедрением цифрового рубля оказался неудачным и новые функции Банка России противоречат целям его деятельности. Если же будет наблюдаться положительный эффект для экономики страны, то и новая функция может быть признана соответствующей нормативно закреплённым целям деятельности Банка России.

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В СВЯЗИ С ВЫПОЛНЕНИЕМ БАНКОМ РОССИИ НОВЫХ ФУНКЦИЙ

Большинством исследователей феномен ЦВЦБ подчеркивается необходимость создания четко регламентированной правовой базы для внедрения нового финансового инструмента в экономику государства²¹. В своей работе Санникова Л.В. выделяет три наиболее значимых направления правового регулирования ЦВЦБ:

1. Предоставление Центральному банку полномочий по эмиссии ЦВЦБ;
2. Нормативное закрепление ЦВЦБ в качестве законного платежного средства;

²⁰ Пилот по цифровому рублю. Итоги первого года // Банк России // [Электронный ресурс]. URL: https://web.telegram.org/k/#@centralbank_russia (дата обращения: 26.01.2025).

²¹ См., например: Nabilou H. Central Bank Digital Currencies: Preliminary Legal Observations // Journal of Banking Regulation. 2019. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3329993> (дата обращения: 15.01.2025); Petit C. Central Bank Digital Currency and the Treaty Mandate of the European Central Bank. In: Annunziata F., Hadjiemmanuil C., Joosen B. (eds) Central Bank Digital Currency // EBI Studies in Banking and Capital Markets Law. 2025. Palgrave Macmillan, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-80957-6_3.

3. Обеспечение защиты прав потребителей²².

Положение, закрепляющее за Центральным банком монопольное право на осуществление эмиссии цифрового рубля, должно являться основой для построения правовой базы, регулирующей обращение ЦВЦБ. В настоящее время понятие «монопольной эмиссии» законодательно относится только к наличным денежным средствам (п. 2 ст. 2 ФЗ «О Центральном банке»). Полномочия на эмиссию безналичных денежных средств за Банком России не закреплены в силу самой природы безналичных денежных средств, выпуск которых осуществляется коммерческими банками посредством открытия вкладов и депозитных счетов для населения. Учитывая позиционирование цифрового рубля в качестве третьей формы национальной валюты, а также существенные отличия процедуры его выпуска от безналичных денежных средств, следует дополнить перечень полномочий Банка России дополнительным пунктом, закрепляющим за ним монопольное право на эмиссию цифровых рублей.

Вопрос определения ЦВЦБ в качестве законного платежного средства включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, это формальное закрепление такого статуса²³ (частично данная задача уже была выполнена путём дополнения ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации упоминанием цифрового рубля в качестве одного из возможных средств платежа, но изменений также требует и абзац первой той же статьи). Пока цифровой рубль находится в стадии закрытого тестирования, круг его пользователей ограничен определенной группой лиц. Однако при переходе к повсеместному использованию цифрового рубля всеми гражданами страны подобный режим необходимо будет закрепить.

Во-вторых, при закреплении обязательности приема цифрового рубля на всей территории Российской Федерации важно учитывать технические и социальные факторы, которые могут препятствовать успешному применению данного финансового инструмента²⁴. К техническим факторам можно отнести потенциальное отсутствие у части экономических субъектов доступа к электронным устройствам, при помощи которых будет осуществляться взаимодействие с платформой цифрового рубля. Причиной отсутствия такого доступа может выступать как низкий уровень жизни, не позволяющий приобрести соответствующее оборудование, так и проживание в местностях, где отсутствует устойчивая сотовая и интернет-связь. К числу социальных факторов относится низкий уровень финансовой и технической грамотности отдельных слоев населения, а также возможные опасения по поводу использования нового неизвестного инструмента, в особенности со стороны пожилых граждан.

В-третьих, блок вопросов, относящийся к правовым гарантиям конфиденциальности личных данных

²² Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 27–44.

²³ Bossu W., Itatani M., Margulis C., Rossi A., Weenink H., Yoshinaga A. Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations // IMF Working Papers. 2020. 20. DOI: 10.5089/9781513561622.001.

²⁴ Тарарышкина И.С., Тюрин М.И. Проблемы и вызовы при внедрении цифрового рубля в российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_9_285.

пользователей ЦВЦБ, также требует тщательной проработки²⁵. Существующие платежные средства обеспечивают диаметрально противоположный уровень анонимности. Так, совершение операций с наличными денежными средствами позволяет исключить риски утечки конфиденциальной информации о сторонах сделки. Тем не менее по этой же причине государство вынуждено частично ограничивать величину и виды таких сделок в целях борьбы с правонарушениями. В случае с безналичными денежными средствами у любой сделки появляется третья сторона—банк, выполняющий перевод денежных средств и обладающий информацией о каждом из двух других участников такой операции. Сохранность персональных данных граждан в данном случае обеспечивается посредством законодательства о банковской тайне.

В случае начала повсеместного использования цифрового рубля Банк России станет обладать информацией обо всех сделках, проходящих на платформе цифрового рубля. Учитывая квазигосударственный характер Центрального банка, возникают обоснованные опасения о возможности установления чрезмерного контроля со стороны государства за личной жизнью граждан. Кроме того, информация о финансовых операциях человека может косвенно раскрыть и другие данные—о семейных отношениях, состоянии здоровья, круге общения и многом другом. Утечки такой информации будут являться серьезной угрозой основным правам и свободам граждан.

В работе Л.В. Санниковой поднимается проблема, связанная с использованием так называемых «программируемых» ЦВЦБ. Слово «программируемые» подразумевает наличие у Центрального банка технической возможности ограничить направления расходования определенной суммы денежных средств, то есть сделать их целевыми. Такой подход может повысить эффективность контроля за расходованием бюджетных средств, но одновременно с этим создает потенциальные риски для простых граждан. Л.В. Санникова опасается, что «программируемые ЦВЦБ—это ящик Пандоры. Допустив возможность программирования ЦВЦБ в определенных целях, сложно будет ограничить использование этого инструмента. <...> Поэтому программируемые ЦВЦБ легко могут стать инструментом контроля над гражданами даже в тех странах, которые имеют глубокие демократические традиции»²⁶.

Теоретически приведенные выше опасения могли бы развеять положения Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»²⁷. Данный нормативный акт предусматривает специальные гарантии, направленные на защиту прав граждан и обеспечение их свободы в рамках использования цифрового рубля. В частности, п. 5 ст. 308 указанного закона устанавливает четкие ограничения для Оператора платформы цифрового рубля. Согласно данной норме, Оператор платформы не имеет права

определять или контролировать направления использования цифровых рублей пользователями данной системы. Это означает, что участники платформы вправе самостоятельно решать, как именно они будут распоряжаться своими средствами, без какого-либо внешнего вмешательства или давления со стороны оператора.

Данные положения имеют исключительно важное значение, поскольку они направлены на предотвращение злоупотреблений со стороны оператора платформы. Особенно это актуально в условиях, когда самим оператором выступает Банк России, который одновременно выполняет функции регулятора финансового рынка.

Вместе с тем, необходимо отметить п. 13 ст. 308 названного Закона. Согласно ему оператор платформы цифрового рубля вправе в одностороннем порядке вносить изменения в договор счета цифрового рубля. По аналогии с банковскими отношениями следует заключить, что данная норма нарушает конституционные права граждан. Конституционным Судом РФ в постановлении от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года "О банках и банковской деятельности" в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» была сформулирована позиция, согласно которой гражданин является экономически слабой стороной в банковских отношениях и наличие положений, позволяющих сильной стороне в одностороннем порядке изменять условия договора, существенным образом нарушает права граждан²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее распространенной в научной среде считается точка зрения, согласно которой Банк России является особым институтом общества в условиях рыночной экономики—мега-регулятором, при этом не входя в структуру федеральных органов публичной власти.

2. Существуют противоречия в содержании правовых норм, определяющих правовой статус Банка России. Так, дословное толкование ст. 1 ФЗ «О Центральном банке» указывает на принадлежность Банка России к органам государственной власти. В то же время ст. 2 того же закона однозначно отделяет обязанности государства от обязанностей Центрального банка.

3. Проблема неопределенности правового статуса центрального банка либо аналогичного денежного института характерна не только для Российской Федерации, но также наблюдается в других странах.

4. В связи с внедрением в российскую экономику нового финансового инструмента—цифрового рубля, публично-правовой статус Банка России претерпевает изменения. Расширяется перечень его задач и полномочий.

5. Принятие на себя роли оператора платформы цифрового рубля фактически ставит Банк России на один уровень с прочими участниками платформы. В результате, есть основания считать Банк России аффилированным лицом, которое одновременно является регулятором и адресатом регулирования.

²⁵ Недров А.А. Правовая природа цифрового рубля // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 1. С. 236–252.

²⁶ Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-27-44>.

²⁷ СЗ РФ. 2011, № 27, Ст. 3872.

²⁸ СЗ РФ. 1999. № 10, Ст. 1254.

6. Оценка соответствия новой функции Банка России как оператора платформы цифрового рубля нормативно закрепленным целям его деятельности возможна

лишь в отношении четырех дополнительных целей его деятельности, так как для основной цели невозможно выявить конкретных критериев оценки её достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев С.А. Место и роль центрального банка в рыночной экономике российской федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 79–82.
2. Бикбулатова Д.Р., Шарипова Э.А. К вопросу об административно-правовом статусе Центрального банка Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 109–7. С. 46–49. DOI 10.18411/trnio-05-2024-342.
3. Ереско А.В. Банковская система российской Федерации и тенденции ее развития // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2021. № 18. С. 130–140.
4. Жилкин А.Н. Способны ли криптовалюты вытеснить доллары в международных расчетах? // Вестник Евразийской науки. 2018. № 5. С. 15.
5. Жильникова Е.В. Центральный банк Российской Федерации как особый субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 18 с.
6. Казинская С.Н. «Криптовалюта» как Великая афера XXI века // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 181–185.
7. Лунгу Е.В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. г. Тюмень, 2005 г. 26 с.
8. Недров А.А. Правовая природа цифрового рубля // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 1. С. 236–252.
9. Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2006. 56 с.
10. Прокопьев А.И. Публично-правовой статус банка России и его роль в банковской системе России // Вестник НИБ. 2020. № 40. С. 82–86.
11. Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 27–44.
12. Столяренко М.В. Центральный банк как орган государственной власти: на примере Великобритании, Испании, Российской Федерации, США, Франции и ФРГ: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 1999.
13. Тарарышкина И.С., Тюрин М.И. проблемы и вызовы при внедрении цифрового рубля в российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 285–288.
14. Annunziata F., Hadjiemmanuil C., Joosen B. (eds) Central Bank Digital Currency // EBI Studies in Banking and Capital Markets Law. 2025. Palgrave Macmillan, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-80957-6_3.
15. Bossu W., Itatani M., Margulis C., Rossi A., Weenink H., Yoshinaga A. Legal Aspects of Central Bank

REFERENCES

1. Belyaev S.A. The Place and Role of the Central Bank in the Market Economy of the Russian Federation. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2021. Vol. 10, No. 2(35). Pp. 79–82. (in Rus.).
2. Bikbulatova D.R., Sharipova E.A. On the Issue of the Administrative and Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation. *Trends in Science and Education*. 2024. No. 109–7. Pp. 46–49. DOI: 10.18411/trnio-05-2024-342. (in Rus.).
3. Eresko A.V. The Banking System of the Russian Federation and Its Development Trends. *Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business, and Law*. 2021. No. 18. Pp. 130–140. (in Rus.).
4. Zhilkin A.N. Are Cryptocurrencies Capable of Replacing Dollars in International Transactions? *Evrasia Science Bulletin*. 2018. No. 5. P. 15. (in Rus.).
5. Zhil'nikova E.V. The Central Bank of the Russian Federation as a Special Subject of Law (Extended abstract of Cand.'s Dis., Juridical Sciences). Kazan, 2012. 18 p.
6. Kazinskaya S.N. "Cryptocurrency" as the Great Scam of the 21st Century. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3. Pp. 181–185.
7. Lungu E.V. Constitutional and Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation (Extended abstract of Cand.'s Dis., Juridical Sciences). Tyumen, 2005. 26 p.
8. Nedrov A.A. Legal Nature of the Digital Ruble. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. Management (State and Society)*. 2025. Vol. 22, No. 1. Pp. 236–252.
9. Pastushenko E.N. Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation: Financial-Legal Aspects of the Theory (Extended abstract of Doctoral Dis. ... Dr. Sci. (Law)). Saratov, 2006. 56 p.
10. Prokopev A.I. Public-Law Status of the Bank of Russia and Its Role in the Banking System of Russia. *Bulletin of NIB*. 2020. No. 40. Pp. 82–86. (in Rus.).
11. Sannikova L.V. Legal Foundations of Central Bank Digital Currencies and the Digital Ruble. *Financial Journal*. 2023. Vol. 15, No. 5. Pp. 27–44.
12. Stolyarenko M.V. The Central Bank as a State Authority: A Case Study of the United Kingdom, Spain, the Russian Federation, the USA, France, and Germany (Extended abstract of Doctoral Dis. ... Dr. Sci. (Law)). Moscow, 1999.
13. Tararyshkina I.S., Tyurin M.I. Problems and Challenges in Implementing the Digital Ruble in the Russian Federation. *Law and State: Theory and Practice*. 2023. No. 9 (225). Pp. 285–288. (in Rus.).
14. Annunziata F., Hadjiemmanuil C., Joosen B. (eds) Central Bank Digital Currency. *EBI Studies in Banking and Capital Markets Law*. 2025. Palgrave Macmillan, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-80957-6_3.
15. Bossu W., Itatani M., Margulis C., Rossi A., Weenink H.,

- Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations // IMF Working Papers. 2020. 20. DOI: 10.5089/9781513561622.001.
16. Ilić N. Theoretical concept of Central Bank independence and legal status of the National Bank of Serbia // Bankarstvo. 2017. № 46. Pp. 32–49. DOI: 10.5937/bankarstvo1702032I.
 17. Wenhui. J. Research on the Legal Status of the People's Bank of China from the Perspective of Independence // Advances in Economics and Management Research. 2022. № 1. P. 332–336. DOI: 10.2991/assehr.k.201030.067.
 18. Mladenović M. Analysis of the degree of legal independence of the Croatian National bank and the National bank of the Republic of North Macedonia // Glasnik Advokatske komore Vojvodine. 2023. № 95. Pp. 733–775. DOI: 10.5937/gakv95-40950.
 19. Nabilou H. Central Bank Digital Currencies: Preliminary Legal Observations // Journal of Banking Regulation. 2019. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3329993> (дата обращения: 15.01.2025) DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3329993>.
 20. Rapajić M., Petković N. The legal status and the role of the Bank of Russia in providing economic sovereignty of the Russian Federation // Strani pravni život. 2021. Pp. 445–461. DOI: 10.5937/spz65-32072.
 - Yoshinaga A. Legal Aspects of Central Bank Digital Currency: Central Bank and Monetary Law Considerations. IMF Working Papers. 2020. 20. DOI: 10.5089/9781513561622.001.
 16. Ilić N. Theoretical concept of Central Bank independence and legal status of the National Bank of Serbia. Bankarstvo. 2017. No. 46. Pp. 32–49. DOI: 10.5937/bankarstvo1702032I.
 17. Wenhui. J. Research on the Legal Status of the People's Bank of China from the Perspective of Independence. Advances in Economics and Management Research. 2022. No. 1. Pp. 332–336. DOI: 10.2991/assehr.k.201030.067.
 18. Mladenović M. Analysis of the degree of legal independence of the Croatian National bank and the National bank of the Republic of North Macedonia. Glasnik Advokatske komore Vojvodine. 2023. No. 95. Pp. 733–775. DOI: 10.5937/gakv95-40950.
 19. Nabilou H. Central Bank Digital Currencies: Preliminary Legal Observations. Journal of Banking Regulation. 2019.. [Electronic resource]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3329993> (date of access: 15.01.2025) DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3329993>.
 20. Rapajić M., Petković N. The legal status and the role of the Bank of Russia in providing economic sovereignty of the Russian Federation. Strani pravni život. 2021. Pp. 445–461. DOI: 10.5937/spz65-32072.

РЕЦЕНЗИЯ

Научного руководителя на статью аспиранта кафедры правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Артёма Анатольевича Недрова «Публично-правовой статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля».

Статья А.А. Недрова посвящена актуальным проблемам приобретения Центральным банком Российской Федерации функционала оператора платформы цифрового рубля. Данная тематика представляет интерес как с познавательной точки зрения, так и с точки зрения юридической практики.

В статье представлены результаты анализа соответствия новой функции Банка России нормативно закрепленным целям его деятельности. Автором рассмотрены потенциальные риски, связанные с совмещением Банком России роли регулятора и участника платформы цифрового рубля, выявлены проблемы правового регулирования в сфере выпуска и обращения цифрового рубля и предложены рекомендации по их устранению.

Работа основывается на достаточно широком круге источников, включая публикации зарубежных авторов. Содержание статьи грамотно изложено, логически структурировано, выводы аргументированы.

Представляется, что работа А.А. Недрова может представлять интерес как для исследователей, занимающихся публично-правовыми вопросами денежного обращения и валютного регулирования, банковской деятельности, финансового права в целом, цифровизации государственного управления, так и для практиков.

Статья соответствует требованиям к научным работам и рекомендуется к опубликованию.

Рецензент: Лексин И.В., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 73,04%.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, принята к публикации 22.07.2025

The article was received on 02.07.2025, accepted for publication 22.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Недров Артём Анатольевич, аспирант кафедры правовых основ управления Факультета государственного управления; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1108-6341, AuthorID: 1108185, e-mail: Nedrov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem A. Nedrov, Postgraduate Student of the Department of Legal Foundations of Management at the Department of Public Administration; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1108-6341, AuthorID: 1108185, e-mail: Nedrov@spa.msu.ru

5.1.2.

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Public Law (State Law) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-76-82

УДК: 34.07

ГРНТИ: 10.07.45

EDN: CUPPOV

Подготовка кадров для правового обеспечения безопасности беспилотного транспорта через SMM-продвижение юридических образовательных программ

© Слободянин Илья Дмитриевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

ilyaslobodyanin@gmail.com

Аннотация: Освещение проблемы. В условиях стремительной цифровизации общества и трансформации образовательного ландшафта особую актуальность приобретает вопрос эффективного продвижения юридических образовательных программ в социальных сетях. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу современных методов и инструментов digital-маркетинга, применимых к продвижению образовательных продуктов юридической направленности. Рассматриваются инновационные подходы к созданию контента, включая использование подкастов, кейс-чемпионатов, хакатонов и коллабораций с известными представителями юридического сообщества. Особое внимание уделяется необходимости интеграции в образовательный контент актуальных правовых проблем, связанных с развитием цифровых технологий.

Материалы и методы исследования. Исследование основывается на анализе современных практик продвижения образовательных программ в социальных сетях, изучении кейсов ведущих российских юридических вузов и образовательных платформ. Применены методы контент-анализа, сравнительного анализа, а также эмпирические методы наблюдения за динамикой вовлеченности аудитории в различные форматы образовательного контента.

Результаты. Выявлены наиболее эффективные стратегии продвижения юридических образовательных программ, определены ключевые факторы успеха в создании вирусного контента правовой тематики, сформулированы рекомендации по интеграции современных цифровых трендов в образовательный процесс.

Дискуссия. Обсуждаются перспективы развития образовательного маркетинга в юридической сфере, анализируются риски и возможности использования инновационных форматов подачи образовательного контента, рассматриваются этические аспекты продвижения юридического образования в социальных медиа.

Ключевые слова: юридическое образование, социальные сети, digital-маркетинг, образовательные программы, контент-маркетинг, хакатоны, подкасты, кейс-чемпионаты

Для цитирования: Слободянин И.Д. Подготовка кадров для правового обеспечения безопасности беспилотного транспорта через SMM-продвижение юридических образовательных программ // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 76–82. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-76-82. EDN: CUPPOV

Digital Law: Strategies for Promoting Legal Education Programs in the Age of Social Media

© Ilya D. Slobodyanin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ilyaslobodyanin@gmail.com

Annotation: Problem Statement. In the context of rapid digitalization and transformation of educational landscape, the issue of effective promotion of legal educational programs in social networks becomes particularly relevant. This research presents comprehensive analysis of modern digital marketing methods and tools applicable to promoting legal educational products. Innovative approaches to content creation are examined, including podcasts, case championships, hackathons, and collaborations with prominent legal community representatives. Special attention is given to integrating current legal issues related to digital technology development into educational content.

Materials and Research Methods. The research is based on analysis of contemporary practices in promoting educational programs on social networks, studying cases of leading Russian law schools and educational platforms. Content analysis, comparative analysis methods, and empirical observation methods of audience engagement dynamics in various educational content formats were applied.

Results. Most effective strategies for promoting legal educational programs were identified, key success factors in creating viral legal content were determined, recommendations for integrating modern digital trends into educational process were formulated.

Discussion. Development prospects of educational marketing in legal sphere are discussed, risks and opportunities of using innovative educational content delivery formats are analyzed, ethical aspects of legal education promotion in social media are examined.

Keywords: legal education, social networks, digital marketing, educational programs, content marketing, hackathons, podcasts, case championships

For citation: Slobodyanin I.D. Digital Law: Strategies for Promoting Legal Education Programs in the Age of Social Media. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 76–82. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-76-82. EDN: CUPPOV

ПРОДВИЖЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни общества, образовательная деятельность претерпевает существенные трансформации, требующие от академического сообщества переосмысления традиционных подходов к привлечению абитуриентов и формированию профессиональных компетенций будущих юристов. Социальные медиа, ставшие неотъемлемой частью информационного пространства, открывают перед образовательными институтами беспрецедентные возможности для реализации маркетинговых стратегий и создания уникального образовательного контента, способного не только привлечь внимание потенциальной аудитории, но и сформировать устойчивый интерес к правовым дисциплинам среди молодежи.

Следует отметить, что специфика юридического образования накладывает определенные ограничения на выбор инструментов продвижения, поскольку правовая материя требует особого подхода к презентации информации, сочетающего академическую строгость с доступностью изложения. В этом контексте особую значимость приобретает разработка креативных форматов подачи образовательного контента, способных конкурировать

за внимание пользователей с развлекательными материалами, доминирующими в социальных сетях.

Примечательно, что российские исследователи все чаще обращают внимание на необходимость модернизации маркетинговых стратегий в образовательной сфере. Так, профессура российской федерации, по-совершенно разным программам подготовки кадров, подчеркивают важность адаптации юридического образования к требованиям цифровой эпохи, отмечая, что современный юрист должен обладать не только фундаментальными правовыми знаниями, но и навыками работы с цифровыми инструментами. Данное утверждение находит свое отражение и в маркетинговых стратегиях образовательных программ, которые должны демонстрировать инновационность и технологичность предлагаемого образовательного продукта.

Среди всех доступных инструментов продвижения юридических образовательных программ в социальных сетях особенно выделяется таргетированная реклама. Она позволяет точно определить целевую аудиторию и донести до неё информацию о преимуществах конкретной программы. Важно понимать, что в отличие от традиционной рекламы, социальные сети создают пространство для интерактивного общения с потенциальными студентами. Это способствует формированию доверительных отношений и росту лояльности к бренду учебного заведения.

В то же время кандидаты юридических наук подчёркивают важность качественного контента. Они отмечают, что сегодня невозможно привлечь абитуриентов без демонстрации практической ценности знаний. Действительно, современная молодёжь ориентирована на получение конкретных умений, которые пригодятся в профессии. Поэтому образовательный контент должен явно показывать, как теория связана с реальной практикой.

Становится всё более популярным инновационный формат—подкасты на правовую тематику. Этот формат позволяет создавать глубокий и содержательный контент, который можно слушать в удобное время, что особенно важно для занятых людей. В подкастах можно услышать интервью с практикующими юристами, анализировать актуальные кейсы и обсуждать нововведения в законодательстве. Профессора, обладающие двойными докторскими степенями в области права и технических наук, подчёркивают, что аудиоформат помогает доносить сложную юридическую информацию в доступной форме, не требуя полной концентрации внимания от слушателя.

Особого внимания заслуживает формат кейс-чемпионатов, который сочетает в себе образовательную и соревновательную составляющие. Данный формат не только позволяет продемонстрировать практическую направленность образовательной программы, но и создает вокруг нее информационный повод, привлекающий внимание широкой аудитории. Организация таких мероприятий в социальных сетях способствует формированию сообщества заинтересованных студентов и создает дополнительные точки контакта с целевой аудиторией.

Как показывает практика, проведение брейнштормов по актуальным правовым проблемам в формате онлайн-мероприятий позволяет не только привлечь внимание к образовательной программе, но и продемонстрировать инновационный подход к обучению. Вовлечение студентов в решение реальных правовых задач создает ощущение причастности к профессиональному сообществу еще на этапе обучения.

Коллаборации с известными представителями юридического сообщества представляют собой мощный инструмент повышения авторитета образовательной программы. Привлечение практикующих юристов, судей, адвокатов к созданию образовательного контента не только повышает его качество, но и демонстрирует связь образовательной программы с реальной правоприменительной практикой. Доценты подчеркивают, что участие известных юристов в образовательных проектах служит своеобразным знаком качества для потенциальных студентов.

Интересным трендом становится привлечение к сотрудничеству IT-юристов, специализирующихся на правовом регулировании цифровых технологий. Данное направление особенно актуально в контексте растущего интереса к правовым аспектам блокчейна, искусственного интеллекта, больших данных. Создание совместного контента с такими специалистами позволяет позиционировать образовательную программу как современную и отвечающую вызовам времени.

Профессиональные хакатоны представляют собой еще один эффективный формат продвижения юриди-

ческих образовательных программ. В отличие от традиционных IT-хакатонов, юридические хакатоны фокусируются на решении правовых задач с использованием современных технологий. Например, разработка чат-ботов для юридических консультаций, создание систем автоматизированного анализа судебной практики, проектирование смарт-контрактов. Такие мероприятия привлекают технологически продвинутую молодёжь и демонстрируют междисциплинарный характер современного юридического образования.

Создание контента на пересечении актуальных проблем права и современных технологий представляет особый интерес для молодой аудитории. Темы правового регулирования дронов, NFT-токенов, криптовалют, искусственного интеллекта вызывают живой отклик у пользователей социальных сетей. Также подчёркивается, что внедрение современных технологических трендов в образовательный контент помогает заинтересовать аудиторию, которая раньше не проявляла интереса к юридической тематике.

Одним из ключевых аспектов является визуализация правовой информации—через инфографику, схемы и диаграммы. Социальные сети ориентированы на визуальное восприятие, поэтому важно, чтобы текстовый контент сопровождался качественными изображениями, облегчающими понимание. Эффективным инструментом могут стать серии образовательных карточек, охватывающих различные правовые направления.

Геймификация учебного процесса также активно используется в стратегиях продвижения. Создание правовых квестов, викторин и интерактивных тестов в социальных сетях не только привлекает внимание пользователей, но и позволяет оценить уровень правовой грамотности потенциальных студентов.

Кандидаты юридических наук же подчеркивают важность создания увлекательного образовательного контента, способного конкурировать с развлекательными материалами.

Следует отметить, что эффективное продвижение юридических образовательных программ требует комплексного подхода, сочетающего различные форматы и каналы коммуникации. Важно понимать специфику каждой социальной платформы и адаптировать контент под ее особенности. Так, для YouTube Shorts характерен визуальный контент и короткие видео, для LinkedIn/Live Journal и форумов по правовым темам—профессиональные статьи и кейсы, для TikTok—развлекательно-образовательные ролики.

Создание амбассадоров бренда среди студентов и выпускников представляет собой эффективную стратегию органического продвижения. Реальные истории успеха, рассказанные от первого лица, вызывают больше доверия у аудитории, чем традиционная реклама. Исследователи и именитые юристы в большинстве случаев сходятся на том, что личный опыт студентов является наиболее убедительным аргументом в пользу выбора конкретной образовательной программы.

Важным трендом становится создание образовательных мини-сериалов и веб-шоу на правовую тематику. Такой формат позволяет в увлекательной форме рассказывать о сложных правовых концепциях, используя сторителлинг и драматургические приемы. Например, серия роликов о работе юриста в стартапе или разбор

громких судебных дел может привлечь внимание широкой аудитории.

Интеграция пользовательского контента (UGC) в маркетинговую стратегию позволяет создать ощущение сообщества вокруг образовательной программы. Конкурсы на лучшее эссе по правовой тематике, челленджи, связанные с правовой грамотностью, создание мемов на юридические темы—все это способствует вовлечению аудитории и органическому распространению информации об образовательной программе.

Использование инфлюенсер-маркетинга в продвижении юридического образования требует особого подхода. Привлечение блогеров, специализирующихся на образовательном контенте, или известных юристов с активной позицией в социальных сетях может значительно расширить охват аудитории. При этом важно сохранять аутентичность и избегать навязчивой рекламы.

Создание вебинаров и мастер-классов с возможностью интерактивного участия представляет собой эффективный инструмент демонстрации качества образовательной программы. Прямые эфиры с преподавателями, разбор актуальных кейсов, ответы на вопросы аудитории создают атмосферу открытости и доступности образования.

Анализируя современные тенденции, можно отметить растущую важность персонализации контента. Использование алгоритмов социальных сетей для таргетинга позволяет доставлять релевантную информацию конкретным сегментам аудитории. Например, контент о международном праве может быть особенно интересен студентам, изучающим иностранные языки, а материалы о корпоративном праве—выпускникам экономических специальностей.

Важным аспектом является создание образовательных курсов в формате микрообучения, адаптированных для потребления в социальных сетях. Короткие уроки по отдельным правовым темам, размещенные в stories или reels, позволяют аудитории получать знания в удобном формате. Профессора, по совместительству—эксперты в области маркетинга, SMM и продвижения в социальных сетях отмечают, что фрагментация образовательного контента соответствует современным паттернам потребления информации.

Следует также отметить важность мониторинга и аналитики эффективности продвижения. Использование встроенных инструментов аналитики социальных сетей, а также специализированных сервисов позволяет отслеживать вовлеченность аудитории, определять наиболее эффективные форматы контента и корректировать маркетинговую стратегию.

Создание тематических сообществ и групп в социальных сетях способствует формированию лояльной аудитории вокруг образовательной программы. Регулярный выпуск полезного контента, обсуждения, встречи с экспертами придают сообществу дополнительную ценность и укрепляют приверженность участников образовательному бренду.

В числе перспективных направлений также стоит выделить разработку образовательных приложений и чат-ботов, интегрированных с социальными платформами. Такие инструменты позволяют давать персонализированные рекомендации по выбору программы, проводить профориентационные тесты

и оперативно отвечать на часто задаваемые вопросы.

Этические аспекты продвижения играют немаловажную роль. Важно избегать манипуляций и предоставлять только достоверную информацию о программе—как о её преимуществах, так и о возможных ограничениях. Преподаватели подчёркивают важный момент: в сфере образования этичность коммуникации особенно критична, так как именно здесь формируется доверие к учебному заведению.

Бурное развитие технологий виртуальной и дополненной реальности открывает новые горизонты для создания вовлекающего образовательного контента. Виртуальные экскурсии в суды, симуляции судебных процессов, AR-инструменты для изучения нормативных актов могут стать основой инновационной маркетинговой стратегии.

Кроме того, значимым элементом продвижения становятся партнёрские программы с работодателями и примеры успешного трудоустройства выпускников. Современные абитуриенты ориентированы на карьеру, и информация о сотрудничестве с известными юридическими компаниями и государственными учреждениями существенно повышает привлекательность программы.

Отдельное внимание стоит уделить контенту, раскрывающему международный аспект юридического образования.

Информация о программах двойных дипломов, международных стажировках, участии в международных мут-кортах привлекает амбициозную молодежь, стремящуюся к построению международной карьеры.

Важным трендом является создание образовательного контента на пересечении права и других дисциплин. Темы правового регулирования медицины, спорта, искусства, технологий находят отклик у широкой аудитории и демонстрируют междисциплинарный характер современного юридического образования.

Использование сторителлинга в продвижении образовательных программ позволяет создавать эмоциональную связь с аудиторией. Истории о том, как юридическое образование изменило жизнь конкретных людей, рассказы о громких делах, в которых участвовали выпускники, создают мотивирующий контент.

Создание серии образовательных подкастов с участием преподавателей и практикующих юристов позволяет продемонстрировать экспертность образовательной программы. Обсуждение актуальных правовых проблем, анализ судебной практики, прогнозы развития законодательства—все это формирует имидж образовательной программы как центра правовой мысли.

Важно также учитывать сезонность в планировании контент-стратегии. Период приемной кампании требует более интенсивного продвижения с акцентом на преимущества программы, условия поступления, возможности для студентов. В течение учебного года контент может быть более образовательным и имиджевым.

Создание интерактивных форматов, таких как правовые квизы, викторины, игры, способствует вовлечению аудитории и вирусному распространению контента. Например, тест «Какой ты юрист?» или викторина по знанию Конституции могут привлечь внимание даже тех, кто изначально не планировал изучать право.

Интеграция отзывов и рекомендаций студентов и выпускников в контент-стратегию повышает доверие к образовательной программе. Видео-отзывы, интервью с успешными выпускниками, истории карьерного роста создают социальное доказательство качества образования.

Важным аспектом является адаптация контента под мобильные устройства, учитывая, что большая часть пользователей потребляет контент в социальных сетях именно со смартфонов. Адаптация контента под мобильные устройства—ещё один важный аспект. Так как большая часть аудитории потребляет информацию именно через смартфоны, вертикальные видеоролики, визуально понятная инфографика и удобная навигация помогают сделать продвижение более эффективным.

Составление календаря правовых событий и приурочивание публикаций к важным датам позволяет сохранять контент актуальным. День юриста, годовщины принятия ключевых законов и международные юридические праздники—это отличные поводы для создания интересных материалов.

Использование хештегов и участие в популярных темах помогает увеличить органический охват. Создание уникальных брендированных хештегов способствует формированию единого сообщества и облегчает поиск контента, связанного с конкретной образовательной программой.

Важно также уделять внимание кризисному менеджменту в социальных сетях. Негативные отзывы или критика должны обрабатываться профессионально

и оперативно, демонстрируя открытость к диалогу и готовность к улучшениям.

Создание образовательных марафонов и челленджей способствует поддержанию интереса аудитории на протяжении длительного времени. Например, 30-дневный марафон по изучению основ права или челлендж по разбору правовых кейсов создает регулярные точки контакта с аудиторией.

Интеграция элементов социальной ответственности в контент-стратегию повышает репутацию образовательной программы. Освещение про боно деятельности студентов, участие в социальных проектах, правовое просвещение демонстрируют социальную значимость юридического образования.

В заключение следует отметить, что продвижение юридических образовательных программ в социальных сетях требует комплексного подхода, сочетающего традиционные маркетинговые инструменты с инновационными форматами подачи контента. Ключевым фактором успеха является создание качественного, релевантного контента, демонстрирующего практическую ценность юридического образования и его соответствие современным вызовам. Постоянная адаптация к изменяющимся трендам социальных медиа, внимание к потребностям целевой аудитории и инновационный подход к презентации образовательного продукта позволяют эффективно конкурировать за внимание потенциальных студентов в насыщенном информационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайпан В.А., Ильюшин Е.А., Северин В.А. и др. Информационные технологии в юридической деятельности (правовая информатика в цифровую эпоху): учеб. пособие. Ч. 1 / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Вайпана. Москва: Юстицинформ, 2024. 260 с. ISBN 978-5-7205-2020-5.
2. Горбатенко Е.А. Продвижение образовательных услуг в социальных сетях // Экономика и социум. 2018. № 4 (45). С. 210–213. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-obrazovatelnyh-uslug-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 25.07.2025).
3. Долженко Р.А., Долженко С.Б. Продвижение образовательных программ: новые практики // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 2. С. 116–126. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/1651> (дата обращения: 25.07.2025).
4. Заяц П.С. SMM стратегия продвижения образовательных услуг в социальных сетях // Путь в науку. Экономические науки. 2023. Вып. 46. С. 168–170. URL: https://journals.psu.by/specialists_economics_Sci/article/view/5168 (дата обращения: 25.07.2025).
5. Корчагова Л.А. Анализ продвижения вузов в социальных сетях // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 1. С. 31–43. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-1-31-43. (economics.rsuh.ru)
6. Продвижение образовательных услуг вуза в сети Интернет [Электронный ресурс] // Выпускная квалификационная работа. 2015. URL: <https://core.ac.uk/download/46462267.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
7. 2025 Social Media Trends: Strategies for Educational

REFERENCES

1. Vaypan V.A., Ilyushin E.A., Severin V.A. et al. Information Technology in Legal Practice (Legal Informatics in the Digital Age): Textbook. Part 1. Ed. by Dr. of Law, Prof. V.A. Vaypan. Moscow: Justinform, 2024. 260 p. ISBN 978-5-7205-2020-5.
2. Gorbatienko, E.A. Promotion of educational services on social networks. *Economy and Society*. 2018. No. 4 (45). Pp. 210–213. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-obrazovatelnyh-uslug-v-sotsialnyh-setyah> (accessed: 25.07.2025). (in Rus.).
3. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B. Promotion of educational programmes: new practices. *University Management: Practice and Analysis*. 2023. Vol. 27, No. 2. Pp. 116–126. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/1651> (accessed: 25.07.2025). (in Rus.).
4. Zayats P.S. SMM strategy for promoting educational services on social networks. *Path to Science. Economic Sciences*. 2023. Issue 46. Pp. 168–170. URL: https://journals.psu.by/specialists_economics_Sci/article/view/5168 (accessed: 25.07.2025). (in Rus.).
5. Korchagova L.A. Analysis of the promotion of universities on social media. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law*. 2019. No. 1. Pp. 31–43. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-1-31-43. (economics.rsuh.ru) (in Rus.).
6. Promotion of university educational services on the Internet [Electronic resource]. *Final Qualification Work*. 2015. URL: <https://core.ac.uk/download/46462267.pdf> (accessed: 25.07.2025).

- Institutions [Электронный ресурс] // Higher Education Marketing Blog. 2024. URL: <https://www.higher-education-marketing.com/blog/social-media-trends-for-2025-strategies-for-educational-institutions> (дата обращения: 25.07.2025).
8. American Bar Association. 2024 Legal Technology Survey Report: Combined Volumes I–V [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.americanbar.org/groups/law_practice/resources/legal-technology-resource-center/tech-survey/ (дата обращения: 25.07.2025).
 9. BeMo Academic Consulting. The Best Law School Recruitment Strategies [Электронный ресурс]. Обновл. 01.01.2025. URL: <https://bemoacademicconsulting.com/blog/best-law-school-recruitment-strategies> (дата обращения: 25.07.2025).
 10. Capriotti P., Zeler I. Analysing effective social media communication in higher education institutions // *Humanities & Social Sciences Communications*. 2023. T. 10. Art. 656. DOI: 10.1057/s41599-023-02187-8. (Nature)
 11. Cingillioglu I., Gal U., Prokhorov A. Social media marketing for student recruitment: an algorithmically sequenced literature review // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2024. T. 34, № 2. С. 1101–1123. DOI: 10.1080/08841241.2023.2177789. (ideas.repec.org)
 12. Eisenberg M.D. J. 2024 Websites and Marketing TechReport // ABA TechReport 2024 [Электронный ресурс]. 23.04.2025. URL: https://www.americanbar.org/groups/law_practice/resources/tech-report/2024/2024-websites-and-marketing-techreport/ (дата обращения: 25.07.2025).
 13. Ellis B. The TikTok Search Takeover: What It Means for College Marketing // The Campus Agency [Электронный ресурс]. 20.04.2025. URL: <https://thecampusagency.com/the-tiktok-search-takeover-what-it-means-for-college-marketing/> (дата обращения: 25.07.2025).
 14. Gambhir S., Sharma A. A Systematic Review of Digital Marketing Strategies in Higher Education Institutions [Электронный ресурс]. SSRN Working Paper № 5215387, 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5215387> (дата обращения: 25.07.2025).
 15. Law School Admission Council. Keeping Up to Data: January 2023. Perspectives on Digital Marketing (подкаст, эпизод 4) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lsac.org/podcast/keeping-data-january-2023> (дата обращения: 25.07.2025).
 16. Law School Admission Council. Legal Education Consulting Enrollment & Marketing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lsac.org/legal-education-consulting/legal-education-consulting-enrollment-marketing> (дата обращения: 25.07.2025).
 17. Pawar S.K. Social media in higher education marketing: a systematic literature review and research agenda // *Cogent Business & Management*. 2024. T. 11, № 1. Art. 2423059. DOI: 10.1080/23311975.2024.2423059. (ideas.repec.org)
 18. Pizarro Milian R. Forging appealing identities in complex environments: a case study of American law schools // *Tertiary Education and Management*. 2017. T. 23, № 4. С. 361–375. DOI: 10.1080/13583883.2017.1359850. (SpringerLink)
 7. 2025 Social Media Trends: Strategies for Educational Institutions [Electronic resource]. *Higher Education Marketing Blog*. 2024. URL: <https://www.higher-education-marketing.com/blog/social-media-trends-for-2025-strategies-for-educational-institutions> (accessed: 25.07.2025).
 8. American Bar Association. 2024 Legal Technology Survey Report: Combined Volumes I–V [Electronic resource]. 2024. URL: https://www.americanbar.org/groups/law_practice/resources/legal-technology-resource-center/tech-survey/ (accessed: 25.07.2025).
 9. BeMo Academic Consulting. The Best Law School Recruitment Strategies [Electronic resource]. Обновл. 01.01.2025. URL: <https://bemoacademicconsulting.com/blog/best-law-school-recruitment-strategies> (accessed: 25.07.2025).
 10. Capriotti P., Zeler I. Analysing effective social media communication in higher education institutions. *Humanities & Social Sciences Communications*. 2023. T. 10. Art. 656. DOI: 10.1057/s41599-023-02187-8. (Nature).
 11. Cingillioglu I., Gal U., Prokhorov A. Social media marketing for student recruitment: an algorithmically sequenced literature review. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2024. T. 34, No. 2. С. 1101–1123. DOI: 10.1080/08841241.2023.2177789. (ideas.repec.org).
 12. Eisenberg M.D. J. 2024 Websites and Marketing TechReport. *ABA TechReport 2024* [Electronic resource]. 23.04.2025. URL: https://www.americanbar.org/groups/law_practice/resources/tech-report/2024/2024-websites-and-marketing-techreport/ (accessed: 25.07.2025).
 13. Ellis B. The TikTok Search Takeover: What It Means for College Marketing. *The Campus Agency* [Electronic resource]. 20.04.2025. URL: <https://thecampusagency.com/the-tiktok-search-takeover-what-it-means-for-college-marketing/> (accessed: 25.07.2025).
 14. Gambhir S., Sharma A. A Systematic Review of Digital Marketing Strategies in Higher Education Institutions [Electronic resource]. SSRN Working Paper No. 5215387, 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5215387> (accessed: 25.07.2025).
 15. Law School Admission Council. Keeping Up to Data: January 2023. Perspectives on Digital Marketing (podcast, episode 4) [Electronic resource]. URL: <https://www.lsac.org/podcast/keeping-data-january-2023> (accessed: 25.07.2025).
 16. Law School Admission Council. Legal Education Consulting Enrollment & Marketing [Electronic resource]. URL: <https://www.lsac.org/legal-education-consulting/legal-education-consulting-enrollment-marketing> (accessed: 25.07.2025).
 17. Pawar S.K. Social media in higher education marketing: a systematic literature review and research agenda. *Cogent Business & Management*. 2024. T. 11, No. 1. Art. 2423059. DOI: 10.1080/23311975.2024.2423059. (ideas.repec.org)
 18. Pizarro Milian R. Forging appealing identities in complex environments: a case study of American law schools. *Tertiary Education and Management*. 2017. T. 23, No. 4. С. 361–375. DOI: 10.1080/13583883.2017.1359850. (SpringerLink)

19. Thornton M., Shannon L. «Selling the Dream»: Law School Branding and the Illusion of Choice // *Legal Education Review*. 2013. Т. 23, № 2. С. 249–271. (SSRN)
20. TikTok for Business. East Asia University of Technology: Driving 300% Yearly Increase in Enrollment Performance [Электронный ресурс]. 18.11.2024. URL: <https://ads.tiktok.com/business/en-US/inspiration/east-asia-university-of-technology> (дата обращения: 25.07.2025).
21. Yamamura E. Brand and Performance in a New Environment: Analysis of the Law School Market in Japan // *Atlantic Economic Journal*. 2011. Т. 39, № 2. С. 155–164. DOI: 10.1007/s11293-011-9270-6. (ideas.repec.org)
19. Thornton M., Shannon L. "Selling the Dream": Law School Branding and the Illusion of Choice. *Legal Education Review*. 2013. Т. 23, No. 2. С. 249–271. (SSRN)
20. TikTok for Business. East Asia University of Technology: Driving 300% Yearly Increase in Enrollment Performance [Electronic resource]. 18.11.2024. URL: <https://ads.tiktok.com/business/en-US/inspiration/east-asia-university-of-technology> (accessed:25.07.2025).
21. Yamamura E. Brand and Performance in a New Environment: Analysis of the Law School Market in Japan. *Atlantic Economic Journal*. 2011. Т. 39, No. 2. С. 155–164. DOI: 10.1007/s11293-011-9270-6. (ideas.repec.org)

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Digital Law: стратегии продвижения юридических образовательных программ в эпоху социальных медиа» Слободянина Ильи Дмитриевича, аспиранта юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья Слободянина И.Д. посвящена актуальной проблеме эффективного продвижения юридических образовательных программ в социальных сетях в условиях цифровой трансформации образовательной среды. Уникальность работы заключается в комплексном подходе к анализу современных методов digital-маркетинга применительно к специфике юридического образования.

Ценность статьи заключается в том, что автору удалось систематизировать инновационные подходы к созданию образовательного контента и предложить практические рекомендации по интеграции цифровых трендов в маркетинговые стратегии юридических вузов, что имеет важное значение для повышения конкурентоспособности образовательных программ.

Целью статьи является разработка комплексной стратегии продвижения юридических образовательных программ в социальных медиа с учетом специфики правового контента и особенностей целевой аудитории.

В ходе исследования автором были достигнуты следующие результаты:

1. Выявлены наиболее эффективные форматы подачи образовательного контента в социальных сетях, включая подкасты, кейс-чемпионаты, хакатоны и коллаборации с представителями юридического сообщества.

2. Определены ключевые факторы успеха в создании вирусного контента правовой тематики и механизмы вовлечения аудитории.

3. Разработаны рекомендации по адаптации контент-стратегии под различные социальные платформы и интеграции технологических трендов в образовательный маркетинг.

Стиль изложения логичен и структурирован, результаты исследования представляют интерес для руководителей образовательных программ, маркетологов и преподавателей юридических вузов.

На основе изложенного, статья Слободянина И.Д. может быть рекомендована к публикации в одном из журналов Юр-БАК.

Рецензент Северин В.А., д-р юрид. наук, профессор кафедры правовой информатики, информационного и цифрового права юридического факультета. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 97,69%.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025, принята к публикации 20.07.2025

The article was received on 14.05.2025, accepted for publication 20.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянин Илья Дмитриевич, аспирант кафедры правовой информатики, информационного и цифрового права Юридического факультета; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, AuthorID: 1146939, e-mail: ilyaslobodyanin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ilya D. Slobodyanin, postgraduate student of Legal Informatics, Information and Digital Law; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, AuthorID: 1146939, e-mail: ilyaslobodyanin@gmail.com

5.1.3.

Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

Private Law (Civil) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-83-96

УДК: 346, 347

ГРНТИ: 10.23.47

EDN: DCEBSG

О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий

© **Беликова Ксения Михайловна**

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

г. Москва, Российская Федерация

KMBelikova@msal.ru

Аннотация: Автор статьи на примере положений ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Законопроекта № 1172553-7, положений зарубежных законодательств (Франции, США), доктрины и судебной практики обращается к рассмотрению конкурсного контроля в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий. Попутно предметом авторского внимания становится корпоративный контроль, в том числе – в процедурах банкротства. Автор исходит из субъективно-объективной заданности мира. В работе использован диалектический метод, иные обще- и частно-научные методы (сравнительно-правовой, исторический, анализ, синтез и др.). Результатом работы является в числе прочего вывод о том, что продебиторский подход в банкротстве, ориентированный на спасение бизнеса должника, а не только на удовлетворение требований кредиторов, отголоски которого мы время от времени наблюдаем в решениях судов требует, по нашему мнению, кардинального переосмысления классического понимания конкурсного контроля и роли арбитражного управляющего и других участников процедур несостоятельности (банкротства): приоритеты конкурсного контроля следует сместить с кредиторомцентристской модели, в которой главная цель – это максимальное и быстрое удовлетворение требований кредиторов, часто через ликвидацию, а конкурсный контроль – инструмент давления и защиты от должника, – на модель баланса интересов, в которой конкурсный контроль должен стать инструментом достижения такого баланса; требуется трансформация роли арбитражного управляющего с кредиторов, когда арбитражный управляющий видится, прежде всего, как агент собрания кредиторов, исполняющий волю этого собрания по максимизации текущих выплат, тем самым его задача сводится к инвентаризации имущества, его оценке и продаже, – на понимание АУ как «кризисного менеджера / реструктуризатора»; необходимы: 1) пересмотр полномочий арбитражного управляющего, когда он сильно ограничен в инициативах по спасению бизнеса без одобрения собрания кредиторов в сторону их расширения и 2) смещение «зоны риска» АУ, где главный риск последнего – недовольство кредиторов недостаточными выплатами, 3) повышение роли суда и др. Показаны примеры применения такого подхода на практике. Рекомендованы изменения в законодательство на основе в том числе зарубежного опыта.

Ключевые слова: конкурсный контроль, корпоративный контроль в процедурах несостоятельности, смена вектора, продебиторский подход, реструктуризация, спасение бизнеса, небанкротченные предприятия

Для цитирования: Беликова К.М. О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 83–96. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-83-96. EDN: DCEBSG

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-83-96

On the Control of the Administration of Insolvency Proceedings in the Context of Trends in the Development of Bankruptcy of Enterprises

© Ksenia M. Belikova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

KMBelikova@msal.ru

Annotation: Using the example of provisions of Federal Law No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" and Draft Law No.1172553-7, as well as provisions of foreign legislation (France, USA) and doctrine and judicial practice, the author considers control of the administration of insolvency proceedings in the context of the trends in insolvency development. Along the way, corporate control becomes a subject of attention. The author starts with a subjective-objective approach to the world, using the dialectical method and other general and specific scientific methods such as comparative and historical analysis, synthesis and others. The result of the work, among other things, is the conclusion that a pro-debtor approach in insolvency (bankruptcy) law, which focuses on saving the debtors' businesses, and not just on satisfying creditors' demands, echoes which we can see from time to time in court decisions, in our opinion, requires a radical rethink of the classical understanding of bankruptcy management and the role of arbitration administrators and other participants in bankruptcy proceedings. The priorities of the control of the administration of insolvency proceedings should shift away from a credit-centric model where the main goal is to satisfy creditors as quickly as possible through liquidation. Such a control should become an instrument for achieving a balance of interests. The role of the arbitration manager (AM) needs to be transformed from a creditor-oriented role, when the arbitration manager is primarily seen as an agent for the creditors' meetings, fulfilling the wishes of these meetings to maximize current payments by reducing its task to inventorying property, valuing it and selling it, to understanding AM as a crisis manager/restructurer. This requires: 1) a revision of the authority of the arbitrator, who is severely limited in his ability to save a business without approval from the creditors meeting in terms of expansion, 2) moving the "risk zone" for AM, where its main risk is the dissatisfaction of the creditors due to insufficient payments, and 3) an increase in the role of courts, etc. Practical examples of applying this approach are shown. Legislation amendments, including those based on international experience, are suggested.

Keywords: control of the administration of insolvency (bankruptcy) proceedings, corporate control in insolvency (bankruptcy) proceedings, change of vector, pro-debtor approach in insolvency (bankruptcy) law, restructuring, business rescue, non-bankrupt enterprises

For citation: Belikova K.M. On the Control of the Administration of Insolvency Proceedings in the Context of Trends in the Development of Bankruptcy of Enterprises. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 83–96. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-83-96. EDN: DCEBSG

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «конкурсный контроль» не отличалось и не отличается единообразием понимания и трактовки в настоящее время в доктрине, законодательстве и судебной практике, хотя термин широко используется.

Почему контроль называется «конкурсным»? «Конкурс» (лат. concursus) в римском праве означал «столкновение», «стечение», процедура банкротства исторически называлась concursus creditorum—«стечение кредиторов» [1. С. 101]. Суть в том, что в банкротстве происходит «конкурс» интересов разных групп кредиторов (залоговые, текущие, реестровые 1–3 очереди), и механизм контроля призван обеспечить баланс этих интересов и справедливое распределение имущества должника.

При этом одни [2. С. 84–90] говорят, что из духа ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (Закон о банкротстве), из которого вытекает идея конкурсного контроля как такового, исходит понимание КК как основанного на частноправовой власти кредиторов, другие² полагают, что конкурсный контроль в лице государства и его органов направлен на снижение негативных последствий для хозяйственного оборота от банкротств

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». // СЗ РФ от 28 октября 2002 г. № 43 ст. 4190.

² 21.05.2025 в рамках XIII Петербургского международного юридического форума состоялась сессия «Роль суда в контроле над делом о банкротстве».—См.: На ПМЮФ обсудили роль суда в контроле над делом о банкротстве. 22 мая 2025 URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-rol-suda-v-kontrole-nad-delom-o-bankrotstve/> (дата обращения: 23.05.2025)

его отдельных участников и поддержания стабильности экономики. Это, конечно, разные грани КК.

Действительно, Закон о банкротстве формально декларирует цель восстановления платежеспособности (ст. 2), и тем самым снижение ущерба для экономики от факта банкротства того или иного предприятия, т.е. это регулирование играет важную роль в обеспечении экономической безопасности. Однако акценты в достижении указанной могут быть разнообразными, например [3. С. 77–82; 4. С. 23–27]³: защита прав кредиторов; снижение уровня системных хозяйственных рисков в экономике за счет ликвидации неэффективных предприятий, оказывающих негативное влияние на устойчивость деловых партнеров; перераспределение активов в пользу эффективно хозяйствующих предприятий; развитие справедливой конкуренции; проведение реорганизации предприятий и их финансовой реструктуризации, направленное на возобновление их деятельности, повышение эффективности; повышение качества корпоративного управления, в частности—за счет смены неэффективных собственников и/или некавалифицированных менеджеров.

На практике механизмы конкурсного контроля и зависимость управляющего от собрания кредиторов и возможности кредиторов принимать решения по вопросам, рассмотрение которых необходимо для проведения процедуры банкротства или для защиты прав кредиторов, даже если закон прямо не относит эти вопросы к их компетенции⁴, часто приводят к ликвидационному сценарию: за 2024 год в процедурах банкротства погашено 252,1 млрд руб., что на 26,5 % больше, чем в предыдущем году⁵. Вместе с тем, в пояснительной записке к Законопроекту № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» 2021 г.⁶ (Законопроект № 1172553-7) приводилась следующая неутешительная статистика Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) за 2019–2020 годы: доля удовлетворенных требований кредиторов составляет менее 5%; доля процедур, в которых выплаты кредиторам не производились,—около 60%; доля ежегодно вводимых реабилитационных процедур банкротства организаций—менее 2%. При этом в международной практике доля реабилитационных процедур значительно выше и, например, в США за 2020 год составила около 35 %⁷.

³ Морхат П.М. К вопросу о концепции банкротного права в российской юрисдикции // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 10–17.

⁴ Вараксин М. Верховный суд обобщил споры кредиторов. 26 декабря 2018 URL: <https://pravo.ru/story/207923/> (дата обращения: 23.05.2025)

⁵ За 2024 год в процедурах банкротства погашено 252,1 млрд рублей, что на 26,5 % больше, чем в предыдущем году.—См.: ФНС подвела итоги работы в сфере банкротства за 2024 год. 26.03.2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15715460/?ysclid=mcln9ikx7r896425557 (дата обращения: 23.05.2025)

⁶ См. по адресу <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=mclpgbyuyk842017217> (дата обращения: 20.05.2025)

⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=mcm7mjtbhj970062269> (дата обращения: 20.05.2025). Тут стоит отметить, что, анализируя многофакторное влияние на различные показатели ликвидационных процедур в несостоятельности Управление государственной отчетности США отмечало, что «Нет четких доказательств того, что банкротящиеся авиакомпании наносят ущерб отрасли, способствуя

Рассмотрим в настоящей статье некоторые грани конкурсного контроля в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий⁸.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость обусловлена целью исследования, кругом исследованных источников и проблем.

При рассмотрении названного вопроса автор исходит из объективно-субъективной заданности мира, опираясь в исследовании на диалектику, как метод аргументации, форму и способ рефлексивного теоретического мышления, и научно-научные методы исследования (напр., сравнительно-правовой метод и др.), метод функционального анализа и т.д.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Практически, заранее осознавая риск попадания в число конкурсных кредиторов должника-банкрота участники экономических отношений стремились в условиях неполноты информации разными способами контролировать его (например, это должная осмотрительности и заверения в российском праве, скажем, в виде проверки через электронный сервис ФНС «Риски бизнеса: проверь (https://egrul.nalog.ru/index.html) либо заверения в том, что контрагент соблюдает налоговое законодательство, ведёт реальную деятельность и исправно платит налоги и др.), потому что упущения в этом вопросе выливаются в негативные для участников экономического оборота последствия.

Продолжением этого контроля выступает, с одной стороны, *корпоративный контроль в процедурах банкротства*, с другой стороны, *конкурсный контроль*.

КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА И САМ ПО СЕБЕ

Корпоративный контроль в процедурах банкротства проявляется не только через прямое владение доля-

увеличению избыточных мощностей или занижая цены у своих конкурентов. Мы обнаружили, что, хотя ликвидация авиакомпании может привести к сокращению производственных мощностей в краткосрочной перспективе, производственные мощности восстанавливаются относительно быстро. Даже когда доминирующий перевозчик уходит с отдельного рынка из-за ликвидации или изменения своей бизнес-стратегии (например, из-за отказа от города-хаба), другие перевозчики быстро расширяют пропускную способность, чтобы компенсировать это незначительным повышением тарифов или вообще их отсутствием... Хотя банкротство, возможно, и не нанесет ущерба финансовому состоянию авиационной отрасли, оно стало серьезной проблемой для федерального правительства, а также для бывших сотрудников авиакомпаний и пенсионеров в связи с недавним прекращением действия пенсионных планов US Airways и United Airlines.—См.: Commercial Aviation: Bankruptcy and Pension Problems Are Symptoms of Underlying Structural Issues / U.S. Government Accountability Office Report to Congressional Committees (GAO 05–945). September 2005. DIANE Publishing, 2006.—85 p. URL: <https://www.gao.gov/assets/gao-05-945.pdf> (дата обращения: 20.05.2025)

⁸ Автору были полезны мысли, идеи и мнения, которые высказали С.В. Поеров, заместитель руководителя ООО «Бюро Юридических Решений», налоговый консультант, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (по вопросу конкурсного контроля) и А.Н. Беседин, к.ю.н., доцент той же кафедры МГЮА, генеральный директор ООО «Юридическая компания «Элко Профи» и В.А. Лаптев, д.ю.н., профессор той же кафедры МГЮА, судья Арбитражного суда г. Москвы (в отставке), г.н.с. сектора гражданского и предпринимательского права ИП РАН (по вопросу корпоративного контроля)

ми, но и через способность влиять на судьбу активов вопреки интересам кредиторов: восстановление корпоративного контроля включает возврат утраченных прав участия, т.е. с восстановлением корпоративного контроля также подлежат восстановлению и те корпоративные права, которыми соответствующий участник по независящим от него причинам пользоваться не мог⁹, передача имущества в уставный капитал признается самостоятельной сделкой, которая может быть оспорена по нормам о банкротстве (ст. 61.2–61.3 Закона о банкротстве), контроль над юридическим лицом признается неэффективным без возврата активов, для оспаривания применяется гибкий срок исковой давности¹⁰.

На чем основано такое представление? Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹ (ГК РФ) относит к корпоративным отношениям любые отношения, связанные с управлением и участием в корпоративных организациях.

Банк России говорит, что корпоративное управление является одним из важнейших факторов устойчивого развития компании независимо от формы собственности, структуры капитала, вида и масштаба деятельности¹². Это так.

Вместе с тем, мы признаем, что приобретение контроля за руководством и деятельностью предприятия является, как правило, следствием приобретения в собственность его имущества или акций (долей участия), которое дает возможности, во-первых, связанные с участием акционеров (участников) в управлении и контроле за деятельностью общества (напр., п. 4 ст. 65.3 ГК РФ, предполагающая практику «пересечения», «перекрещивания» состава исполнительного и контролирующего органов), во-вторых, возникающие вследствие участия корпорации с другими субъектами в гражданско-правовых отношениях на основе различных договоров (аренды, поставки и т.п.), осуществления предпринимательской деятельности корпорации как юридического лица. Понимая это различие, мы оставляем за рамками нашего исследования

различные договоры, в которые может вступать корпорация, но сосредоточиваемся на вопросе, который издавна интересует правоведов,—проблеме собственности и власти в корпорациях.

Для сравнения корпоративный контроль понимается в доктрине и как способность определять решения корпорации в силу участия в её уставном капитале [5. С. 149] и как фактическая или юридическая возможность лица определять волеизъявление корпорации в соответствии с волей и интересами такого лица [6. С. 104–121], и как юридико-экономическое понятие¹³. При этом право на восстановление корпоративного контроля не зависит от размера доли или количества акций. Даже участник с минимальной долей участия вправе обратиться в суд с требованием о восстановлении корпоративного контроля¹⁴.

С точки зрения стандарта финансовой отчетности МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»¹⁵ инвестор (материнская компания) обладает контролем над объектом инвестиций (дочерней компанией) в случае, когда инвестор:

- 1) обладает полномочиями в отношении объекта инвестиций;
- 2) подвергается рискам, связанным с переменным доходом (returns) от участия в объекте инвестиций, или имеет право на получение такого дохода;
- 3) имеет возможность использовать свои полномочия в отношении объекта инвестиций с целью оказания влияния на величину своего дохода¹⁶.

В свое время отечественный правовед М.И. Кулагин отмечал в монографии «Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо» [7. С. 95–124] в параграфе с говорящим названием «Проблема собственности и власти в акционерных компаниях», что «Проблема собственности и управления или власти в крупнейших акционерных обществах капиталистических стран является одной из самых острых проблем...Постановка вопроса об отделении от собственника функций по управлению собственностью во многом связана с распространением акционерных обществ. "Промышленное акционерное общество... приносит с собой,—цитирует М.И. Кулагин Р. Гильердинга и его работу «Финансовый капитал»,—в качестве своего принципа то, что для индивидуального предприятия является только случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функции промышленного предпринимателя"...» Таким образом, неоднократно в своих работах (с. 95, 105 и др.) М.И. Кулагин подчеркивает, что «Одним из последствий демократизации капитализма, ... является то, что предприятие... в действительности не принадлежит больше никому. Разумеется, юридически оно оста-

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 № 1176/08. URL: <https://base.garant.ru/1787573/> (дата обращения: 30.05.2025), Постановление Президиума ВАС РФ от 10.06.2008 № 5539/08. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687572/?ysclid=mciquot06sh740837730> (дата обращения: 30.05.2025)

¹⁰ Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2023 № 305-ЭС22-29647 по делу № А40-286306/2021. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-poeconomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16062023-n-305-es22-29647-po-delu-n-a40-2863062021/?ysclid=mcicwqlfnz367659128> (дата обращения: 30.05.2025); Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 301-ЭС23-567 по делу № А43-19704/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407674984/?ysclid=mcir1bde31468895831> (дата обращения: 20.05.2025); Мирошник П. ВС разрешил оспаривать сделки по выводу активов должника через взнос в уставный капитал. 10 октября, 2023 URL: <https://regionservice.com/publications/vs-razreshil-osparivat-sdelki-po-vyvodu-aktivov-dolzhnika-cherez-vznos-v-ustavnyj-kapital/> (дата обращения: 20.05.2025); Бородин В. Восстановление корпоративного контроля: защитит ли ВС кредиторов? 20.09.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/9/20/vosstanovlenie_korporativnogo_kontrolya_zaschitit_li_vs_kreditorov (дата обращения: 30.05.2025)

¹¹ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

¹² Развитие корпоративных отношений / Банк России. URL: https://cbr.ru/issuers_corporate/development_corp_relations/ (дата обращения: 20.05.2025)

¹³ См.: Оборнов А.С. Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024.—30 с.

¹⁴ Напр., решение от 17 апреля 2023 г. по делу № А60-14808/2022 (Арбитражный суд Свердловской области (АС Свердловской области)). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7tazcZwKqzWR/?ysclid=mczz9kym5h234485021> (дата обращения: 20.05.2025)

¹⁵ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2017/01/main/MSFO_IFRS_10.pdf?ysclid=mczzc79x1d230282265 (дата обращения: 20.05.2025)

¹⁶ Кулага Е. Критерии контроля над дочерней компанией. // Актуальная бухгалтерия.—2016.—№ 8. URL: https://www.cfin.ru/investor/ao/control_over_subsidiary.shtml?ysclid=mczzforv3p834947067 (дата обращения: 20.05.2025)

ется собственностью, но акционеры неизвестны, многочисленны и распылены. Их собственность является юридической абстракцией, но не реальностью», поскольку «Акционеры обладают на деле лишь теоретической властью. Реальная власть принадлежит управляющим общества». Именно поэтому для акционеров и участников ООО мы предлагаем определять степень и полноту практической реализации их прав и исполнения их обязанностей на основе оценки успешности функционирования органов АО и ООО. Насколько могут акционеры и участники ООО участвовать в управлении? Каковы их реальные возможности назначать и смещать по своему усмотрению управляющих? Могут ли они реализовывать свою власть акционеров и участников ООО, например, в вопросе выбора платежеспособных контрагентов, которые не впадут в несостоятельность? [8. С. 136–145] Или «...действительно функционирующий капиталист превращается в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, а собственники капитала—в чистых собственников, в чистых денежных капиталистов...», где «Управляющие совершают сделки от имени общества, нанимают и увольняют рабочих и служащих, организуют производство, т.е. осуществляют действия, которые традиционно связывались с предпринимательской деятельностью.»? Все этим вопросы актуальны и теперь.

Более того, в практической плоскости вопрос рассматривается и в контексте набирающей обороты цифровизации корпоративных отношений, и, в частности, цифровизации деятельности правлений обществ (например, Гонконгский венчурный фонд *Deer Knowledge Ventures* (DKV) находился на грани банкротства, пока компания не привлекла в качестве главного инвестиционного аналитика алгоритм *Vital*. Для разработки этого алгоритма фонд привлек специалистов по анализу больших данных. Эксперты создали алгоритм, который анализирует 50 различных параметров и оценивает риски инвестиций в биотехнологические проекты. Так *Vital* обнаружил, что наиболее успешными оказываются проекты по борьбе со старением—теперь *DKV* инвестирует только в стартапы и разработки, которые изучают старение и создают препараты для профилактики, а не лечения. *DKV* стала первой компанией, которая включила систему искусственного интеллекта в свое правление. *Vital* обладает статусом наблюдателя, а любые решения об инвестировании принимаются только после консультации с алгоритмом¹⁷. Такая алгоритмизация сделает и корпоративное управление, и корпоративный контроль более эффективными, безусловно.

КОНКУРСНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК КОНТРОЛЬ НАД
ИМУЩЕСТВОМ ДОЛЖНИКА, КАК УПРАВЛЕНИЕ
КОНКУРСНОЙ МАССОЙ, КАК КОНТРОЛЬ
ЗА КОНКУРСНЫМ УПРАВЛЯЮЩИМ СО СТОРОНЫ
СУБЪЕКТОВ КОНТРОЛЯ И ДР.: ДОКТРИНА
И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В свою очередь, *конкурсный контроль* сводится к контролю над имуществом должника, с другой стороны,

¹⁷ ИИ помог инвестиционной компании избежать банкротства / luckyea77. 11 мая 2017. URL: <https://luckyea77.livejournal.com/1779132.html?ysclid=md005ajrb8985777144> (дата обращения: 20.05.2025)

при установлении конкурсного контроля речь идет и об управлении конкурсной массой.

Так, еще в римском праве, как писал по этому поводу И.А. Покровский в «Истории римского права», было так: «По просьбе кредитора, имеющего в руках приговор, претор *вводит его во владение имуществом должника*, дает ему *missio in possessionem*. Вступивший во владение кредитор делает об этом публичное оповещение, после чего к нему могут присоединиться другие кредиторы того же лица, и, таким образом, *открывается общий конкурс*. Для ведения дел и ликвидации имущества назначается особый *magister bonorum*, который и производит затем *venditio bonorum*, то есть продажу имущества с аукциона. Имущество несостоятельного продается все огулом; приобретатель его—*emptor bonorum*—вступает во все права должника, делается его универсальным преемником, с обязательством расплатиться с его кредиторами в условленном при продаже проценте. Позже, уже в императорское время, универсальная *venditio bonorum* заменяется посредством *distractio bonorum*, распродажей имущества по частям.» (курсив—авт.) [9]. В настоящее время рядом авторов (напр., Е.Д. Суворов и др.) также подчеркивается «управленческий» аспект: «...кредиторы становятся бенефициарами конкурсной массы, и в этом смысле они как бы отодвигают членов корпорации на второй план, приобретают право управления соответствующей массой, которое ранее сопутствовало праву участия в корпорации.» [10. С. 27–34]. Такая трактовка возможна при применении к правам кредиторских сообществ на конкурсную массу, например, французской концепции «фидуций» (*fiducie*—ст. 2001–2030 Французского гражданского кодекса¹⁸), в которой *fiducie* позволяет разделить функции—арбитражный управляющий действует как профессионал, но под контролем кредиторов как бенефициаров, что снимает вечную дилемму «контроль vs. компетенция», суть которой в том, чтобы найти баланс между контролем и предоставлением пространства для самостоятельных решений, учитывая разные факторы, влияющие на эффективность работы субъекта—носителя компетенции. Так, контроль кредиторов не должен парализовать деятельность управляющего по спасению бизнеса и не может быть оправданием для бездействия или нарушения закона.

Вместе с тем, конкурсный контроль согласно ст. 143 и 147 Закона о банкротстве, например,—это контроль за конкурсным управляющим со стороны субъектов контроля:

— *сообществ кредиторов*—конкурсный управляющий представляет собранию/комитету кредиторов отчет о своей деятельности, информацию о финансовом состоянии должника и его имуществе на момент открытия конкурсного производства и в ходе конкурсного производства, а также иную информацию не реже чем один раз в три месяца, если собранием кредиторов не установлено иное (п. 1 ст. 143),

— *арбитражного суда* (АС)—конкурсный управляю-

¹⁸ URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006118476> (дата обращения: 20.05.2025); The *fiducie* in restructuring and acquisition transactions in France / McDermott Will & Emery. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f134e8e0-fa6f-45a7-aa5c-f210534a073d> (дата обращения: 20.05.2025)

щий обязан по требованию АС предоставлять АС все сведения, касающиеся конкурсного производства, в том числе отчет о своей деятельности (п. 3 ст. 143); суды также неоднократно отмечали, что арбитражный управляющий не является безвольным исполнителем воли собрания кредиторов (СК). Он обязан действовать самостоятельно, добросовестно и разумно в интересах всех участников процесса, а не только кредиторов. Если решение СК явно нецелесообразно или нарушает закон, управляющий должен оспорить его в суде: например, в рамках дела № А41-89099/19 рассматривался спор о взыскании убытков с арбитражного управляющего, Верховный Суд указал, что управляющий не вправе оправдывать собственное бездействие решением собрания кредиторов и, в частности, волеизъявлением мажоритарного кредитора должника¹⁹, он должен действовать добросовестно, то есть контролировать обоснованность решений кредиторов,

— *уполномоченных органов*, например, Федеральной налоговой службы (ФНС), как реестровых кредиторов (напр., ст. 12 Закона о банкротстве),

— *саморегулируемых организаций* (СРО) арбитражных управляющих, которые утверждают кандидатуры управляющих для конкретных дел, контролируют их этику и квалификацию, вправе применять дисциплинарные меры (штрафы, исключение из СРО) за нарушения, обязаны предоставлять данные о деятельности в Федресурс, обеспечивая прозрачность с позиции реализации аудита и отчетности [11. С. 119–132].

Практическая реализация конкурсного контроля в России сейчас шире, поскольку закон о банкротстве наделяет указанных выше субъектов контроля, широкими полномочиями, которые фактически позволяют де-юре контролировать процедуру, так, например:

— *собрание кредиторов*—высший орган, представляющий интересы всех кредиторов (голоса в нем распределяются пропорционально размеру требований)—принимает наиболее важные решения: выбор арбитражного введения/продление/окончание процедур утверждение планов оздоровления/внешнего управления, утверждение реестра требований кредиторов, принятие решения о заключении мирового соглашения, избрание комитета кредиторов (напр., ст. 12 Закона о банкротстве и др.), поскольку его решения обязательны для исполнения управляющим (кроме случаев, противоречащих закону, например, арбитражный управляющий не может ссылаться на то, что его действие, повлекшее негативные последствия, было одобрено решением собрания кредиторов, либо он действовал во исполнение решений собрания (напр., Определение СКЭС Верховного Суда РФ № 305-ЭС19-17553 от 24 августа 2020 года по делу № А40-64173/2017²⁰),

— *комитет кредиторов*—избирается СК для оперативного контроля и представления интересов кредиторов между собраниями, контролирует действия арбитражного управляющего, дает согласие на совершение арбитражным управляющим крупных сделок и сделок

должника (продажа имущества сверх определенного лимита, получение/выдача крупных займов, отказ от невыгодных контрактов и т.д.) и сделок с заинтересованностью, ходатайствует перед судом о смене управляющего в случае ненадлежащего исполнения им обязанностей (напр., ст. 101 Закона о банкротстве и др.),

— *арбитражный управляющий* (АУ)—является ключевым исполнителем процедуры банкротства (напр., ст. 67 Закона о банкротстве и др.),

— *арбитражный суд*—назначает управляющего, осуществляет общий судебный контроль над всем процессом банкротства, утверждает решения собрания кредиторов по ключевым вопросам (введение процедур, утверждение планов, мировое соглашение), рассматривает жалобы участников процесса и может отменить решение СК по жалобе участников дела (ст. 60 закона о банкротстве).

Тем самым конкурсный контроль возникает и становится доминирующим, начиная со стадии наблюдения и продолжается на всех последующих стадиях, кроме, возможно, мирового соглашения (если оно восстановит права собственников), особенно ярко он проявляется в финансовом оздоровлении, внешнем управлении и конкурсном производстве и не сводится к контролю названных выше субъектов за конкурсным управляющим, хотя так может казаться на первый взгляд.

Тут стоит, с одной стороны, вспомнить дело ООО «Краснобродский Южный» № А27-9400/2019²¹, где суд отклонил инициативу арбитражного управляющего, которая требовала исключить 34,3 млн руб. требований, ссылаясь на 0.3 % швейцарское участие в структуре собственности кредитора через АО «Дино Нобель Свиден», и, хотя формально собрание могло бы поддержать такое решение, суд отверг этот подход, указав: 1) на незначительность доли иностранного участия (всего 0.31488 %) и отсутствие контроля (что продемонстрировало границы контроля на тот момент), 2) что текущее законодательство не содержит специальных правил для кредиторов с иностранным участием в банкротных процедурах, и 3) что гипотетический вывод средств в недружественные страны—не предмет банкротного дела.

Аналогично Второй арбитражный апелляционный суд отменил решение первой инстанции²² по иску *Entertainment One UK Ltd.*, правообладателя мультсериала «Свинка Пеппа», к индивидуальному предпринимателю Ивану Кожевникову о взыскании компенсации за нарушение авторских прав (дело № А28-11930/2021) хотя первоначально довод о недружественности²³ был принят²⁴—суд сослался на ст. 10 ГК, согласно которой

²¹ Решение от 3 декабря 2019 г. по делу № А27-9400/2019 (Арбитражный суд Кемеровской области (АС Кемеровской области). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Bn7hGslXx0bj/?ysclid=mclx6el7c111148467> (дата обращения: 20.05.2025)

²² Апелляция защитила права на «Свинку Пеппу». 28 июня 2022 URL: <https://pravo.ru/news/241565/> (дата обращения: 20.05.2025); Балдина Л. «Законный» контрафакт: Арбитражный суд создал опасный прецедент 14 марта 2022 URL: <https://sibadvokat.ru/magazine/actual/sudy-otkazyvayut-inostrannym-kompaniyam-v-zashchite-iz-za-sankcij> (дата обращения: 20.05.2025)

²³ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/67881> (дата обращения: 20.05.2025)

²⁴ Решение от 3 марта 2022 г. по делу № А28-11930/2021 (Арбитраж-

¹⁹ См., напр.: ВС: арбитражный управляющий не всегда связан решением собрания кредиторов. 01.12.2022. URL: <https://rusbankrot.ru/legislative-news/vs-arbitrazhnyy-upravlyayushchiy-ne-vsegda-svyazan-resheniem-sobraniya-kreditrov/?ysclid=mckus0il3k186805868> (дата обращения: 20.05.2025)

²⁰ URL: <https://www.klerk.ru/doc/623367/> (дата обращения: 20.05.2025)

не допускается защита гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, и расценил действия истца как злоупотребление правом, сославшись на санкции Великобритании в отношении России. Речь идет о компенсации 20 тыс. руб.

С другой стороны, 1) рассматривая в 2023 г. иск об изъятии в пользу государства акции АО «Коммерческий центр, транспорт и лес» (оператор Морского порта Санкт-Петербурга), арбитражный суд арестовал все движимое и недвижимое имущество компании, за исключением банковских счетов. Апелляционная инстанция признала такие ограничения необходимыми для «сохранения существующего состояния отношений между сторонами (status-quo)» и др.), 2) 31.01.2025 Арбитражный суд Ростовской области удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ о передаче 100% зернотрейдера «Родные поля» в доход государства²⁵, 3) решением Арбитражного суда Московской области от 17.06.2025 суд полностью удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ, которая требовала взыскать в доход РФ 100% долей ООО «ДМЕ Холдинг», владеющего активами аэропорта «Домодедово», по причине того, что бенефициары аэропорта (к ним помимо Каменщика надзорный орган причисляет Валерия Когана), будучи резидентами других государств, в нарушение законодательства РФ распоряжались активами стратегического для страны предприятия и выводили его прибыль за границу²⁶.

О чем, по нашему мнению, говорят эти примеры? О необходимости пересмотра понимания конкурсного контроля как системы управления должником, при которой власть переходит от собственников к кредиторам (через собрание/комитет кредиторов) и осуществляется под их контролем (и контролем суда) через действия арбитражного управляющего с целью обеспечить приоритет интересов кредиторов в процедурах банкротства (в процессе восстановления платежеспособности или ликвидации должника), в сторону понимания конкурсного контроля как инструмента баланса интересов для оценки долгосрочных последствий решений для восстановления платежеспособности, а не только сиюминутной выгоды кредиторов. Эти примеры ставят вопрос о том, могут ли кредиторы решать судьбу предприятий в свою пользу на основе «корпоративного контроля, переходящего в конкурсный», когда речь идет о различных (крупных, средних, малых, но единственных в поставках) предприятиях, значимых для экономики?

Особенно в том смысле, что конкурсный контроль — это и влияние на решения гражданско-правовых сообществ различных субъектов — бенефициарных владельцев, кредиторов, например, мажоритарных, поскольку

ный суд Кировской области (АС Кировской области). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qs51uHb9RJbr/?ysclid=mclkv1925y689807922> (дата обращения: 20.05.2025)

²⁵ См., напр.: Постановление от 17 февраля 2023 г. по делу № А56-116780/2022 (Тринадцатый арбитражный апелляционный суд (13 ААС)). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IvaGhNZpiXU5/?ysclid=mc7p5of5657222580> (дата обращения: 20.05.2025); Нетугский П. Активная конфискация. Национализация предприятий наносит удар по частным инвесторам. 10 февраля 2025 URL: <https://mashnews.ru/aktivnaya-konfiskacziya-naczionalizacziya-predpriyatij-nanosit-udar-po-chastnyim-investoram.html> (дата обращения: 20.05.2025)

²⁶ См., напр.: Суд удовлетворил иск о передаче аэропорта Домодедово государству. 17.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250617/sud-2023368578.html?ysclid=mclnhycn44621913575> (дата обращения: 29.06.2025)

под видом «конкурсного контроля» кредиторы, например, нередко фактически управляют должником, подменяя управляющего.

Так, есть примеры (скажем, Постановление от 1 ноября 2022 г. по делу № А69-2932/2021 (Третий арбитражный апелляционный суд)²⁷), где суды отмечают, что мажоритарный кредитор не может формировать комитет кредиторов только из своих представителей, так как это ограничивает права других кредиторов. Этот пример показывает, что контроль не должен переходить в управление. Здесь возможно применить, по нашему мнению, аналогию с рыночной властью, понимаемой в антимонопольном законодательстве как возможность предприятия — монополиста влиять (influence) на действия остальных участников рынка (потенциальных конкурентов, потребителей и т.д.) и действовать без учета их интересов [12. С. 38–52].

В этих условиях, хотя на март 2025 г. ФНС констатировала, что «...в последние три года отмечается тенденция замещения банкротства реструктуризацией долга. С 2020 по 2023 год количество процедур банкротства снизилось на 25%, в то время как количество предприятий, которым оказаны меры поддержки, возросло в 3,7 раз.»²⁸, представляется необходимым обратить более пристальное внимание на продебиторский подход в рамках процедур несостоятельности (банкротства) и конкурсного контроля.

КОНКУРСНЫЙ КОНТРОЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОДЕБИТОРСКОГО ПОДХОДА В НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): БУДУЩИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Продебиторский подход в банкротстве, ориентированный на спасение бизнеса должника, а не только на удовлетворение требований кредиторов, отголоски которого мы время от времени наблюдаем в решениях судов (например, Конституционный Суд Российской Федерации не раз указывал, что институт банкротства призван обеспечивать баланс прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, притом, что их интересы различны и зачастую диаметрально противоположны (постановления от 19 декабря 2005 года № 12-П, от 18 ноября 2019 года № 36-П, от 3 февраля 2022 года № 5-П, от 19 марта 2024 г. № 11-П) требует, по нашему мнению, кардинального переосмысления классического понимания конкурсного контроля и роли арбитражного управляющего и других участников процедур несостоятельности (банкротства) в следующем виде.

Во-первых, приоритеты конкурсного контроля следует сместить с кредиторцентристской модели, в которой главная цель — это максимальное и быстрое удовлетворение требований кредиторов, часто через ликвидацию, а конкурсный контроль — инструмент давления и защиты от должника, — на модель баланса интересов, в которой конкурсный контроль должен стать инструментом достижения такого баланса.

Для этого необходимо акцентировать два приоритета:

²⁷ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IUHFQywyXQs/> (дата обращения: 20.05.2025)

²⁸ ФНС подвела итоги работы в сфере банкротства за 2024 год. 26.03.2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15715460/?ysclid=mcln9ikx7r896425557 (дата обращения: 23.05.2025)

- приоритет 1—сохранение действующего бизнеса или его реструктуризация, как источника будущей [прибавочной] стоимости, что перспективе выгоднее и кредиторам, и экономике,

- приоритет 2—защита интересов кредиторов не в ущерб жизнеспособности бизнеса. Контроль в таком понимании направлен на недопущение действий, убивающих бизнес в виде, например, распродажи ключевых активов «с молотка» по заниженной цене для получения быстрых выплат.

Тем самым новый фокус контроля смещается в сторону оценки долгосрочных последствий решений для восстановления платежеспособности, а не только сиюминутной выгоды кредиторов.

Нам представляется в этой связи, что требуется культурный «сдвиг», «сдвиг» в общественном сознании, включая кредиторов, судей, должников, например, обучение судей оценке планов реструктуризации, переход судей от формального утверждения решений собраний кредиторов к активной оценке экономической целесообразности планов реструктуризации; поощрение СРО арбитражных управляющих АУ, спасающих бизнес, а не только тех, кто быстро распродал активы; осознание со стороны кредиторов, что восстановленный бизнес часто—лучший способ вернуть долги,

Во-вторых, требуется трансформация роли арбитражного управляющего с кредиторов», когда арбитражный управляющий видится, прежде всего, как агент собрания кредиторов, исполняющий волю этого собрания по максимизации текущих выплат, тем самым его задача сводится к инвентаризации имущества, его оценке и продаже,—на понимание арбитражного управляющего как «кризисного менеджера / реструктуризатора».

При таком подходе управляющий становится:

- независимым арбитром и стратегом—его роль—объективно оценить потенциал восстановления бизнеса и предложить пути выхода из кризиса, даже если это временно невыгодно самым агрессивным кредиторам, защитником бизнеса от «хищнических» действий—он должен активно противодействовать требованиям кредиторов, которые могут разрушить операционную деятельность (например, требование немедленной продажи единственного завода, генерирующего доход),

- переговорщиком и интегратором, ключевая задача которого—наладить диалог между должником (собственниками, менеджментом) и кредиторами для поиска консенсусного плана реструктуризации (в виде рефинансирования, отсрочки, конвертации долга в акции, привлечения инвесторов и др.),

- операционным антикризисным управляющим, который должен глубоко погружаться в бизнес-процессы, понимать его специфику, рынки, ключевых сотрудников, чтобы принимать решения, сохраняющие его ценность. Для этого, конечно, требуется повысить требования к лицам, желающим стать арбитражными управляющими по аналогии с арбитражными управляющими в деле о банкротстве застройщика (напр., 2-летний стаж работы арбитражного управляющего на руководящих должностях в сфере строительства и реконструкции объектов капитального строитель-

ства, опыт участия в качестве арбитражного управляющего в не менее чем двух процедурах банкротств застройщиков²⁹). Указанный выше Законопроект № 1172553-7 в этом отношении предусматривал требования, согласно таблице 1 ниже.

Тут необходимо отметить, что, с одной стороны, имелись и имеются многочисленные инициативы по изменению роли, значения, источников и выплаты вознаграждения и др. арбитражного управляющего.

Так, Законопроект № 1172553-7 предполагал создание федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации на осуществление функций по регистрации арбитражных управляющих и ведению регистра арбитражных управляющих (п. 3) Законопроекта об изложении ст. 2 Закона о банкротстве в новой редакции,—ч. 12) п. 1 ст. 2). Статья 441 «Формирование и ведение регистра арбитражных управляющих» предполагала: «2. В регистре арбитражных управляющих кроме сведений, предусмотренных пунктом 2 статьи 20³¹ настоящего Федерального закона, содержатся также сведения о количестве баллов арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций, отражающих их результативность (далее—баллы результативности), количестве баллов арбитражных управляющих, доступных для использования в процедуре выбора кандидатуры арбитражного управляющего (далее—доступные баллы), а также о рейтинге результативности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.» и «С использованием имеющихся в регистре арбитражных управляющих сведений орган по регистрации обеспечивает формирование в нем ежеквартального рейтинга результативности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на результативности каждой саморегулируемой организации арбитражных управляющих, рассчитываемого как среднее арифметическое значение баллов результативности всех ее членов.

Статья 20⁶ этого Законопроекта меняла правила относительно вознаграждения АУ. Так, размер фиксированной части зависел от группы должника, процедуры (напр., реструктуризация долгов либо конкурсное производство) и условий (напр., с возложением либо без возложения на него полномочий руководителя должника; наличие прироста стоимости чистых активов должника за период с даты утверждения плана реструктуризации долгов до даты окончания реструктуризации долгов) и составлял: для конкурсного управляющего—100–500 тыс. руб., для антикризисного управляющего—до 300 тыс. руб. + ежемесячные выплаты. Процентная часть зависела дифференцировалась по источникам поступлений, например, от средств, полученных через оспаривание сделок и др.

Менялись условия к арбитражным управляющим и их ответственности, функционал, вводились ограничения (табл. 1).

²⁹ См.: Приказ Минэкономразвития России от 24.10.2020 № 701 «О внесении изменений в Порядок аккредитации арбитражных управляющих в целях осуществления ими полномочий конкурсного управляющего (внешнего управляющего) в деле о банкротстве застройщика в соответствии с Федеральным законом "О несостоятельности (банкротстве)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 23 мая 2018 г. № 263». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/66099.html> (дата обращения: 20.05.2025)

Таблица 1

Квалификация АУ и их ответственности, функционал,
ограничения согласно Законопроекта № 1172553-7

Квалификация АУ	Расширение обязанностей и ограничения в отношении АУ	Ответственность АУ
<p>— Образование и стаж. Требуется высшее юридическое/экономическое образование + стаж руководящей работы (от 1 года) и стажировка у действующего АУ (от 2 лет) (ст. 20)</p> <p>— Экзамен. Введен обязательный теоретический экзамен. Результаты фиксируются в госреестре АУ (ст. 20¹)</p> <p>— Регистрация. Обязательная государственная регистрация в Реестре арбитражных управляющих с детальным учетом сведений (квалификация, дела, нарушения и т.д.) (ст. 20³⁻¹)</p>	<p>— Отчетность. Введен обязательный отчет о финансовом состоянии должника при подаче заявления о банкротстве (в соответствии с требованиями, установленными согласно ст. 38¹) (также см. ниже)</p> <p>— АУ не может иметь:</p> <ul style="list-style-type: none"> • наказания в виде дисквалификации за совершение административного правонарушения либо в виде лишения занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение преступления • судимости за совершение умышленного преступления (ст. 20) 	<p>— Страхование. Минимальная страховая сумма—20 млн руб. Для крупных должников дополнительное страхование зависимости от роста активов компании—от 3 % до 1 % от суммы свыше порогов в 100 млн, 300 млн и 1 млрд—чем крупнее компания—тем больше такое страхование. Срок на его покупку—10 дней после назначения) (ст. 24¹)</p> <p>— Компенсационный фонд (КФ) СРО:</p> <ul style="list-style-type: none"> • средства хранятся на счетах эскроу в банках с капиталом от 20 млрд руб. Выплаты из фонда производятся при нехватке личных средств АУ • при взыскании убытков с арбитражного управляющего суд обязательно указывает взыскание этих убытков за счет КФ его СРО (на дату причинения убытков). Исполнить это можно, если АУ или страховщик не выплатят сумму в 90 дней после вступления решения в силу (ст. 25¹) <p>— Дисквалификация. За нарушения АУ может быть отстранен от всех дел и исключен из СРО (ст. 20⁴)</p>

Источник: составлено автором

С мая 2021 г., когда этот Законопроект поступил в Государственную Думу он не прошел даже первое чтение, по информации на июнь 2025 г. возвращение к идее комплексной реформы банкротства было анонсировано главой Минэкономразвития в начале 2025 г., он неоднократно подчеркивал важность перезагрузки института банкротства как одной из ключевых структурных реформ, необходимых для достижения устойчивого экономического роста российской экономики³⁰.

Более ранние идеи Минэкономразвития в Законопроекте о регистре и случайном выборе управляющих³¹ предусматривали систему отбора арбитражных управляющих в делах о банкротстве—случайным образом из общего списка, который сформирует Судебный департамент при Верховном суде (ВС) РФ в целях повышения гарантий независимости арбитражного управляющего в ходе дела о банкротстве.

Рассмотренные нововведения вызвали сопротивление и негативные оценки и нарекания в кругах юристов³².

³⁰ Бухарин Д. Минэкономики готовит новую редакцию Закона о банкротстве к середине июля 2025 года. 30 июня 2025 URL: <https://probankrotstvo.ru/news/minekonomiki-gotovit-novuiu-redakciu-zakona-o-bankrotstve-k-seredine-iiulia-2025-goda-8865?ysclid=mc1rh71q2i49476650> (дата обращения: 02.07.2025)

³¹ См., напр.: Законопроект о регистре и случайном выборе управляющих—комментарии экспертов. 16.04.2018. URL: <https://fedresurs.ru/news/6cdabc57f-c06c-4d6c-9c5d-01fb017da600> дата обращения: 20.05.2025)

³² См., напр.: Везирова Г. Перспективы и последствия изменений в законодательстве о банкротстве в 2021 году. 17.05.2021. URL:

Тем не менее, в публикации 11 октября 2024³³ отмечалось, что «с 23 ноября арбитражных управляющих будут выбирать по критериям эффективности для банкротных процедур, инициированных из-за долгов перед бюджетом, и ориентируясь на качество их работы. Нововведения коснутся лишь тех дел, где заявителем выступает Федеральная налоговая служба.»

В-третьих, необходимы: 1) пересмотр полномочий арбитражного управляющего, когда он сильно ограничен в инициативах по спасению бизнеса без одобрения собрания кредиторов в сторону их расширения и 2) смещение «зоны риска» АУ, где главный риск последнего—недовольство кредиторов недостаточными выплатами, 3) повышение роли суда:

— управляющему должны быть даны более широкие права на оперативное управление в рамках утвержденной стратегии реструктуризации без необходимости постоянных одобрений на каждое действие (особенно в вопросах текущей деятельности, сохранения команды, заключения контрактов, необходимых для продолжения работы),

<https://rusbankrot.ru/people/perspektivy-i-posledstviya-izmeneniy-v-zakonodatelstve-o-bankrotstve-v-2021-godu/?ysclid=mc1pxzv mz991785423> (дата обращения: 20.05.2025); Будылин С. Банкротство в Вавилоне. Законопроект Минэкономразвития о Регистре арбитражных управляющих. 20.03.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/20/bankrotstvo_v_vavilone_zakonoproekt_minekonomrazvitiya_o_registre_arbitrazhnyh_upravlyayuschih (дата обращения: 20.05.2025)

³³ Случайный выбор, но среди лучших: как будут оценивать арбитражных управляющих. 11 октября 2024 URL: <https://pravo.ru/story/255572/> (дата обращения: 28.06.2025)

— главный риск для управляющего должен сместиться с «не угодить кредиторам» на «не суметь спасти жизнеспособный бизнес» из-за пассивности, некомпетентности или чрезмерного давления кредиторов. Тем самым эффективность работы ау должна оцениваться по успешности восстановления платежеспособности, а не по скорости распродажи активов,

— суд должен быть готов защищать разумные инициативы управляющего по спасению бизнеса, даже если они встречают сопротивление части кредиторов, если они обоснованы планом реструктуризации и экспертизой.

В-четвертых, требуется изменение роли собрания кредиторов с абсолютного диктата большинства (часто крупнейшего кредитора) для немедленного удовлетворения требований—на приоритет реструктуризации на основе:

— обязанности рассмотрения планов реструктуризации, при которой собрание кредиторов не может автоматически блокировать жизнеспособные планы оздоровления в пользу ликвидации,

— учета долгосрочной перспективы, в контексте которого решения должны приниматься с оценкой прогнозных денежных потоков и потенциальной стоимости бизнеса после восстановления,

— защиты интересов миноритарных кредиторов и должника, в рамках которой механизмы голосования должны учитывать не только размер требований, но и предотвращать злоупотребления со стороны доминирующих кредиторов (например, конкурент, желающий ликвидации), чьи интересы могут не совпадать с целью спасения бизнеса. Тут полезно взглянуть на давно известный механизм, такой как деление на классы (группы) кредиторов для справедливого представительства³⁴ [13. С. 178–207].

В-пятых, изменение динамики отношений с конфронтации—кредиторы vs. должник, управляющий—на стороне кредиторов—на сотрудничество: все стороны (должник, кредиторы, управляющий) заинтересованы в восстановлении бизнеса как источника погашения долгов в будущем. Конкурсный контроль должен стимулировать диалог и поиск взаимоприемлемых решений, а не только голосование сильнейшего кредитора.

Тем самым итоговое представление в продебиторской парадигме таково:

- конкурсный контроль—это механизм не подавления, а оздоровления. Его цель—создать защищенную среду (от агрессивных кредиторов, от неэффективного прежнего менеджмента) для проведения сложной операции по восстановлению бизнеса под управлением независимого специалиста (АУ) и при сбалансированном контроле со стороны кредиторов и суда.

- арбитражный управляющий—это ключевая фигура реструктуризации, обладающая не только полномочиями контролера, но и компетенциями кризисного управляющего, переговорщика и стратега. Его успех

измеряется сохранением рабочих мест, восстановлением конкурентоспособности бизнеса и долгосрочным удовлетворением требований кредиторов, а не скоростью ликвидации.

Представляется, что для реализации истинно продебиторского подхода нужны изменения как в практике применения закона (позиция судов, СРО управляющих), так и в самом законодательстве (усиление роли суда в защите планов реструктуризации, повышение квалификационных требований к управляющим как реструктуризаторам и др.

ПРОДЕБИТОРСКИЙ ПОДХОД НА ПРИМЕРАХ ПРОЦЕДУР ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ И ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Разберем конкретику продебиторского подхода на примерах процедур финансового оздоровления и внешнего управления, а затем сформулируем возможные законодательные изменения.

Ключ к пониманию, повторим,—в смещении фокуса с сиюминутной распродажи на восстановление бизнеса как действующего предприятия.

Пример 1. Финансовое оздоровление—реструктуризация долга + инвестиции в оборот (производственное предприятие).

Общий контекст—в наличии имеется завод-должник с 1000 работников, который имеет просроченную задолженность перед банками и поставщиками в размере 500 млн руб. Основная проблема—кассовый разрыв из-за потери крупного заказчика, но технологии и рынки перспективны.

Продебиторские действия арбитражного управляющего таковы: 1) АУ как кризисный менеджер проводит как инвентаризацию, так и глубокий операционный аудит, выявляя ключевые компетенции, незагруженные мощности, потенциальных новых клиентов, тем самым анализируя потенциал; 2) вместо плана «продать активы и заплатить кредиторам», план включает: а) реструктуризацию долга по итогу переговоров АУ с основными банками о рассрочке/отсрочке 70 % основного долга на 3 года с сохранением текущих процентов, конвертации 20 % долга в акции предприятия для мотивации банков к долгосрочному успеху; б) привлечение АУ стратегического инвестора, готового вложить 100 млн руб. в оборотные средства для выполнения нового контракта, в обмен на долю в капитале предприятия; в) операционные меры, такие как оптимизация логистики, сокращение неэффективных издержек, переподготовка отдела продаж и др.

«Правильный» конкурсный контроль состоит в следующем: 1) АУ убедительно представляет план собранию кредиторов, фокусируясь на прогнозе денежных потоков и долгосрочной стоимости бизнеса, показывая, что ликвидационная стоимость активов—200 млн, а восстановленный бизнес за 3 года сможет погасить 400+ млн), 2) комитет кредиторов одобряет ключевые сделки по привлечению инвестиций и реструктуризации контрактов с поставщиками сырья (необходимые для запуска производства по новому контракту), понимая их критическую важность для выполнения плана, 3) собрание кредиторов утверждает план финансового оздоровления, несмотря на давление кредиторов, требующих немедленных выплат.

³⁴ См., напр.: Задорожный А. Без классов кредиторов нет реструктуризации. 12.03.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/03/12/bez_klassov_kreditorov_net_restrukturizacii (дата обращения: 20.05.2025); Anais Alle. Balancing Debtor and Creditors' Interests in Bankruptcy Reorganization Proceedings: Best Practices for the Procedural Design of Claims' Classification. December 2021 URL: <https://bankruptcyroundtable.law.harvard.edu/2022/12/06/balancing-debtor-and-creditors-interests-in-bankruptcy-reorganization-proceedings-best-practices-for-the-procedural-design-of-claims-classification/> (дата обращения: 20.05.2025)

Итогом становится то, что предприятие сохраняется, выполняет новый контракт, восстанавливает обороты. Через 3 года выплачивает реструктуризированный долг с процентами. Кредиторы получают больше, чем при ликвидации. Рабочие места сохранены.

Пример 2. Внешнее управление—реализация непрофильных активов + инвестиции в НИОКР (IT-компания).

Общий контекст—IT-стартап с уникальной разработкой обанкротился из-за перерасхода средств на маркетинг и неудачного выхода на зарубежный рынок. Основная ценность—команда разработчиков и «полуготовый» перспективный продукт. Долг составляет 150 млн руб.

Продебиторские действия внешнего управляющего таковы: 1) оценка ключевой ценности стартапа, исходя из его понимания того, что а) главный актив стартапа—это команда и права интеллектуальной собственности (ИП), а б) любая задержка или распродажа активов «с молотка» приведет к уходу команды и обесцениванию ИП; 2) стратегия внешнего управляющего в этих условиях такова: а) принятие срочных мер по удержанию команды, для чего управляющий немедленно договаривается с ключевыми разработчиками о сохранении зарплаты (возможно, частично отсроченной или в виде опционов) за счет минимального дохода от поддержки старых продуктов и получает предварительное согласие на эти расходы как критически важные от собрания кредиторов, б) продажа непрофильных активов (например, офисная недвижимость и парк служебных авто, не нужных для ядра бизнеса) быстро и прозрачно (через электронные

торги) с направлением вырученных средств не на выплаты, а на финансирование завершения разработки ключевого продукта и проведение пилотных внедрений, в) параллельно поиск стратегического инвестора/крупного заказчика, партнера, готового финансировать завершение разработки в обмен на лицензию или долю.

«Правильный» конкурсный контроль состоит в следующем: 1) комитет кредиторов дает оперативное согласие на сделки по продаже непрофильных активов и на ключевые контракты с пилотными заказчиками, 2) собрание кредиторов план внешнего управления, который предусматривает отсрочку требований кредиторов на 1,5–2 года—время, необходимое для вывода продукта на рынок и получения первых значимых доходов, 3) кредиторы (особенно венчурные) понимают, что потенциальная прибыль от успеха продукта многократно превысит ликвидационную стоимость (которая близка к нулю).

Итогом становится то, что продукт доработан, найден стратегический партнер, компания выходит на окупаемость. Через 2 года начинает выплаты кредиторам (частично деньгами, частично акциями новой успешной компании). Бизнес и инновация сохранены.

**ВОЗМОЖНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРОДЕБИТОРСКОГО ПОДХОДА.**

Что можно сказать в связи с этими примерами? Сейчас Закон о банкротстве создает больше барьеров, чем возможностей для спасения бизнеса. Возможные законодательные изменения для поддержки продебиторского подхода обозначены нами в таблице 2.

Таблица 2

**Возможные законодательные изменения для поддержки продебиторского подхода
в несостоятельности (банкротстве)**

Проблема	Предлагаемое изменение	Цель изменения
1. Слабая роль суда	Усилить активную роль суда на ранних стадиях: — ввести право суда назначать временного управляющего с особыми полномочиями по сохранению бизнеса еще до введения наблюдения по заявлению должника; — обязать суд глубоко оценивать экономическую обоснованность планов и решений собрания кредиторов	Обеспечить оперативное вмешательство и баланс интересов до формального процедуры
2. Слабая защита должника на ранних стадиях процедуры банкротства	Введение «защитного периода» (stay period [14. Р. 615–628]) на стадии наблюдения (30–60 дней), предполагающего автоматический мораторий на удовлетворение всех требований (включая залоговые) и запрет на инициирование новых исполнительных производств.	Дать арбитражному управляющему должнику передышку для анализа ситуации, сохранения денег на счетах, переговоров кредиторами давления арестов и взысканий
3. Абсолютная власть кредиторов	Расширение судебного контроля: суд может отклонить решение кредиторов о переходе к конкурсному производству, если представлен жизнеспособный план реструктуризации с поддержкой значительной части (не обязательно большинства) кредиторов или независимыми экспертами (например, <i>amicus curiae</i> ³⁵)	Предотвратить «хищническую» ликвидацию жизнеспособного бизнеса по воле одного крупного кредитора

³⁵ См. подробнее: Макарова А. Amicus Curiae и его применение в международном инвестиционном арбитраже. 23.02.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/23/amicus_curiae_i_ego_primenenie_v_mezhdunarodnom_investicionnom_arbitrazhe (дата обращения: 20.05.2025)

Проблема	Предлагаемое изменение	Цель изменения
4. Отсутствие стимулов для кредиторов	1) предусмотреть налоговые льготы для кредиторов, согласившихся на реструктуризацию долга (списание части долга, конвертация), 2) закрепить механизм « <i>cram-down</i> » ³⁶ , в рамках которого суд может навязать план реструктуризации несогласному меньшинству кредиторов, если план справедлив и жизнеспособен, а большинство—за	Мотивировать кредиторов к поддержке планов восстановления, преодолеть саботаж со стороны меньшинства
5. Ограниченные полномочия АУ	Предоставить АУ в процедурах ФО/ВУ расширенные полномочия на совершение сделок в рамках утвержденного плана без предварительного согласия КО/СК (в пределах лимитов, установленных планом/судом). Особенно для операционных расходов (зарплата, сырье, текущие контракты)	Ускорить оперативное управление, снизить бюрократию, дать АУ возможность быстро реагировать на рыночные изменения
6. Критерии оценки АУ	Изменить критерии оценки работы АУ и СРО: ввести показатели успешности реструктуризации (сохранение бизнеса, рабочих мест, рост стоимости активов к концу процедуры) наравне с размерами выплат кредиторам	Стимулировать АУ к активным действиям по спасению бизнеса, а не к пассивной распродаже
7. Низкая квалификация АУ в реструктуризации	Ввести обязательную специализацию сертификацию АУ по антикризисному управлению и реструктуризации. Усилить требования к опыту в реальном секторе для сложных дел	Повысить качество управления бизнесом-должником. АУ должен быть не только юристом/оценщиком, но и менеджером
8. Недостаток финансирования ВУ	1) создать государственный/частный фонд финансирования процедур ВУ (субсидии, гарантии под займы), 2) упростить механизм привлечения нового финансирования с предоставлением ему приоритета (например, по аналогии с механизмом «финансирования должника во владении» (Debtor-in-possession financing, DIP Financing ³⁷ ; Закон США о банкротстве прямо допускает такое финансирование, в то время как французское законодательство долгое время рассматривало эту практику как злоупотребление, требуя, чтобы в первую очередь выплачивались вознаграждения сотрудникам и государству, даже если конечным результатом была ликвидация, а не реструктуризация корпорации [15. Р. 130])	Обеспечить необходимые средства для реализации планов оздоровления, которых нет у должника

Источник: составлено автором

Обозначенные выше изменения должны внедряться комплексно. Например, расширение полномочий арбитражного управляющего (п. 5) должно сопровождаться повышением его квалификации (п. 7) и усилением судебного контроля (п. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное демонстрирует, что конкурсный контроль—это многоплановый механизм, инструмент, процедура, элемент несостоятельности (банкротства). Мы будем следить за новыми воплощениями изло-

женных нами и других идей в этой сфере в законодательстве, доктрине и практике, оставляя продолжение исследования этого вопроса на перспективу себе и коллегам.

³⁶ Минэкономразвития готово ввести механизм *cram down* в законопроект о банкротстве. 8 июля 2021. URL: https://xn--c1abvl.xn--plai/news/bankrotstvo_kompaniy/minekonomrazvitiya_gotovo_vvesti_mekhanizm_cram_down_v_zakonoproekt_o_bankrotstve_/?ysclid=md06rf4796574730422 (дата обращения: 20.05.2025)

³⁷ Julian S.H. Chung, Gary L. Kaplan. An Overview of Debtor in Possession Financing. URL: <https://www.friedfrank.com/uploads/siteFiles/Publications/An%20Overview%20of%20Debtor%20Possession%20Financing.pdf> (дата обращения: 20.05.2025)

ЛИТЕРАТУРА

1. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021 С. 101 (477 с.).
2. Болтовский В.М. Конкурсный контроль: как правовая категория института несостоятельности (банкротства). // Вестник арбитражной практики. 2024 № 4. С. 84–90.
3. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М. 2004 С. 77–82.
4. Рукинов М.В. Анализ феномена банкротства с позиций теории экономической безопасности. // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019 № 1 (115). С. 23–27.
5. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. 990 с.
6. Шиткин А.О. Понятие и основания возникновения корпоративного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 5. С. 104–121.
7. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М.: Статут, 2004. 363 с.
8. Лантев В.А. Директивная модель управления корпорациями с участием государства в сфере оборонно-промышленного комплекса. // Правовременник. 2023 Т. 7. № 4. С. 136–145. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145.
9. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Москва: Статут: Консультант плюс, 2004 (ОАО Яросл. полигр. комб.). 538 с. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_21.html?ysclid=mciworqb1q490698807 (дата обращения: 20.05.2025)
10. Суворов Е.Д. Осуществление корпоративных прав при банкротстве корпорации. // Экономическое правосудие на дальнем востоке России. 2021–4 (23). С. 27–34.
11. Беликова К.М. Чат-боты и ИИ-агенты в процедурах банкротства. // Современный юрист. 2025 № 2. (51). С. 119–132.
12. Беликова К.М. Злоупотребление доминирующим положением в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике Европейского Союза и стран Южноамериканского общего рынка -Аргентины, Бразилии и Перу. // Право и политика. 2006 № 7 С. 38–52.
13. Ершова И.В., Енькова Е.Е. Банкротство: законодательная модель и правоприменительная практика. // Lex Russica. 2016 № 8 (117). С. 178–207. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.178-207.
14. Aliya Sandra Dewi, Yuhelson, Dewi Anggraeni. (2024). The Existence of a Stay Period in Bankruptcy That Begins with Postponement of Debt Payment Obligations (PKPU). International Journal of Scientific Multidisciplinary Research, 2(6), 615–628. <https://doi.org/10.55927/ijsmr.v2i6.9920> URL: <https://journal.formosapublisher.org/index.php/ijsmr/article/view/9920> (дата обращения: 20.05.2025)
15. Corporate Restructuring: Lessons from Experience / Michael, Pomerleano and William, Shaw (eds.). The World Bank, Washington, 2005. p. 130 (436 p.). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/4a61a5ff-d581-5a40-b58b-57e415ab17cb/content> (дата обращения: 20.05.2025.)

REFERENCES

1. Shershenovich G.F. The competitive process. 3rd ed. Moscow: Statute, 2021 p. 101 (477 p.).
2. Boltovsky V.M. Competitive control: as a legal category of the institute of insolvency (bankruptcy). *Bulletin of Arbitration Practice*. 2024 No. 4. Pp. 84–90. (in Rus.).
3. Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. Moscow, 2004, Pp. 77–82.
4. Rukinov M.V. Analysis of the bankruptcy phenomenon from the standpoint of the theory of economic security. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2019 No. 1 (115). Pp. 23–27. (in Rus.).
5. Corporate Law: A training course. In 2 vols. Vol. 2. Ed. by I.S. Shitkin. Moscow: Statute, 2018. 990 p.
6. Shitkin A.O. The concept and grounds for the emergence of corporate control. *Economy and law*. 2020. No. 5. Pp. 104–121. (in Rus.).
7. Kulagin M.I. State-monopolistic capitalism and a legal entity. Moscow: Statute, 2004. 363 p.
8. Laptev V.A. The directive model of corporate governance with the participation of the state in the field of the military-industrial complex. *Law enforcement*. 2023 Vol. 7. No. 4. Pp. 136–145. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145. (in Rus.).
9. Pokrovsky I.A. The History of Roman Law. I.A. Pokrovsky. Moscow: Statute: Consultant Plus, 2004 (JSC Yaroslav. polygr. comb.). 538 p. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_21.html?ysclid=mciworqb1q490698807 (accessed: 05/20/2025)
10. Suvorov E.D. The exercise of corporate rights in case of bankruptcy of a corporation. *Economic justice in the Russian Far East*. 2021. No. 4 (23). Pp. 27–34. (in Rus.).
11. Belikova K.M. Chatbots and AI agents in bankruptcy proceedings. *Modern lawyer*. 2025 No. 2. (51). Pp. 119–132. (in Rus.).
12. Belikova K.M. Abuse of a dominant position in the legislation, doctrine and law enforcement practice of the European Union and the countries of the South American Common Market Argentina, Brazil and Peru. *Law and politics*. 2006, No. 7, Pp. 38–52. (in Rus.).
13. Yershova I.V., Enkova E.E. Bankruptcy: legislative model and law enforcement practice. *Lex Russica*. 2016 No. 8 (117). Pp. 178–207. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.178-207. (in Rus.).
14. Aliya Sandra Dewi, Yuhelson, Dewi Anggraeni. (2024). The Existence of a Stay Period in Bankruptcy That Begins with Postponement of Debt Payment Obligations (PKPU). International Journal of Scientific Multidisciplinary Research, 2(6), 615–628. <https://doi.org/10.55927/ijsmr.v2i6.9920> URL: <https://journal.formosapublisher.org/index.php/ijsmr/article/view/9920> (date of request: 05/20/2025).
15. Corporate Restructuring: Lessons from Experience. Michael, Pomerleano and William, Shaw (eds.). The World Bank, Washington, 2005. p. 130 (436 p.). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/4a61a5ff-d581-5a40-b58b-57e415ab17cb/content> (date of request: 05/20/2025).

16. Морхат П.М. К вопросу о концепции банкротного права в российской юрисдикции // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 10-17.

16. Morhat P.M. To the question of the concept of bankruptcy law in the Russian jurisdiction. *Enterprise Law*. 2024. No. 1. Pp. 10–17. (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия на статью «О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий», автора Беликовой Ксении Михайловны.

Банкротная тематика актуальна и не утрачивает актуальности с учетом потребности отечественного правового порядка в формировании современной концепции банкротного права (необходимости формирования в отечественной правовой науке широкой трактовки концепции банкротного права и др.)¹ и иных идей законодателей.

Тематика статьи современная и будет интересна читателям журнала (см. также предыдущий пункт рецензии).

Стиль рецензируемой статьи представляется в должной степени научным. Статья написана научным языком с использованием релевантной юридической терминологии.

Автор на примере положений ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Законопроекта № 1172553-7, положений зарубежных законодательств (Франции, США), доктрины и судебной практики обращается к рассмотрению конкурсного контроля в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий, а именно акцента на продебиторский подход в банкротстве, ориентированный на спасение бизнеса должника, а не только на удовлетворение требований кредиторов, что придает работе требуемую научную новизну.

Из научной новизны (см. предыдущий пункт рецензии) вытекает также теоретическая и практическая значимость. Так, например, автор, среди прочего, показывает примеры применения продебиторского подхода на практике и дает рекомендации по изменению законодательства на основе, в том числе, зарубежного опыта.

На основе изложенного, статья Беликовой К.М. может быть рекомендована к публикации в одном из журналов Юр-БАК.

Рецензент: Морхат П.М., д-р юрид. наук, судья, Арбитражный суд Московского округа, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 86,05%.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025, принята к публикации 19.07.2025

The article was received on 09.07.2025, accepted for publication 19.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беликова Ксения Михайловна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права; ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8068-1616, SPIN-код: 2541-3498, AuthorID: 497601, e-mail: KMBelikova@msal.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia M. Belikova, Dr. Sci. (Law), Prof., Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law; Kutafin Moscow State Law University; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8068-1616, SPIN-code: 2541-3498, AuthorID: 497601, e-mail: KMBelikova@msal.ru

¹ Напр., Морхат П.М. К вопросу о концепции банкротного права в российской юрисдикции // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 10-17 и др.

5.1.3.

Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

Private Law (Civil) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-97-104

УДК: 347.213

ГРНТИ: 10.27

ББК 67.404.12

EDN: AERCOB

**Система вещных прав: о возможных вариантах
построения на современном этапе развития
гражданского законодательства****© Рябзин Роман Александрович**

Верховный Суд Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

rodinzonrom@mail.ru

Аннотация: В статье представлены различные доктринальные подходы к систематизации вещных прав. В отечественной доктрине представлены различные классификации вещных прав, при этом используются разные критерии, что обусловлено отсутствием единства в отношении перечня и содержания ограниченных вещных прав. Причем в большинстве случаев авторы исходят из открытости перечня ограниченных вещных прав. Наиболее распространенной в современной доктрине позицией является систематизация вещных прав в зависимости от содержания вещных правомочий.

Анализ представленных в статье классификаций вещных прав показал отсутствие единых критериев при выстраивании их системы. В рамках каждой из предложенных классификаций авторы в той или иной совокупности группируют вещные права в зависимости от субъекта вещного права, передаваемых правомочий, от объекта вещного права или же от цели существования права — т.е. в рамках одной системы используются различные критерии, что приводит к смешению разнородных явлений, а это в свою очередь рушит всю систематизацию и лишает ее всякого (и практического, и теоретического) смысла.

В результате проведенного исследования в статье предложена двухступенчатая (вертикальная) система вещных прав.

Ключевые слова: система вещных прав, критерии классификации, право собственности, перечень ограниченных вещных прав, права на чужие вещи, владение, пользование, распоряжение, содержание вещных прав

Для цитирования: Рябзин Р.А. Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 97–104. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-97-104. EDN: AERCOB

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-97-104

The System of Property Rights: Possible Options for Composition at the Current Stage of Civil Legislation Development

© Roman A. Ryabzin

The Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

rodinzonrom@mail.ru

Annotation: The article presents various doctrinal approaches to the systematization of property rights. The Russian doctrine presents various classifications of property rights, while using different criteria, due to the lack of unity regarding the list and content of limited property rights. Moreover, in most cases, the authors proceed from the openness of the list of limited property rights. The most common position in modern doctrine is the systematization of property rights depending on the content of property rights.

The analysis of the classifications of property rights presented in the article showed the absence of uniform criteria when building their system. Within the framework of each of the proposed classifications, the authors group property rights in one way or another depending on the subject of property law, the transferred powers, the object of property law, or the purpose of the existence of law – that is, different criteria are used within the same system, which leads to a mixture of different phenomena, and this in turn destroys the whole systematization and deprives it of any (both practical and theoretical) meaning.

As a result of the conducted research, a two-stage (vertical) system of property rights is proposed in the article.

Keywords: system of property rights, classification criteria, ownership rights, list of limited property rights, rights to other people's things, possession, use, disposal, content of property rights

For citation: Ryabzin R.A. The System of Property Rights: Possible Options for Composition at the Current Stage of Civil Legislation Development. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 97–104. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-97-104. EDN: AERC0B

ВВЕДЕНИЕ

Основная особенность вещного права, которая позволяет отграничить вещное право от иных имущественных прав, состоит, в первую очередь, в его объекте—это может быть исключительно вещь, принадлежащая определенному (конкретному) лицу. Еще одна отличительная черта вещных прав состоит в том, что оно закрепляет абсолютное, непосредственное господство конкретного лица над вещью. Обладателю субъективного вещного права противостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от нарушений при осуществлении правомочий владеть, пользоваться и распоряжаться вещью—«своей» в праве собственности и «чужой» в ограниченном вещном праве.

Стоит отметить, что в римском праве для обозначения сервитутов, суперфиция, права залога и ряда иных подобных прав использовался термин «*jura in re*», которым не охватывалось право собственности¹. В более позднее время европейские ученые ввели в обиход термины «*jura in re aliena*», означающее «права на чужие вещи», и «*jura in re propria*», как право полной собственности в отношении своей вещи². Тем самым заложив основу для систематизации вещных прав.

Именно на этом разграничении выстраивалась система вещных прав в дореволюционной доктри-

не. Такой подход к систематизации мы наблюдаем, в частности, в публикациях Д.Д. Гримма, по словам которого «... *Jus in re aliena* противостоят праву собственности в чистом виде—это и составляет систему вещных прав»³. К.П. Победоносцев раскрывает систему более подробно⁴.

В дореволюционной доктрине наиболее известной также является систематизация ограниченных вещных прав, предложенная И.А. Покровским. Ученый предложил сгруппировать вещные права в зависимости от их содержания. В результате все вещные права (к которым автор, в частности, относит и права, традиционно относимые в современном законодательстве к обязательственным) классифицирует следующим образом: 1) права на пользование чужой вещи; 2) права на получение известной ценности из вещи (к примеру, право залога); 3) права на приобретение известной вещи (право преимущественной покупки)⁵. Стоит отметить, что схожая классифика-

³ См., например: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 210.

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Статут, 2002. Ч. I. С. 506.

⁵ По словам ученого, *jura in re aliena* «... называются особые (специальные) права, нарочито выделенные из целого состава полной собственности в известном имуществе и предоставленные стороннему лицу—не собственнику; в лице самого собственника права эти составляют нераздельную часть его власти и для него не обособляются дотле, пока не будут выделены из его власти и не станут возле и против нее, в лице постороннего» (см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 207–208).

¹ Более подробно см.: Гусаков А. К вопросу о теории сервитутного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 8. С. 53.

² См.: Henry Campbell Black, M.A. A Law Dictionary. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1910. P. 678.

ция ограниченных вещных прав приводится в современной юридической литературе Германии⁶.

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ

В настоящее время вопросам систематизации в праве, в том числе систематизации вещных прав, придается повышенное значение. Однако в связи с отсутствием единства в отношении перечня и содержания ограниченных вещных прав неудивительно, что в доктрине предлагаются различные варианты их классификации. В частности, Л.Н. Щенникова считает возможным предложить двухуровневую систему вещных прав: на первом уровне классификации автор разделяет право собственности и иные вещные права, второй уровень представлен группировками ограниченных вещных прав, что уже ставит под сомнение целесообразность такой классификации⁷. Схожим образом классифицирует вещные права Е.А. Суханов, который предлагает сгруппировать их следующим образом: в первую группу ученых объединяет вещные права юридических лиц на имущество, передаваемое им собственником в хозяйственных целях; вторая группа, по предложению Е.А. Суханова, представлена вещными правами по использованию чужих земельных участков; в отдельные группы автор выносит права ограниченного пользования иным недвижимым имуществом (понимая под таким имуществом преимущественно жилые помещения) и права, вытекающие из обеспечения исполнения обязательств—права залога и удержания⁸. По мнению Е.А. Бариновой, разграничивать вещные права следует на поименованные и непоименованные в законе⁹. Подобным образом классифицирует вещные права и М.В. Чередникова, которая в один ряд с ограниченными вещными правами ставит в том числе и право собственности¹⁰.

Наиболее распространенной в современной доктрине позицией является систематизация вещных

прав в зависимости от содержания вещных правомочий. В частности, использует данный критерий В.В. Белов¹¹. Аналогичный критерий использует для систематизации вещных прав А.Б. Бабаев¹².

Еще одна классификация, предложенная в доктрине, включает четыре группы ограниченных вещных прав: к первой группе ее авторы относят права по использованию чужих земельных участков; ко второй—права по использованию чужих жилых помещений; третья группа представлена правами на хозяйствование с имуществом собственника; в четвертую группу объединены обеспечительные права, в числе которых в качестве ограниченных вещных прав авторы называют залог и удержание¹³.

По мнению И.Г. Турчина, систематизировать вещные права по объему принадлежащих правообладателю прав следует в зависимости от целевого назначения, судьбы вещи и принадлежащих субъектам правомочий в отношении вещи¹⁴.

Очевидно, что во всех представленных случаях ученые исходят из убеждения об открытом перечне вещных прав, с чем мы категорически не можем согласиться, как и с иными подходами к систематизации вещных прав, авторы которых не признают закрытого перечня «иных вещных прав»¹⁵. Кроме того,

⁶ Здесь также выделяются: 1) права пользования чужой вещью (Nutzungsrechte)—сервитуты, usufruct, право застройки; 2) права на приобретение чужой вещи (Erwerbsrechte)—преимущественное право покупки, право присвоения результатов использования некоторых сервитутов; 3) права реализации чужой вещи (Verwertungsrechte)—залог, вещные обременения и земельный долг (см.: Baur F., Baur J.F., Stürner R. Sachenrecht. S. 22–25; Wieling H.J. Sachenrecht. S. 6; Wolf M. Sachenrecht. S. 4).

⁷ Ограниченные вещные права подразделяются ею на: 1) вещные права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника; 2) права сервитутного типа; 3) вещные права по использованию земельных участков; 4) правомочия залогодержателя (см.: Щенникова Л.В. Вещное право. Пермь, 2001. 240 с.).

⁸ См.: Бабаев А.Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 207–208.

⁹ К последним Е.А. Баринова относит право пользования жилым помещением членов семьи собственника, аренду, наем жилого помещения, безвозмездное пользование (ссуда), а также всякое иное пользование чужим имуществом, отвечающее вещно-правовым признакам (см.: Турчин И.Г. Система вещных прав, их классификация в дореволюционном и современном отечественном праве // Теория и практика общественного развития. 2015, № 8. С. 109–111).

¹⁰ В соответствии с предложенным М.В. Чередниковой подходом вещные права классифицируются на четыре вида: 1) право собственности; 2) права юридических лиц на осуществление хозяйственной деятельности с использованием имущества собственника; 3) права на пользование чужой вещью; 4) право получения известной ценности из вещи—право залога (Там же).

¹¹ На основе данного критерия В.В. Белов классифицирует вещные права на следующие группы: 1) фактическое владение, пользование и распоряжение соответствующей вещью более или менее абсолютным образом (право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления); 2) фактическое владение более или менее абсолютным образом, а также возникшие под условием возможности пользования и распоряжения (право удержания вещи, залоговое право, соединенное с владением); 3) фактическое владение и пользование более или менее абсолютным образом (право аренды, соединенное с владением); 4) юридическое (зарегистрированное) владения и пользование вещью более или менее абсолютным образом (право аренды недвижимости, право нанимателя недвижимого имущества); 5) юридическое (зарегистрированное) пользование вещью (право постоянного бессрочного пользования земельным участком, сервитуты).

¹² По мнению А.Б. Бабаева, в качестве элементов такой системы следует выделить право собственности, право на владение, право пользования, право на владение и право пользования, при этом автор отмечает, что далее она может иметь разветвленную систему с учетом момента возникновения вещного права (см.: Бабаев А.Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 302–303).

¹³ Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. С. 81.

¹⁴ В результате автор ограничивается двумя группами вещных прав, в одну из которых он определил право собственности, вторая объединила все иные, на его взгляд, вещные права, в числе которых поименованы владение, пользование и частично распоряжение имуществом арендатором, залогодержателем, обладателями права хозяйственного ведения и оперативного управления, пожизненного наследуемого владения земельным участком, постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитута, а также права членов семьи собственника жилого помещения (см.: Турчин И.Г. Система вещных прав, их классификация в дореволюционном и современном отечественном праве // Теория и практика общественного развития. 2015, № 8. С. 109–111).

¹⁵ Отрицание необходимости ограниченного, строго определенного в законе перечня «иных вещных прав» приводит к опасным с позиции практического применения выводам. В частности, по словам З.А. Ахметьяновой, «... перечисление в ГК РФ тех или иных видов вещных прав вряд ли целесообразно, поскольку факт отнесения (или неотнесения) законом того или иного имущественного права к числу вещных, если оно (право) обладает свойствами вещного характера, не имеет какого-либо существенного значения» (см.: Ахметьянова З.А. Вещные права в гражданском праве России // Ци-

обращает на себя внимание факт отсутствия единых критериев при выстраивании системы вещных прав. В рамках каждой из предложенных классификаций авторы в той или иной совокупности группируют вещные права в зависимости от субъекта вещного права, передаваемых правомочий, от объекта вещного права или же от цели существования права—т.е. в рамках одной системы используются различные критерии, что приводит к смешению разнопорядковых явлений, а это в свою очередь рушит всю систематизацию и лишает ее всякого (и практического, и теоретического) смысла.

Так, в своей классификации Л.Н. Щенникова первую группу формирует по субъектному признаку (*вещные права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника*), одну группу—одновременно по признаку правомочий и по объекту (*вещные права по использованию земельных участков*) и в отдельные группы выносит сервитутные права и правомочия залогодержателя. При этом критерий для двух последних групп не ясен. Однако сразу обращает на себя внимание, что смешение в одной классификации сразу нескольких критериев приводит к дублированию двух групп—вещные права по использованию земельных участков прямо соотносятся с сервитутными правами.

Схожие проблемы наблюдаются и в иных представленных в доктрине классификациях вещных прав. Так, не лишена недостатков и система В.В. Белова, в основу которой положен критерий содержания вещных прав. Во-первых, при описании элементов такой системы ученый использует применительно к правомочиям такие формулировки как «более или менее» (к примеру, *фактическое владение, пользование и распоряжение соответствующей вещью более или менее абсолютным образом*—к данной группе, напомним, автор относит право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления). На наш взгляд, настолько «размытые» по восприятию оценочные категории не могут и не должны использоваться применительно к элементам системы, поскольку не дают достаточной уверенности по однозначному отнесению к данной группе тех или иных прав. Во-вторых, в предложенной им системе также наблюдается пересечение (дублирование) отдельных ее элементов. Так, право аренды (которое автор признает вещным) одновременно упоминается им в разных группах—1) фактического владения и пользования более или менее абсолютным образом и 2) юридического (зарегистрированного) владения и пользования вещью более или менее абсолютным образом. А право постоянного бессрочного пользования земельным участком, отнесенное им к группе юридического пользования вещью, может быть также отнесено и к иной группе юридического владения и пользования вещью, поскольку предполагает не только правомочие пользования, но и владения.

В этой связи еще раз стоит вспомнить справедливое высказывание О.А. Красавчикова, который критиковал использование юристами при построении единой классификации два и более критерия. По его словам, классификация теряет всякий научный интерес при

использовании более одного критерия, ведь «... она становится произвольным, случайным нагромождением явлений и фактов, вещей и обстоятельств»¹⁶.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Следует признать, что классификации в праве дают возможность не только обобщить и систематизировать полученные о различных явлениях научные знания. Их прикладное значение заключается в том, что изложенные в четком соответствии с требованиями любой систематизации классификации (или признание в невозможности такой систематизации) позволяют выявить проблемы и недостатки в полученных выводах и при необходимости реализовать их в практической деятельности, в том числе посредством совершенствования действующего законодательства—ведь от того, в какую группу будет отнесено то или иное явление в зависимости от выбранного для систематизации критерия, зависят применяемые правовые последствия. Кроме того, при определении системы вещных прав следует исходить из того, по сути любая система—это не просто совокупность определенных элементов, между такими элементами должны существовать межсистемные связи¹⁷.

Убеждены, что в условиях закрытости перечня ограниченных вещных прав система вещных прав может включать в себя только те права, которые полностью соответствуют вещно-правовым признакам (в их совокупности, а не в единстве)¹⁸. Поэтому априори из системы вещных прав мы исключаем обязательственные права, которые обладают отдельными свойствами вещного характера. Однако и без этого классификация вещных прав, прямо поименованных в законе, вызывает немалые сложности, обусловленные спецификой каждого «иного вещного права». Такие права представляют собой сложные разнонаправленные по цели и содержанию юридические кон-

¹⁶ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 86–87.

¹⁷ В философии система рассматривается как общенаучное понятие, которое выражает совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и со средой, образующих определенную целостность, единство (См.: Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 70).

¹⁸ Критикуя доктринальные призывы об отказе от принципа установления закрытого перечня вещных прав в законе, А.А. Иванов дал комментарии о невозможности отмены этого важного принципа регулирования, поскольку он пресекает дискуссии о том, какое право обладает вещной защитой, т.е. защитой, действующей против третьих лиц (см.: Исрафилов И.М. О системе вещного законодательства // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 112–116). Примером негативных последствий игнорирования закрытого перечня вещных прав явилась практика вселения в квартиры лиц, чьи права на приватизацию были ущемлены прежними собственниками. А.А. Иванов указал, что эта практика стала поводом для принятия КС РФ постановления о преимуществе виндикации перед реституцией, при том что сам КС РФ эту проблему и породил, когда позволил вселять в квартиры лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Таким образом, введение закрытого перечня вещных прав позволит избежать «разнобоя в судебной практике» при определении того, является ли конкретное право вещным (см.: Выступление А.А. Иванова на конференции «Модернизация Гражданского кодекса РФ» в рамках II Петербургского Международного юридического форума, 16–19 мая 2012 г.).

струкции, что не позволяет четко отграничить одну группу прав от другой¹⁹. Поэтому выбор критерия классификации является одной из, пожалуй, сложных задач в построении системы вещных прав²⁰.

Анализ классификаций вещных прав позволяет их сгруппировать по двум основным направлениям. Первое направление основано на понимании ограниченных вещных прав как результата выделения из права собственности отдельных правомочий. Представители второго направления в принципе отрицают возможность выделения из права собственности каких-либо правомочий, вследствие чего признают параллельное существование права собственности и «иных вещных прав»²¹.

Это означает, что в первом случае отнесение к системе вещных прав того или иного права будет напрямую зависеть от возможности выделения из права собственности отдельных правомочий владения, пользования и распоряжения. Поскольку при втором подходе вопрос о выделении правомочий вообще не ставится, это гипотетически дает больше возможностей для признания какого-то права вещным, так как упор в этом случае делается на право следования (и иные отдельные признаки вещных прав). Иными словами при таком понимании ограниченных вещных прав к ним становится возможным отнести и обязательственное право²².

¹⁹ Как справедливо отмечено в юридической литературе, появление искусственно созданных «... для нужд плановой экономики права оперативного управления и хозяйственного ведения, которые, хотя и объявлены законом вещными, в действительности не соответствуют ни существу, ни признакам ограниченных вещных прав» (см.: Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008. 731 с.).

²⁰ Как справедливо отмечает К.П. Победоносцев, «... система юридических отношений не может иметь математической точности, но система необходима для размещения понятий в совокупности их и взаимной связи: и построение системы может, конечно, изменяться в подробностях, смотря по тому, что представляется в том или другом предмете—существенным, отличительным признаком, понуждающим отнести его к вотчинным правам или к обязательствам» (см.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Вотчинные права. СПб.: Синод. тип., 1896. Ч. 1. С. 119). Основываясь на данном утверждении, З.А. Ахметьянова дает заслуживающее внимания определение системы вещных прав как «совокупности имущественных прав вещно-правового характера и связей между ними, которые проявляются в действиях управомоченных субъектов по отношению к объектам вещных прав, в том числе во взаимодействиях между такими субъектами и иными участниками гражданского оборота» (см.: Ахметьянова З.А. Вещное право. М.: Статут, 2011. 360 с.).

²¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 119–126 (автор комментария к п. 1.20 ст. 307—А.Г. Карапетов); Краснова Т.С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: монография. М., 2020. С. 151–161; Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ). М., 2011. С. 83–81; Он же. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 12. С. 158–159.

²² Коренное отличие предлагаемого подхода от иных существующих в теории гражданского права состоит в том, что право собственности и обременения вещи не относятся к одной группе вещных прав, а ограниченные права (обязанности), имеющие свойство следования, составляют единую группу обременений вещи независимо от того, относятся ли они к вещным или обязательственным правам (более подробно см.: Алексеев В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. № 8. С. 82–92). Похожую позицию сформулировал А.О. Рыбалов, который предложил «создать

Право собственности предполагает полное абсолютное вещное право, от которого производны «иные вещные права». Последние настолько разнонаправлены, как по содержанию, так и по целеполаганию, что следует признать, объединяет их только одно—защищаемые от всех третьих лиц установленные законом имущественные права не собственника на чужую вещь, которые ограничены по содержанию в сравнении с полным правом собственности. Однако их содержание априори предполагает предоставление собственником вещи определенных правомочий (или их комбинаций), требуемых в соответствии с законом для удовлетворения интереса управомоченного лица в извлечении благ из вещей, являющихся объектом прав, поскольку такой интерес возможно удовлетворить исключительно посредством одного, двух или всех трех представляемых субъекту правомочий. Именно это позволяет объединить «иные вещные права» в единую группу ограниченных вещных прав. И поэтому мы характеризуем право собственности как полное вещное право, содержание которого представлено всегда всей совокупностью триады правомочий, и предполагаем ограниченность «иных вещных прав», производных от права собственности.

Исходя из изложенного следует согласиться с первым подходом, согласно которому ограниченные вещные права предполагают выделение из права собственности определенных правомочий. Однако считаем возможным признать частично верной и вторую позицию о самостоятельности ограниченных вещных прав наравне с правом собственности. Несмотря на то, что «иные вещные права» производны от права собственности (что ведет к их взаимному ограничению при осуществлении права собственности, основанного на нем «ином вещном праве»), факт их самостоятельного существования отрицать нельзя. Ведь все вещные права определяют отношение управомоченного лица к вещи, которое своими собственными действиями в своем собственном интересе использует вещь, при этом исключая из такого воздействия всех третьих лиц.

Поэтому считаем, что на настоящем этапе развития гражданского законодательства единственно возможной классификацией вещных прав является их деление на право собственности и ограниченные вещные права, без дальнейшей систематизации «иных вещных прав». Примечательно, что в основу такого деления могут быть одновременно положены два (наиболее распространенные) доктринальных критерия. Первым критерием такой классификации является принадлежность вещи как объекта вещного права—право собственности на «свои» и иные вещные права на «чужие» вещи. Вторым критерий заключается в объеме господства субъекта над вещью—полное господство характеризует право собственности, а ограниченный в соот-

единую категорию для всех прав со свойством следования, т.е. обременяющих право собственности, полагая, что нужно строить не изолированную систему вещных прав, а общую систему обременений права собственности», в которую в качестве раздела будут входить вещные права, вещные обременения и др. (см.: Рыбалов А.О. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 12. С. 157–163).

ветствии с законом объем правомочий характерен для «иных вещных прав»²³. При этом право собственности и ограниченное вещное право, производное от первого, всегда будут конкурировать и противопоставляться друг другу, поскольку они обоюдно ограничивают их обладателей в осуществлении своих правомочий²⁴. В таких системообразующих связях заключается необходимые признаки любой системы как совокупности ее элементов, и системы вещных прав, в частности,— отдельных вещных прав, согласованных между собой, составляющих целостность и единство.

²³ Некоторые авторы при классификации вещных прав исходят из количественного критерия, по мере наполнения содержания конкретного вещного права. Так, В.С. Шишкина рассматривает право собственности как самое полное вещное право, после которого в очередность ставит право хозяйственного ведения имуществом, право оперативного управления имуществом и другие более ограниченные вещные права (см.: Шишкина В.С. Вещные права предпринимателя // Под ред. В.Ф. Яковлевой, В.Ф. Попондопуло. СПб., 1993. С. 64). С таким подходом сложно согласиться, поскольку в этом случае сама систематизация теряет всякий смысл—мы имеем дело с простым перечислением в определенной последовательности известных ограниченных вещных прав без их деления на группы.

²⁴ Поэтому мы не можем согласиться с выводами, сформулированными Д.В. Дождевым, который отмечает самоценность ограниченных вещных прав и применительно к сервитутам особо подчеркивает, что они не конкурируют с правом собственности. По словам ученого «Сопоставление с модельным вещным правом—с правом собственности—повлияло на распространение в цивилистике трактовки специальных вещных прав как ограниченных или парциальных (частичных), но эти права самоценны. Их специфика заключается в том, что они не конкурируют с правом собственности (хотя и могут ограничивать правомочия собственника)». И далее: «Сервитуты и право собственности не являются конкурирующими правами: установление сервитута не отрицает право собственности как таковое, но затрагивает (не в большей степени, чем физические свойства участка) возможности отправления некоторых правомочий собственника» (см.: Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник. С. 455, 466.) Самоценность ограниченных вещных прав можно признать только с позиции их значимости для обеспечения потребностей обладателя субъективного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом изложенного нами может быть предложена двухступенчатая (вертикальная) система вещных прав: основу такой классификации составляет право собственности, от которого всегда производны иные вещные (ограниченные) права.

Дальнейшее деление ограниченных вещных прав нецелесообразно ввиду отсутствия в настоящее время единого критерия их систематизации.

Поскольку иные вещные права, будучи производными от права собственности, всегда существенно ограничивают последнее, считаем, что установленные ограниченные вещные права следует рассматривать как исключение, поэтому следует избегать необоснованного расширения перечня ограниченных вещных прав—решение об интегрировании в систему вещных прав иных прав должно приниматься исключительно по инициативе законодателя с учетом потребностей гражданского оборота вещей, особенностей осуществления правомочий в отношении вещей и существенной необходимости в вещно-правовой защите прав их владельцев²⁵.

²⁵ Именно поэтому мы категорически не согласны с предложением авторов Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и разработчиков основанного на ее положениях проекта Федерального закона № 47538–6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в части максимально расширенного списка ограниченных вещных прав. Как указано в Пояснительной записке к проекту Федерального закона № 47538–6/13, «... Данный подраздел предусматривает введение в действующее российское законодательство широкого набора ранее не известных ему ограниченных вещных прав, призванных охватить максимально широкий круг случаев, в которых одно лицо имеет экономическую потребность в пользовании имуществом другого лица» (см.: Система обеспечения законодательной деятельности. Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6>).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Henry Campbell Black, M.A. A Law Dictionary. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1910. 1314 p.*
2. *Алексеев В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. № 8. С. 82–92.*
3. *Ахметьянова З.А. Вещное право. М.: Статут, 2011. 360 с.*
4. *Ахметьянова З.А. Вещные права в гражданском праве России // Цивилист. 2006. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».*
5. *Бабаев А.Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. 408 с.*
6. *Выступление А.А. Иванова на конференции «Модернизация Гражданского кодекса РФ» в рамках II Петербургского Международного юридического форума, 16–19 мая 2012 г.*
7. *Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. 496 с.*
8. *Гусаков А. К вопросу о теории сервитутного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 8. С. 48–89.*
9. *Дождев Д.В. Римское частное право. М.: НОРМА,*

REFERENCES

1. *Henry Campbell Black, M.A. A Law Dictionary. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1910. 1314 p.*
2. *Alekseev V.A. Property of succession, encumbrance of immovable property and the system of rights to real estate. Law. 2022. No. 8. 3p. 82–92. (in Rus.).*
3. *Akhmetyanova Z.A. Property law. Moscow: Statute, 2011. 360 p.*
4. *Akhmetyanova Z.A. Real rights in the civil law of Russia. Civilist. 2006. No. 1. SPS «ConsultantPlus». (in Rus.).*
5. *Babaev A.B. System of real rights. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 408 p.*
6. *Speech by A.A. Ivanov at the conference «Modernization of the Civil Code of the Russian Federation» at the II St. Petersburg International Legal Forum, May 16–19, 2012.*
7. *Grimm D.D. Lectures on the dogma of Roman law. Moscow: Zertsalo, 2003. 496 p.*
8. *Gusakov A. On the question of the theory of servitude law. Journal of Civil and Criminal Law. 1884. Book 8. Pp. 48–89. (in Rus.).*
9. *Dozhdev D.V. Roman private law. Moscow: NORM,*
10. *Fulfillment and termination of obligations:*

2022. 784 с.
10. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 119–126 (автор комментария к п. 1.20 ст. 307 А.Г. Карапетов).
 11. Ибрафиллов И.М. О системе вещного законодательства // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 112–116.
 12. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
 13. Краснова Т.С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: монография. М., 2020. 255 с.
 14. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Статут, 2002. Ч. I. 800 с.
 15. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Восточные права. СПб.: Синод. тип., 1896. Ч. I. 745 с.
 16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с.
 17. Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
 18. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008. 731 с.
 19. Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ). М., 2011. С. 83–81.
 20. Рыбалов А.О. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 12. С. 157–163.
 21. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 511 с.
 22. Турчин И.Г. Система вещных прав, их классификация в дореволюционном и современном отечественном праве // Теория и практика общественного развития. 2015, № 8. С. 109–111.
 23. Шишкина В.С. Вещные права предпринимателя // Под ред. В.Ф. Яковлевой, В.Ф. Попондопуло. СПб., 1993. 192 с.
 24. Щенникова Л.В. Вещное право. Пермь, 2001. 240 с.
 - commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Pp. 119–126 (the author of the commentary to paragraph 1.20 of art. 307 A.G. Karapetov).
 11. *Israfilov I.M.* About the system of property legislation // *Russian Law Journal*. 2010. No. 3. Pp. 112–116.
 12. *Krasavchikov O.A.* Legal facts in Soviet civil law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 183 p.
 13. *Krasnova T.S.* Autonomy of the will and its limitation in servitude law: monograph. Moscow, 2020. 255 p.
 14. *Pobedonostsev K.P.* Course of civil law. Moscow: Statute, 2002. Part I. 800 p.
 15. *Pobedonostsev K.P.* Course of civil law: Patrimonial rights. St. Petersburg: Synod. type., 1896. Ch. 1. 745 p.
 16. *Pokrovsky I.A.* The main problems of civil law. Moscow: Statute, 2001. 354 p.
 17. The right of ownership: actual problems. Ed. by V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov. Moscow: Statute, 2008. 731 p.
 18. Property law: actual problems. Ed. by V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov; Institute of Legislation. and compare it. Law Studies. Moscow: Statute, 2008. 731 p.
 19. *Rybalov A.O.* The right of ownership (commentary to art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation). Moscow, 2011. Pp. 83–81.
 20. *Rybalov A.O.* Theses on the system of encumbrances of property rights. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2021. No. 12. Pp. 157–163. (in Rus.).
 21. *Modern Philosophy: Dictionary and textbook*. Rostov n/A: Phoenix, 1996. 511 p.
 22. *Turchin I.G.* The system of property rights, their classification in pre-revolutionary and modern Russian law. *Theory and practice of social development*. 2015, No. 8. Pp. 109–111. (in Rus.).
 23. *Shishkina V.S.* Property rights of an entrepreneur. Ed. by V.F. Yakovleva, V.F. Popondopulo. St. Petersburg, 1993. 192 p.
 24. *Schennikova L.V.* Property law. Perm, 2001. 240 p.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства» автора Рябина Романа Александровича.

Отношения внутри любого правового института нуждаются в систематизации будь то юридические лица, вещные права, способы их защиты, обязательства и др., так как система придает правому регулированию полноту, легкость и определенность. В случае рецензируемой статьи автор делает предметом своего внимания систематизацию вещных прав, составляющих основу любого общества. Это делает статью актуальной и значимой с позиции анализа как текущего состояния, так и перспектив.

Тематика статьи не утрачивает актуальности и будет интересна читателям журнала.

Стиль рецензируемой статьи представляется в должной степени научным. Статья написана научным языком с использованием релевантной юридической терминологии.

Научная новизна определяется ставящейся целью — исследовать систему вещных прав с позиции изучения возможных вариантов построения на современном этапе развития гражданского законодательства, а также комплексным подходом на основании исследования доктрины с акцентированием достоинств и недостатков каждой из исследуемых авторских позиций.

Автор полагает, что «...в условиях закрытости перечня ограниченных вещных прав система вещных прав может включать в себя только те права, которые полностью соответствуют вещно-правовым признакам (в их совокупности, а не в единстве)» (с. 100). Эта идея подтверждается и на последующих страницах работы (напр.: «...отношение к системе вещных прав того или иного права будет на прямую зависеть от возможности выделения из права собственности отдельных правомочий владения, пользования и распоряжения.» и «Исходя из изложенного следует согласиться с первым под-

ходом, согласно которому ограниченные вещные права предполагают выделение из права соственности определенных правомочий.». И далее: «С учетом изложенного нами может быть предложена двухступенчатая (вертикальная) система вещных прав: основу такой классификации составляет право собственности, от которого всегда производны иные вещные (ограниченные) права.». Тем самым автор вносит вклад в аргументацию излагаемого подхода с позиции теории, что полезно для практики.

Статья «Система вещных прав: о возможных вариантах построения на современном этапе развития гражданского законодательства» рекомендуется к опубликованию в журнале «Пробелы в российском законодательстве» (Издательский дом «Юр-ВАК») в представленном виде.

Рецензент: Беликова К.М., д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат».

Статья поступила в редакцию 05.07.2025, принята к публикации 15.07.2025

The article was received on 05.07.2025, accepted for publication 15.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябзин Роман Александрович, канд. юрид. наук, судья; Верховный Суд Российской Федерации; г. Москва, Российская Федерация, e-mail: rodinzonrom@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Ryabzin, Cand. Sci. (Law), Judge; The Supreme Court of the Russian Federation; Moscow, Russian Federation, e-mail: rodinzonrom@mail.ru

5.1.3.

Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

Private Law (Civil) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-105-112

УДК: 346, 347

ГРНТИ: 10.27.51, 10.23.01

EDN: AJDAMY

Цифровой Госплан: основные параметры, подходы к правовому регулированию, необходимость макетирования, вызовы и перспективы

© Беликова Ксения Михайловна

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

г. Москва, Российская Федерация

KMBelikova@msal.ru

Аннотация: С позиции анализа предлагаемой экспертами научного и образовательного сообщества и обсуждаемой практикой идеи подготовки единой цифровой модели планирования – цифрового Госплана – в статье рассматриваются основные параметры, подходы к правовому регулированию, необходимость макетирования, вызовы и перспективы его разработки и внедрения. В работе использован диалектический метод, иные обще- и научно-научные методы (сравнительно-правовой, исторический, анализ, синтез и др.). Автор отмечает, что идея создания автоматизированной системы сбора и обработки данных для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) обсуждалась в СССР, но в то время не была поддержана; очерчивает контуры стратегии России по обретению технологической независимости путем снижения зависимости от иностранных технологий и обеспечения информационной безопасности и контроля (путем введения цифрового рубля, правового регулирования платформенной экономики, ввода в эксплуатацию отечественного мессенджера Мах и др.). Примеры зарубежных моделей/подходов к достижению эффекта, аналогичного тому, который заявлен при внедрении цифрового Госплана, демонстрируют достижения в рассматриваемой сфере ряда других стран и их союзов (Китай, США, ЕС). Автор раскрывает теоретическую основу идеи цифрового Госплана, подчеркивая, что может быть полезен известный опыт СССР в таких вопросах как – как создать и в каком порядке запустить в производство изделие, как работали министерства и научно-производственные объединения, какова была отраслевая и техническая специализация, каковы были задачи Госплана в СССР и проч. Рассматривая порядок запуска новых изделий в производство, автор акцентирует грани возможного применения цифрового Госплана в планировании на современном этапе, отмечая, что сейчас Госплан не будет диктовать жесткие требования, а выступает скорее как координатор и помощник, предоставляя поддержку через государственные заказы, налоговые льготы, инвестиционную поддержку регулирование качества и стандартов. Автор показывает перспективы применения алгоритмов и систем искусственного интеллекта и автоматизации на основе цифрового Госплана путем интеграции для придания синергии межведомственному и иному (между предприятиями, между предприятиями и государственными органами и т.п.) взаимодействию и др. и дает ряд рекомендаций по внедрению цифрового Госплана.

Ключевые слова: Цифровой Госплан, технологическая независимость, информационная безопасность, автоматизированная система сбора и обработки данных, учет, планирование и управление

Для цитирования: Беликова К.М. Цифровой Госплан: основные параметры, подходы к правовому регулированию, необходимость макетирования, вызовы и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 105–112. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-105-112. EDN: AJDAMY

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-105-112

Digital State Plan ("Gosplan"): Key Parameters, Approaches to Legal Regulation, the Need for Modeling, Challenges and Prospects

© Ksenia M. Belikova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

KMBelikova@msal.ru

Annotation: From the perspective of analyzing the idea of preparing a unified digital planning model, the digital State plan proposed by experts from the scientific and educational community and discussed by practitioners is examined in the article. The article touches upon the main parameters, approaches to legal regulation, the need for prototyping, and challenges and prospects for the development and implementation of this idea. The work uses dialectical and other general and specific scientific methods, such as comparative legal analysis, historical analysis, synthesis, and others. The author notes that the idea for creating an automated system for collecting and processing data for accounting, planning, and managing the national economy (OGAS) was discussed in the USSR but was not implemented at that time. The text outlines the contours of Russia's strategy to gain technological independence by reducing dependence on foreign technologies and ensuring information security and control including the introduction of a digital ruble and legal regulation of platform economies, the commissioning of domestic messengers such as Max, etc. to implement the idea discussed. Examples of foreign models (of the EU, USA, China) for achieving an effect similar to that stated are given. The author reveals the theoretical basis for the idea of digital State plan and emphasizes that the experience of the USSR in creating and launching products, working with ministries, scientific and production associations, and defining industry and technical specializations is useful. The author emphasizes the aspects of the possible use of digital State plan in planning at the present stage saying that the State plan will no longer dictate strict requirements but rather act as a coordinator and assistant providing support through government orders, tax incentives, investment support, quality regulation, and standards. The prospect of using algorithms and artificial intelligence systems based on the digital State plan, through integration, for example, by way of synergy between inter-departmental interaction and other interactions (between enterprises and government agencies, etc.), is shown. A number of recommendations are provided for implementing the digital State plan.

Keywords: Digital State Plan ("Gosplan"), technological independence, information security, automated data collection and processing system, accounting, planning and management

For citation: Belikova K.M. Digital State Plan ("Gosplan"): Key Parameters, Approaches to Legal Regulation, the Need for Modeling, Challenges and Prospects. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 105–112. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-105-112. EDN: AIDAMY

ВВЕДЕНИЕ

Эксперты ведущих российских вузов (МГТУ им. Н.Э. Баумана, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГУ, Московский финансово-юридический университет) предложили разработку и внедрение цифровой системы Госплана¹. Цифровая система Госплана может интегрировать существующие государственные информационные системы, в том числе налоговую службу (ФНС), таможенную службу (ФТС), Казначейство, Минпромторг и Минцифры развития, а также подключить другие государственные органы и компании, участвующие в проектах госзакупок. Предложение

также предусматривает интеграцию системы с ГАС «Управление» (межведомственное управление), ГАС «Электронный бюджет» (исполнение федерального бюджета), ЕИС (госзакупки), «Гостех» (платформа для создания госинформсистем), ГИСП (большие данные в сфере промышленности), АИС «Налог-3» (система ФНС), ЕАИС ТО (система таможенных органов).

Эксперты предлагали с 2024 г. подготовить единую цифровую модель планирования, а с 2025 года—создать органы цифрового планирования. В рамках этого проекта целевые показатели должны были быть достигнуты за счет пятилетних планов (как во времена СССР), начиная с 2025 года.

Эксперты считают необходимым запустить пилотный проект цифрового Госплана в 2023 году, сосредоточившись на отечественных отраслях—радиоэлектронике и автомобилестроении, полагая, что впоследствии система может быть масштабирована

¹ Бойко А. Эксперты ведущих вузов предложили правительству создать цифровой Госплан. 14 февраля 2023 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/14/962817-eksperti-vuzov-predlozhili-sozdat-tsifrovoy-gosplan> (дата обращения: 24.07.2025)

на такие сектора, как нефтехимия, сельское хозяйство, транспорт и медицина².

Рассмотрим и проанализируем в настоящей статье основные параметры, подходы к правовому регулированию, необходимость макетирования, вызовы и перспективы разработки и внедрения цифрового Госплана.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость обусловлена целью исследования, кругом исследованных источников и проблем.

При рассмотрении названного вопроса автор исходит из объективно-субъективной заданности мира, опираясь в исследовании на диалектику, как метод аргументации, форму и способ рефлексивного теоретического мышления, и частно-научные методы исследования (напр., сравнительно-правовой метод и др.), метод функционального анализа и т.д.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ИДЕИ ЦИФРОВОГО ГОСПЛАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Идея создания автоматизированной системы сбора и обработки данных для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) обсуждалась в СССР³, но в то время не была поддержана, поскольку в неразвитом состоянии находилась кибернетика, тогда как экономика позволяла находиться на уровне стагнации⁴ [1; 2. С. 132–138; 3. С. 395–409].

В настоящее время стратегия России ставит во главу угла *технологическую независимость путем снижения зависимости от иностранных технологий и информационную безопасность и контроль*, в частности:

— 15 июля 2025 года Госдума приняла во вторым и третьем чтениях закон, который обязывает банки предоставлять клиентам возможность проводить операции с использованием цифровых рублей и универсального QR-кода. Закон вступит в силу с 1 сентября 2026 года. Согласно этому закону, все банки в России должны будут соблюдать это требование с 1 сентября, при этом массовое внедрение цифрового рубля начнется с крупнейших банков и ритейлеров⁵;

— с 1 октября начнется официальное регулирование платформ и платформенной экономики в России⁶, призванное урегулировать отношения между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг и т.д.),

— запущенный в марте 2025 года российский мессенджер MAX⁷ и др.

Так, существуют *стратегические программы*, в том числе «Программа цифровой экономики» (2017–2024 годы)⁸, направленная на развитие экосистемы, модернизацию инфраструктуры и рост экспорта ИТ, *Национальная стратегия в области искусственного интеллекта (2030 год)*⁹, ориентированная на НИОКР, инфраструктуру и этический искусственный интеллект, *Концепция развития технологий машиночитаемого права (2021 год)*¹⁰, призванный систематизировать представления о машиночитаемом праве и основных направлениях развития соответствующих технологий, цифровизации судебной деятельности (например, *Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы*¹¹ [4. С. 13–28]) и др.¹²

Но в то же время среди *проблем в реализации* есть, например, зависимость от западных технологий, а именно:

— *в общественной инфраструктуре по-прежнему используется иностранное оборудование/программное обеспечение*¹³,

— *доля цифровой экономики низкая* (3,9% ВВП против 10,9% в США [5]),

— *плохие показатели в глобальных рейтингах* (напр., 41-е место в Networked Readiness [6. Р. 439–498]) и т.д.

Требуется отметить в этой связи, с одной стороны, что всем известен опыт работы СССР, например: как создать и в каком порядке запустить в производство изделие, как работали министерства и научно-производственные объединения, какова была отраслевая и техническая специализация, каковы были задачи Госплана в СССР и проч., с другой стороны, известны зарубежные модели развития механизмов, отчасти или отдаленно сходных с предлагаемой идеей цифрового Госплана (Таблица 1).

² Там же.

³ См., напр.: В.М. Глушков—идеолог и один из создателей индустрии АСУ в СССР. Автоматизированные системы управления (АСУ). URL: <https://glushkov.su/ogas?ysclid=mdh4i0e5er187253817> (дата обращения: 24.07.2025)

⁴ См., напр.: Кутейников А.В. Проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960–1980-х гг. Дисс...канд. истор. наук.—М., 2011.—252 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/proekt-obshchegosudarstvennoi-avtomatizirovannoi-sistemy-upravleniya-sovetskoi-ekonomikoi-og?ysclid=mdnky4u1cl593486855> (дата обращения: 28.07.2025)

⁵ См.: Госдума определила сроки массового внедрения цифрового рубля. 15.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250715/gosduma-2029259047.html?ysclid=md4yidd511736188917> (дата обращения: 15.07.2025)

⁶ См.: Госдума приняла закон о платформенной экономике. 22 июля 2025 года. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1037465> (дата обращения: 24.07.2025)

⁷ Пилаев И.В. Национальный мессенджер MAX будет подключен к госуслугам с 8 апреля 2025 года. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2025/04/07/ekspert-nacionalnyy-messendzher-max-tozhe-podklyuchat-k-gosuslugam> (дата обращения: 24.07.2025)

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 28.07.2025)

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 14.10.2022).

¹⁰ Утверждена 15 сентября 2021 года на заседании Правительственной комиссии по цифровому развитию и использованию информационных технологий. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402785971/?ysclid=mdh8ot02c1792335203> (дата обращения: 24/07/2025)

¹¹ См.: Концепция информационной политики для судебной системы на 2020–2030 годы (утверждена Советом судей Российской Федерации 27 февраля 2021 года). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/?ysclid=mdh8rvbu4h908722332> (дата обращения: 24/07/2025); Лаптев В.А. Искусственный интеллект в суде—это одна из инстанций. 26 августа 2024 г. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (дата обращения: 24/07/2025)

¹² Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике. // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5 (114). С. 3–10.

Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 158–165.

¹³ См., напр.: Импортозамещение информационных технологий в промышленности. 2025/07/04. URL: https://tadviser.com/index.php/Article: Import_substitution_of_information_technologies_in_industry (дата обращения: 24/07/2025)

Таблица 1

Примеры зарубежных моделей/подходов к достижению эффекта,
аналогичного тому, который заявлен при внедрении Цифрового Госплана

Страна/регион	Ключевые особенности	Уроки для России
Европейский Союз	Единый цифровой рынок—стратегия, направленная на то, чтобы экономика, промышленность и общество Европы в полной мере воспользовались преимуществами новой цифровой эры ¹⁴ ; Общий регламент по защите данных (GDPR) ¹⁵ ; Индекс цифровой экономики и общества (DESI), отслеживающий возможности подключения/навыки ¹⁶ и т.д.	Баланс между регулированием и инновациями
Китай	Цифровая трансформация Китая в инфраструктуре национальной экономики и требования к технологической самодостаточности [7]; «Великая киберстена» («Cyber Great Wall») ¹⁷ и слияние систем видеонаблюдения/искусственного интеллекта ¹⁸ ; право и запрос на технологическую самодостаточность.	Использование масштаба для доминирования отечественных технологий
США	Частный сектор (например, «Билль о правах в области искусственного интеллекта» ¹⁹); ориентированная на оборону кибербезопасность; системы оценки, основанные на эконометрических подходах к последствиям и результатам принятия управленческих решений (Regional Economic Models, Inc. (REMI) & Computable General Equilibrium (CGE)) ²⁰ и др.	Инновации через дерегуляцию

Источник: составлено автором

Теоретическая основа идеи цифрового Госплана: основные параметры и подходы к правовому регулированию.

На основе сказанного представляется, что на сегодняшний день задача создания Цифрового Госплана и его внедрения может быть определена как ответ

¹⁴ Digital single market for Europe. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/digital-single-market/> (accessed: 24/07/2025)

¹⁵ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 08.06.2025)

¹⁶ Broadband Connectivity in the Digital Economy and Society Index. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi-connectivity> (accessed: 24/07/2025)

¹⁷ Chinese Views on the Information «Center of Gravity» / The Jamestown Foundation. 16 Apr. 2015. URL: <https://jamestown.org/program/chinese-views-on-the-information-center-of-gravity-space-cyber-and-electronic-warfare/> (accessed: 24/07/2025)

¹⁸ Ilaria Mazzocco. The AI-Surveillance Symbiosis in China. July 27, 2022. URL: <https://bigdatachina.csis.org/the-ai-surveillance-symbiosis-in-china/> (accessed: 24/07/2025)

¹⁹ Blueprint for an AI Bill of Rights. Making automated systems work for the American people. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed: 24/07/2025)

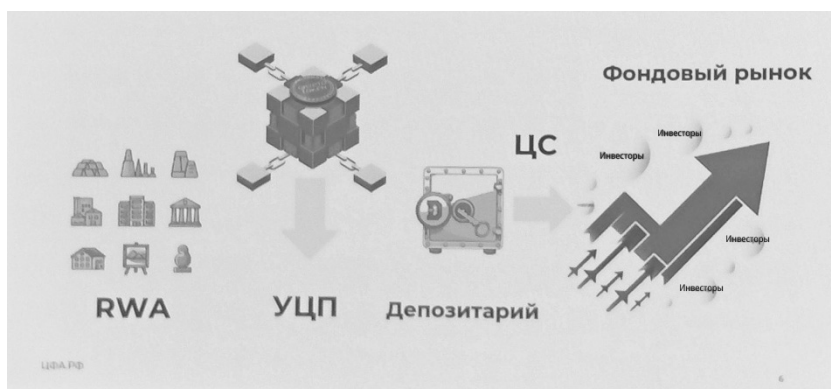
²⁰ Бахтизин А.Р. «Инструменты цифровой трансформации» (Доклад на Всемирном конгрессе «Теория систем, алгебраическая биология, искусственный интеллект, математические основы и приложения», Москва, Российская академия наук, 27–30 июня 2023 г.)

на вопрос, как вписать в известные со времен СССР механизмы²¹, включая юридические, скажем идею хозяйственного права²² со всеми вытекающими из признания этой идеи последствиями в виде создания некоего хозяйственно-цифрового права с постановкой в центр возможностей, даваемых цифровизацией—это маркетплейсы продукции, оснастки промышленных и иных предприятий с переводом всех их активов в цифровую форму (цифровых финансовые активы (ЦФА), утилитарные цифровые права (УЦП), что практически возможно уже сейчас (рис. 1)).

²¹ Планирование осуществлялось через систему Госплана—основного планирующего учреждения и Госснаба, осуществляющего распределение государственных поставок на базе методологии на основе принципов диалектического материализма, теоретических положений К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и решений партийных съездов и материального баланса как основного метода планирования по системе долгосрочных (10–15 лет), 5-летних и годовых планов. планы (10–15 лет).—См., напр.: [8. С. 116–124], а также: Для возрождения электронной отрасли России власти обратились к опыту Госплана СССР. 01 Апреля 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-04-01_vlasti_izuchat_voprosy_vozrozhdeniya (дата обращения: 24.07.2025); Постановление Совета министров СССР от 4 июня 1969 г. № 414 «Об утверждении положения о Министерстве электронной промышленности» // Цит. по: Там же.

²² См.: Абова Т.Е. Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений: дисс... докт. юрид. наук: 12.00.04.—Москва, 1985.—419 с.; труды В.В. Лаптева и его соратников—В.К. Мамутова, В.С. Мартеньянова, В.К. Андреева и др.

Рис. 1. УЦП—недостающее звено рынка токенизированных активов

Источник: Доклад одного из участников секции по ЦФА Форума «Промышленность нового времени 2024» (<https://t.me/s/ForumPNV>)

По информации с Форума «Промышленность нового времени 2024» прогноз нормативного контура регулирования таков: февраль-март 2025 г.—Закон о ЦС на ЦФА; апрель 2025 г.—регуляторный арбитраж; лето 2025 г.—решение проблемы специальной налоговой базы.

Акцентируя в этом формате первую сторону вопроса, отметим, что, если рассмотреть поэтапно порядок запуска новых изделий в производство²³, то в русле представленной ниже этапности работ, включающей в себя:

— **подготовительный этап**, на котором происходит определение целей и задач запуска нового продукта, выбор методологии внедрения (agile или waterfall), проведение маркетингового исследования рынка, анализ конкурентной среды, оценка технических и финансовых возможностей. Тут стоит отметить, что возможно, цифровой Госплан, как и любой другой, начинается с четко осознаваемой жизненно важной потребности государства (общества) (вспомним чету Розенбергов²⁴ [9. С. 40–50]),

— **планирование, включая разработку технического финансово-промышленного плана** (техпромфинплана)²⁵, в ходе которого происходит распределе-

ние обязанностей между участниками, составление детального плана работ, установление сроков реализации, разработка программы контроля себестоимости,

— **техническая подготовка**, в ходе которой осуществляется разработка технологических процессов, планирование закупок сырья и материалов, подготовка производственных мощностей, создание технической документации,

— **организация производства**, включающая в себя настройку производственных линий, проведение тестовых запусков, испытание образцов продукции, отладку технологических процессов,

— **контроль качества**, предполагающий проверку соответствия техническим требованиям, выявление и устранение несоответствий, улучшение качества продукции, контроль соблюдения технологий,

— **обучение персонала**, в том числе подготовку специалистов к работе с новым продуктом, разработку инструкций и руководств, проведение тренингов, создание обучающих материалов,

— **запуск производства**, включающий в себя начало серийного выпуска изделия, мониторинг первых партий, сбор обратной связи, корректировку процессов при необходимости,

— **оценка результатов**, предполагающая анализ себестоимости и рентабельности, оценка конкурентоспособности, мониторинг реакции рынка, внесение итоговых корректировок,—

— **в современных условиях цифровой Госплан может влиять на процесс запуска новых изделий следующим образом:**

— **на этапе планирования** Госплан участвует в определении приоритетных направлений развития производства, распределении государственных заказов и субсидий,

— **на подготовительном этапе** он помогает с оценкой технической и финансовой возможности, анализом конкурентной среды, согласованием необходимых ресурсов,

— **в технической подготовке** он обеспечивает координацию поставок сырья, распределение производственных мощностей, контроль соответствия стандартам,

— **при организации производства** Госплан участвует в согласовании технологических процессов,

²³ См., напр. х/ф «Северный полюс», 2025, Россия (режиссер А. Котт), URL: https://www.kinopoisk.ru/film/5274400/?ysclid=mdmsqdj8fg331851876&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 28.07.2025)

²⁴ Юлиус и Этель Розенберги—советские разведчики, которых 5 апреля 1951 года Верховный суд США приговорил к смертной казни. Их казнь состоялась спустя два года, в 1953 году, 19 июня.—См.: Князев С. «До конца стояли за свои убеждения»: 65 лет назад в США казнили супругов Розенбергов, обвинённых в шпионаже в пользу СССР. 65 лет назад в США казнили супругов Розенбергов, обвинённых в шпионаже в пользу СССР. 19 июня 2018. URL: <https://russian.rt.com/science/article/525276-ssha-kazn-suprug-rozenberg> (дата обращения: 28.07.2025); Мат-лы Стратегической сессии правительства «Развитие авиационной промышленности» // Мишустин назвал сумму, которую направят на развитие российского авиапрома. 15.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250715/aviastroenie-20250715.html> (дата обращения: 28.07.2025)

²⁵ Техпромфинплана—комплексный текущий (годовой) план производственной, технической и финансовой деятельности, а также социального развития коллектива промышленного предприятия (объединения), конкретизирующий показатели перспективного (пятилетнего) плана и предусматривающий выполнение плановых заданий с наибольшей эффективностью, цель которого—максимальное увеличение выпуска необходимой продукции, внедрение достижений научно-технического прогресса, мобилизация имеющихся резервов и другие задачи.—См., напр.: [10], а также: Дозмаров К., Басова Т. Госплан 2.0—выражение новых смыслов развития государства, общества и экономики? 2023 г. URL: <https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?id=18350> (дата обращения: 28.07.2025)

контроле качества, мониторинге соблюдения нормативов (посредством систем и алгоритмов машиночитаемого права),

— **на этапе оценки результатов** он осуществляет анализ эффективности внедрения, контроль выполнения плановых показателей, корректировку производственных программ.

Важно отметить, что в современных условиях Госплан не диктует жесткие требования, а выступает скорее как координатор и помощник, предоставляя поддержку через:

— **государственные заказы**—вопросы участия ИИ в поддержке госзаказов будут предметом внимания на международной конференции 5–7 октября 2025 г. в Амстердаме (ЕС)—*DPW Amsterdam*²⁶—самого влиятельного технологического мероприятия в сфере закупок и цепочки поставок, которое ускоряет внедрение инноваций и оказывает влияние, объединяя стартапы, технологических лидеров, предприятия среднего и крупного бизнеса, а также инвесторов, которые реагируют на самые серьезные вызовы в мире (как само мероприятие позиционирует себя),

— **налоговые льготы** (например, Премьер-министр России М. Мишустин дал поручение Министерству Финансов РФ и Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработать предложения по налоговым льготам для IT-компаний, в которых доля прямого или косвенного государственного участия будет выше 50%²⁷),

— **инвестиционную поддержку**—например, Гонконгский венчурный фонд *Deep Knowledge Ventures* (DKV) находился на грани банкротства, пока компания не привлекла в качестве главного инвестиционного аналитика алгоритм *Vital*. Для разработки этого алгоритма фонд привлек специалистов по анализу больших данных. Эксперты создали алгоритм, который анализирует 50 различных параметров и оценивает риски инвестиций в биотехнологические проекты. Так *Vital* обнаружил, что наиболее успешными оказываются проекты по борьбе со старением—теперь DKV инвестирует только в стартапы и разработки, которые изучают старение и создают препараты для профилактики, а не лечения. DKV стала первой компанией, которая включила систему искусственного интеллекта в свое правление. *Vital* обладает статусом наблюдателя, а любые решения об инвестировании принимаются только после консультации с алгоритмом²⁸,

— **регулирование качества и стандартов**—одна из ключевых возможностей машинного обучения—переход от реактивного к проактивному управлению качеством, при котором алгоритмы анализируют данные с датчиков оборудования, параметры сырья и историю брака, чтобы предсказать риски до их возникновения (например, на заводе *Volvo* внедрена система компьютерного зрения для проверки сварных швов,

²⁶ URL: <https://conference.dpw.ai/> (дата обращения: 28.07.2025)

²⁷ В РФ введут налоговые льготы для IT-компаний с государственным участием. 03.07.2025. URL: <https://bfmtspb.ru/novosti/v-rf-vvedut-nalogovye-lgoty-dlya-it-kompaniy-s-gosudarstvennym-uchastiem/?ysclid=mcufv0rtv0398777119> (дата обращения: 28.07.2025)

²⁸ ИИ помог инвестиционной компании избежать банкротства / *luckyea77*. 11 мая 2017. URL: <https://luckyea77.livejournal.com/1779132.html?ysclid=md005ajrb8985777144> (дата обращения: 20.05.2025)

посредством которой точность обнаружения дефектов достигла 99,7%, компания *Siemens* применяет ИИ для анализа пайки компонентов на платах, уменьшив время тестирования с часов до минут и т.п.²⁹), тогда как распространение цифровых двойников позволит тестировать качество в виртуальной среде, сокращая затраты на физические прототипы [11. С. 231–141], и т. п.

НЕОБХОДИМОСТЬ МАКЕТИРОВАНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В обозначенном ракурсе, с одной стороны, удачным является способ апробации Цифрового Госплана в формате экспериментального правового режима [12. С. 90–108]. Необходимо, по нашему мнению, создать маркетплейсы ключевых пилотных предприятий и их смежников и выявить их реальные возможности в форме макета взаимодействия этих предприятий и смежников в форме обсуждаемого Цифрового Госплана, так, чтобы одно предприятие было предприятием ВПК (ОПК), второе—предприятие гражданского сектора.

С другой стороны, этот режим следует распространить на безлюдные³⁰ и иные промышленные, как минимум, предприятия [11. С. 223–241], связав их в сеть, а равно углублять применение алгоритмов и систем искусственного интеллекта и автоматизации путем интеграции для придания синергии межведомственному и иному (между предприятиями, между предприятиями и государственными органами и т. п.) взаимодействию.

Примером может служить следующая ситуация. На припаркованный на участке одного из территориальных управлений министерства (ведомства) на автомобиль падает дерево. Данный участок территории находится на балансе одного из территориальных управлений министерства (ведомства). Как известно (ст. 210, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации³¹) бремя содержания земельного участка лежит на собственнике участка, а обязанность по возмещению вреда—на лице, причинившем вред. Однако в уставе этого управления нет ни средств, ни функций ни для осуществления действий по приведению участка в нужное состояние, ни для такого возмещения причиненного ущерба. Представляется, в таких ситуациях ИИ может, используя свои знания, включая те, которые получены на основе способности, вытекающей из применения технологии машиночитаемого права, настроить взаимодействие между министерствами (ведомствами) для осуществления действий по приведению участка в нужное состояние и возмещения ущерба, тем самым помогая осуществить Госплан.

²⁹ Как искусственный интеллект и машинное обучение переосмысливают контроль качества продукции. 13 марта 2025. URL: <https://synaptik.ru/blog/kak-it-resheniya-uluchshayut-kachestvo-produkcii/kak-iskusstvennyj-intellekt-i-mashinnoe-obuchenie-pereosmyslivayut-podhod-k-kachestvu-produkcii/?ysclid=mdmtjoaqa7883295784> (дата обращения: 28.07.2025)

³⁰ Минин И.В., Заворницын В.В., Минин В.В. Доходы от незаселенных горных технологий АО «УТМК». 10 марта 2021 года. URL: <https://www.vnedra.ru/tehnologii/dohod-pri-bezlyudnyh-tehnologiyah-gornyh-proizvodstv-oao-ugmk-13700/?ysclid=mcui1hiaal64919289> (дата обращения: 20.05.2025)

³¹ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301, Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо обратить внимание, что цифровой Госплан имеет потенциал в части обоснования норм расходования ресурсов, расчетов по капитальному строительству и расчетов межотраслевого баланса (автоматизация составления балансов и взаимоувязки планов); решения оптимизационных задач в экономике на основе применения передовых экономико-

математических моделей и методов; доступности для граждан информации о ходе реализации планов, как в целом, так и по конкретной задаче в конкретной местности; управления гармоничным пространственным развитием на основе устранения территориального дисбаланса и корректировок социального и экономического развития территорий [13. С. 39–41]; и др. Мы оставляем себе на перспективу задачу исследования развития этой темы в законодательстве и практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дж. Форрестер. Основы кибернетики предприятия. Индустриальная динамика. / Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1971.
2. Кутейников А.В. Судьба оригинальной идеи А.И. Китова, проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС). // Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. С. 132–138.
3. Сафронов А.В. Автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС). // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 4. С. 395–409. DOI: 10.15507/2409-630X.047.015.201904.395-409.
4. Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе. // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 13–28.
5. Lowry, A. (2021). Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? In: Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotev, M. (eds) The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42855-6_4.
6. Barari Reykandeh, Kh. & Shokri, Sh. A. (2022). Russian Digital Economy and Cybersecurity: An Overview of Recent Developments. Journal of World Sociopolitical Studies, 6(3), Pp. 439–498. <https://doi.org/10.22059/wsp.2023.351976.1326>.
7. Цифровая трансформация Китая. Опыт трансформации инфраструктуры народного хозяйства / Перевод с китайского. М.: Альпина, 2019.
8. Райзберг Б.А. Госплан и государственное стратегическое планирование. // ЭНСП. 2008. № 1(40) С. 116–124.
9. Фролова Е.К. Актуальные проблемы правового регулирования развития авиационной промышленности в условиях трансформации глобальных рынков. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 8. С. 40–50. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.108.8.040-050.
10. Пеньков Б.Е. Техпромфинплан предприятия // Большая советская энциклопедия: [в 51 т.] / гл. ред. С.И. Вавилов. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1949–1958. URL: https://gufo.me/dict/bse/Техпромфинплан_предприятия?ysclid=mdncunpcco109189090 (дата обращения: 28.07.2025)
11. Право и реальный сектор экономики России: мо-

REFERENCES

1. Forrester J. Fundamentals of enterprise cybernetics. Industrial dynamics. Translated from English Moscow: Progress, 1971.
2. Kuteynikov A.V. The fate of the original idea of A.I. Kitov, the project to create an automated management system of the Soviet economy (OGAS). *Scientific papers of the Free Economic Society of Russia*. 2010. Pp. 132–138. (in Rus.).
3. Safronov A.V. The automated system of scheduled calculations of the USSR State Planning Committee as a necessary step towards a nationwide automated system of accounting and information processing (OGAS). *Economic history*. 2019. Vol. 15. No. 4. Pp. 395–409. DOI: 10.15507/2409-630X.047.015.201904.395-409. (in Rus.).
4. Morkhat P.M. Comparative legal study of the positioning of artificial intelligence in the judicial process. *Legal researches*. 2024. No. 7. Pp. 13–28. (in Rus.).
5. Lowry, A. (2021). Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? In: Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotev, M. (Eds.). The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42855-6_4.
6. Barari Reykandeh, Kh. & Shokri, Sh. A. (2022). Russian Digital Economy and Cybersecurity: An Overview of Recent Developments. *Journal of World Sociopolitical Studies*, 6(3), Pp. 439–498. <https://doi.org/10.22059/wsp.2023.351976.1326>.
7. China's digital transformation. The experience of transforming the infrastructure of the national economy. Translated from Chinese. Moscow: Alpina, 2019.
8. Raizberg B.A. Gosplan and state strategic planning. *ENSR*. 2008. No. 1(40) Pp. 116–124. (in Rus.).
9. Frolova E.K. Actual problems of legal regulation of the aviation industry development in the context of global market transformation. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2023. No. 8. Pp. 40–50. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.108.8.040-050. (in Rus.).
10. Penkov B.E. Techpromfinplan of the enterprise. The Great Soviet Encyclopedia: [in 51 volumes]. chief editor S.I. Vavilov. 2nd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1949–1958. URL: https://gufo.me/dict/bse/Техпромфинплан_предприятия?ysclid=mdncunpcco109189090 (accessed: 07/28/2025)
11. Law and the real sector of the Russian economy:

- нография / под общ. ред. И.В. Ершовой, В.А. Лаптева. Москва: Проспект, 2024. 480 с.
12. Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, методика: монография / под ред. О.А. Тарасенко. Москва: Проспект, 2024. 136 с.
 13. Беликова К.М. Восстановление и развитие новых территорий России и цифровые технологии. // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 39–41.
 14. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике. // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5 (114). С. 3–10.
 15. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 158–165.
 - a monograph. I.V. Ershova, V.A. Laptev (Eds.). Moscow: Prospekt, 2024. 480 p.
 12. Experimental rulemaking: doctrine, practice, methodology: monograph. O.A. Tarasenko (Ed.). Moscow: Prospekt, 2024. 136 p.
 13. Belikova K.M. Restoration and development of new territories of Russia and digital technologies. *Law and Business*. 2023. No. 3. Pp. 39–41. (in Rus.).
 14. Levushkin A.N., Morozov S.Yu. Digital trade turnover and remote method of selling goods in the paradigm of theory and law enforcement practice. *Bulletin of arbitration practice*. 2024. No. 5 (114). Pp. 3–10. (in Rus.).
 15. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of participants in digital trade turnover. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*. 2024. No. 8 (120). Pp. 158–165. (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Цифровой Госплан: основные параметры, подходы к правовому регулированию, необходимость макетирования, вызовы и перспективы» автора Беликовой Ксении Михайловны.

Тематика разработки и внедрения т.н. цифрового Госплана (Госплан 2.0) не утрачивает актуальности с учетом потребности отечественного правопорядка в формировании современной концепции цифрового суверенитета и цифрового государственного управления¹, одним из шагов к которому является цифровизация торгового оборота и дистанционная продажа товаров².

Тематика статьи современная и будет интересна читателям журнала (см. также предыдущий пункт рецензии).

Стиль рецензируемой статьи представляется в должной степени научным. Статья написана научным языком с использованием релевантной юридической терминологии.

Научная новизна обусловлена комплексностью анализа автора по вопросу внедрения т.н. цифрового Госплана в контексте основных параметров, подходов к правовому регулированию, освещения необходимости макетирования, описания вызовов и перспектив такого внедрения. В частности, автор демонстрирует примеры зарубежных моделей/подходов к достижению эффекта, аналогичного тому, который заявлен при внедрении цифрового Госплана, показывающие достижения в рассматриваемой сфере ряда других стран и их союзов (Китай, США, ЕС), раскрывает теоретическую основу идеи цифрового Госплана, подчеркивая, что может быть полезен известный опыт СССР в ряде вопросов и т.д.

Из научной новизны (см. предыдущий пункт рецензии) вытекает также теоретическая и практическая значимость. Так, например, автор среди прочего показывает пример применения алгоритмов и систем искусственного интеллекта и автоматизации на основе цифрового Госплана путем интеграции для придания синергии межведомственному и иному (между предприятиями, между предприятиями и государственными органами и т.п.) взаимодействию и др. и дает ряд рекомендаций по внедрению цифрового Госплана.

Рецензент: Левушкин А.Н., д-р юрид. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 97,07%.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, принята к публикации 22.07.2025

The article was received on 02.07.2025, accepted for publication 22.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беликова Ксения Михайловна, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права; ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8068-1616, SPIN-код: 2541-3498, AuthorID: 497601, e-mail: KMBelikova@msal.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia M. Belikova, Dr. Sci. (Law), Prof., Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law; Kutafin Moscow State Law University; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8068-1616, SPIN-code: 2541-3498, AuthorID: 497601, e-mail: KMBelikova@msal.ru

¹ Дозмаров К., Басова Т. Госплан 2.0—выражение новых смыслов развития государства, общества и экономики? 2023 г. URL: https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=18350 (дата обращения: 28.07.2025)

² Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике. // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5 (114). С. 3–10; Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 158–165.

5.1.3.

Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

Private Law (Civil) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-113-119

УДК: 340.23

ГРНТИ: 10.27.01

EDN: CRECGL

Административная ответственности индивидуального предпринимателя за нарушение трудового законодательства: теоретико-правовые аспекты

© Савин Виктор Тихонович ^{1,a}

© Савин Сергей Викторович ^{2,b}

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация

² Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российский Университет кооперации,

г. Краснодар, Российская Федерация

^a svt.2002@mail.ru

^b sergey.savin68@mail.ru

Аннотация: В статье впервые в науке трудового права проводится исследование предусмотренной в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ административной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, без образования юридического лица, в ходе которого были выявлены ее некоторые проблемы, поставившие перед автором задачу, связанную с решением вопроса о правомерности закрепления этой ответственности в указанных нормах. Поскольку данное лицо (индивидуальный предприниматель), как вытекает из приведенных статей, несет административную ответственность за нарушение трудового законодательства, в работе анализируются ч. 1, 4, 5 и 7 ст. 20, ст. 22 ТК РФ, в результате чего, делается вывод о невозможности его признания субъектом административной ответственности за совершение трудового правонарушения. Также изучается ст. 2.4 КоАП РФ, отождествившая правовые категории «должностное лицо» и «индивидуальный предприниматель», что позволило констатировать не способность рассматриваемого лица лично отвечать за нарушение трудового законодательства по нормам КоАП РФ. На основании всего этого, автор считает необходимым исключить из его ст. 5.27 и 5.27.1 указание на лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, без образования юридического лица.

Ключевые слова: трудовое законодательство, административное законодательство, работодатель, индивидуальный предприниматель, должностное лицо, субъект трудовых отношений, административная ответственность

Для цитирования: Савин В.Т., Савин С.В. Административная ответственности индивидуального предпринимателя за нарушение трудового законодательства: теоретико-правовые аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 113–119. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-113-119. EDN: CRECGL

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-113-119

Administrative Liability of an Individual Entrepreneur for Violation of Labor Legislation: Theoretical and Legal Aspects

© Viktor T. Savin^{1,a}

© Sergey V. Savin^{2,b}

¹ Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

² Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of cooperation, Krasnodar, Russian Federation

^a svt.2002@mail.ru

^b sergey.savin68@mail.ru

Annotation: . For the first time in the science of labor law, the article examines the administrative responsibility of a person engaged in entrepreneurial activity provided for in Articles 5.27 and 5.27.1 of the Administrative Code of the Russian Federation without the formation of a legal entity, during which some of its problems were identified, which set the author the task of resolving the issue of the legality of consolidating this responsibility in the specified standards. Since this person (an individual entrepreneur), as follows from the above articles, is administratively responsible for violating labor laws, the work analyzes his norms such as Parts 1, 4, 5 and 7 of Articles 20, Article 22 of the Labor Code of the Russian Federation, as a result of which it is concluded that it is impossible to recognize him as a subject of administrative responsibility for the commission of labor offenses. Art. 2.4 The Administrative Code of the Russian Federation, which identified the legal categories of "official" and "individual entrepreneur", which made it possible to establish the inability of the person in question to be personally responsible for violating labor legislation in accordance with the norms of the Administrative Code of the Russian Federation. Based on all of this, the author considers it necessary to exclude from Articles 5.27 and 5.27.1 the reference to a person engaged in entrepreneurial activity without forming a legal entity.

Keywords: labor legislation, administrative legislation, employer, individual entrepreneur, official, subject of labor relations, administrative responsibility

For citation: Savin V.T., Savin S.V. Administrative Liability of an Individual Entrepreneur for Violation of Labor Legislation: Theoretical and Legal Aspects. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 113–119. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-113-119. EDN: CRECGL

ВВЕДЕНИЕ

В современной жизнедеятельности российского общества возрастающее значение приобретает юридическая ответственность, в частности, в сфере отношений по производству материальных благ и оказания услуг населению, регулируемых нормами Трудового кодекса РФ (далее—ТК РФ) и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. За их нарушение законодатель в ст. 419 ТК РФ устанавливает несколько видов юридической ответственности субъектов трудового права, одним из которых является административная ответственность, закрепленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее—КоАП РФ).

В главе 5 данного кодекса, именуемой—«Административные правонарушения, посягающие на права граждан», содержится целый ряд статей, устанавливающих административную ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в кругу которых основное положение занимают ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ, а другие нормы содержат специальные виды административных правонарушений.

Данные статьи предусматривают эту ответственность для лиц, совершивших административные правонарушения, соответственно в случаях нарушения ими трудового законодательства и государственных нормативных требований охраны труда. Как следует из их содержания, несущими административную ответственность являются: 1) должностные лица; 2) лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; 3) юридические лица, к которым могут применяться административные меры наказания.

Такой подход законодателя к пониманию юридической ответственности субъектов трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, вызывает большие сомнения в его правомерности. Это требует проведения исследования их административной ответственности за нарушение норм законодательства о труде, что практически остается без внимания науки трудового права. Поскольку рамки настоящей работы не позволяют проанализировать административную ответственность буквально всех указанных лиц, то в ней будет уделено внимание одному из них, который именуется в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ лицом, осуществляющим предпринимательскую

деятельность без образования юридического лица (далее—индивидуальный предприниматель).

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В КоАП РФ оно занимает особое положение, существенно отличающего его от других предусмотренных в нем субъектов административной ответственности, ибо, прежде чем, стать одним из них, индивидуальный предприниматель должен совершить трудовое правонарушение, без наличия которого для него не наступит административная ответственность. На первый взгляд, он представляет из себя субъекта гражданско-правовых отношений, так как, применяемые законодателем в указанных статьях элементы его наименования (лицо, предпринимательская деятельность, юридическое лицо), изначально являются категориями Гражданского кодекса РФ (далее—ГК РФ), который впервые закрепил правовой статус данного лица. Так, ст. 23 ГК РФ гласит: «Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя», где гражданин, согласно ч. 2 ст. 1 ГК РФ—есть физическое лицо.

При этом, в ч. 1 ст. 2 ГК РФ указывается, что «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Но, при всем этом, индивидуальный предприниматель, функционирующий в сфере гражданско-правовых отношений, объективно не способен совершить нарушение норм трудового законодательства, а, стало быть, не может за это нести административную ответственность, т.е. быть ее субъектом.

Помимо этого, в трудовом законодательстве (ч. 5 ст. 20 ТК РФ), также содержится указание на физических лиц, зарегистрированных в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, формулировка которых сконструирована посредством категорий гражданского права, в связи с чем, они схожи с индивидуальными предпринимателями функционирующих в гражданском обороте. Однако, учитывая, что в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ речь идет о нарушении норм трудового законодательства, то, предусмотренных в ч. 5 ст. 20 ТК РФ индивидуальных предпринимателей, законодатель и считает субъектами административной ответственности.

Вместе с тем, данная легальная позиция в действительности не находит своего достаточного подтверждения по нескольким причинам. Так, из анализа статей КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность индивидуальных предпринимателей, следует, что для них она наступает только в том слу-

чае, если они являются субъектами трудовых отношений и иных связанных с ними отношений, т.е. их стороной. Согласно ч. 1 ст. 20 ТК РФ, стороной трудовых отношений могут быть работник и работодатель, которые и являются их непосредственными участниками. Под работодателем, в соответствии с ч. 4 ст. 20 ТК РФ, понимается «физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником». При этом, на основании ч. 5 ст. 20 ТК РФ, будучи, физическим лицом, индивидуальный предприниматель признается работодателем, но, как вытекает из ее содержания, таковым может стать лишь при наличии следующих признаков, состоящих в том, что он: 1) осуществляет предпринимательскую деятельность; 2) не является юридическим лицом; 3) зарегистрирован в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя.

Наряду с этим, индивидуальный предприниматель должен обладать трудовой правосубъектностью работодателя, именуемой также как работодательская правосубъектность. Ее понятие не дается в трудовом законодательстве, но эта категория трудового права достаточно хорошо изучена в науке трудового права. Поэтому не видится необходимости в анализе имеющихся в ней взглядов по поводу этого правового явления, в связи с чем, ограничимся лишь указанием на то, что под работодательской правосубъектностью понимается «обеспеченное организационно и экономически общественно-правовое свойство, заключающееся в предоставлении субъекту государством исходных прав и обязанностей, при наличии которых он может применять наемный труд»¹. Иначе говоря, это способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя определенные обязанности, которую это лицо приобретает на основании ч. 7 ст. 20 ТК РФ, которая гласит: «Заключать трудовые договоры в качестве работодателей имеют право физические лица, достигшие возраста восемнадцати лет, при условии наличия у них гражданской дееспособности в полном объеме, а также лица, не достигшие указанного возраста,—со дня приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме».

При наличии всех отмеченных признаков, индивидуальный предприниматель становится работодателем, осуществляющим права и обязанности, закрепленные для него в ст. 22 ТК РФ, что свидетельствует о том, что это физическое лицо действует в сфере труда в качестве стороны трудовых отношений, возникших на основании заключенного им с наемными работниками трудового договора. Тем самым, индивидуальный предприниматель, будучи работодателем, становится полноправным субъектом трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, ведь одним из четырех тесно взаимодействующих элементов любого правоотношения является его субъект.

В общетеоретической науке приводится множество дефиниций субъектов права, но, в целом, под ними понимаются «индивиды или организации, которые на основании норм права могут быть участниками

¹ Трудовое право России: учебник / под ред. С.Ю. Головиной, М.В. Молдцова. М., 2008. С. 85.

правоотношений, носителями субъективных прав и обязанностей»². Общим фактором для всех них является то, что они независимо от отраслевой принадлежности выделяют две группы субъектов: 1) индивидов и 2) организации. В связи с тем, что предметом настоящего исследования является индивидуальный субъект (предприниматель), важно отметить, что «индивидуальный субъект правоотношения не физическое, а чисто юридическое понятие. Субъект правоотношения не то же самое, что человек,—это только одно его свойство, созданное объективным правом»³.

Для каждой отрасли права характерен свой специфический состав субъектов, что присуще и трудовому праву, устанавливающему их круг, состоящий из работодателя, работника и других участников трудовых отношений, но в котором отсутствует индивидуальный предприниматель. В литературе отмечается, что субъект трудового правоотношения—«это сторона трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, обладающая правовым статусом (в том числе трудовой правосубъектностью) и лично или через представителя, если дозволяет законодательство, реализующая субъективные трудовые права и обязанности»⁴.

Субъекты трудового права имеют свой трудовправовой статус, под которым понимается их основное правовое положение, определяемое трудовым законодательством. В него входят следующие элементы: 1) трудовая правосубъектность; 2) статутные (основные) трудовые права и обязанности; 3) основные трудовые гарантии (общие и специальные); 4) юридическая ответственность за трудовые правонарушения, предусмотренная трудовым законодательством. При этом, правовой статус каждого субъекта трудового правоотношения по своему содержанию значительно отличается от статуса субъектов других отраслей права, в частности, административного права.

Из сказанного вытекает, что физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, закрепленное в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ, не способно быть субъектом трудовых правоотношений. Оно может стать им лишь выступая в роли работодателя, который в соответствии со ст. 22 ТК РФ, наделяется многочисленным комплексом прав и обязанностей. Он имеет право: заключать, изменять и расторгать трудовые договоры с работниками; поощрять работников за добросовестный эффективный труд; требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и других работников, соблюдения правил внутреннего трудового распорядка; привлекать работников к дисциплинарной и материальной ответственности; принимать локальные нормативные акты и многое другое.

Также работодатель обязан: соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, со-

глашений и трудовых договоров; предоставлять работникам работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату и др.

Поэтому, именно, работодатель, обладая трудовправовым статусом, в качестве которого имеет возможность выступать индивидуальный предприниматель, может нарушить, возложенные на него вышеприведенные права и обязанности, предусмотренные трудовым договором и трудовым законодательством, в связи с чем, он и несет за это юридическую ответственность. Тем самым, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не являющееся работодателем, нельзя признать ее субъектом за нарушение норм трудового права, а, вместе с этим, и субъектом административной ответственности, предусмотренной в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ. Таким субъектом это лицо становится, когда приобретает статус работодателя, в связи с чем, и может совершить трудовое правонарушение, связанное с невыполнением норм трудового права. Но, в отмеченных статьях, как мы видим, отсутствует указание на работодателя, как субъекта административной ответственности.

ПОЗИЦИЯ НАУКИ ТРУДОВОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Надо заметить, что в научной и учебной литературе по трудовому праву [Анисимов Л., Анисимов А. 2005: 189; Гребенщиков, 2006: 268; Кислов, 2011: 75], большинством ученых-трудовиков поддерживается политика законодателя, связанная с установлением административной ответственности индивидуального предпринимателя за нарушение трудового законодательства, однако, их позиция представляется не удачной, так как они не учитывают всего изложенного выше. Тем не менее, некоторые специалисты в области трудового права, видя отмеченный недостаток в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ, пытаются устранить его, в связи с чем, приближают указанных в них субъектов к статусу участников трудовых отношений. Для этого они «привязывают» их к категории трудового права—«работодатель», способного совершить трудовое правонарушение, которое является основанием административной ответственности. Так, М.Ю. Лаврикова, анализируя административную ответственность работодателя и его представителей, считает, что административному наказанию в виде штрафа по ст. 5.27 КоАП РФ может быть подвергнут «работодатель-предприниматель, осуществляющий свою деятельность без образования юридического лица»⁵. Однако, помимо приведенных фактов несостоятельности позиции законодателя, надо заметить, что «рожденный» автором новый субъект трудового права не в состоянии устранить вышеотмеченный изъян не только данной нормы, но и ст. 5.27.1 КоАП РФ. Он не закреплен в ст. 20 ТК РФ в качестве субъекта трудовых от-

² Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 2012. М., 2012. С. 416.

³ Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2002. С. 311.

⁴ Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / отв. ред. Н.Л. Лютов. М., 2017. С. 71.

⁵ Трудовое право России: учебник для вузов / под общ. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. М., 2008. С. 560.

ношений, а также в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ, в связи с чем, «работодателя-предпринимателя» невозможно привлечь к административной ответственности, предусмотренной данными статьями.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ— «ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» И «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В КОАП РФ

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в административном законодательстве, связанная с ее возложением на лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, которое фактически не может совершить нарушение трудового законодательства, а поэтому не является субъектом этой ответственности, усугубляется ст. 2.4 КоАП РФ. Из примечания к ней следует, что «лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившие административные правонарушения, несут административную ответственность как должностные лица, если настоящим Кодексом не установлено иное».

Очевидно, что данная ответственность наступает при условии: «если настоящим кодексом не установлено иное», которое трудно понять, в связи с чем, создает серьезные сложности для реализации указанной нормы на практике, что подчеркивает несовершенство применяемой в КоАП РФ законодательной техники формирования его норм. Тем не менее, представляется, что «иное» (исключение из общего правила)—это различные составы правонарушений, предусмотренные 16 и 18 главами КоАП РФ, за совершение которых индивидуальные предприниматели, согласно его ст. 16.1 и 18.1, несут административную ответственность как юридические лица. В этих нормах также как и в ст. 2.4 КоАП РФ ставится знак равенства, но уже между юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, что, правда, отрицательно влияет на общее понятие лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, как субъекта административной ответственности, несущего ее за все правонарушения, предусмотренные в КоАП РФ, кроме трудовых.

Подобная регламентация в КоАП РФ административной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, когда оно включается в нормативное понятие должностного лица, неправомерно их отождествляет. Этот легальный симбиоз двух различных правовых категорий—«индивидуальный предприниматель» и «должностное лицо» не дает ничего положительного, кроме ухудшения вышеотмеченной негативной ситуации в административном праве, так как влечет утрату индивидуальным предпринимателем специфических свойств и качеств, характеризующих его как самостоятельного субъекта административной ответственности.

Значит, он не способен лично отвечать за нарушение трудового законодательства по нормам КоАП РФ, предусматривающих его административную ответственность, что не дает основания для рассмотрения индивидуального предпринимателя ее субъектом. Тем более, должностные лица, административная ответственность которых возлагается на индивидуальных предпринимателей, несущих ее за нарушение трудо-

вого законодательства, не имеют к нему никакого отношения, так как нарушить его нормы могут только субъекты трудовых отношений, обладающие трудовой правосубъектностью. Но, должностные лица не являются таковыми, так как ст. 20 ТК РФ признает ими никого иного, как только работника и работодателя, которые и могут совершить трудовое правонарушение.

Сказанное существенно затрудняет возможность считать лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, без образования юридического лица, субъектом административной ответственности, что подтверждает ранее сделанный автором аналогичный вывод.

К тому же, признаваемая законодателем идентичность правовых категорий: «должностное лицо» и «индивидуальный предприниматель», которая привела, помимо прочего, к утрате определенности понятия индивидуального предпринимателя, размыванию четкого о нем представления, в значительной мере изменила его сущность как субъекта не только трудовых, но и административных отношений. Поэтому, не случайно в правовой литературе отмечается возникновение споров по поводу законодательного постулата, закрепленного в ст. 2.4 КоАП РФ⁶. Безусловно, все это не способствует полному пониманию физического лица—индивидуального предпринимателя, что неизбежно порождает закономерный вопрос: «Почему другие физические лица, выступающие в качестве работодателя, помимо индивидуального предпринимателя, не признаются законодателем субъектами административной ответственности?».

Ведь ст. 362 ТК РФ предусматривает, что «работодатели—физические лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, несут ответственность в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом и иными федеральными законами». В соответствии с ч. 5 ст. 20 ТК РФ, такими физическими лицами—работодателями, вместе с физическими лицами, зарегистрированными в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, признаются: 1) частные нотариусы; 2) адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты; 3) лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, вступившие в трудовые отношения с работниками в целях осуществления указанной деятельности; 4) физические лица, вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства.

Следовательно, перечисленные физические лица, в случае совершения трудового правонарушения, как следует из ст. 419 ТК РФ, также, как и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, могут привлекаться к административной ответственности. Однако, они не упоминаются в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ в качестве ее субъектов. Тем самым, из всего перечня физических лиц, закрепленного в ч. 5 ст. 20 ТК РФ, только одно лицо, которое осуществляет предпринимательскую де-

⁶ Россинский Б.В. Административная ответственность: курс лекций. М., 2009. С. 348.

тельность, несет административную ответственность за нарушение трудового законодательства. Данный избирательный подход законодателя к выбору субъектов указанной ответственности, когда из их круга по необъяснимым причинам исключаются другие физические лица, свидетельствует о его неопределенности, которая не способствует тому, чтобы можно было согласиться с признанием физического лица—индивидуального предпринимателя субъектом административной ответственности, несущим ее за нарушение норм трудового законодательства.

ВЫВОДЫ

Таким образом, приведенные аргументы указывают на несостоятельность перманентной позиции законодателя относительно административной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которая не согласуется с общепризнанными в науке теории права основными принципами института юридической ответственности. В силу этого, данное лицо весьма проблематично признать субъектом ответственности, предусмотренной в ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ. Оно может стать таковым, если выступает в трудовых отношениях в качестве работодателя, в противном случае это лицо не может совершить нарушение трудового законодательства, а посему не в состоянии нести административную ответственность. Поэтому индивидуальный предприниматель фактически нахо-

дится за рамками данных статей, т.е. вне юрисдикции КоАП РФ, тем самым, является ненадлежащим субъектом предусмотренной им административной ответственности за нарушение трудового законодательства, что, в целом, вызывает необходимость исключения его из ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вместе с тем, важно отметить, что если законодатель в данных статьях и предусмотрел бы работодателя, то, в принципе, его также нельзя было рассматривать субъектом административной ответственности. Понятие «работодатель», прежде всего, определяет его правовое положение как субъекта трудового права [Савин, 2021: 40], в связи с чем, будучи, участником трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, он подчиняется трудовому законодательству, регулирующему эти отношения, а поэтому в случае совершения им трудового правонарушения, должен нести за это ответственность по его же нормам. По всей видимости, проблемы административной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, как ее субъекта, которое в сфере труда выступает в качестве работодателя, кроются не только в административном, но и в трудовом законодательстве, что требует проведения специального, комплексного исследования юридической ответственности индивидуального предпринимателя, которое отсутствует в данных отраслевых науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Л.Н., Анисимов А.Л. Трудовые отношения и материальная ответственность. Москва: Eksmo Education: Эксмо, 2005. 495 с.
2. Гребенщиков А.В. О совершенствовании института дисциплинарной ответственности // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 1. С. 260–269.
3. Кислов В.Д. Последствия задержки заработной платы // Бухгалтерский учет. 2011. № 7. С. 73–78.
4. Савин В.Т. Работодатель, его виды и их трудовая правосубъектность в сфере трудовых отношений: учебно-методическое пособие. Москва: Проспект, 2021. 176 с.

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью к.ю.н., профессора Савина Виктора Тихоновича и к.ю.н., доцента Савина Сергея Викторовича на тему: «Административная ответственность индивидуального предпринимателя за нарушение трудового законодательства: теоретико-правовые аспекты».

Представленная на рецензирование научная статья, является первым исследованием в науке трудового права, посвященным административной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, без образования юридического лица (далее—индивидуальный предприниматель), закрепленной в ст. 5.27 и 5.37.1 КоАП РФ. Как следует из данных норм, это лицо, выступающее в качестве активного участника трудовых отношений, несет за нарушение трудового законодательства не отраслевую ответственность, а административную ответственность, что вызывает имеющее основания сомнение в правомерности отмеченных норм. Поэтому изучение этой ответственности индивидуального предпринимателя имеет большое теоретическое и практическое значение для решения проблем, связанных с определением ее сущности, правоприменительной практикой и конструированием норм, регламентирующих его юридическую ответственность, что, в целом, подчеркивает актуальность и важность темы настоящей работы.

Статья носит исследовательский характер, так как авторы, учитывая, особое правовое положение индивидуального

REFERENCES

1. Anisimov L.N., Anisimov A.L. Labor relations and financial responsibility. Moscow: Eksmo Education: Eksmo, 2005. 495 p.
2. Grebenshchikov A.V. On improving the institute of disciplinary responsibility. *The Russian Yearbook of Labor Law*. 2006. No. 1. Pp. 260–269. (in Rus.).
3. Kislov V.D. Consequences of wage delays. *Accounting*. 2011. No. 7. Pp. 73–78. (in Rus.).
4. Savin V.T. The employer, his types and their labor legal personality in the field of labor relations: an educational and methodological manual. Moscow: Prospekt, 2021. 176 p.

предпринимателя в сфере административной ответственности, который должен быть еще и субъектом трудовых отношений, анализируют ч. 1, 4, 5 и 7, ст. 20, ст. 22, ст. 369 и ст. 419 ТК РФ, а, вместе с этим, также ст. 2.4, ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ. При этом пристальное внимание уделяется ст. 2.4 КоАП РФ, которая включает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в нормативное понятие должностного лица, тем самым, неправомерно отождествляет две различные правовые категории — «индивидуальный предприниматель» и «должностное лицо». Это влечет утрату индивидуальным предпринимателем специфических свойств и качеств, характеризующих его как самостоятельного субъекта административной ответственности, в связи с чем, он не способен лично отвечать за нарушение трудового законодательства по нормам КоАП РФ.

Проведенное исследование позволило авторам сделать правильный вывод о том, что лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, без образования юридического лица, не может быть субъектом административной ответственности. Этот вывод имеет огромное значение для вскрытия сущности закрепленной в КоАП РФ концепции административной ответственности индивидуального предпринимателя, который показал полную ее несостоятельность.

Важно отметить, что авторы успешно справились со стоящей перед ними задачей, что позволило им полностью раскрыть содержание темы статьи, сделать принципиально новые для науки трудового права выводы, предложить законодателью меры по устранению создавшейся в трудовом праве негативной ситуации. При этом научная работа написана хорошим литературным языком, ее название полностью соответствует содержанию статьи, текст которой характеризуется логичностью, последовательностью, ясностью и использованием лексики научного стиля.

В итоге, можно констатировать, что рецензируемая научная статья В.Т. Савина и С.В. Савина, подготовлена на высоком научно-теоретическом уровне, носит самостоятельный и творческий характер, представляет интерес для широкого круга читателей. Поэтому она соответствует предъявляемым к ней требованиям и заслуживает опубликования в открытой печати.

Рецензент: Баева С.С., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 91,87%.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025, принята к публикации 28.07.2025
The article was received on 08.07.2025, accepted for publication 28.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Савин Виктор Тихонович, канд. юрид. наук, доцент, Профессор кафедры земельного, трудового и экологического права; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; г. Краснодар, Российская Федерация, SPIN-код: 6903-7310, AuthorID: 810888, e-mail: svt.2002@mail.ru

Савин Сергей Викторович, канд. юрид. наук, доцент кафедры правоведения; Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российский Университет кооперации; г. Краснодар, Российская Федерация, SPIN-код: 7731-4935, AuthorID: 949732, e-mail: sergey.savin68@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Viktor T. Savin, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law; Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; Krasnodar, Russian Federation, SPIN-code: 6903-7310, AuthorID: 810888, e-mail: svt.2002@mail.ru

Sergey V. Savin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Law; Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of cooperation; Krasnodar, Russian Federation, SPIN-code: 7731-4935, AuthorID: 949732, e-mail: sergey.savin68@mail.ru

5.1.3.

Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

Private Law (Civil) Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-120-126

УДК: 342.417

ГРНТИ: 10.33.01

ББК: 67.400.21

EDN: BSWDES

Содержание конституционно-правового понятия «публичный порядок» для целей приведения в исполнение или отмены арбитражного решения

© Лямпорт Александр Александрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

alexanderlyamport@gmail.com

Аннотация: В статье понятие «публичный порядок», закрепленное в АПК РФ и ГПК РФ, представляется как пример конституционализации отраслевой нормы. Несмотря на тезис о закреплении фундаментальных принципов в Конституции РФ, представляется затруднительным определить какие именно нормы Конституции РФ являются примерами таких фундаментальных начал российского правопорядка. В целях определения фундаментальных принципов исследованы различные научные теории. Аксиологическая теория связана с определённой иерархией конституционных норм, которые, например, зависят от их социальной значимости (например, ценности прав и свобод граждан или ценности федеративного государства). В свою очередь, иной подход признает единство конституционных норм и свидетельствует о том, что под фундаментальными правовыми началами понимается вся конституция либо значительное большинство положений конституции. Проанализированы недостатки и преимущества применения аксиологической теории. Сделан вывод, что поиск приемлемой модели определения фундаментальных правовых начал (и как следствие, содержания «публичного порядка») зависит от выбранного подхода к определению таких факторов, как «конституционная идентичность», социально-экономического устройства общества и др. Отдельно автором отмечена необходимость исследования содержания понятия «фундаментальные правовые начала» в российском законодательстве.

Ключевые слова: исполнение, конституционализация отраслевой нормы, международный коммерческий арбитраж, отмена арбитражного решения, публичный порядок

Для цитирования: Лямпорт А.А. Содержание конституционно-правового понятия «публичный порядок» для целей приведения в исполнение или отмены арбитражного решения // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 120–126. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-120-126. EDN: BSWDES

The Content of the Constitutional and Legal Concept of "Public Policy" for the Purposes of Enforcing or Cancelling an Arbitral Award

© Alexander A. Lyamport

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

alexanderlyamport@gmail.com

Annotation: It is considered that the concept of 'public policy', as defined in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, is presented as an example of the constitutionalisation of a branch norm. Despite the argument for the inclusion of fundamental principles in the Constitution of the Russian Federation, it remains challenging to identify examples of such fundamental principles of the Russian legal framework. To determine the fundamental principles, various scientific theories have been studied, including the axiological theory, which is associated with a certain hierarchy of constitutional norms, which, for example, depend on their social significance (for example, the value of rights and freedoms of citizens or the importance of a federal state). In a different approach, the unity of constitutional norms is recognized and it considers fundamental legal principles as in the whole constitution or a majority of constitutional provisions. The paper proceeds to analyze the strengths and weaknesses of the axiological theory. The search for an applicable methodology for determining fundamental legal principles (and consequently the content of 'public policy') depends on the selected approach to defining such factors as 'constitutional identity' and the socio-economic structure of society. The author also asserts the importance of studying the content of the concept of fundamental legal principles in the field of Russian law.

Keywords: enforcement, constitutionalisation of the branches of law, international commercial arbitration, annulment of the arbitral award, public policy

For citation: Lyamport A.A. The Content of the Constitutional and Legal Concept of "Public Policy" for the Purposes of Enforcing or Cancelling an Arbitral Award. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 120–126. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-120-126. EDN: BSWDES

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «публичный порядок», содержащееся в АПК РФ и ГПК РФ, представляет собой пример конституционализации отраслевых норм, то есть процесс воздействия конституционного права на нормы иных отраслей и приведение отраслевого законодательства в соответствие с нормами Конституции РФ соответственно [Гаджиев, 2004: 23–24; Витрук, 2008: 250; Кресс, 2016: 239]. Фактически данный способ оценки отраслевых норм заключается в: (1) использовании конституционно-правовых категорий при толковании отраслевого законодательства; (2) введении в отраслевое законодательство норм, имеющих конституционно-правовое предназначение.

Верховный и Конституционный Суд РФ (далее – ВС РФ, КС РФ соответственно), соответственно определяют понятие публичный порядок через два конституционно-правовых понятия фундаментальные правовые начала [Таева, 2022: 24–29]¹ (согласно подходу ВС РФ) и ос-

новополагающие принципы российского права²/основы конституционного правопорядка³/основы правопорядка⁴ (согласно подходу КС РФ). Полагаем, что сами фун-

¹ П. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения: 15.12.2024).

КС РФ неоднократно выделял ряд конституционно-правовых принципов в качестве «фундаментальных принципов» российской правовой системы (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017

№ 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/ (дата обращения: 01.12.2024); Информация КС РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию КС РФ)» (одоблено решением КС РФ от 19.10.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ (дата обращения: 05.12.2024).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114541/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 16.12.2024).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182814/ (дата обращения: 03.12.2024).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения); Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 N 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>

даментальные правовые начала (основополагающие принципы российского права) содержатся в Конституции Российской Федерации 1993 года⁵: это следует из толкования данного понятия, осуществленного КС РФ в рамках конституционного судопроизводства⁶, а также доктринальных исследований. Тем самым, содержание публичного порядка, представляющего собой пример конституционно-правового понятия, можно определить через детальное определение перечня фундаментальных правовых начал (основополагающих принципов российского права)⁷. Тем самым, публичный порядок есть пример конституционализации отраслевой нормы процессуального законодательства, отсылающей свое значение к конституционно-правовым нормам.

Тем не менее, несмотря на общий вывод о закреплении фундаментальных начал в Конституции РФ, представляется затруднительным определить какие именно нормы, принципы Конституции РФ являются примерами таких фундаментальных начал российского правопорядка. Для целей определения перечня фундаментальных начал полагаем необходимым изучение конституционной доктрины: это позволит выявить различные подходы в иерархичности конституционных норм (и как следствие – определить, какие именно нормы КРФ имеют относительную приоритетность над другими нормами КРФ (фундаментальные правовые начала) или такой приоритетности нет вовсе), понять, что представляет собой конституция как нормативный и политический акт, а также выявить взаимовлияние конституционно-правовых принципов на гражданский (арбитражный) процесс и, в частности, на определение понятия «публичный порядок».

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ВЫЯВИТЬ СОДЕРЖАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ ПРАВОПОРЯДКА (КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ)

Любая конституция представляет собой уникальный нормативный правовой акт, являющийся основным

document/cons_doc_LAW_31170/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 05.12.2024); Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37778/ (дата обращения); Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2003 N 172-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42950/ (дата обращения: 09.12.2024); Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 N 1570-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109844/ (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Здесь и далее – Конституция РФ или КРФ (см.: Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2024)

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 N 16-П.

⁷ Для целей настоящей статьи категории «основополагающие принципы российского права» и «фундаментальные правовые начала» используются как синонимы. Однако это не отменяет отдельного исследования значения данных понятий, причин возникновения различных подходов и практических последствий использования того или иного подхода.

правовым документом в государстве. Несмотря на значительные сходства современных конституций, каждая из них имеет отличительные особенности, в том числе по вопросам соотношения конституционных ценностей, принципов друг с другом. В конституционно-правовой науке существует специальный термин для отражения таких отличительных черт конституций – конституционная идентичность [Зорькин, 2017: 1-12; Schmitt, 2008: 141-159; Polzin, 2016: 411-438; Хесце, 1981: 329; Шустров, 2021: 384-387; Khosla, 2016: 234]⁸.

Конституционная идентичность формируется, в первую очередь, за счет ядра конституции – основных норм (принципов). Имеются основания полагать, что такое ядро конституции фактически представляет собой фундаментальные правовые начала (принципы) правовой системы⁹. В зависимости от научных взглядов перечень таких фундаментальных норм (ядро конституции), формирующих конституционную идентичность, может различаться.

Для исследования перечня фундаментальных норм обратимся к изучению различных научных теорий.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Согласно аксиологической теории, конституционные нормы отражают ценностные ориентиры, которые имеют определенную иерархичность: то есть одни нормы конституции (эквивалентные им ценности) имеют относительный приоритет над другими нормами конституции (иными ценностями) [Кененова, Троиц-

⁸ Абз. 4 п. 3 Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 N 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 15.12.2024); КС РФ и КС ФРГ определяют значение конституционной идентичности для целей отличия КРФ от иных международных/зарубежных правовых актов. Тем не менее, КС РФ отмечает, что «базовые элементы конституционной идентичности» образуют «внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя». Однако в доктрине данная концепция используется для целей выделения материальных пределов изменения конституции, то есть для определения сущностного ядра конституции (См.: Schmitt, C. Constitutional Theory / J. Seitzer. Duke University Press, 2008. — P. 141-159; Polzin, M. Constitutional identity, unconstitutional amendments and the idea of constituent power : The development of the doctrine of constitutional identity in German constitutional law. — International Journal of Constitutional Law, 2016. — N 14. — P. 411-438; Хесце, К. Основы конституционного права ФРГ. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 329; Однако ВС Индии использовал концепцию конституционной идентичности для целей внутреннего контроля процедуры внесения изменений в конституцию (См.: Шустров, Д.Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.02 : защищена 24.06.2021 / Шустров Дмитрий Германович. — М., 2021. — С. 384-387; Khosla, M. Constitutional amendmen // The Oxford Handbook of the Indian Constitution / S. Choudhry, M. Khosla, P.B. Mehta. — Oxford University Press, 2016. — Chapter 14. — P. 234; The Supreme Court of India, Indian Medical Association v. Union of India & Ors. (2011) INSC 501, § 89).

⁹ КС РФ также отмечает, что основы конституционного строя представляют собой ядро публичного порядка, которое является гарантией обеспечения конституционной идентичности (см.: Информация КС РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию КС РФ)» (одоброено решением КС РФ от 19.10.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ (дата обращения: 01.12.2024)).

кая, Шустров, 2015: 224–228; Зорькин, 2008: 7]¹⁰. В свою очередь, при выборе наиболее приоритетных норм авторы конституции обращают внимание на социальную значимость определенных ценностей (например, ценности прав и свобод граждан или ценности федеративного государства). В результате применения данной теории можно предположить, что под фундаментальными правовыми началами понимаются отдельные избранные положения конституции, отражающие незыблемые ценности данной правовой системы.

Конституция РФ является типичным примером конституции, в которой отсутствует прямое указание на приоритетность одних норм конституции над другими нормами конституции. Однако Конституция РФ содержит ряд норм, свидетельствующих о фактическом приоритете одних норм над другими. Такими нормами являются нормы, содержащиеся в гл. 1, 2, и 9 Конституции РФ. Это следует из содержания ст. 15 и гл. 9 Конституции РФ.

В главе 9 Конституции РФ сказано, что нормы гл. 1, 2, 9 Конституции РФ не подлежат изменению, за исключением принятия новой конституции в порядке созыва конституционного собрания в соответствии с федеральным конституционным законом. В то время как нормы остальных глав Конституции РФ (гл. 3–8) подлежат изменению в относительно упрощенном порядке. Как видим, конституционный законодатель прямо не указал приоритет одних норм, однако КС РФ и доктрина подчеркивают многоуровневый характер изменения КРФ и различия в функциональной роли норм КРФ [Шустров, 2021: 225–226]¹¹.

Важно отметить, что до недавнего времени КС РФ фактически не имел полномочий по проверке конституционности одних норм над другими. Однако с 2020 года (и с отдельными оговорками – с 2014 года) КС РФ может проверять конституционность принятых, но не вступивших в силу поправок на предмет соответствия их содержания главам 1, 2, 9 КРФ¹². То есть помимо косвенных доказательств приоритета норм гл. 1, 2, 9 КРФ, содержащихся в самой КРФ, ФКЗ «О КС РФ» также косвенно свидетельствует о некоем приоритете указанных норм КРФ над всеми остальными нормами КРФ. Кроме того, можно предположить, что последние нормы выступают фактически тем ядром, которое являются способом филтрации новых норм, включаемых в Конституцию РФ.

В конституционной науке существует подход, согласно которому нормы гл. 1, 2, 9 КРФ определяются как материальные пределы изменения конституции, то есть теми нормами конституции, которые невозможно изменить, кроме как путем принятия новой конституции (отличительными чертами данной конституции, ядром конституции, формирующими конституционную

идентичность [Шустров, 2021: 298–299, 339, 347–349]). Тем самым, согласно такому подходу нормы гл. 1, 2, 9 КРФ формируют ее конституционную идентичность и, как результат, являются фундаментальными принципами (началами) российской правовой системы.

Остальные нормы конституции, не входящее в ее ядро, также крайне важны. Однако, как следует из указанного подхода, при потенциальной конкуренции ценностей, заложенных в ядре конституции, и иных ценностей в рамках разрешения конкретного спора, суд, при прочих равных условиях, должен отдать предпочтение в пользу ценностей, заложенных в нормы ядра конституции. Даже если конституции не провозглашает приоритет одних норм над другими, либо если конституция прямо не называет те иные нормы в качестве принципов, это не свидетельствует об отсутствии ряда принципов, которые положены в основу конституции и являются той основой конституции, которую использовали авторы при ее подготовке.

Необходимо отметить, что большинство посткоммунистических стран отличаются значительными материальными пределами изменения конституции (объемом норм, входящих в ядро конституции)¹³. То есть под материальными пределами принято понимать те нормы конституции, которые не подлежат изменению. Это обусловлено тем, что конституционный законодатель пытался придать стабильность и надежность новым рыночным отношениям и предотвратить конституционную контрреволюцию, которая могла бы установить авторитарный/тоталитарный режим правления и огосударствление частной собственности (обеспечение «конституционализации страха») [Омейец, 2011: 26]. Тем самым, если конституции содержат значительный перечень норм, не подлежащих конституционным изменениям, то это является одним из возможных признаков принятия данной конституции в посткоммунистических странах или странах, находящихся в череде революционных изменений.

Тем не менее, практика свидетельствует о том, что указанная юридическая техника не способна полностью предотвратить риски обхода конституционной идентичности и осуществления конституционных переворотов [Шустров, 2021: 306], в том числе, поскольку при ряде условий конституционный законодатель вправе установить новую конституцию и, как следствие, произвести любые конституционные изменения.

КОНСТИТУЦИЯ КАК НЕРАЗРЫВНОЕ ЕДИНСТВО ПРАВОВЫХ НОРМ

Вопреки аксиологической теории, подразумевающей в некотором смысле иерархичность конституционно-правовых норм, ряд конституционалистов и конституционных судов полагают, что конституция представляет собой неразрывное единство правовых норм, и возможные оговорки конституции о приоритете одних ценностей имеют лишь инструментальный характер [Habermas, 1996: 253–261; Schmitt, 1996: 36]¹⁴.

¹³ Constitutional Court of Czech Republic. Judgment 2009/09/10 – Pl. ÚS 27/09: Constitutional Act on Shortening the Term of Office of the Chamber of Deputies, § VI.a–VI.b.

¹⁴ Абз. 4 п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения

¹⁰ The Federal Constitutional Court of Germany (First Division), Erich Lüth v. Veit Harlan (the Lüth case) (1958) 7 BVerfGE 198.

¹¹ Абз. 1 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офф. сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157806/ (дата обращения: 05.12.2024).

¹² П. «а» ч. 5.1 ст. 125 КРФ, ч. 2 ст. 110.10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

То есть такие оговорки о приоритете одних норм над другими имеют значение лишь для целей системного толкования норм конституции, а не для целей разрешения конкуренции норм КРФ в отдельном споре (путем определения некоторой иерархичности таких норм). В результате применения данной теории можно предположить, что под фундаментальными правовыми началами понимается вся конституция либо значительное большинство положений конституции.

Кроме того, применение аксиологической теории может привести к серьезному возрастанию роли судебной ветви власти и даже к ее чрезмерному влиянию в отношении других ветвей власти, поскольку дифференциация конституционных норм и присущих ему ценностей может привести к существенной дискреции конституционного суда и чрезмерному преобладанию одних ценностей над другими (например, граждане могут злоупотреблять своими правами, воспринимая свои права в качестве единственной ценности, как результат, такое одностороннее возобладание прав граждан может привести к негативным последствиям для конституционного строя: подобные явления, знаменующие собой «новую этику», происходят в отдельных странах Европы).

На наш взгляд, в некоторой степени недостатки и преимущества аксиологической теории относительно преувеличены. Даже если конституционно-правовые нормы не обладают внутренней иерархичностью, то восприятие конституции как неразрывного единства конституционно-правовых норм точно также может привести к ошибкам в правоприменении и существенной дискреции судебной власти. При восприятии конституции как неразрывного единства норм КС РФ сохраняет неограниченную дискрецию по толкованию конституции и тем самым выводит перечень и содержание конституционных принципов (фундаментальных начал) исключительно в контексте конкретного дела. То есть при таком подходе перечень фундаментальных начал может оказаться вовсе неопределенным (если только не признать все положения конституции в качестве фундаментальных правовых начал).

ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ

Имеются основания полагать, что только при использовании метода взвешивания конституционно-правовых ценностей дискреция конституционного суда по определению перечня и соотношения фундаментальных правовых начал может значительно снизиться, поскольку в таком случае конституционный суд будет руководствоваться в некотором смысле математическими методами соотношения ценностей, определенной матрицей.

в соответствии с Конституцией Российской Федерации ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 15.12.2024); Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений ...» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139990/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 15.12.2024).

Например, если возникает потенциальное противоречие между ценностью абсолютного права (которое не может быть ограничено согласно КРФ) и ценностью относительного права (которое может быть ограничено в соответствии с ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56 КРФ), то необходимо сделать выбор в пользу абсолютного права. Следовательно, в связи с концентрацией абсолютных прав в гл. 1 КРФ приоритет в толковании конституционных норм будет установлен за положениями гл. 1 КРФ как фундаментальными правовыми началами [Шустров, 2013: 6-15].

Как результат, представляется, что именно при использовании метода взвешивания конституционно-правовых ценностей неопределенность перечня и соотношения фундаментальных правовых начал может в некоторой степени снизиться. В то время как само по себе использование той или иной теории не внесет должной правовой определенности.

Имеются основания полагать, что иной подход к толкованию конституции (предполагающий взаимное единство всех положений конституции, полное отсутствие иерархии конституционно-правовых норм) возможен, в первую очередь, при наличии высокой конституционной культуры [Штернбергер, 2005: 302-311].

Однако с учетом любого из указанных теоретических подходов, Конституционный Суд РФ в любом случае должен занимать основное место в системе конституционно-правовых норм. В первую очередь, это обусловлено юридической сложностью изменения КРФ. КС РФ должен придерживаться тонкого баланса между толкованием конституции для развития жестких, ригидных положений и угрозой расширения полномочий судебной власти. При возникновении незначительных отклонений от обозначенного баланса «жесткие конституции» могут быть на практике пересмотрены.

Например, если КС проявлял излишнюю пассивность в толковании и развитии положений КРФ, а политические лидеры проявляют чрезмерную активность по изменению КРФ, то политические лидеры могут созвать учредительное собрание, вынести новую конституцию на референдум или иным образом пересмотреть конституцию либо существенно изменить ее (фактический пересмотр конституции). Если конституционный суд проявляет чрезмерный судейский активизм в толковании конституции либо законодатель вносит многократные изменения в конституцию и (или) дополняет главы конституции новыми нормами, то законодатель/судебная власть может осуществить фактический конституционный пересмотр путем обхода конституционной идентичности, не прибегая к осложненной процедуре пересмотра конституции в виде созыва учредительного собрания, проведения референдума и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, поиск оптимальной модели определения фундаментальных правовых начал (и как следствие, содержания «публичного порядка») зависит от различных теоретических взглядов на понятие «конституционная идентичность», социально-экономического устройства общества, а также иных факторов. Следовательно, на разных стадиях развития госу-

дарства (ее конституции) перечень фундаментальных правовых начал может отличаться, и решающая роль по определению фундаментальных правовых начал возложена на Конституционный Суд. Отдельного изучения занимает вопрос, какие именно фундамен-

тальные правовые начала закреплены в российском законодательстве в текущий момент времени: однако подобное исследование требует изучения последних конституционных поправок 2020 года и их взаимосвязи с понятием «конституционная идентичность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук Н.В. Верность Конституции основа прогрессивного развития современной России / Н.В. Витрук. М.: РАП, 2008. № 8. С. 272.
2. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики: Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Г.А. Гаджиев. – М.: Юрист, 2004. С. 284.
3. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение, 2008. № 4. С. 7–20.
4. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Журнал Конституционного Правосудия, 2017. № 4. С. 1–12.
5. Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях / Учебное пособие с хрестоматийными материалами. М.: URSS, КРАСАНД, 2015. С. 720.
6. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории / В.И. Крусс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 239.
7. Омейец Я. Новые европейские переходные конституции и преобразующая роль конституционных судов. Журнал Конституционного Правосудия, 2011. С. 25–38.
8. Таева Н.Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право, 2022. № 7. С. 24–29.
9. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М.: Юрид. лит., 1981. С. 368.
10. Штернбергер Д. Конституционный патриотизм // Политическая философия в Германии / О. Хёффе, Й. Изензее; Д. Миронова, С. Погорельская. М.: Современные тетради, 2005. С. 520.
11. Шустров Д.Г. Иерархия конституционных ценностей / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право, 2013. № 6. С. 6–15.
12. Шустров Д.Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02: защищена 24.06.2021 / Шустров Дмитрий Германович. М., 2021. С. 570.
13. Habermas J. Between facts and norms // Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy; W. Rehg. The Massachusetts Institute of Technology Press: Cambridge, Massachusetts, 1996. P. 631.
14. Khosla M. Constitutional amendment // The Oxford Handbook of the Indian Constitution / S. Choudhry, M. Khosla, P.B. Mehta. Oxford University Press, 2016. Chapter 14. Pp. 234–250.
15. Polzin M. Constitutional identity, unconstitutional amendments and the idea of constituent power: The development of the doctrine of constitutional identity in German constitutional law. International Journal of Constitutional Law, 2016. № 14. Pp. 411–438.

REFERENCES

1. Vitruk N.V. Fidelity to the Constitution the basis of progressive development of modern Russia. N.V. Vitruk. Moscow: RAP, 2008. No. 8. P. 272.
2. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of market economy: Development of civil law foundations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. G.A. Gadzhiev. Moscow: Yurist, 2004. P. 284.
3. Zorkin V.D. Axiological aspects of the Constitution of Russia. *Comparative Constitutional Review*, 2008. No. 4. Pp. 7–20. (in Rus.).
4. Zorkin V.D. Constitutional identity of Russia: doctrine and practice. *Journal of Constitutional Justice*, 2017. No. 4. Pp. 1–12. (in Rus.).
5. Kenenova I.P., Troitskaya A.A., Shustrov D.G. Comparative constitutional law in doctrine and court decisions. Study guide with textbook materials. Moscow: URSS, KRASAND, 2015. P. 720.
6. Kruss V.I. Constitutionalisation of law: fundamentals of theory. V.I. Kruss. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. P. 239.
7. Omejec J. New European transitional constitutions and the transformative role of constitutional courts. *Journal of Constitutional Justice*, 2011. Pp. 25–38. (in Rus.).
8. Taeva N.E. Norms of constitutional law: theoretical problems of classification. *Constitutional and Municipal Law*, 2022. No. 7. Pp. 24–29. (in Rus.).
9. Hesse K. Fundamentals of constitutional law of the Federal Republic of Germany. Moscow: Yurid. lit., 1981. P. 368.
10. Sternberger D. Constitutional patriotism . Political philosophy in Germany. O. Höffe, J. Isensee; D. Mironova, S. Pogorelskaya. Moscow: Sovremennye tetradi, 2005. P. 520.
11. Shustrov D.G. Hierarchy of constitutional values. D.G. Shustrov. *Constitutional and Municipal Law*, 2013. No. 6. Pp. 6–15. (in Rus.).
12. Shustrov D.G. Limits of constitutional changes and constitutional control over their observance: diss. ... Cand. Sci. (Law): 12.00.02: defended 24.06.2021. Shustrov Dmitry Germanovich. Moscow, 2021. P. 570.
13. Habermas J. Between facts and norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy; W. Rehg. The Massachusetts Institute of Technology Press: Cambridge, Massachusetts, 1996. p. 631.
14. Khosla M. Constitutional amendment. The Oxford Handbook of the Indian Constitution. S. Choudhry, M. Khosla, P.B. Mehta. Oxford University Press, 2016. Chapter 14. Pp. 234–250.
15. Polzin M. Constitutional identity, unconstitutional amendments and the idea of constituent power: The development of the doctrine of constitutional identity in German constitutional law. *International Journal of Constitutional Law*, 2016. No. 14. Pp. 411–438. (in Rus.).

16. Schmitt C. Constitutional Theory / J. Seitzer. Duke University Press, 2008. P. 468.	16. Schmitt C. Constitutional Theory. J. Seitzer. Duke University Press, 2008. p. 468.
17. Schmitt C. The Tyranny of Values / S. Draghici. Plutarch Press, 1996. P. 36.	17. Schmitt C. The Tyranny of Values. S. Draghici. Plutarch Press, 1996. p. 36.

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью «Содержание конституционно-правового понятия «Публичный порядок» для целей приведения в исполнение или отмены арбитражного решения» Лямпорта А.А., аспиранта 3 курса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автор выбрал тему научной статьи, которая ранее практически не исследовалась в отечественной юридической науке. Исходя из представленной концепции автора, подтвержденной соответствующими доказательствами, конституционно-правовые нормы прямым образом влияют на содержание конституционно-правового понятия «публичный порядок». По этой причине автор использует, в первую очередь, исследования ученых- конституционалистов, а также зарубежных авторов, которые анализировали природу конституционализации отраслевых норм и подходы к содержанию (соотношению) конституционно-правовых норм.

Автор обоснованно и структурировано представляет преимущества и недостатки подходов к содержанию (соотношению) конституционно-правовых норм. Как следствие, автор подчеркивает неопределенность категории «фундаментальные правовые начала», которая генетически обусловлена содержанием и соотношением конституционно—правовых норм.

Более того, автор поднимает проблематику такого явления, как конституционная идентичность. Конституционная идентичность и социально—экономическое устройство общества серьезным образом влияют на содержание и соотношение конституционных норм. Следовательно, тот или иной тип конституционной идентичности в конечном итоге обуславливает содержание фундаментальных правовых норм и публичного порядка.

Выводы, представленные автором, представляются крайне полезными для теории и практики, поскольку до настоящего времени содержание публичного порядка остается неопределенным. Актуальность исследования также обусловлена возросшей ролью публичного права в отечественном правопорядке, в том числе необходимостью анализа отдельных отраслевых норм с точки зрения системного регулирования конституционного и отраслевого законодательства. В обратном случае, без исследования публично-правовых норм, содержание «публичного порядка» определяется лишь на основании отдельных частно-правовых концепций.

Таким образом, полагаю, что научная работа А.А. Лямпорта «Содержание конституционно-правового понятия «Публичный порядок» для целей приведения в исполнение или отмены арбитражного решения», является полноценным исследованием, которое будет полезно для практикующих юристов, учёных, аспирантов и студентов.

Рецензент: Лавров Ю.Б., канд. юрид. наук, доцент, профессор, Межрегиональная общественная организация «Академия военных наук», г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 93,57%.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025, принята к публикации 18.07.2025
The article was received on 11.06.2025, accepted for publication 18.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ABOUT THE AUTHOR

Лямпорт Александр Александрович, аспирант юридического факультета; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 2898-2339, AuthorID: 1024699, e-mail: alexanderlyamport@gmail.com

Alexander A. Lyamport, postgraduate student of the Faculty of Law; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 2898-2339, AuthorID: 1024699, e-mail: alexanderlyamport@gmail.com

5.1.4.

Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Criminal Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-127-132

УДК: 323.283

ГРНТИ: 10.79.01

EDN: BWQXNQ

Применение цифровых технологий (искусственного интеллекта) в деятельности органов внутренних дел

© Башлуева Наталья Николаевна

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация
bashlueva@mail.ru

Аннотация: *Предметом* данной статьи послужили состояние и динамика существующих угроз информационной безопасности, факторы, влияющие на их формирование, способы противодействия, используемые в отечественной и зарубежной практике, системы национального и зарубежного законодательства, представляющего основу противодействия указанным угрозам. **Актуальность** темы исследования обеспечивается тем, что в настоящее время происходит четвертая научно-техническая революция, для которой характерно развитие информационно-телекоммуникационных технологий. Развивается робототехника, создается глобальное киберпространство, одним словом происходит глобальная компьютеризация жизнедеятельности человека. **Цель статьи** — заключается в изучении проблемных аспектов национальной системы и систем зарубежных стран по обеспечению безопасности личности, общества и государства в условиях глобальной цифровизации, вынесение предложений по усовершенствованию функционирования вышеуказанных систем. **Вывод** статьи посвящен необходимости активной разработки и внедрения новых способов и методов обеспечения международной информационной безопасности.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, глобальные угрозы, компьютерные преступления, научный прогресс

Для цитирования: Башлуева Н.Н. Применение цифровых технологий (искусственного интеллекта) в деятельности органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 127–132. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-127-132. EDN: BWQXNQ

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-127-132

Application of Digital Technologies (Artificial Intelligence) in the Activities of Law Enforcement Agencies

© **Natalia N. Baslueva**

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,

Moscow, Russian Federation

baslueva@mail.ru

Annotation: *The subject of this article is the state and dynamics of existing threats to information security, factors influencing their formation, methods of countering used in domestic and foreign practice, and systems of national and foreign legislation that form the basis for countering these threats. The relevance of the research topic is ensured by the fact that the fourth scientific and technological revolution is currently taking place, which is characterized by the development of information and telecommunication technologies. Robotics is developing, global cyberspace is being created, in a word, global computerization of human life is taking place. The purpose of the article is to study the problematic aspects of the national system and systems of foreign countries to ensure the security of individuals, society and the state in the context of global digitalization, and to make proposals to improve the functioning of the above-mentioned systems. The conclusion of the article is devoted to the need for active development and implementation of new ways and methods of ensuring international information security.*

Keywords: *International information security, global threats, computer crimes, scientific progress*

For citation: *Natalia N. Baslueva. Application of Digital Technologies (Artificial Intelligence) in the Activities of Law Enforcement Agencies Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 127–132. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-127-132. EDN: BWQXNQ*

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня жизнь человека неразрывно связана с цифровыми технологиями, которые проникли во все сферы существования—от повседневных рутинных задач до решения вопросов, определяющих судьбу цивилизации. Эта интеграция стала закономерным этапом эволюционного развития общества, где научно-технический прогресс выступает ключевым драйвером изменений. Современные технологии перестали быть инструментом «для избранных»—они стали частью быта. Люди используют смартфоны для управления домом через системы «умный город», заказывают продукты через приложения, участвуют в онлайн-образовании и даже лечатся с помощью телемедицины. Социальные сети и мессенджеры трансформировали коммуникацию, стирая географические границы. Однако за кажущейся простотой скрывается сложная инфраструктура: облачные вычисления, Big Data, искусственный интеллект—всё это работает на то, чтобы сделать жизнь комфортнее. Научные достижения выходят далеко за рамки бытового применения. Человечество сталкивается с вызовами, требующими коллективных усилий: Изменение климата: AI-алгоритмы анализируют климатические модели, прогнозируя стихийные бедствия, а «зелёные» технологии сокращают углеродный след. Кибербезопасность: Блокчейн и квантовое шифрование защищают критически важные данные от атак. Медицина: Биоинженерия и генетическое редактирование (CRISPR) открывают пути к лечению ранее неизлечимых болезней. Парадокс современности в том, что технологии, решая одни проблемы, порож-

дают новые. Например, автоматизация лишает работы, а нейросети создают риски deepfake-манипуляций. Однако прогресс необратим: согласно исследованию MIT (2023), 78 % глобальных инноваций последнего десятилетия связаны с цифровизацией. Как сказал, выдающийся английский исследователь Френсис Дрейк: «Великое начинается с малого». Действительно, достижение великой цели обеспечения безопасности личности, общества и государства от информационных угроз в современном постиндустриальном мировом порядке, во многом зависит от простых действий каждого человека, который так или иначе вступает в общественные отношения, в которых информационным технологиям отводится важная роль¹.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Глубокое понимание сущности любого феномена требует обращения к его истокам и историческому контексту. Только проследив путь развития, можно выявить изначальные цели явления и их возможную трансформацию в процессе эволюции. Понятие «информационная безопасность» зародилось одновременно с первыми формами информационного обмена в обществе. Его появление стало ответом на осознание человечеством ценности собственных сведений и риска их использования враждебными силами для нанесения ущерба путем целенаправленного воздействия

¹ Девятков В.В. Системы искусственного интеллекта / гл. ред. И.Б. Федоров.—М.: Изд-во МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2001.—352 с.

на информационные потоки. Ретроспективный анализ показывает, что системы обеспечения защищенности информации на протяжении всей истории непрерывно адаптировались, отражая изменения социальных условий и технологических возможностей своей эпохи.

Можно выделить ключевые исторические вехи в развитии информационной безопасности:

Ранний период (до 1816 г.) характеризовался использованием естественных и простейших искусственных средств коммуникации. Основные задачи защиты концентрировались на обеспечении целостности и сохранности жизненно важных сведений о людях, событиях, имуществе—информации, критичной для выживания индивидов и социальных групп. Примечательно, что уже на этой стадии активно применялись методы криптографии, такие как древнегреческая скитала, демонстрируя раннее стремление к конфиденциальности.

Эпоха электросвязи (с 1816 г.) ознаменовалась прорывом с появлением искусственно созданных средств электро- и радиосвязи. Необходимость передавать сигналы на расстояние породила задачи помехоустойчивого кодирования исходящих сообщений и их последующей расшифровки. Этот век технологического рывка подарил миру проводной телефон и беспроводную связь—радио. Исторической вехой стала демонстрация передачи информации с помощью электромагнитных волн, осуществленная 7 мая 1895 года русским ученым А.С. Поповым.

Период радиолокации (с 1935 г.) определился доминированием технических радиолокационных средств. Защита информации достигалась комплексом активных и пассивных мер: от маскировки до создания помех. На этом этапе произошла важная интеграция организационных и технических подходов к безопасности, сопровождающаяся вводом в эксплуатацию радиолокационных систем.

Век вычислительных машин (с 1946 г.) начался с активного внедрения электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Первоначально основным методом защиты оставалось строгое ограничение физического доступа к местам хранения и обработки данных. Ранние ЭВМ создавались исключительно для военных и государственных целей. Переломным моментом стал 1951 год, когда компания UNIVAC, финансируемая армией и ВВС США, выпустила первый коммерческий компьютер, приобретенный Бюро переписи населения США. Это положило начало проникновению технологий в гражданскую сферу. Дальнейшее развитие, включая внедрение микросхем и полупроводников (остающихся ключевыми компонентами и сегодня), революционно повысило эффективность ЭВМ. Лидерство компании IBM в создании серии совместимых компьютеров упростило масштабирование. Появление в начале 1960-х компактных моделей размером со шкаф сделало их доступными для малого бизнеса и науки, ознаменовав переход к массовому использованию. Параллельно развивались технологии в СССР: под руководством С.А. Лебедева в 1953 году была создана БЭСМ-1—мощнейшая ЭВМ в Европе, не уступавшая американским аналогам. Так вычислительная техника, зародившись в военно-государственной сфере, стала фундаментом гражданской цифровой эпохи.

В современном мире эффективное функциони-

рование государственных институтов и общественных структур немыслимо без надежного обеспечения безопасности в информационном пространстве. Российская Доктрина информационной безопасности дает этому понятию четкое определение: информационная безопасность понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Это состояние обеспечивает баланс конституционных прав граждан, высокое качество жизни и реализацию суверенных национальных интересов России. Угрозы информационной безопасности в нашей цифровой эпохе становятся на один ряд с такими тяжкими деяниями как терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотических средств, насильственные преступления против личности. Если рассматривать состояние защищенности информации в более узком смысле, то оно означает защиту не только самой информации (сведений), но и защиту инфраструктуры от различного рода воздействий. Некоторые авторы не совсем оправданно говорят о том, что к инфраструктуре информационной безопасности относятся лишь компьютерные устройства. В то время как к такой инфраструктуре необходимо относить средства коммуникаций, помещения, коммунальное снабжение, системы кондиционирования, а также рабочий персонал.

Что понимается под защитой информации? Под защитой информации мы понимаем деятельность по осуществлению комплексных технических, правовых и организационных мероприятий, направленных на предотвращение угроз информационной безопасности, устранению их последствий, выработке мер противодействия таким угрозам с учетом складывающейся обстановки.

Осуществляется такая защита от различных угроз информационной безопасности. С расширением цифровой сферы количество и качество таких угроз имеет исключительную тенденцию к росту. Существует огромное количество понятий угроз информационной безопасности, приведем лишь некоторые из них. Под угрозами информационной безопасности понимается совокупность действий, которые способны привести к нарушениям состояния защищенности информации. Или потенциальные возможности преднамеренного, неправомерного или непреднамеренного воздействия на охраняемый объект (информацию), следствием которых может стать потеря доступа информации, искажение, изменение сведений, разглашения конфиденциальных сведений². Представляется, что второе определение наиболее полно раскрывает сущность информационных угроз.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы. Обеспечение информационной безопасности, действительно, является международной, глобальной

² Ланецкая А.Ю., Александрова Е.Н. СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-ugrozy-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 21.11.2023).

проблемой. Активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь способствует возникновению новых правовых отношений, которые нуждаются в правовом регулировании. В ходе исследования, мы выяснили, что угрозы информационной безопасности имеют глубокие исторические корни, и возникли задолго до появления современного цифрового пространства, однако уже тогда, единичные случаи информационных инцидентов могли нанести серьезный ущерб. В рамках анализа международного сотрудничества, мы пришли к выводу, что большинство стран мирового сообщества весьма обеспокоены проблемой стремительного роста компьютерной преступности и возникновению качественно новых угроз информационной безопасности. Рассматривая характерные признаки компьютерных преступлений, мы сделали вывод о том, что киберпреступления становятся на одну ступень с такими преступлениями как терроризм и экстремизм. Не имея границ и географической привязки данные преступные деяния несут по-настоящему глобальную угрозу мироустройству. В стратегиях развития многих государств, борьба с обеспечением состояния защищенности информационной сферы становится одним из ключевых векторов проведения государственной политики. Реализация поставленных задач происходит в рамках таких международных объединений как БРИКС, ШОС, ООН. Мы установили, что в целях наиболее эффективного противостояния цифровой преступности, под эгидой ООН создаются специальные комитеты и комиссии по решению задач кибербезопасности. Глобальная статистика свидетельствует о неуклонном расширении использования цифровых технологий, что ставит перед государствами задачу повышения киберграмотности населения как ключевого элемента защиты от угроз. Анализ международных практик показывает, что Китай, как технологический лидер, активно развивает систему информационной безопасности, привлекая армию и правоохранительные структуры. В КНР реализуются масштабные проекты: финансируются научные исследования в области киберзащиты, формируются экспериментальные киберподразделения, создаются специализированные учебные центры. Эти меры позволили Китаю в короткие сроки выстроить эффективную систему защиты цифрового суверенитета, что может служить примером для интеграции в российскую стратегию развития информационного общества. В России система противодействия киберугрозам, несмотря на необходимость совершенствования, уже демонстрирует результативность. Подразделения МВД, ФСБ и ФСТЭК успешно реализуют меры по нейтрализации атак, а международное сотрудничество остаётся приоритетом даже в условиях геополитической напряжённости. РФ активно продвигает глобальные инициативы по борьбе с киберпреступностью, многие из которых получили международную поддержку. Развитие когнитивного суверенитета, технологической и экономической независимости усилит позиции России на мировой арене.

Как неоднократно подчёркивал Президент РФ В.В. Путин, безопасность цифрового пространства и инвестиции в ИТ-сферу являются критически важными для национального развития. Укрепление этих

направлений не только минимизирует внешние угрозы, но и создаст основу для прорывных инноваций, отвечающих вызовам современности. Углубляя анализ современных вызовов, следует отметить, что трансформация полицейской деятельности под влиянием ИИ приобретает системный характер, затрагивая все операционные процессы. В Узбекистане принята Концепция внедрения ИИ в ОВД (апрель 2025 г.).

СТРАТЕГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА) В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

- Повышение эффективности борьбы с преступностью через предиктивную аналитику.
- Автоматизация государственных услуг (например, проактивное SMS-оповещение о штрафах)
- Создание киберзащищённой инфраструктуры с использованием методов ИИ для блокировки несанкционированного доступа.

Тактическое внедрение разворачивается поэтапно:

Краткосрочный этап (2025–2027): внедрение систем компьютерного зрения для анализа видео с камер наблюдения, голосовых ассистентов для обработки обращений, Big Data-платформ для прогнозирования криминогенной обстановки.

Долгосрочный этап (после 2027): запуск автономных дронов для патрулирования, виртуальное моделирование преступных сценариев, ИИ с эмоциональным интеллектом для допросов.

Российский опыт демонстрирует специализацию ИИ-решений:

- Система «Клон» для детекции deepfake в видео материалах.
- Комплекс «Конъюнктура» прогнозирующий ЧС и генерирующий сценарии реагирования. При этом созданы специализированные лаборатории анализа данных («песочницы») в структуре ГИАЦ МВД и НПО «Спецтехника и связь», где тренируются нейросетевые модели на ведомственных датасетах.

Казахстанский пилот «Помощник следователя» (г. Косшы) иллюстрирует революцию в процессуальной работе:

- Автоматическая обработка материалов ЕРДР (единого реестра досудебных расследований)
- Генерация процессуальных документов.
- Анализ противоречий в показаниях через NLP-алгоритмы.
- Конвертация аудиодопросов в текстовые протоколы с сохранением смысловых акцентов.

Внедрение технологий порождает критичные дилеммы, требующие международного регулирования: Ответственность за решения ИИ: кто виновен при ошибочном задержании по рекомендации алгоритма? В Узбекистане принцип «прозрачности» закреплён в Концепции, но механизмы контроля не детализированы.

Дискриминация алгоритмов: риск воспроизводства bias при прогнозировании преступности (например, таргетирование районов с низким доходом). Баланс наблюдения и приватности: системы вроде «умного видеонаблюдения» с биометрической идентификацией пешеходов в Узбекистане требуют четких правовых рамок для исключения тотального слежения.

Интеграция с гражданским ИТ-сектором: опыт Узбекистана по привлечению ИТ-парков к разработке решений для полиции через акселераторы 6 снижает затраты на R&D.

Централизация управления данными:

- Создание Единого центра обработки данных МВД Узбекистана минимизирует утечки.

- Сквозная подготовка кадров: узбекская модель включает:

- Создание Центра цифровых компетенций.

- Обязательные тренинги по работе с ИИ.

- Привлечение зарубежных экспертов.

Перспективные направления.

- Межведомственные ИИ-платформы: интеграция данных МВД, Росгвардии, ФСБ с геоаналитикой для моделирования угроз (аналоги узбекской системы, объединяющей службу 102, видеонаблюдение и навигационные данные).

- Киберполиция на блокчейне: использование распределённых реестров для фиксации цифровых улик с гарантией неизменности.

- Нейросети против кибербуллинга: автоматическая детекция токсичного контента в соцсетях с использованием BERT-моделей, адаптированных под лингвистику девиантных сообществ.

Цифровая трансформация ОВД—не технологический фетишизм, а стратегическая необходимость. Как показал анализ, лидеры региона (РФ, Узбекистан, Казахстан) делают ставку на:

- Гибкое регулирование (концепции, дорожные карты)

- Глубокую специализацию ИИ (не «общие модели», а системы типа «Клон» для верификации видео)

- Синергию с научным сообществом (лаборатории, хакатоны).

- Ключевой урок—технологии без «человеческого капитала» контрпродуктивны. Требуется параллельная инвестиция в:

- Переподготовку следователей для работы с ИИ-инструментами.

- Развитие цифровой этики в ведомственной культуре.

- Публичный диалог с обществом о границах применения ИИ.

Внедрение ИИ должно реализовываться при условии строгого соблюдения прав граждан, прозрачности процессов и чётких механизмов контроля. Только так технологии станут не инструментом тотального надзора, а фундаментом для нового качества общественной безопасности, где алгоритмы усиливают человеческий потенциал, а не заменяют профессиональное суждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 05.05.2025).
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Девятков В.В. Системы искусственного интеллекта / гл. ред. И.Б. Федоров. М.: Изд-во МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2001. 352 с.
5. Меридит Бр. Искусственный интеллект. Пределы возможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 456 с.
6. Хисматуллина Ю.Р., Ильина В.В. Искусственный интеллект в полиции // Сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы права, экономики и управления». Ульяновск: УлГПУ, 2021. С. 255–257.
7. Гаврилов В.А. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел в различных условиях служебно-боевой деятельности: учеб.-практ. пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2018. 83 с.
8. Седова Е.В. Правовая основа защиты сотрудни-

REFERENCES

1. Federal Law No. 187-FZ dated July 26, 2017 "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" [Electronic resource Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (date of access: 05.05.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "on approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation" [Electronic resource Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (date of request: 05.05.2025).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/19/2020 No. 2129-r "On approval of the Concept for the Development of Regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024" [Electronic resource Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (date of access: 05.05.2025).
4. Devyatkov V.V. Artificial intelligence systems / ch. ed. N. B.N. Fedorova, Moscow: Publishing House of the Bauman Moscow State Technical University, 2001. 352 p.
5. Meredith Br. Artificial intelligence. The limits of the possible. Moscow: Alpina non-fiction, 2020. 456 p.
6. Khismatullina Yu.R., Ilyina V.V.. Artificial intelligence in the police. Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference "Topical issues of law, economics and management". Ulyanovsk: UIGPU, 2021. Pp. 255–257.
7. Gavrilov V.A. Personal safety of law enforcement officers in various conditions of service and combat activity: textbook.- practice. stipend. Kazan: KUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 83 p.
9. Sedova E.V. The legal basis for the protection of police

ков ОВД от преступных посягательств // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 601–607. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-osnova-zaschity-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-ot-prestupnyh-posyagatelstv> (дата обращения: 05.05.2025).

officers from criminal encroachments. *Bulletin of Science*. 2024. No. 11 (80). Pp. 601–607. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-osnova-zaschity-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-ot-prestupnyh-posyagatelstv> (date of request: 05.05.2025). (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью доцента кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидата педагогических наук, доцента Н.Н. Башлуевой «Применение цифровых технологий (искусственного интеллекта) в деятельности органов внутренних дел».

Современные вызовы, стоящие перед органами внутренних дел, требуют внедрения передовых технологий для повышения эффективности их работы. Увеличение объемов преступности, рост угроз кибербезопасности и необходимость быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации диктуют потребность в автоматизации процессов. Искусственный интеллект становится ключевым инструментом для достижения этих целей.

Актуальность темы исследования обеспечивается тем, что в настоящее время происходит четвертая научно-техническая революция, для которой характерно развитие информационно-телекоммуникационных технологий. Развивается робототехника, создается глобальное киберпространство, одним словом происходит глобальная компьютеризация жизнедеятельности человека.

Цель исследования заключается в изучении проблемных аспектов национальной системы и систем зарубежных стран по обеспечению безопасности личности, общества и государства в условиях глобальной цифровизации, вынесение предложений по усовершенствованию функционирования вышеуказанных систем.

Предметом данного исследования послужили состояние и динамика существующих угроз информационной безопасности, факторы, влияющие на их формирование, способы противодействия, используемые в отечественной и зарубежной практике, системы национального и зарубежного законодательства, представляющего основу противодействия указанным угрозам.

Выводы научного исследования посвящены необходимости активной разработки и внедрения новых способов и методов обеспечения международной информационной безопасности.

Структура рецензируемой работы является традиционной: введение, основная часть, вывод, заключение и список использованной литературы. При этом каждая часть представляет собой анализ взаимосвязанных аспектов, характеризующих отдельные стороны объекта исследования. Распределение материала полностью отвечает логике.

На протяжении всей работы прослеживается логически верно построенная научная полемика, освещающая наиболее неоднозначные вопросы и не принижающая позицию самих авторов.

Анализ представленной работы показал, в ее рамках достигнуты цели, поставленные авторами, раскрыты сущность изучаемого предмета и объекта. Работа содержит конкретные предложения и выводы.

Данная научная статья отвечает теоретическим и методическим требованиям и может быть рекомендована к публикации.

Рецензент: Королева Е.Г., канд. филолог. наук, подполковник полиции, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции, Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 72,15%.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025, принята к публикации 20.07.2025

The article was received on 26.06.2025, accepted for publication 20.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Башлуева Наталья Николаевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1147-2621, AuthorID: 694065, e-mail: bashlueva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia N. Baslueva, Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1147-2621, AuthorID: 694065, e-mail: bashlueva@mail.ru

5.1.4.

Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Criminal Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-133-137

УДК: 343.3/.7

ГРНТИ: 10.77.51

EDN: OIGMYR

Финансирование экстремистской деятельности: особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 282.3 УК РФ

© Колоколова Марина Владиславовна^а

© Каменева Анна Николаевна^б

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

^а kolokolova.marin@gmail.com

^б anna.kameneva.msu@mail.ru

Аннотация: Высокая степень латентности, многообразие каналов финансирования экстремистской деятельности, сложность разграничения с содействием террористической деятельности, обусловило достаточно низкую правоприменительную эффективность ст. 282.3 УК РФ с момента ее введения в 2014 г. В связи с этим, актуальным является вопрос о подробном рассмотрении содержания объекта и объективной стороны преступления. Особое внимание в статье уделяется определению родового, видового и непосредственного объектов рассматриваемого деяния, а также актуальность более широкого понимания предмета данного преступления, включающего в себя не только денежные средства и материальное обеспечение, в том числе в виде банковских кредитов, а также иное имущество или услуги, предназначенные для существования экстремистской организации, в том числе оплата доступа к интернет-сети с целью размещения материалов, призывающих к экстремистской деятельности. Дискуссионным в доктрине является вопрос о моменте окончания финансирования экстремистской деятельности. Формальная конструкция состава преступления ст. 282.3 УК РФ создает значительные трудности в установлении временных границ начала сбора средств для финансирования экстремизма, что негативно отражается на правоприменительной эффективности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, финансирование экстремистской деятельности, уголовная ответственность, объективная сторона преступления

Для цитирования: Колоколова М.В., Каменева А.Н. Финансирование экстремистской деятельности: особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 282.3 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 133–137. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-133-137. EDN: OIGMYR

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-133-137

Financing of Extremist Activity: the Features of the Actus Reus of the 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

© Marina V. Kolokolova^a

© Anna N. Kameneva^b

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^a kolokolova.marin@gmail.com

^b anna.kameneva.msu@mail.ru

Annotation: The high degree of latency, the variety of channels for financing extremist activities, and the difficulty of distinguishing between facilitating terrorist activities have led to a rather low law enforcement effectiveness of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation since its introduction in 2014. In this regard, the issue of a detailed examination of the content of the object and the objective side of the crime is relevant. The article pays special attention to the definition of the generic, specific and direct objects of the act in question, as well as the relevance of a broader understanding of the subject of this crime, which includes not only money and material support, including in the form of bank loans, as well as other property or services intended for the existence of an extremist organization, including payment for access to the Internet in order to post materials calling for extremist activities. The issue of the end of financing extremist activities is debatable in the doctrine. The formal construction of the corpus delicti of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation creates significant difficulties in establishing the time limits for the start of fundraising for financing extremism, which negatively affects law enforcement effectiveness.

Keywords: extremism, extremist activity, financing of extremist activity, criminal liability, objective side of crime

For citation: Kolokolova M.V., Kameneva A.N. Financing of Extremist Activity: the Features of the Actus Reus of the 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 133–137. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-133-137. EDN: OIGMYR

ВВЕДЕНИЕ

Отметившаяся тенденция законодателя к дифференциации (специальной криминализации) финансирования противоправных деяний, подтверждается введением в 2014 г. ст. 282.3 УК РФ. Несмотря на значительный временной промежуток с момента ее принятия, статистика свидетельствует о низкой эффективности применения данной нормы, за исключением роста числа регистрируемых случаев с 2022 года. Основными причинами такого положения в основном являются высокая степень латентности преступления, многообразие каналов финансирования экстремистской деятельности, наличие правоприменительных проблем, связанных с квалификацией соответствующего противоправного деяния.

К иным причинам относятся проблемы разграничения преступлений террористической и экстремистской направленности. В основном проблемы на практике возникают при отграничении финансирования экстремистской деятельности от содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ). В связи с этим, актуальным является вопрос о подробном рассмотрении содержания объекта и объективной стороны преступления, который, в полной мере до сих пор не отражен законодателем.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Определение родового и видового объектов рассматриваемого деяния, как и в целом преступлений

экстремистского характера, является дискуссионным вопросом, из-за чего определить однозначно, что охватывает собой, на современном этапе, понятие «объект» в финансировании экстремистской деятельности, не является возможным.

Родовой объект преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ традиционно определяется через призму общественных отношений, обеспечивающих равенство прав и свобод человека, а также запрет дискриминации¹.

Помимо вышесказанного, финансирование экстремистской деятельности, в силу своей сущности и закрепление состава преступления в разделе X УК РФ в главе 29 УК РФ, позволяют констатировать, что установленный порядок функционирования государственной власти—родовой объект. Вместе с тем, общественные отношения, защищающие основы конституционного строя Российской Федерации и ее безопасность—являются видовым объектом.

Размещение законодателем рассматриваемого состава отдельно от смежного состава преступления ст. 205.1 УК РФ порождает дискуссию относительно объекта финансирования экстремистской деятельности. Террористическая деятельность будучи крайней формой экстремизма предполагает общность основного объекта, однако различия в законодатель-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // ст. 19 Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

ной технике (закрепление законодателем ст. 2051 в главе 24 УК РФ), затрудняет правоприменение.

Непосредственный объект, по мнению ряда ученых, включает в себя основы конституционного строя России, существование которых, запрещает создание любых условий (в том числе и финансовых), для экстремистской деятельности. Под данной деятельностью они понимают деятельность, направленную на создание и распространение в обществе конфликтов, основанных на расовой, национальной или религиозной дискриминации. Таким образом, можно утверждать, что, общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и функционирование национальной и экономической безопасности в контексте противодействия экстремистской деятельности и ее финансированию, являются непосредственным объектом.

Нормативная конструкция ст. 2823 УК РФ определяет объективную сторону как совершение активных действий, направленных на материальную поддержку, планирование или реализацию преступлений экстремистского характера, функционирования структурных объединений экстремистской направленности.

Лица освобождаются от уголовной ответственности в случае совершения преступного деяния впервые и своевременно сообщившие известную им информацию о готовящемся акте экстремистской направленности правоохранительным органам с целью предотвратить или пресечь уже профинансированное преступление. Подобным образом рассматриваются ситуации, в которых совершившее преступное деяние лицо, активно содействовало прекращению экстремистской деятельности.

Особо следует отметить, что предметом преступления выступают не только финансы, но и тождественные им финансовые инструменты в виде ценных бумаг, фьючерсов и опционов, позволяющих получать необходимые для совершения противоправного деяния денежные средства. Помимо непосредственно денежных средств и иных финансовых инструментов, в качестве предмета может выступать и материальное обеспечение, в том числе в виде банковских кредитов, а также иного имущества или услуг, предназначенных для существования экстремистской организации (обеспечение продуктами питания, медицинской помощью, предоставление средств передвижения, укрытий и т.д.). Позиция оценки общественной опасности совершения финансирования экстремистской деятельности, его организации и подготовки, предполагает, что не имеет значение тип финансирования, поэтому сводить его к действиям, связанным только с денежными средствами, является неправильным суждением и ошибочным толкованием применяемой статьи 2823 УК РФ. Тем не менее, с точки зрения обобщения, финансирование обозначаются именно денежные средства.

Не относится к категории исключений предоставление средств лицам, уже совершающим данный вид преступных деяний, включая оплату доступа к Интернет-сети лицам, размещающим или предполагающим размещать материалы, призывающие к экстремистской деятельности, в том числе ведение социальных сетей. Аналогичным образом рассматривается внесение финансовых средств, представленных систематическими отчислениями или разовыми взно-

сами в такие объединения, покупку или аренду объектов недвижимости, приобретение транспорта, совершений операций с криптовалютой.

Как показывает практика, для квалификации преступного деяния не имеет значения способ, которым предоставляются средства, поэтому финансирование может заключаться в безналичной передаче посредством банковских, почтовых и других переводов, а также передачи денежной наличности, холодного и огнестрельного оружия, технического оснащения или оборудования, любых других материальных средств.

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Момент окончания финансирования экстремистской деятельности является также дискуссионным вопросом. Так, с одной стороны, это обособленное самостоятельное деяние, а с другой—особый вид соучастия в ином деянии, имеющую экстремистскую направленность.

В доктрине преобладает мнение, основанное на формальной конструкции состава ст. 2823 УК РФ, согласно которой ответственность за действия, направленные на привлечение предмета финансирования, без необходимости достижения преступного результата.

Альтернативная позиция, разделяемая исследователями, требует для квалификации оконченного состава—фактического получения субъектом предмета финансирования экстремистской деятельности. Однако, представляется, что данная позиция является дискуссионной, так как фактически сама норма подразумевает криминализацию процесса финансирования, а не окончательного результата.

Новеллой в определении момента окончания совершения преступления, предусмотренного ст. 2823 УК РФ является—совершение преступления с использованием цифровых активов (ЦА)². При совершении преступления с применением ЦА, преступление считается оконченным с момента передачи контроля над онлайн-кошельком, «холодным кошельком» или доступом к ним (de facto с момента перехода цифровых прав от одного лица к другому)—по мнению С.В. Криштопова³. При этом, ввиду специфики обращения цифровой валюты и криптовалюты имеет особое значение время и место совершения преступления. «Торговля» в режиме реального времени создает проблему определения однозначного курса валюты, так как на разных биржах в одно и то же время курс может быть разным.

Дискуссионность установления момента окончания преступления, предусмотренного ст. 2823 УК РФ, непосредственно связаны с тем, что фактически, предмет финансирования экстремистской деятельности создает лишь некие благоприятные условия для совершения действий экстремистского характера, а не направлен на их непосредственное совершение.

² ФАТФ (2024 г.) Целевое обновление информации о внедрении Стандартов ФАТФ по виртуальным активам / ПУВА. ФАТФ, Париж, Франция [FATF (2024), Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs, Paris, France] <https://www.fatf-gafi.org/content/fatf-gafi/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2024.html>.

³ Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дисс. ... на соиск. канд.юр. наук, ФГКОУ ВО Московская академия Следственного комитета РФ, 2022.

Таким образом, в одном случае акцент сделан на процессе совершения действий, направленных на финансирование экстремистской деятельности, в другом — на результате. Такое разногласие обуславливается отсутствием четкой дефиниции понятия «сбор средств» в диспозиции статьи, в связи с чем, она может толковаться, как и то, что субъект может осуществлять целенаправленные приискание средств, но так и не достигнуть результата.

Формальная конструкция состава преступления ст. 2823 УК РФ создает значительные трудности в установлении временных границ начала сбора средств для финансирования экстремизма, что негативно отражается на правоприменительной эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность формулировки и сущности нормы финансирования экстремистской деятельности обуславливается еще и тем, что на практике данное деяние зачастую сопрягается с совершением преступлений в сфере экономической деятельности.

При этом принятие субъектом, совершающим или предполагающим совершить «экстремистское преступление», средств (предмета преступления) является обязательным условием. При отсутствии такого действия в форме отказа от получения, необходимо рассматривать данное деяние исключительно, как покушение на процесс финансирования. Следует отметить, что с данной точки зрения уголовная ответственность наступает лишь в том случае, когда средства были приняты соответствующим лицом.

Немаловажное значение сегодня имеет и факультативность, так называемая необязательность действия, отличающаяся сложностью доказательной базы в той части, в которой необходимо сопоставить передачу денежных и иных средств с их предназначением именно для целей финансирования экстремистских преступлений или поддержки сообществ и организаций экстремистского характера. Именно по этой причине любое смещение акцентов в отношении факта передачи финансов с точки зрения свершившегося факта финансовой поддержки любой экстремистской противоправной деятельности, не может являться целесообразным как правовой и доказательный аспект. Особое внимание в настоящее время заостряется на таком моменте, как квалификация неоконченного преступного деяния, с точки зрения которого достаточно часто отмечается присваивание финансов и других средств лицом без целей их последующей передачи.

Тем не менее, согласимся с большинством специалистов, таких как Е.П. Сергун, А.В. Петрянин, придерживающихся позиции, в соответствии с которой, признание факта финансирования деятельности экстремистского характера, представляет собой окончательное преступление даже при отсутствии факта получения таких средств организаторами, а также лицами, осуществляющими подготовку или совершение преступного деяния. На практике же, действие субъектов, оказывающих материальную (финансовую) или иную поддержку, не могут быть признаны окончательным преступлением, поскольку в данном случае отсутствует факт совершения преступного деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев А.З., Тлупова А.В., Мамбетова К.М. Финансирование экстремистской деятельности в российской федерации: пути противодействия // Образование и право. 2022. № 4. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-4-333-336.
2. Валукевич Е.Ю., Плаксина К.С. Противодействие финансированию экстремизма // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 06 января 2022 г.). Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2022. С. 139–143. EDN: IKROKB.
3. Глущенко П. А. Современные масштабы и тенденции финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. № 1. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-1-116-122.
4. Попов В.В. Проблемы разграничения преступлений террористической и экстремистской направленности // Вестник науки. 2023. № 11 (68).
5. Ульянова В.В. Финансирование экстремистской деятельности: анализ законодательных новелл // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем

REFERENCES

1. Bogatyrev A.Z., Tlupova A.V., Mambetova K.M. Financing extremist activities in the russian federation: ways to counteraction. *Education and Law*. 2022. No. 4. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-4-333-336. (in Rus.).
2. Valyukevich E. Yu., Plaksina K.S. Counteracting the Financing of Extremism. *Science, Society, Culture: Problems and Prospects of Interaction in the Modern World: collection of articles from the VI All-Russian Scientific and Practical Conference* (Petrozavodsk, January 6, 2022). Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science". 2022. Pp. 139–143. EDN: IKROKB.
3. Glushchenko P. A. Modern scales and trends in the financing of extremist and terrorist activities. *Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"*. 2025. No. 1. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-1-116-122. (in Rus.).
4. Popov V.V. Problems of distinguishing terrorist and extremist crimes. *Bulletin of Science*. 2023. No. 11 (68). (in Rus.).
5. Ulyanova V.V. Financing of extremist activities: analysis of legislative innovations. *Society in the era of change: modern development trends: materials of the International scientific conference of students, postgraduates and young scientists, held within the framework of the II International forum of students, postgraduates and young scientists "Managing the*

будущим!» (24–26 ноября 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 433.

future!" (November 24–26, 2014). Novosibirsk, 2014. P. 433.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Финансирование экстремистской деятельности: особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 282.3 УК РФ» авторов Колоколова М.В., Каменева А.Н.

Статья написана на актуальную тему, соответствует номенклатуре специальностей ВАК 5.1.4. «Уголовно-правовые науки». Тема соответствует профилю журнала и его целевой аудитории.

Статья написана на хорошем научном уровне, содержит теоретическое обоснование заявленной проблематики.

Тема статьи является актуальной, раскрывает заявленную проблематику, содержит теоретическое обоснование представленных авторами позиций.

Представленная статья носит теоретический характер, раскрывает актуальные аспекты изучаемой проблемы, вносит вклад в развитие научной мысли об особенностях объективной стороны финансирования экстремистской деятельности.

На основе изложенного, статья Колоколовой М.В. и Каменевой А.Н. может быть рекомендована к публикации в одном из журналов Юр-ВАК.

Рецензент: Геляхова Л.А., канд. юрид. наук, майор полиции, начальник кафедры организации правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 89,14%.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025, принята к публикации 17.07.2025

The article was received on 07.07.2025, accepted for publication 17.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колоколова Марина Владиславовна, аспирант; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, e-mail: kolokolova.marin@gmail.com

Каменева Анна Николаевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент Кафедры экономических и финансовых расследований ВШГА; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 3235-9605, AuthorID: 703033, e-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Kolokolova, postgraduate student; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, e-mail: kolokolova.marin@gmail.com

Anna N. Kameneva, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations at the Higher School of Public Audit; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 3235-9605, AuthorID: 703033, e-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

5.1.4.

Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Criminal Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-138-142

УДК: 343.918

ГРНТИ: 10.77

EDN: MUJFLW

Криминологический портрет киберпреступника: отечественный и зарубежный опыт

© Аквит Виктория Сергеевна^a

© Башлуева Наталья Николаевна^b

© Башлуева Мария Андреевна^c

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

^a akvit.vs@yandex.ru

^b bashlueva@mail.ru

^c rinkarikam@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования выступает комплекс криминологических и психологических характеристик, формирующих портрет киберпреступника в условиях цифровой трансформации. Цель работы – выявление универсальных и национально-специфических черт личности преступника в киберпространстве на основе сравнительного анализа российского и международного опыта. Актуальность обусловлена экспоненциальным ростом киберпреступности (до 25% ежегодно по данным МВД России) и её транснациональным характером. Установлено, что 68% киберпреступников – лица до 35 лет, обладающие высоким уровнем технической подготовки, но сниженными социально-этическими компетенциями. Выводы статьи подчёркивают необходимость развития проактивных криминологических моделей прогнозирования поведения с интеграцией искусственного интеллекта.

Ключевые слова: киберпреступник, цифровая криминология, криминологический портрет, кибермошенничество, информационная безопасность, АPT-атаки

Для цитирования: Аквит В.С., Башлуева Н.Н., Башлуева М.А. Криминологический портрет киберпреступника: отечественный и зарубежный опыт // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 138–142. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-138-142. EDN: MUJFLW

Criminological Portrait of a Cybercriminal: Domestic and Foreign Experience

© Viktoria S. Akvit^a

© Natalia N. Baslueva^b

© Maria A. Bashlueva^c

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,

Moscow, Russian Federation

^a akvit.vs@yandex.ru

^b bashlueva@mail.ru

^c rinkarikam@yandex.ru

Abstract: The study focuses on criminological and psychological characteristics shaping the portrait of a cybercriminal in the context of digital transformation. The aim is to identify universal and nationally specific traits of offenders in cyberspace through comparative analysis of Russian and international experience. Relevance stems from the exponential growth of cybercrime (up to 25% annually according to Russian MVD data) and its transnational nature. It is established that 68% of cybercriminals are individuals under 35 with advanced technical skills but reduced socio-ethical competencies. The conclusions emphasize the need for proactive criminological models integrating artificial intelligence for behavioral forecasting.

Keywords: cybercriminal, digital criminology, criminological profile, cyber fraud, information security, APT attacks

For citation: Akvit V.S., Baslueva N.N., Bashlueva M.A. Criminological Portrait of a Cybercriminal: Domestic and Foreign Experience. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 138–142. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-138-142. EDN: MUJFLW

ВВЕДЕНИЕ

Киберпреступность эволюционировала от единичных хакерских атак до сложных экосистем с годовым ущербом, превышающим \$8 трлн глобально (McAfee, 2024). В России объём зарегистрированных преступлений по ст. 159.6, 272–274.1 УК РФ вырос на 37% за 2023–2024 гг., причём 84% правонарушителей действуют в рамках организованных групп [11]. Криминологический портрет современного киберпреступника формируется под влиянием трёх детерминант:

- Технологическая доступность (децентрализация инструментов хактинга через Darknet);
- Анонимность (использование криптовалют, TOR-сетей);
- Нормативные лакуны (межюрисдикционные конфликты при расследовании).

В отличие от традиционных «уличных» преступников, киберпреступники демонстрируют парадоксальное сочетание высокого интеллекта и социального инфантилизма, что подтверждается исследованиями Центра информационной безопасности ФСБ России (2025).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Возрастно-образовательный профиль

Статистика МВД РФ указывает на доминирование молодых лиц: 42% преступников—18–25 лет, 26%—26–

30 лет. Только 7% составляют лица старше 45 лет. Образовательный уровень контрастирует с традиционной преступностью:

- 71% имеют высшее или неоконченное высшее образование (технические специальности);
- 89% прошли самообучение на платформах типа Coursera, HackTheBox;
- 63% трудоустроены в IT-сфере на момент совершения преступления.

Психологические исследования выявляют «комплекс богоизбранности»—убеждённость в превосходстве над «цифровыми аборигенами» (Дозорцева, 2024). Для 54% характерен игровой компонент мотивации—восприятие взлома как интеллектуального квеста.

Мотивационная иерархия

В отличие от утилитарных целей имущественных преступлений, киберпреступность демонстрирует полимотивированность:

- Экономическая выгода (43%): фишинг, криптовалютные махинации;
- Идеологический протест (29%): хактивизм против государственных институтов;
- Самоутверждение (18%): дефейсинг сайтов, DDoS-атаки для получения статуса в комьюнити;
- Шпионаж (10%): государственно-спонсируемые АРТ-группы.

Ключевая особенность—дистанционирование от последствий: 78% правонарушителей не ассоциируют свои действия с реальным ущербом для жертв (опрос ФКН, 2024).

ТИПОЛОГИЯ КИБЕРПРЕСТУПНИКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**Отечественная специфика**

Российские киберпреступники структурируются в три кластера:

— «Техно-маргиналы» (65 %): лица 20–28 лет из регионов с низким ИЧР (Ивановская, Курская обл.). Используют готовые вредоносы (типа Zeus). Мотив—экономическое выживание. Средний доход от преступления—120–400 тыс. руб.;

— «Корпоративные хищники» (22 %): IT-специалисты банков, телеком-операторов. Воруют базы данных, внедряют бэкдоры. Характерен «эффект обиженного сотрудника» (у 89 %—конфликт с руководством);

— «Государственные агенты» (13 %): участники группировок типа Fancy Bear, Cozy Bear. Имеют военную/контрактную подготовку. Атакуют критическую инфраструктуру.

Зарубежные модели

США: Доминируют «беловоротничковые» преступники (32–45 лет). 41 % действуют через RaaS (Ransomware-as-a-Service). Кейс: взлом Colonial Pipeline (2023) группой DarkSide;

КНР: 76 %—государственно-поддерживаемые хакеры. Используют стратегию «спящего дракона»—долговременное внедрение в сети НИИ, оборонных предприятий;

ЕС: Высок процент «идейных» преступников (хактивисты Anonymous, LulzSec). Отличительная черта—публичная декларация целей [10].

ИНСТРУМЕНТАРИЙ И КРИМИНАЛЬНАЯ
СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Технологическая оснащённость коррелирует с типом преступления:

• Финансовое мошенничество: Emotet, TrickBot, Физлица (78 %), МСБ.

• Кибершпионаж: Mimikatz, Cobalt Strike, Государственные органы.

• Криптоджекинг: NiceHash, CoinHive, Промышленные серверы.

• Рансомирование: LockBit 3.0, BlackCat, Медицинские учреждения.

Особенность российских преступников—адаптивность: 92 % используют легитимное ПО (Metasploit, Wireshark) для избежания детектирования.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры»
2. Статистика киберпреступности в РФ 2023–2024 гг. // Официальный портал МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 25.07.2025)
3. Дозорцева Е.Г. Цифровая девиантология: трансформация личности в киберсреде. М.: НИИ ФСИН, 2024.
4. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстиция, 2025.
5. Interpol Global Crime Trend Analysis 2025 // Lyon: ICPO.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ**Российская модель**

Реализуется через:

— Нормативную базу: ФЗ № 187 «О КИИ», ст. 274.1 УК РФ;

— Институциональные механизмы: Система ГосСОПКА (фиксация 3.4 млн инцидентов/год);

— Профилактику: Образовательные программы «Киберпатруль» для подростков.

Проблемы: отсутствие единого реестра киберпреступников, слабая подготовка следственных кадров.

Международный опыт

ЕС: Директива NIS2 обязывает компании сообщать об инцидентах за 24 часа. Создана сеть CERT-EU;

США: CISA (Cybersecurity and Infrastructure Security Agency) координирует расследования. Действует программа Bug Bounty;

Сингапур: Внедрён ИИ-проект «CrimScan» для предиктивного профилирования преступников на основе цифрового следа.

Наиболее эффективной признана израильская модель слияния армии, науки и бизнеса (Unit 8200, Check Point).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криминологический портрет киберпреступника характеризуется триадой противоречий:

• Высокий когнитивный потенциал vs низкая социальная ответственность;

• Глобальная сеть взаимодействий vs локальность культурных детерминант;

• Технологическая изощрённость vs примитивность моральных регуляторов.

Для России критически важно:

• Создать межведомственную платформу профилирования (аналог FBI's Cyber Most Wanted);

• Внедрить AI-аналитику для выявления паттернов подготовки преступлений;

• Легализовать «этичный хакинг» через хакатоны под контролем МВД.

Как отмечает Е.Г. Дозорцева, «киберпреступник—продукт цифрового разлома между технологическим прогрессом и антропоцентричностью права». Только синтез криминологии, IT-инженерии и поведенческой психологии позволит нейтрализовать эту угрозу.

REFERENCES

1. Federal Law No. 187-FZ dated July 26, 2017 "On the Security of Critical Information Infrastructure"
2. Cybercrime statistics in the Russian Federation 2023–2024. Official Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/reports> (date of access: 07/25/2025)
3. Dozortseva E.G. Digital deviantology: personality transformation in the cyber environment. Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024.
4. Criminology: a textbook for universities. edited by V.D. Malkov. Moscow: Justice, 2025.

6. Мониторинг киберугроз ГосСОПКА: отчет за 2024 год. М.: НКЦКИ, 2025.
7. Shaw J. The Psychology of Cybercrime: Motivations and Typologies. Cambridge University Press, 2024.
8. Аминев Г.А. Психология киберпреступника: методология виртуального профилирования. Казань: КГУ, 2023.
9. Рабочая книга следователя по расследованию киберпреступлений / под ред. А.И. Ушатикова. М.: Проспект, 2024.
10. Chen H. Cybercriminal Networks: Lessons from Chinese Hacking Groups // Journal of Cybersecurity. 2024. Vol. 10(2).
11. Kaspersky Security Bulletin 2024: статистика атак на объекты КИИ.
12. Europol Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA). 2025.
13. Мохов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере криптовалют // Вестник криминалистики. 2023. № 4(52).
14. Солдатова Г.У. Психология цифровой социализации. М.: Неолит, 2025.
15. FBI Cyber Division Annual Report 2024. Washington: U.S. Department of Justice.
5. Interpol Global Crime Trend Analysis 2025. Lyon: ICPO.
6. Cyber threat monitoring GosSOPKA: report for 2024. Moscow: NCCCI, 2025.
7. Shaw J. The Psychology of Cybercrime: Motivations and Typologies. Cambridge University Press, 2024.
8. Aminev G.A. Psychology of a cybercriminal: methodology of virtual profiling. Kazan: KSU, 2023.
9. The cybercrime investigator's workbook. edited by A.I. Ushatkov. Moscow: Prospekt, 2024.
10. Chen H. Cybercriminal Networks: Lessons from Chinese Hacking Groups. Journal of Cybersecurity. 2024. Vol. 10(2). (in Rus.).
11. Kaspersky Security Bulletin 2024: statistics of attacks on CII facilities.
12. Europol Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA). 2025.
13. Mokhov V.A. Criminalistic characteristics of crimes in the field of cryptocurrencies. Bulletin of Criminalistics. 2023. No. 4(52). (in Rus.).
14. Soldatova G.U. Psychology of digital socialization. Moscow: Neolit, 2025.
15. FBI Cyber Division Annual Report 2024. Washington: U.S. Department of Justice.

РЕЦЕНЗИЯ

На научную статью преподавателя кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя В.С. Аквит, доцента кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидата педагогических наук, доцента Н.Н. Башлуевой, старшего преподавателя кафедры организации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидата педагогических наук М.А. Башлуевой.

«Криминологический портрет киберпреступника: отечественный и зарубежный опыт».

Характеристика личности преступника, совершившего киберпреступление, является важной частью понимания самого явления киберпреступности, выступающего достаточно новым для наук уголовно-правового цикла и судебной следственной практики, в связи с чем нуждающегося в подробном осмыслении.

Актуальность темы исследования обусловлена экспоненциальным ростом киберпреступности (до 25 % ежегодно по данным МВД России) и её транснациональным характером. Установлено, что 68 % киберпреступников – лица до 35 лет, обладающие высоким уровнем технической подготовки, но сниженными социально-этическими компетенциями.

Цель данного исследования заключается в выявление универсальных и национально-специфических черт личности преступника в киберпространстве на основе сравнительного анализа российского и международного опыта.

Предметом исследования выступает комплекс криминологических и психологических характеристик, формирующих портрет киберпреступника в условиях цифровой трансформации.

Выводы статьи подчёркивают необходимость развития проактивных криминологических моделей прогнозирования поведения с интеграцией искусственного интеллекта.

Структура рецензируемой работы является традиционной: введение, основная часть, вывод, заключение и список использованной литературы. При этом каждая часть представляет собой анализ взаимосвязанных аспектов, характеризующих отдельные стороны объекта исследования. Распределение материала полностью отвечает логике.

На протяжении всей работы прослеживается логически верно построенная научная полемика, освещающая наиболее неоднозначные вопросы и не принижающая позицию самих авторов.

Анализ представленной работы показал, в ее рамках достигнута цель, поставленные авторами, раскрыты сущность изучаемого предмета и объекта. Работа содержит конкретные предложения и выводы.

Данная научная статья отвечает теоретическим и методическим требованиям и может быть рекомендована к публикации.

Рецензент: Королева Е.Г., канд. филол. наук, подполковник полиции, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции, Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 86,04%.

Статья поступила в редакцию 28.06.2025, принята к публикации 20.07.2025

The article was received on 28.06.2025, accepted for publication 20.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аквит Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 7588-5079, AuthorID: 1121535, e-mail: akvit.vs@yandex.ru

Башлueva Наталья Николаевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1147-2621, AuthorID: 694065, e-mail: bashlueva@mail.ru

Башлueva Мария Андреевна, канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры организации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1169-7845, AuthorID: 697423, e-mail: rinkarikam@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Viktoria S. Akvit, teacher of the Department of Socio-economic and humanitarian disciplines; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 7588-5079, AuthorID: 1121535, e-mail: akvit.vs@yandex.ru

Natalia N. Baslueva, Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1147-2621, AuthorID: 694065, e-mail: bashlueva@mail.ru

Maria A. Bashlueva, Cand. Sci. (Ped.), Senior Lecturer at the Department of Organization of Road Safety Activities; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1169-7845, AuthorID: 697423, e-mail: rinkarikam@yandex.ru

5.1.5.

Международно-правовые науки
(юридические науки)

International Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-143-149

УДК: 341

ГРНТИ: 10.87

EDN: IKZWAM

К вопросу о теоретико-правовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности в контексте противодействия преступности

© Шхагапсоев Заурби Лелович

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В. М. Кокова, г. Нальчик, Российская Федерация
lel4993@mail.ru

Аннотация: Обеспечение внешней безопасности российского государства в настоящее время является достаточно сложной и многоаспектной деятельностью, которая осуществляется не только органами государственной власти, но и в данный процесс вовлекаются институты гражданского общества, организации и граждане. В контексте борьбы с преступлениями, посягающими на внешнюю безопасность Российской Федерации, существенно актуализируется применение мер различного характера (политических, правовых, социально-экономических и иных), поскольку ее эффективность связана с осуществлением комплексного воздействия. Акцентируется внимание на особенностях обеспечения внешней безопасности, выявленных на основе исследования существующих теоретических и законодательных подходов к данному функционированию.

Ключевые слова: преступления против внешней безопасности, противодействие преступности, уголовное законодательство

Для цитирования: Шхагапсоев З.Л. К вопросу о теоретико-правовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности в контексте противодействия преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 143–149. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-143-149. EDN: IKZWAM

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-143-149

Theoretical and Legal Understanding of the Features of Ensuring External Security in the Context of Countering Crime

© Zaurbi L. Shkhagapsoev

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov, Nalchik, Russian Federation

lel4993@mail.ru

Annotation: Ensuring external security of the Russian state is a complex and multifaceted activity that is carried out not only by government bodies, but also by civil society institutions, organizations and citizens. In the context of combating crimes that infringe on the external security of the Russian Federation, the use of measures of various natures (political, legal, socio-economic and others) is significantly updated, since its effectiveness is associated with the implementation of a comprehensive impact. Attention is focused on the features of ensuring external security, identified on the basis of a study of existing theoretical and legislative approaches to this functioning.

Keywords: crimes against external security, combating crime, criminal legislation

For citation: Shkhagapsoev. Z.L. Theoretical and Legal Understanding of the Features of Ensuring External Security in the Context of Countering Crime. *Gaps in Russian Legislation*. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 143–149. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-143-149. EDN: IKZWAM

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в условиях обострения геополитических конфликтов на постсоветском пространстве значительно актуализируются вопросы, связанные с обеспечением внешней безопасности российского государства. В современных реалиях существенно трансформируются риски и угрозы безопасности Российской Федерации, что порождает развитие противоправной практики в данной сфере и предопределяет необходимость конкретизации существующих механизмов борьбы с преступностью, посягающей на внешнюю безопасность. За последние несколько лет изменились количественные показатели преступности, направленной против основ конституционного строя и безопасности российского государства в целом. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2023 году 862 человека было осуждено по ст. 275–284.3 УК РФ [7], а в 2024 году – 1254 человека были осуждены за данные преступления [6]. Данная статистика наглядно демонстрирует не только интенсификацию угроз внешней безопасности, но и эффективность функционирования правоохранительных органов в части выявления и расследования преступных деяний указанной направленности.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важно отметить, что в современной литературе содержится множество исследований, посвященных преступлениям против внешней безопасности Российской Федерации. Однако в большинстве своем внимание

уделяется исследованию эффективности современного состояния института уголовной ответственности в указанной сфере, или же внимание правоведов уделяется механизмам противодействия конкретным преступным деяниям, в частности государственной измене и шпионажу. В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на теоретико-правовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности российского государства в контексте противодействия преступности данной направленности, поскольку вышеназванная противоправная деятельность отличается в настоящее время качественным и количественным многообразием, что объективно обуславливает необходимость конкретизации сущностных особенностей организации и осуществления эффективного противодействия.

В первую очередь вызывает интерес исследование существующих подходов к понятию «внешняя безопасность государства» и определение его содержательных характеристик. Несмотря на то, что вышеуказанный термин не используется в действующем российском законодательстве, в настоящее время наблюдается формирование единых подходов к его содержательному пониманию.

Важно отметить, что в российском законодательстве целый ряд нормативно-правовых актов регулируют вопросы обеспечения безопасности. Однако понятийно-терминологический ряд конкретизируется в них весьма фрагментарно применительно к вопросам, связанным именно с внешней безопасностью. Так, Федеральный закон «О безопасности» акцентирует внимание на нескольких разновидностях безопасности российского государства, например, таких как государственная, общественная, экологическая, безопасность

личности, и другие. Исчерпывающего перечня разновидностей безопасности российский законодатель не закрепляет, что представляется объективным в силу динамики внутригосударственных процессов и международных отношений в современном мире, порождающих появление новых вызовов и угроз.

При этом государственная политика в области обеспечения безопасности рассматривается как часть внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер [9]. Указанный подход представляется справедливым в части определения теснейшей взаимосвязи между политическими процессами и их внутренними и внешними проявлениями, в связи с чем внешнюю безопасность необходимо рассматривать через призму международных отношений российского государства и особенностей внешней политики, проводимый в конкретный промежуток времени.

Само понятие безопасности раскрывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400, где в пп. 1. п. 5 национальная безопасность Российской Федерации определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [8]. Исходя из представленного определения внешнюю безопасность в широком смысле следует понимать как состояние защищенности российского государства от внешних угроз.

Однако отметим, что, проанализировав вышеназванные нормативно-правовые акты, следует сделать вывод о наличии терминологических расхождений и их употреблений в российском законодательстве. На практике, достаточно часто понятия государственная безопасность и национальная безопасность рассматриваются как синонимы. В данном контексте в научной литературе возникает множество дискуссий о допустимости такого использования указанных понятий. При этом государственная безопасность также определяется как состояние защищенности, но в разной степени конкретизируются ее объекты. В данном контексте справедливым представляется определение, которое сформулировали А.А. Зозуля и С.Б. Немченко: «государственная безопасность – это состояние защищенности системы урегулированных правом общественных отношений и соответствующих им институтов в сфере безопасности, обеспечивающих полноценную реализацию функций государства в условиях внешних и внутренних угроз политического характера» [2, с. 37].

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что понятие внешней безопасности раскрывается в международных документах. Так, согласно ч. 1 ст. 1 Модельного закона ОДКБ «Об обеспечении национальной безопасности» внешняя безопасность определена

как «состояние защищенности интересов личности, общества и государства в международных отношениях» [4]. Указанный Модельный закон содержит целый ряд положений, конкретизирующих содержательные характеристики различных видов безопасностей и особенностей их взаимосвязи. Внешняя безопасность, согласно указанному документу, является одним из видов национальной безопасности государства, при этом также как и в российском законодательстве отмечается ориентация указанной разновидности безопасности на внешние угрозы. Последние определяются состоящими из угроз политической, экономической и социальной безопасности государства, которые в международных отношениях препятствуют реализации интересов личности, общества и государства либо создают опасность причинения ущерба таким интересам. Указанный международный документ используется государствами-членами ОДКБ, среди которых есть и Российская Федерация, в работе по совершенствованию законодательства об обеспечении национальной безопасности и сформулированные в нем подходы в полной мере имплементированы в российскую правовую систему.

Важно отметить, что в настоящее время отсутствуют комплексные исследования, посвященные теоретическому осмыслению внешней безопасности Российской Федерации. В широком смысле внешнюю безопасность принято рассматривать как «защищенность жизненно важных интересов от угроз и опасностей, исходящих извне Российской Федерации» [4, с. 280]. Если говорить о более узких подходах к содержательным характеристикам анализируемой категории, то в данном контексте в научной среде преобладают мнения, согласно которым внешняя безопасность рассматривается как состояние защищенности национальных интересов России от угроз, исходящих со стороны других государств. При этом речь идет как о нарушениях, осуществляемых не только военным путем, но и различными иными способами, в связи с чем отмечается, что обеспечивается данная безопасность главным образом политико-дипломатическими и (или) военными мерами [1, с. 82]. Достаточно часто в современных научных работах указанное явление рассматривается через призму противодействия конкретным угрозам, в том числе, например, динамики развития преступной практики, посягающей на внешнюю безопасность российского государства.

ЭЛЕМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Таким образом, на основе проведенного теоретико-правового анализа видится необходимым выделить следующие содержательные характеристики внешней безопасности российского государства:

- а) является состоянием защищенности не только государства, но и личности и общества;
- б) ориентирована на противодействие внешним угрозам;
- в) теснейшим образом взаимосвязана с внешней политикой и международными отношениями;
- г) обеспечивается за счет комплексной и системной деятельности, осуществляемой органами государ-

ственной власти, общественными объединениями и гражданами;

д) активно трансформируется в условиях динамичного совершенствования внешних угроз.

Согласно пп. 4 п. 5 Стратегии национальной безопасности, обеспечение данной разновидности безопасности понимается как «реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности» [8]. Таким образом, речь идет не только о весьма обширном субъектном составе указанной деятельности, который включает в себя не только органы государственной власти, но институты гражданского общества, но и о разнообразных ее направлениях.

Говоря о субъектном составе обеспечения внешней безопасности Российской Федерации особое значение в нем, безусловно, имеет эффективное функционирование органов государственной власти, как на федеральном уровне, так и на региональном и местном. В данном случае специальными полномочиями будет наделен целый ряд органов, к чьей компетенции будут отнесены вопросы обеспечения национальной безопасности в контексте борьбы с внешними угрозами. Также следует подчеркнуть значение правоохранительных органов. Именно они обладают полномочиями по выявлению, пресечению и расследованию преступного поведения, посягающего на внешнюю безопасность российского государства.

Однако в настоящее время достаточно часто игнорируется потенциал институтов гражданского общества, различных общественных организаций и граждан в вопросах обеспечения внешней безопасности России. Во-первых, указанные субъекты способны активно содействовать выявлению и расследованию подобных преступных деяний. Во-вторых, указанные субъекты и активность их функционирования имеет существенный профилактико-предупредительный потенциал в части формирования в российском обществе нетерпимости к идеям противоправного поведения вышеназванной направленности. В связи с этим несмотря на то, что институты гражданского общества и организации законодательно закреплены в качестве субъектов анализируемой деятельности, в настоящее время их вовлеченность в данный процесс весьма фрагментарна, что негативно отражается на эффективности обеспечения внешней безопасности российского государства в целом.

Важно отметить, что исходя из законодательных подходов к характеристике обеспечения внешней безопасности российского государства данная деятельность предполагает оказание комплексного воздействия, т.е. речь идет о совокупности разнообразных мер, которые затрагивают различные аспекты соответствующего состояния защищенности личности, общества и государства от угроз, возникающих извне. В первую очередь в условиях динамики развития международных отношений, проявления различного рода кризисов, принципиальное значение имеет постоянное исследование и анализ возникающих внешних вызовов и угроз. В настоящее время актуальным представляется рассмотрение не только геополитиче-

ского контекста, но и влияние глобализации, информатизации и цифровизации на совершенствование взаимодействия людей в современном мире. Те же информационные и цифровые технологии и масштабы их распространения в значительной степени обуславливают трансформацию преступной деятельности, что существенно влияет на особенности противодействия конкретным противоправным явлениям.

Современные реалии в значительной степени актуализируют развитие военной политики в контексте проведения специальной военной операции на Донбассе, что является одним из приоритетных направлений обеспечения внешней безопасности российского государства и требует целого комплекса мер, начиная укомплектования Вооруженных Сил РФ и заканчивая социальной поддержкой семей военнослужащих. В данном примере наиболее наглядно демонстрируется комплексность и системность обеспечения анализируемого вида безопасности, поскольку само по себе данное функционирование связано с военной политикой, но обуславливает применение и иного рода мер. Кроме того, в контексте проведения специальной военной операции значительно повышаются риски распространения противоправного поведения среди военнослужащих, в том числе посягающего на внешнюю безопасность российского государства.

Также отметим, что несмотря на акцентировании внимания на внешних угрозах, внутригосударственные процессы, происходящие на фоне изменения международных отношений, также оказывают влияние на процесс обеспечения внешней безопасности российского государства. Так, например, в условиях внешнего санкционного давления и активной антироссийской пропаганды, проводимой в настоящее время со стороны многих зарубежных государств, наблюдается рост социальной напряженности, что в свою очередь активно используется представителями преступных сообществ в целях вовлечения российских граждан в противоправное функционирование различной направленности.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обеспечение внешней безопасности российского государства характеризуется системностью, т.е. применяемые меры взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, поскольку посредством использования лишь отдельных направлений, как правило, невозможно достичь необходимого эффекта противодействия конкретным угрозам. В настоящее время указанные меры, как правило, применяются в следующих направлениях жизнедеятельности российского общества и государства:

Политические меры, которые предполагают принятие своевременных и обоснованных решений, как на международной арене в части отстаивания интересов российского государства, так и внутригосударственном поле в отношении регулирования различных общественных отношений. Наиболее распространенными в данном случае для международного сообщества является заключение международных договоров о сотрудничестве и обеспечение обязательств по их исполнению, участие в деятельности международных универсальных

и региональных организаций общей и специальной компетенции, развитие межведомственного международного сотрудничества и др. Для внутригосударственной политики мерами, которые затрагивают внешнюю безопасность, являются совершенствование полномочий органов государственной власти в рамках заявленной проблематики, кадровые перестановки и т.д.

Правовые меры выступают основой любой скоординированной деятельности, в связи с чем значительно актуализируется оперативное реагирование российского законодательства на возникающие вызовы и угрозы внешней безопасности. В данном случае особое значение приобретает институт ответственности, от эффективности которого во многом зависят перспективы распространения преступного поведения, посягающего на внешнюю безопасность страны. Кроме того, своевременного правового регулирования требует и профилактико-предупредительная деятельность, как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ.

Военные меры ориентированы на разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники. Современные реалии вооруженных конфликтов также демонстрируют необходимость оперативного реагирования в части вооружения на возникающие угрозы, как в оборонительном, так и в наступательном форматах. Военные меры также связаны и с кадровым составом Вооруженных Сил РФ и потенциалом его развития, совершенствования военных навыков и т.д. [3, с. 8].

Социально-экономические меры также предполагают двойственную природу. С одной стороны, в целях обеспечения внешней безопасности российского государства принципиальное значение приобретает развитие экономики России, которая выступает основой стабильности страны в целом. С другой стороны, благосостояние населения, его социальная поддержка также оказывают влияние на восприятие современных процессов, в связи с чем указанный комплекс мер имеет одно из важнейших значений.

Информационные меры особенно актуализируются в современных реалиях, связанных с активизацией антироссийской пропаганды и распространением информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. В настоящее время распространяется большое количество недостоверное и заведомо ложной информации, что способно влиять на мировосприятие российского населения, в том числе в части формирования противоправных идей и взглядов, посягающих на внешнюю безопасность страны, в связи с чем принципиальное значение приобретает не только оперативное выявление и пресечение распространения подобной информации уполномоченными органами, но и активная работа с населением в части информационной гигиены.

Организационные меры – одни из наиболее масштабных, на наш взгляд, поскольку они связаны с совокупностью мероприятий, направленных на прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз внешней безопасности и дальнейшим определением основных направлений государственной политики и стратегического планирования в области данной деятельности. Принципиальное значение в современных реалиях приобретает локализация и нейтрализация последствий проявления угроз внешней безопасности. Кроме того, к указанным мерам относятся вопросы координации деятельности субъектов обеспечения внешней безопасности российского государства, а также финансирование расходов на данное функционирование.

ВЫВОДЫ

Важно отметить, что представленные меры являются далеко не единственными, и в динамике современных вызовов и угроз внешней безопасности Российской Федерации развиваются и различные иные. Однако данные направления в настоящее время в большей степени обеспечивают комплексность и системность анализируемого функционирования.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что обеспечение внешней безопасности российского государства в настоящее время это достаточно сложная и многоаспектная деятельность, которая осуществляется не только органами государственной власти, но и в данный процесс вовлекаются институты гражданского общества, организации и граждане. В контексте борьбы с преступлениями, посягающими на внешнюю безопасность Российской Федерации, существенно актуализируется вся совокупность вышеназванных мер, поскольку ее эффективность связана с осуществлением комплексного воздействия. Оперативное реагирование в части совершенствования механизмов обеспечения внешней безопасности в современных реалиях выступает основой эффективного противодействия преступности указанной направленности, а игнорирование оценки эффективности применяемых механизмов значительно осложняет выявление и расследование преступлений против внешней безопасности, а также способствует развитию причин и условий преступности, направленной непосредственно против внешней безопасности Российской Федерации. Для эффективного противодействия указанной преступности необходимо не только компетентное функционирование правоохранительных органов, но и особое внимание следует уделять всем обеспечительным мерам внешней безопасности, что предопределяет необходимость их дальнейшего комплексного и детального теоретико-правового осмысления с учетом современных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторов, А.Ш.* Внешняя и внутренняя безопасность России в современном мире (теоретико-методологические основы социологического исследования) / А.Ш. Викторов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019.

REFERENCES

1. *Viktorov, A. Sh.* External and internal security of Russia in the modern world (theoretical and methodological foundations of sociological research). A. Sh. Viktorov. *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. 2019. No. 2–2. P. 82. (in Rus.).

- № 2–2. С. 82.
2. Зозуля, А.А. Государственная безопасность как понятие в российском законодательстве / А.А. Зозуля, С.Б. Немченко // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 35–39.
 3. Лазарев, С.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации в современных условиях: актуальные проблемы и пути их решения / С.В. Лазарев, В.В. Румянцев, А.С. Богданов // Вестник Академии военных наук. 2024. № 1(86). С. 6–10.
 4. Модельный закон ОДКБ «Об обеспечении национальной безопасности» (принят на одиннадцатом пленарном заседании Парламентской Ассамблеи ОДКБ 30 октября 2018 года, постановление № 11–3.1). URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-obespechenii-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 15.07.2025).
 5. Рудакова, Е.Н. Национальная безопасность как интегральный объект политологического анализа / Е.Н. Рудакова // Вестник ГУУ. 2012. № 9–1. С. 278–282.
 6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 15.07.2025).
 7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. URL: https://cdep.ru/userimages/k3-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 15.07.2025).
 8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
 9. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
 2. Zozulya, A.A. State security as a concept in Russian legislation. A.A. Zozulya, S.B. Nemchenko. *State power and local self-government*. 2023. No. 5. Pp. 35–39. (in Rus.).
 3. Lazarev, S.V. Ensuring military security of the Russian Federation in modern conditions: current problems and ways to solve them. S.V. Lazarev, V.V. Rumyantsev, A.S. Bogdanov. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2024. No. 1 (86). Pp. 6–10. (in Rus.).
 4. Model Law of the CSTO "On Ensuring National Security" (adopted at the eleventh plenary session of the CSTO Parliamentary Assembly on October 30, 2018, Resolution No. 11–3.1). URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-obespechenii-natsionalnoy-bezopasnosti> (date of access: 15.07.2025).
 5. Rudakova, E.N. National security as an integral object of political analysis. E.N. Rudakova. *Bulletin of the State University of Management*. 2012. No. 9–1. Pp. 278–282. (in Rus.).
 6. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2024. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (date of access: 15.07.2025).
 7. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2023. URL: https://cdep.ru/userimages/k3-svod_vse_sudy-2023.xls (date of access: 15.07.2025).
 8. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.
 9. Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ "On Security" (as amended on 10.07.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 2.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «К вопросу о теоретико-правовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности в контексте противодействия преступности»

Рецензируемая статья выполнена на актуальную тему, поскольку в современных реалиях, связанных с обострением геополитических конфликтов на постсоветском пространстве, значительно актуализируются вызовы и угрозы внешней безопасности российского государства. В данной сфере наблюдается качественная трансформация преступной деятельности, что предопределяет необходимость осуществления эффективной борьбы с распространением подобного противоправного функционирования. Многие зарубежные страны умышленно организуют преступные связи с индивидами, обладающими сведениями, содержащими государственную тайну, или имеющими иные возможности помощи иностранным государствам, международным или иностранным организациям, в том числе в условиях вооруженных конфликтов. В данном контексте справедливым представляется концентрация автором статьи внимания на теоретико-правовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности в контексте противодействия преступности.

В контексте борьбы с преступлениями, посягающими на внешнюю безопасность Российской Федерации, существенно актуализируется применение мер различного характера (политических, правовых, социально-экономических и иных), поскольку ее эффективность связана с осуществлением комплексного воздействия. Следует согласиться с позицией автора о том, что для эффективного противодействия указанной преступности необходимо не только компетентное функционирование правоохранительных органов, но и особое внимание следует уделять всем обеспечительным мерам внешней безопасности, что предопределяет необходимость их дальнейшего комплексного и детального теоретико-правового осмысления с учетом современных реалий.

Сильной стороной представленного исследования выступает конкретизация авторских теоретических подходов с учетом современного состояния действующего законодательства, которые еще не получили должного осмысления в уголовной науке. Проведенный анализ обладает полнотой изложенного материала. Научная работа написана грамотным юридическим языком, творчески осмыслена автором.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что рецензируемая статья на тему «К вопросу о теоретико-пра-

вовом осмыслении особенностей обеспечения внешней безопасности в контексте противодействия преступности» соответствует основным предъявляемым требованиям и рекомендуется к опубликованию.

Рецензент: Разгельдеев Н.Т., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 83,53%.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, принята к публикации 18.07.2025

The article was received on 02.07.2025, accepted for publication 18.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шхагапсоев Заурби Лелович, д-р юрид. наук, профессор, ректор; Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В. М. Кокова; г. Нальчик, Российская Федерация, SPIN-код: 7958-2960, AuthorID: 506942, e-mail: lel4993@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Dr. Sci. (Law), Prof., Rector; Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov; Nalchik, Russian Federation, SPIN-code: 7958-2960, AuthorID: 506942, e-mail: lel4993@mail.ru

5.1.5.

Международно-правовые науки
(юридические науки)

International Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-150-161

УДК: 341

ГРНТИ: 10.87

EDN: JORDBU

Экспортный контроль РФ и изменения в его правовом регулировании в период 2014–2024 годов

© Агапов Артём Юрьевич^а

© Халипов Сергей Васильевич^б

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

^а agapov.000@inbox.ru

^б shalipov@vavt.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу системы экспортного контроля в Российской Федерации, её роли в обеспечении национальной безопасности и защиты интересов государства в условиях активной внешнеэкономической деятельности. Автор подчеркивает важность экспортного контроля как механизма предотвращения вывоза товаров и технологий, которые могут угрожать безопасности России или нарушать международные обязательства. В тексте акцентируется внимание на вопросах, касающихся как международного, так и национального контроля за экспортом оружия массового уничтожения (ОМУ) и других опасных товаров. Обсуждаются изменения в этой области регулирования, которые произошли на фоне проведения Специальной военной операции и давления со стороны западных стран. Рассматривается, как Российская Федерация взаимодействует с международными режимами экспортного контроля, включая такие организации, как Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера, Вассенаарские соглашения и Австралийская группа. Эти взаимодействия направлены на повышение эффективности борьбы с распространением чувствительных технологий. Анализируются нормативно-правовые акты, структура российской системы экспортного контроля, а также роль государственных органов ее регулировании. Отдельно уделяется внимание проблеме отсутствия общей правовой базы в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) для российских экспортёров. Освещаются ключевые аспекты, такие как необходимость получения специальных разрешений на экспорт, мониторинг выполнения условий экспортных лицензий и ответственность за нарушения. Автор выделяет ряд проблем, с которыми встречаются участники внешнеэкономической деятельности. К ним относятся чрезмерная бюрократия, недостаток информации и излишний контроль со стороны государственных органов. В заключении подчеркивается важность реформирования системы экспортного контроля, чтобы сделать её более эффективной и уменьшить административные преграды. Это, в свою очередь, создаст более благоприятные условия для отечественных поставщиков и поможет обеспечить национальную безопасность в современных экономических реалиях.

Ключевые слова: экспортный контроль, Специальная военная операция, Российская Федерация, правовое регулирование, национальная безопасность, международная безопасность, международная стабильность, ЕАЭС

Для цитирования: Агапов А.Ю., Халипов С.В. Экспортный контроль РФ и изменения в его правовом регулировании в период 2014–2024 годов // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 150–161. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-150-161. EDN: JORDBU

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-150-161

Export Control of the Russian Federation and Changes in its Legal Regulation in the Period 2014–2024 Years

© Artem Yu. Agapov^a

© Sergey V. Khalipov^b

Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^a agapov.000@inbox.ru

^b shalipov@vavt.ru

Annotation: The article is devoted to the analysis of the export control system in the Russian Federation, its role in ensuring national security and protecting the interests of the state in conditions of active foreign economic activity. The author emphasizes the importance of export control as a mechanism to prevent the export of goods and technologies that may threaten Russia's security or violate international obligations. The text focuses on issues related to both international and national export controls on weapons of mass destruction (WMD) and other dangerous goods. The changes in this area of regulation that have occurred against the background of a Special military operation and pressure from Western countries are being discussed. It examines how the Russian Federation interacts with international export control regimes, including organizations such as the Nuclear Suppliers Group, the Zangger Committee, the Wassenaar Arrangement, and the Australia Group. These interactions are aimed at improving the effectiveness of combating the spread of sensitive technologies. Regulatory legal acts, the structure of the Russian export control system, as well as the role of government agencies in its regulation are analyzed. Special attention is paid to the problem of the lack of a common legal framework in the Eurasian Economic Union (EAEU) for Russian exporters. Key aspects are highlighted, such as the need to obtain special export permits, monitoring the fulfillment of export license conditions, and liability for violations. The author identifies a number of problems faced by participants in foreign economic activity. These include excessive bureaucracy, lack of information, and excessive oversight by government agencies. In conclusion, the importance of reforming the export control system is emphasized in order to make it more effective and reduce administrative barriers. This, in turn, will create more favorable conditions for domestic suppliers and help ensure national security in modern economic realities.

Keywords: export control, Special military operation, Russian Federation, legal regulation, national security, international security, international stability, EAEU

For citation: Agapov A.Yu., Khalipov S.V. Export Control of the Russian Federation and Changes in its Legal Regulation in the Period 2014–2024 Years. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 150–161. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-150-161. EDN: JORDBU

ВВЕДЕНИЕ

Защита национальных интересов и обеспечение безопасности государства являются одними из наиболее приоритетных задач, которые стоят перед любой страной, особенно в условиях активной внешнеэкономической деятельности. Российская Федерация начала сталкиваться с экономическим и политическим давлением «коллективного Запада» после воссоединения с Крымом в 2014 году, в дальнейшем усилившимся в 2022 году после начала Специальной военной операции. Данные факторы были поворотными в принятии ответных мер, в том числе сопровождавшихся изменением в законодательстве и ответными санкциями. Следует отметить, что действующее законодательство предполагает такой ответ на недружественные действия в случае соблюдения следующих условий:

- соответствие международному праву и российскому законодательству;
- обоснованность;
- пропорциональность;
- временный характер;
- публичность [Абазова, 2022: 247].

Внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который включает в себя множество аспектов и регулируется различными государственными органами. Одним из ключевых элементов внешнеэкономической деятельности является политика экспортного контроля. Эта политика направлена на предотвращение вывоза товаров и технологий, которые могут угрожать безопасности России или нарушать международные обязательства, взятые на себя РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТНОГО
КОНТРОЛЯ РФ

Экспортный контроль в России имеет несколько важных задач, среди которых первостепенное значение занимает недопущение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и других видов вооружений, которые представляют собой особую угрозу для безопасности Российской Федерации и международного сообщества в целом. Контроль за экспортом таких опасных товаров играет решающую роль в предотвращении их попадания в руки террористических организаций или государств с агрессивными намерениями. Это, в свою очередь, позволяет минимизировать риски, связанные с возможными конфликтами на международной арене [Батаев и др., 2016: 19].

Система экспортного контроля в России реализуется через разрешительно-запретительную модель, которая охватывает как импорт, так и экспорт отдельных категорий товаров и технологий [Витюк, Федоренко, 2014: 66]. Эти товары и технологии перечислены в специализированных перечнях, которые регулярно обновляются в соответствии с изменениями в международной обстановке и внутренней политике страны. Такой подход обеспечивает гибкость и адаптивность системы экспортного контроля, позволяя оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы. Важным аспектом системы экспортного контроля является необходимость получения специальных разрешений на экспорт товаров и технологий, которые входят в указанные перечни. Это позволяет государственным органам тщательно проверять каждую заявку на соответствие установленным требованиям и оценивать возможные риски, связанные с экспортом. В процессе проверки учитываются характеристики самих товаров, конечные получатели, а также цели, для которых они могут быть использованы. Это позволяет предотвратить использование экспортируемых товаров в целях, которые могут угрожать безопасности России или её союзников. Кроме того, в рамках экспортного контроля осуществляется мониторинг за выполнением условий экспортных лицензий. Этот процесс включает в себя проверку соблюдения всех необходимых норм и правил, а также контроль за тем, как используются экспортируемые товары. В случае выявления нарушений предусмотрены меры ответственности, которые могут включать административные и уголовные санкции в отношении нарушителей [Савенок, Филиппова, 2017: 2897].

Важность экспортного контроля также подчеркивается необходимостью соблюдения международных стандартов и норм, что является одним из условий успешной интеграции России в мировую экономику. Участие в международных соглашениях и соблюдение установленных правил позволяет нашей стране укрепить свои позиции на международной арене и повысить уровень доверия со стороны других государств. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для сотрудничества и совместных проектов в различных областях, включая науку, технологии и экономику.

Таким образом, экспортный контроль в России представляет собой многоуровневую и комплексную систему, которая играет ключевую роль в обеспечении безопасности страны и защите её национальных интересов

на международной арене. Эффективная реализация этой политики предотвратит угрозы и укрепить позиции России в глобальной экономической системе, способствуя развитию стабильной внешнеэкономической деятельности.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЖИМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

В рамках данного исследования необходимо провести детальный анализ участия Российской Федерации в ключевых международных системах экспортного контроля. К таким системам относятся Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков (ГЯП), Вассенаарские договоренности, Австралийская группа, а также Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ). Участие России в этих международных режимах способствует гармонизации национального законодательства с международными нормами и значительно повышает эффективность борьбы с распространением чувствительных технологий и материалов [Дзирун, Исмаилов, Петрушина, 2025: 116].

Комитет Цангера, созданный в 1971 году, представляет собой важный механизм в системе международной безопасности и контроля за распространением ядерных технологий. Создание Комитета Цангера стало ответом на растущие опасения по поводу распространения ядерных технологий и материалов. В 1968 году был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который стал основой для международных усилий по контролю за ядерными технологиями. Третья статья данного соглашения требует от стран-участниц воздерживаться от передачи ядерных материалов и оборудования другим государствам без наличия соответствующих гарантий от Международного агентства по атомной энергии. Основной задачей Комитета является определение товаров, которые попадают под опасные ядерные вещества, требующих особого контроля.

Работа Комитета Цангера имеет критическое значение для обеспечения глобальной безопасности. В условиях растущей напряженности и угрозы терроризма контроль за ядерными материалами становится особенно актуальным. Эффективная работа Комитета помогает предотвратить попадание ядерных технологий в руки недобросовестных государств или террористических организаций. Комитет также играет важную роль в укреплении доверия между государствами. Согласованные меры контроля и прозрачность в вопросах ядерной безопасности способствуют снижению напряженности и предотвращению конфликтов [Брагина, 2018: 89].

Группа ядерных поставщиков, созданная в 1975 году, на сегодняшний день объединяет 48 государств. Россия, как правопреемник Советского Союза, занимает важное место в рамках этого режима. Основной целью ГЯП является предотвращение распространения ядерного оружия, что имеет критическое значение для обеспечения глобальной безопасности¹. В контрольные

¹ Руководство по повышению осведомленности—июль 2023 года // Официальный сайт Группы ядерных поставщиков. 2023. URL: https://www.nuclearsuppliersgroup.org/images/Files%20and%20Documents/National%20Practices/RU_Awareness%20Raising%20Document.pdf (дата обращения: 26.05.2025)

списки Глобального Ядерного Непролиферационного Режим (ГЯН) включены следующие категории:

1. Промышленное оборудование, которое может быть использовано в ядерной сфере.
2. Оборудование и компоненты, предназначенные для разделения изотопов урана—важного этапа в производстве ядерного топлива.
3. Заводы, производящие тяжёлую воду, а также оборудование, необходимое для этого процесса.
4. Испытательное и измерительное оборудование, которое применяется в процессе разработки ядерных взрывных устройств, позволяющее проводить необходимые тесты и измерения.
5. Компоненты, непосредственно относящиеся к ядерным взрывным устройствам, которые могут быть использованы в их создании и функционировании.

Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ), который был основан в 1987 году, является значимым международным механизмом, предназначенным для предотвращения распространения технологий, способных быть использованными для разработки ракетных систем, предназначенных для использования оружия массового уничтожения. Этот режим играет ключевую роль в обеспечении глобальной безопасности, поскольку он способствует ограничению доступа к критически важным технологиям и поддерживает сотрудничество между государствами для борьбы с угрозами, связанными с ракетными системами и ядерным оружием. Также режим способствует согласованию действий государств в области нераспространения ракетных технологий, обеспечивая сотрудничество и обмен информацией между участниками. Благодаря этому механизму страны могут совместно работать над уменьшением рисков, связанных с потенциальным использованием ракетных технологий в военных целях и их распространением среди государств или групп, которые могут представлять угрозу международной безопасности.

Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ), учрежденный в 1987 году, является значимым международным механизмом, нацеленным на предотвращение распространения технологий, которые могут быть использованы для разработки ракетных систем, предназначенных для перевозки оружия массового уничтожения. Этот режим способствует координации усилий стран в сфере нераспространения ракетных технологий и играет важную роль в обеспечении глобальной безопасности, снижая риски, связанные с потенциальным использованием таких технологий в военных целях. В рамках РКРТ участвуют 35 государств, что свидетельствует о широком признании его значимости в международной безопасности. Главной задачей РКРТ является противодействие распространению ракетных технологий, которые могут угрожать безопасности стран и целых регионов². Контроль за ракетными технологиями осуществляется путём составления списков потенциально опасной продукции и дальнейшего её экспортного мониторинга. Важным аспектом работы РКРТ является обеспечение прозрачности и доверия между государствами-участниками. Это достигается через обмен информацией о ракетных программах,

а также путем проведения консультаций и совместных мероприятий, направленных на укрепление контроля за распространением технологий.

В Российской Федерации режим контроля за ракетной технологией реализуется через ряд нормативных актов. Основные документы, регулирующие эту сферу, включают:

1. Указ Президента Российской Федерации от 08.08.2001 г. № 1005 «Об утверждении Списка оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия и в отношении которых установлен экспортный контроль». Этот указ формирует основу для контроля за экспортом и определяет перечень технологий, подлежащих контролю.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2001 г. № 296 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия». Данный документ устанавливает порядок осуществления контроля за внешнеэкономической деятельностью, касающейся экспорта технологий, связанных с ракетами. В контрольные списки ракетных комплексов и ракетных технологий входят завершённые ракетные системы, которые могут перевозить полезный груз массой не менее 500 кг на расстояние, превышающее 300 км и производственные мощности, созданные специально для разработки подсистем этих технологий. Это позволяет более эффективно отслеживать и контролировать потенциальные угрозы, связанные с распространением ракетных технологий. Присоединение России к РКРТ в 1995 году стало важным шагом, подчеркивающим её приверженность международным усилиям по контролю за распространением технологий, способных угрожать мировой безопасности. Это событие укрепило позиции России на международной арене как ответственного участника в области контроля за распространением оружия массового поражения. Российская Федерация активно участвует в работе РКРТ, внося свой вклад в разработку новых подходов и механизмов контроля. Россия, как активный участник этого режима, демонстрирует свою готовность к сотрудничеству и совместной работе над обеспечением безопасности на глобальном уровне [Ревенко, 2016: 114].

Вассенаарские договоренности, которые представляют собой механизм многостороннего сотрудничества в сфере экспортного контроля, были учреждены в 1995 году после упразднения Комитета по координации экспортного контроля (КОКОМ). В настоящее время в этих договоренностях участвуют 42 страны, включая Россию. Главная цель Вассенаарских договоренностей заключается в предотвращении дестабилизирующего накопления обычных вооружений. Они охватывают широкий спектр товаров и технологий, включая как военные, так и двойного назначения³.

Австралийская группа, основанная в 1985 году, представляет собой международное объединение, в которое входят 43 государства. Под мониторинг группы

² Missile Technology Control Regime. URL: <https://mtcr.info/> (дата обращения: 26.05.2025)

³ Control lists // Wassenaar Arrangement. URL: <https://www.wassenaar.org/ru/control-lists/> (дата обращения: 26.05.2025)

попадают все материалы и технологии, связанные с биологическим и химическим оружием, а также она разграничивает их на шесть категорий.

Первая категория включает в себя прекурсоры химического оружия—вещества, которые могут быть использованы для производства опасных химических материалов. Эти прекурсоры, как правило, являются относительно распространенными химическими соединениями, которые в определенных условиях могут быть преобразованы в токсичные агенты. Примеры таких веществ включают различные органические соединения, которые могут быть использованы для синтеза нервно-паралитических агентов или других токсичных химикатов. Контроль за прекурсорами является критически важным, поскольку они могут быть легально использованы в промышленности или научных исследованиях, что затрудняет их отслеживание. Государства, подписавшие Конвенцию о запрещении химического оружия, обязаны вести учет и контролировать оборот таких веществ, чтобы предотвратить их использование в военных целях.

Вторая группа охватывает устройства и технологии, предназначенные для создания химических веществ с двойным назначением. Например, оборудование, используемое для синтеза химических соединений в таких сферах, как фармацевтика или сельское хозяйство, может быть адаптировано для производства опасных химических веществ. Это означает, что технологии, разработанные для безопасного применения, могут быть изменены или использованы в целях, представляющих угрозу. Такое оборудование может включать реакторы, системы очистки и анализаторы, которые необходимы для контроля качества производимых веществ. Многие страны стремятся к развитию технологий двойного назначения, что делает контроль за ними особенно сложным. Эффективные меры по контролю должны учитывать как законные потребности в таких технологиях, так и риски их использования для создания оружия.

Третья категория касается биологического оборудования двойного назначения, а также технологий и программного обеспечения, которые могут быть использованы как для научных исследований, так и для разработки биологического оружия. Это может включать в себя лабораторное оборудование, такое как инкубаторы, центрифуги и системы для генетической модификации, которые могут использоваться для создания опасных патогенов или токсинов.

Четвертая категория включает в себя патогены и токсины, представляющие опасность для здоровья человека и животных, что подчеркивает важность контроля за такими веществами, чтобы предотвратить их использование в злонамеренных целях.

Пятая категория касается патогенов растений, которые также могут представлять угрозу для сельского хозяйства и экосистем.

Списки разрабатываются в ходе консультаций членов группы и периодически корректируются для поддержания их эффективности⁴.

Вовлеченность в международные режимы экспортного контроля способствует обмену информацией

⁴ Australia Group // Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/australia-group-ag/> (дата обращения: 26.05.2025)

и лучшими практиками между странами. Это позволяет России основывать свои подходы к контролю за экспортом на международном опыте, что может повысить эффективность внутренней системы контроля. Обмен информацией также помогает выявлять и предотвращать потенциальные угрозы, связанные с незаконным экспортом технологий и материалов. Участие России в международных системах контроля за экспортом способствует выполнению международных обязательств и укрепляет внутреннюю экономическую безопасность, помогает развитию инноваций и повышает конкурентоспособность российской экономики на международной арене.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ РФ

Актуальным представляется проведение анализа ключевых аспектов нормативно-правового регулирования современной системы экспортного контроля Российской Федерации. Российская система экспортного контроля, представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных подсистем, каждая из которых выполняет строго определенные функции. Детальное изучение структуры и механизмов функционирования этих подсистем необходимо для углубления понимания эффективности функционирования всей системы в целом.

В Российской Федерации экспортный контроль является сложным и многоуровневым механизмом, который регулируется различными нормативно-правовыми документами. К ним относятся федеральные законы, указы президента, постановления правительства и приказы различных министерств и ведомств [Роскошная, 2016: 320].

Основными законодательными документами, определяющими правила и порядок экспортного контроля, являются: Федеральный закон № 164⁵, который регулирует внешнеэкономическую деятельность, Федеральный закон № 183⁶, непосредственно касающийся вопросов экспортного контроля, а также Уголовный кодекс Российской Федерации, представленный в виде Федерального закона № 63⁷. Эти правовые акты составляют основополагающую базу, на которой строится система экспортного контроля.

В России функционирует система контроля за экспортом товаров и услуг, цель которой—обеспечить соблюдение международных стандартов и режимов, касающихся вывоза. Эта система включает строгие нормы и правила, регулирующие экспорт оборудования и материалов, имеющих двойное назначение. Двойное назначение подразумевает, что товары и технологии могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях. Значение этой категории товаров заключается в том, что их применение в военных целях может представлять серьезную угрозу как для национальной, так и для международной безопасности.

⁵ «Федеральный закон "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности" от 08.12.2003 N 164-ФЗ (последняя редакция)» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 25.05.2025)

⁶ «Федеральный закон от 18 июля 1999 г. N 183-ФЗ "Об экспортном контроле" (с изменениями и дополнениями)» // Система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12116419/> (дата обращения: 25.05.2025)

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (дата обращения: 25.05.2025)

Одним из ключевых направлений в области экспортного контроля является тщательный мониторинг технологий, связанных с ядерной энергетикой и ядерными исследованиями. Эти технологии могут быть использованы не только для мирных целей, таких как производство электроэнергии, но и для создания ядерного оружия, что делает их особенно опасными. Поэтому контроль за экспортом таких технологий осуществляется с особой тщательностью и вниманием.

В дополнение к этому, в системе экспортного контроля осуществляется регулярное наблюдение за вывозом оборудования, материалов и технологий, способных быть применёнными в производстве ракетного оружия. Эти меры крайне важны для того, чтобы предотвратить распространение технологий, которые могут быть использованы в военных действиях или создать угрозу безопасности для других стран. Такой мониторинг помогает обеспечить контроль над потенциально опасными товарами и предотвращает их использование в военных конфликтах.

Еще одной важной областью контроля является экспорт химических веществ, патогенов и оборудования, которое может быть использовано в производстве бактериологического и токсического оружия. Эти вещества и технологии могут представлять серьезную угрозу для здоровья населения и безопасности стран, если они попадут в руки террористов или государств с агрессивными намерениями. Поэтому контроль за их экспортом является важной частью системы обеспечения безопасности.

Все эти меры направлены на предотвращение распространения опасных технологий и на обеспечение как национальной, так и международной безопасности. Российская система экспортного контроля активно сотрудничает с международными организациями и другими государствами для обмена информацией и лучшими практиками в области контроля за экспортом. Это сотрудничество позволяет более эффективно справляться с вызовами, связанными с распространением опасных технологий и материалов, и способствует созданию более безопасной международной среды.

Одним из наиболее значимых государственных органов, осуществляющих контроль за экспортом в Российской Федерации, является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, сокращенно именуемая ФСТЭК. Эта служба играет центральную роль в управлении экспортными операциями, касающимися как товаров, так и услуг, что требует предварительного получения различных разрешительных документов. Эти документы необходимы для определения категорий экспортируемых товаров и услуг, а также для установления возможности их вывоза за пределы страны.

Согласно статье 20 Федерального закона 166-ФЗ «Об экспортном контроле», который был принят в 2014 году, в России была создана система, обеспечивающая «всеобъемлющий» контроль за экспортом. В рамках данной системы ФСТЭК выполняет важнейшую функцию, обеспечивая соблюдение всех необходимых процедур и норм. Основная задача этой системы заключается в том, чтобы гарантировать обязательное получение разрешений от Комиссии по экспортному контролю для всех участников внешнеэкономической деятельности, прежде чем они смогут

осуществлять операции с товарами и услугами, которые не включены в специальные контрольные списки.

Это требование приобретает особую значимость в ситуациях, когда у государственных органов имеются обоснованные подозрения или информация о возможных рисках, связанных с экспортом определенных товаров или услуг. В таких случаях Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) осуществляет детальную проверку, чтобы убедиться в безопасности и законности предполагаемых экспортных операций. Это приводит к тому, что контроль за экспортом становится важным инструментом для предотвращения потенциальных угроз национальной безопасности и соблюдения международных обязательств России.

Система экспортного контроля, функционирующая под эгидой ФСТЭК, включает в себя не только получение разрешений, но и мониторинг всех этапов экспортных операций. Это позволяет выявлять и минимизировать риски, которые могут возникнуть в процессе вывоза товаров и услуг. ФСТЭК активно взаимодействует с другими государственными органами и структурами, что позволяет создать комплексный подход к обеспечению безопасности экспортных операций и соблюдению законодательства.

Таким образом, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю является важным звеном в системе государственного управления, отвечающим за контроль за экспортом и защиту интересов Российской Федерации на международной арене.

Проведенный анализ документационного обеспечения экспортных операций выявил следующие ключевые элементы, необходимые для соблюдения установленных требований. Прежде всего, необходимо получить идентификационное заключение от ФСТЭК России. Этот документ подтверждает, что экспортируемая продукция не входит в списки товаров, на которые распространяются меры экспортного контроля. По сути, такое заключение является основанием для того, чтобы освободить товар от применения соответствующих регулирующих норм. Во-вторых, для включения в перечни продукции, подлежащей экспортному контролю, обязательным является получение лицензии ФСТЭК России⁸. Наличие лицензии предполагает выполнение ряда специфических требований и соблюдения ограничений, направленных на обеспечение соответствия экспортной операции действующим нормативным актам и международным обязательствам. Документы, упомянутые в данном контексте, представляют собой минимально необходимый набор для законного осуществления экспорта товаров, которые подлежат контролю. Соблюдение установленных норм и правил в области внешнеэкономической деятельности представляет собой один из наиболее значимых аспектов для всех участников данного процесса. Это важно не только для обеспечения законности и прозрачности операций, но и для защиты национальных интересов страны. В этой связи существует ряд контрольных списков товаров и технологий, которые находятся под строгим регулированием со стороны Федеральной службы по техническому и экспортному

⁸ Экспортный контроль: особенности процедуры идентификации // АНО ДПО Школа экспорта АО Российский экспортный центр. Учебно-методическое пособие. 2022.—С.50.

контролю. Эти списки охватывают различные категории, каждая из которых имеет свои уникальные особенности, требования и ограничения.

Первый из таких списков включает в себя ядерные материалы, а также оборудование и специальные не-ядерные материалы, которые подлежат экспортному контролю. Этот перечень был официально утверждён постановлением Правительства Российской Федерации, датированным 16 июля 2022 года, под номером 1285. В него входят все элементы, которые могут быть использованы в ядерной сфере, включая как сам ядерный материал, так и оборудование, необходимое для его обработки, хранения и транспортировки. Экспорт этих товаров и технологий строго регулируется, так как их использование может повлечь за собой серьезные последствия для безопасности как на уровне страны, так и на международной арене.

Следующий список, который также был утверждён 16 июля 2022 года, но под другим номером—1286, касается оборудования и материалов двойного назначения. Это делает их экспорт особенно чувствительным и требует тщательной проверки со стороны контролирующих органов. Важно отметить, что такие технологии могут быть использованы не только для мирных нужд, например, в промышленности или науке, но и для создания вооружений или других военных приложений. Поэтому контроль за экспортом таких товаров является необходимым условием для предотвращения их попадания в ненадлежащие руки.

Третий список включает в себя товары и технологии двойного назначения, которые могут быть применены в производстве военной техники и вооружений. Этот перечень был официально утверждён 19 июля 2022 года под номером 1299 и требует соблюдения строгих экспортных норм. Основная цель данного списка—предотвратить распространение технологий, которые могут быть использованы для создания оружия массового уничтожения или других опасных видов вооружений, угрожающих как России, так и другим странам. В этом контексте контроль за экспортом подобных товаров становится особенно важным, поскольку они могут способствовать дестабилизации ситуации в различных регионах мира.

Четвёртый список включает в себя микроорганизмы, токсины, а также оборудование, которое может быть использовано для их производства и распространения⁹. Многие из этих микроорганизмов и токсинов могут быть использованы как в научных исследованиях, так и в биологическом оружии, что делает контроль за их экспортом жизненно важным для обеспечения безопасности страны и мира в целом.

Таким образом, соблюдение норм и правил, установленных для внешнеэкономической деятельности, а также контроль за экспортом определённых товаров и технологий, является неотъемлемой частью государственной политики в области безопасности. Это необходимо не только для защиты национальных интересов, но и для поддержания международной стабильности. В условиях глобализации и увеличения

взаимозависимости стран, такой контроль становится всё более актуальным и необходимым. Важно, чтобы все участники внешнеэкономической деятельности осознавали свою ответственность и строго следовали установленным нормам, что позволит избежать негативных последствий и обеспечить безопасное сотрудничество на международной арене.

Таможенные органы Российской Федерации также выполняют ключевую функцию в системе экспортного контроля страны. Их задача заключается в мониторинге соблюдения экспортных ограничений на границе, что включает в себя проверку необходимых документов и осуществление таможенных процедур для поддержания законности и порядка в сфере внешнеэкономических операций.

Таким образом, система экспортного контроля в Российской Федерации представляет собой сложный механизм, который требует всестороннего подхода. Она направлена на защиту интересов государства и обеспечение безопасности, что делает ее важным элементом внешнеэкономической политики страны. В условиях глобализации и увеличения международной торговли, эффективное функционирование системы экспортного контроля становится особенно актуальным, поскольку позволяет минимизировать риски, связанные с незаконным оборотом товаров и технологий, которые могут угрожать безопасности как России, так и международному сообществу в целом.

Важное место в системе занимает режим, предусматривающий применение мер тарифного и нетарифного регулирования [Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2014: 49]. В рамках данного режима используются инструменты, такие как внешнеторговые квоты и лицензирование, направленные на решение задач, связанных с реализацией государственной экономической политики. Необходимо также подчеркнуть наличие режима контроля за экспортом и импортом отдельных категорий товаров, которые имеют стратегическую значимость для обеспечения национальной безопасности. Эффективное функционирование этого режима играет решающую роль в защите национальных интересов и предотвращении потенциальных угроз безопасности государства. Представленный анализ структуры российской системы экспортного контроля является важным шагом на пути к более глубокому пониманию её функционирования и оценке её эффективности.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В ОБЛАСТИ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

В рамках существующей системы экспортного контроля Российской Федерации наблюдаются определённые слабые стороны, которые отрицательно сказываются на результативности экспортной деятельности отечественных компаний и создают угрозы для национальной безопасности.

Одним из основных препятствий для отечественных экспортеров является высокая нагрузка и бюрократизация Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, что приводит к затруднениям в оформлении необходимой документации и получении лицензий на экспорт, в том числе для товаров с двойным назначением. Данная ситуация замедляет

⁹ Важная информация по экспортному контролю в Российской Федерации // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. 03.07.2023. URL: <https://ombudsmenbiz.admhmao.ru/vse-novosti/8999577/> (дата обращения: 25.05.2025)

динамику товарооборота между Российской Федерацией и дружественными странами, создавая дополнительные барьеры для частных компаний.

Большой проблемой, отрицательно влияющей на результативность системы экспортного контроля, является значительная длительность процесса оформления разрешительной документации. Среднее время, необходимое для получения разрешений от ФСТЭК, составляет полтора месяца и часто превышает этот срок. Это приводит к дополнительным финансовым затратам для экспортеров, которые вынуждены прибегать к услугам посреднических организаций для ускорения получения экспортных лицензий.

В связи с вышеизложенным актуальной задачей является реформирование действующей системы экспортного контроля, направленное на повышение её эффективности и снижение бюрократических барьеров. Это позволит улучшить условия для отечественных экспортеров и обеспечить национальную безопасность, что является важной задачей в современных экономических условиях.

Следует уделить внимание актуальной проблеме избыточного контроля, который применяется к экспорту определённых категорий товаров. В процессе своей работы участники внешнеэкономической деятельности сталкиваются с необходимостью получения различных разрешительных документов для проведения экспортных операций с товарами, которые в то же время широко доступны на международном рынке и не имеют каких-либо уникальных или отличительных особенностей. К числу таких товаров, в частности, можно отнести продукцию нефтехимической отрасли или некоторые фармацевтические препараты. Реализация подобной практики приводит к неоправданному усложнению экспортных процедур и увеличению сроков поставок, что, в свою очередь, приводит к увеличению транзакционных издержек, которые несут компании, и к повышению стоимости товаров. В условиях глобальной экономики, где скорость и эффективность являются ключевыми факторами успеха, затягивание процедур оформления документов становится серьезным препятствием для отечественных производителей и снижает их конкурентоспособность [Козлова, Шафиева, 2020: 45].

Также стоит отметить, что неоднозначные интерпретации нормативных актов, которые определяют объемы продукции, подлежащей лицензированию Федеральной службой по техническому и экспортному контролю, создают дополнительные риски для участников внешнеэкономической деятельности. Непонимание или различные трактовки этих норм могут привести к правовым спорам и конфликтам с контролирующими органами. Такие ситуации отвлекают внимание компаний от их основных бизнес-процессов и могут наносить ущерб их репутации. Сложность и запутанность процесса лицензирования, а также необходимость постоянного взаимодействия с контрольными органами, существенно усложняют жизнь экспортерам. Это требует от них дополнительных затрат времени и средств, а также высокого уровня юридической грамотности для того, чтобы избежать возможных ошибок и недоразумений. В итоге, все эти факторы в комплексе создают значительные преграды для выхода российских товаров на международные рынки

и снижают их привлекательность в глазах иностранных потребителей [Шерешов, Федотова, 2021: 309].

Существенным фактором, осложняющим функционирование системы экспортного контроля, является недостаточная информированность субъектов внешнеэкономической деятельности о предъявляемых требованиях и процедурах. Важно обозначить ряд проблем, возникающих у участников внешнеэкономической деятельности при подготовке документации, необходимой для прохождения экспортного контроля. В частности, две основные проблемы связаны с некорректным описанием товаров и предоставлением недостоверной или неполной информации. Некорректное описание товаров может привести к неправильному определению кода Товарной номенклатуры ВЭД, что, в свою очередь, может повлечь за собой неверный расчет таможенных платежей и непредоставление необходимых разрешительных документов. Предоставление неверной информации может привести к отказу в получении экспортной лицензии. Эти проблемы часто вызывают ошибки при самостоятельной подготовке необходимых документов, что, в свою очередь, может стать причиной отказа в выдаче разрешений [Борисова, Михайлова, 2021: 59].

Для решения указанных проблем необходимо принять комплексные меры, направленные на улучшение нормативно-правовой базы и повышение общей эффективности системы экспортного контроля. Таким образом, можно сделать вывод, что перед Россией стоит важная задача—разработка и реализация мероприятий, которые помогут усовершенствовать систему экспортного контроля. Это подразумевает как уменьшение административных барьеров, так и повышение прозрачности всех процедур [Левкин, 2023: 3].

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В РАМКАХ ЕАЭС

В контексте недостатков системы экспортного контроля РФ следует также рассмотреть проблему, возникающую из-за отсутствия единой правовой базы экспортного контроля в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что является важным в контексте движения товаров внутри и через границы объединения.

Анализ существующей нормативно-правовой базы в сфере экспортного контроля в рамках ЕАЭС показывает, что, несмотря на интеграционные процессы, регулирование экспортного контроля осуществляется на национальном уровне. Контроль за экспортом охватывает определенные категории товаров, включая высокотехнологичное оборудование, измерительные приборы, химические вещества, а также ядерные и радиоактивные материалы. При этом, даже при наличии общего подхода к таможенному регулированию, каждая страна может устанавливать свои дополнительные требования. Это приводит к тому, что каждая страна-участница имеет свои специфические процедуры и требования, касающиеся экспорта товаров [Мозжогова, Пышкин, 2017: 102]. Для российских компаний, осуществляющих экспорт в такие страны, как Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Республика Кыргызстан, это создает определенные барьеры и сложности.

Кроме того, экспорт в страны ЕАЭС таких категорий товаров, как сельскохозяйственная техника, транспортные средства, продукция промышленного назначения, а также отдельные виды медицинских товаров, может потребовать получения разрешений от соответствующих федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Определение конкретного ведомства, уполномоченного на выдачу разрешения, зависит от классификации экспортируемого товара. Исключения из общего правила составляют товары, классифицируемые в группах 27 и 29 ТН ВЭД, к которым относятся, в частности, топливо, нефть и углеводороды. Экспорт указанных товаров в страны ЕАЭС требует оформления таможенной декларации и уплаты установленных таможенных платежей и сборов [Мозжегорова, Пышкин, 2017: 102].

Помимо этого, недостаточная координация между государственными органами, ответственными за экспортный контроль, может приводить к задержкам и неэффективности в процессе оформления экспортных операций.

Отсутствие единого законодательства создает необходимость для компаний внимательно следить за изменениями в законодательстве стран-участниц и адаптировать свои бизнес-процессы в соответствии с новыми требованиями.

Для решения указанных проблем в сфере внешнеэкономической деятельности можно предложить ряд мер, которые позволят всем участникам этого процесса получить доступ к актуальной и достоверной информации о правилах и процедурах, касающихся внешнеэкономической деятельности. Это подразумевает создание централизованных ресурсов, где бизнесмены и компании могли бы находить необходимые данные, а также получать консультации и поддержку от государственных структур, отвечающих за контроль и регулирование в данной области. Такой подход может значительно улучшить качество обслуживания в компаниях, снизить вероятность возникновения ошибок и, как следствие, минимизировать риски, связанные с возможными нарушениями законодательства.

Кроме того, важно учитывать, что эффективная система контроля за экспортом должна быть многофакторной. Она должна принимать во внимание не только экономические и политические аспекты, но и потенциальные угрозы, которые могут возникнуть в результате распространения технологий. Эти технологии могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях, что делает контроль за ними особенно важным. В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса необходимо разработать такие механизмы, которые смогут адекватно реагировать на изменения в международной среде и обеспечивать безопасность страны.

Разработка и реализация мероприятий, направленных на улучшение системы экспортного контроля в России, является не только вопросом экономической эффективности, но и стратегической задачей. Данная инициатива нацелена на обеспечение безопасности страны, защиту её интересов и развитие международных экономических связей. Крайне важно, чтобы все, кто участвует во внешнеэкономической деятельности, осознавали, насколько важно соблюдать установленные правила и нормы, а также понимали, какие по-

следствия могут возникнуть в случае их нарушения. В связи с этим, необходимо создать такие условия, которые будут способствовать формированию ответственного отношения к вопросам внешнеэкономической деятельности. Это, в свою очередь, поможет создать благоприятные условия для бизнеса и укрепить позиции России на мировой арене. Для успешного выхода на международные рынки российским компаниям необходимо учитывать множество факторов, связанных с экспортным контролем. Это требует от них гибкости, готовности к изменениям и способности адаптироваться к новым условиям. При этом важно, чтобы государственные органы, отвечающие за регулирование внешнеэкономической деятельности, работали над упрощением процедур и снижением административных барьеров.

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы и практических аспектов экспортного контроля демонстрирует комплексный и многоуровневый характер регулирования. Дальнейшие исследования представляются перспективными и следует рассмотреть изменения, вносимые в законодательство экспортного контроля РФ.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ РФ С 2014 ПО 2024 ГГ.

Современная геополитическая ситуация, отмеченная санкционной войной и проведением Специальной военной операции, внесла кардинальные изменения в российское законодательство об экспортном контроле. Эти изменения являются частью стратегии, направленной на укрепление национальной безопасности и суверенитета. Однако, достижение баланса между необходимостью защиты национальных интересов и поддержания открытости экономики представляет собой сложную задачу. Санкционное давление со стороны западных стран стало катализатором ускоренного процесса ужесточения экспортного контроля. Государственные органы активно пересматривают перечни товаров и услуг, подпадающих под ограничения, перераспределяют полномочия между различными ведомствами, усиливая надзор за внешнеэкономической деятельностью.

Изменения в законодательстве экспортного контроля Российской Федерации в период с 2014 по 2024 год отражают эволюцию системы в ответ на меняющуюся геополитическую обстановку и стремление обеспечить национальную безопасность и соответствие международным стандартам. В 2014 году, в контексте санкционной политики западных стран, с целью для упрощения процедур администрирования поставок высокотехнологичной и инновационной продукции, а также снижения административной нагрузки на российских участников внешнеэкономической деятельности Президент Российской Федерации получил право вводить режим безлицензионного экспорта определенных категорий контролируемых товаров и приостанавливать его действие.

В 2020 году были внесены изменения в правила идентификации экспортных товаров и в форму идентификационного заключения направленные на улучшение контроля за правомерным использованием продукции, поставляемой в зарубежные страны.

В 2022 году были внесены изменения в Федеральный закон «Об экспортном контроле». Эти изменения привели к тому, что теперь полномочия по утверждению списков контролируемых товаров и технологий переданы от Президента Российской Федерации к Правительству. Также в поправках были установлены сроки, когда соответствующие постановления начинают действовать. Кроме того, Правительство получило право вводить ограничения на внешнеэкономическую деятельность, чтобы обеспечить выполнение международных обязательств в сфере экспортного контроля, согласно Федеральному закону от 13 декабря 2012 года № 166-ФЗ «Об экспортном контроле» [Иванов, Филонов, Глазков, 2022: 157].

В 2023 году Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России получила расширенные полномочия, которые касаются определения сроков и порядка выполнения различных административных процедур. Это нововведение стало важным шагом в направлении повышения эффективности работы данной службы. С 2023 года ФСТЭК также отвечает за общее методическое руководство в области проведения независимой идентификационной экспертизы товаров и технологий¹⁰.

Такая экспертиза необходима для того, чтобы обеспечить надлежащий государственный контроль за соблюдением российского законодательства в сфере экспортного контроля. Это, в свою очередь, касается всех участников внешнеэкономической деятельности, которые имеют дело с товарами и технологиями, подпадающими под экспортный контроль. Важно отметить, что изменения, произошедшие в 2023 году, направлены на улучшение общего контроля за оборотом таких товаров и технологий, что является критически важным для безопасности и защиты интересов государства.

Приказ Министерства промышленности и торговли России, изданный 29 января 2018 года под номером 358, стал основой для этих изменений. Он определяет новые правила и процедуры, которые должны соблюдаться при выполнении административных действий в сфере экспортного контроля. Таким образом, ФСТЭК теперь имеет возможность более эффективно управлять процессами, связанными с экспортом, что, безусловно, положительно скажется на всей системе контроля за внешнеэкономической деятельностью в стране.

Эти меры помогут не только улучшить качество контроля, но и ускорить процесс получения необходимых разрешений и лицензий для участников внешнеэкономической деятельности. В результате это создаст более благоприятные условия для бизнеса и обеспечит защиту национальных интересов России на международной арене.

В 2024 году был уточнен список товаров и техноло-

гий двойного назначения, подлежащих экспортному контролю, вызванный в первую очередь нуждами Специальной военной операции. В списки вошли беспроводные дистанционно управляемые и автономные безэкипажные морские суда и подводные аппараты, а также технологии разработки, производства и применения высокоэффективных сорбирующих материалов для извлечения радиоактивных изотопов¹¹.

Данные изменения в законодательстве экспортного контроля свидетельствуют о стремлении России выполнить международные обязательства в сфере нераспространения оружия массового поражения и двойного назначения, а также создать благоприятные условия для интеграции в экономическое пространство Евразийского экономического союза, способствуя повышению прозрачности контроля за товарами двойного назначения и устранению бюрократических барьеров между государствами-участниками объединения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребность в реформировании законодательства экспортного контроля РФ осложняется необходимостью унификации экспортного контроля в рамках Евразийского экономического союза, требующей согласованных действий и гармонизации законодательства между пятью государствами-участниками. Особенную сложность представляет также противодействие распространению оружия массового уничтожения. Широкий спектр товаров двойного назначения—технологий, которые могут быть использованы как в мирных, так и в военных целях—значительно затрудняет эффективный контроль. При этом, полный государственный контроль за каждым экспортным контрактом нереалистичен с точки зрения административных ресурсов и может нанести значительный ущерб отечественной экономике, замедлив инновационное развитие и ограничив доступ к зарубежным рынкам. Поэтому ключевым аспектом эффективного экспортного контроля становится поиск разумного компромисса.

Необходимо создать систему, которая бы минимизировала риски распространения ОМУ и технологий, способных к его созданию, не парализуя при этом внешнеэкономическую деятельность. Такой баланс может быть достигнут через активное вовлечение промышленного сектора и научного сообщества в процесс контроля за конечным использованием экспортируемых товаров. Вместо полного государственного контроля, необходим более тонкий подход, основанный на риск-ориентированном управлении. Это предполагает:

1. Создание специальных обучающих программ для повышения профессиональной квалификации экспортеров, детального понимания целей экспортного контроля, умения идентифицировать товары двойного назначения и оценки потенциальные риски их конечного использования.

¹⁰ «Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 05.04.2023 № 59 "Об утверждении сроков и последовательности административных процедур при проведении проверок в ходе осуществления Федеральной службой по техническому и экспортному контролю государственного контроля за соблюдением российскими участниками внешнеэкономической деятельности законодательства Российской Федерации в области экспортного контроля". URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstec-rossii-ot-5-aprelya-2023-g-n-59> (дата обращения: 25.05.2025)

¹¹ Уточнен Список товаров и технологий двойного назначения, в отношении которых осуществляется экспортный контроль // Альта-Софт. 18.03.2024. URL: https://www.alt.ru/laws_news/109016/ (дата обращения: 25.05.2025)

2. Учреждение профессиональных объединений экспортеров, разрабатывающих и внедряющих собственные стандарты и процедуры контроля, позволяющих снизить нагрузку на государственные органы и повысить эффективность контроля.

3. Усиление международного сотрудничества и обме-

на информацией и опытом с другими странами в области экспортного контроля.

4. Транспарентность и понятность законодательства для более легкого ориентирования в требованиях экспортного контроля и минимизации рисков нарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазова Е.Х. Запрет на ввоз и вывоз отдельных видов товаров как мера воздействия (противодействия), применяемая в целях обеспечения безопасности в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 4. С. 246–250.
2. Батаев В.В., Качалин В.П., Плешивцева Ю.Э., Ткачев В.К., Трубицын К.В. Роль экспортного контроля в таможенной политике РФ // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 2. С. 16–25.
3. Борисова Е.М., Михайлова И.Л. Актуальные проблемы и направления развития экспортного контроля в России. // БИТ. 2021. № 2 (18). С. 58–63.
4. Брагина Е.А. Формирование нормативно-правовой базы национальной системы контроля над ядерным экспортом в СССР как необходимое условие обеспечения физической ядерной безопасности // Глобальная ядерная безопасность. 2018. № 4 (29). С. 87–96.
5. Витюк В.В., Федоренко К.П. Экспортный контроль в Российской Федерации // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 7. С. 63–88.
6. Дзирун И.А., Исмаилов С.Т., Петрушина О.М. Оценка динамики показателей проведения экспортного контроля в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 4 (122). С. 116–120.
7. Иванов А.А., Филонов А.Д., Глазков М.А. ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСОБЕННОСТИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 11–1. С. 155–158.
8. Козлова А.С., Шафиева А.Р. Проблема осуществления экспортного контроля в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11–2. С. 44–46.
9. Кортунов П. Режим нераспространения в XXI веке: новые вызовы и угрозы // РСМД. 26.06.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/rezhim-nerasprostraneniya-v-xxi-veke-novye-vyzovy-i-ugrozy/>
10. Левкин В.А. Некоторые проблемы экспортного контроля в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2023. № 11.
11. Мозжегорова О.А., Пышкин Ю.В. Особенности осуществления экспортного контроля в условиях функционирования Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 4. С. 100–107.
12. Особенности экспортного контроля продукции двойного назначения: потенциальные барьеры для экспортеров и возможности их преодоления // АО «Российский экспортный центр», АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», 2017. 33 с.
13. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Участие России в многосторонних режимах экспортного контроля как ин-

REFERENCES

1. Abazova E.H. Prohibition of import and export of certain types of goods as a measure of influence (counteraction) applied to ensure security in the Russian Federation . *Gaps in Russian legislation*. 2022. No. 4. Pp. 246–250. (in Rus.).
1. Bataev V.V., Kachalin V.P., Pleshivtseva Y.E., Tkachev V.K., Trubitsyn K.V. The export control role in the customs policy of the Russian Federation. *Investment and Innovation Management*. 2016. No. 2. Pp. 16–25. (in Rus.).
3. Borisova E.M., Mikhailova I.L. Current problems and directions of export control development in Russia. *BIT*. 2021. No. 2 (18). Pp. 58–63. (in Rus.).
4. Bragina E.A. Formation of the regulatory and legal framework of the national system over nuclear export control in the USSR as a necessary condition for ensuring nuclear security. *Global Nuclear Security*. 2018. No. 4 (29). Pp. 87–96. (in Rus.).
5. Vityuk V.V., Fedorenko K.P. Export control in the Russian Federation. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2014. No. 7. Pp. 63–88. (in Rus.).
6. Dzirun I.A., Ismailov S.T., Petrushina O.M. Assessment of the export control indicators dynamics in the Russian Federation. *Economy and Business: theory and practice*. 2025. No. 4 (122). Pp. 116–120. (in Rus.).
7. Ivanov A.A., Filonov A.D., Glazkov M.A. Export control in the Russian Federation at the present stage: features and new challenges. *Economy and Business: theory and practice*. 2022. No. 11–1. Pp. 155–158. (in Rus.).
8. Kozlova A.S., Shafieva A.R. The problem of implementing export control in the Russian Federation. *Economy and Business: theory and practice*. 2020. No. 11–2. Pp. 44–46. (in Rus.).
9. Kortunov P. The non-proliferation regime in the 21st Century: new challenges and threats. *Russian International Affairs Council*. 26.06.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/rezhim-nerasprostraneniya-v-xxi-veke-novye-vyzovy-i-ugrozy/> (accessed: 01.07.2023). (in Rus.).
10. Levkin V.A. Problems of export control in the Russian Federation. *Electronic scientific journal "Science Diary"*. 2023. No. 11. (in Rus.).
11. Mozhegorova O.A., Pyshkin Y.V. Features of export control implementation under Eurasian Economic Union operation. *Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2017. No. 4. Pp. 100–107. (in Rus.).
12. Features of dual-use products export control of: potential barriers for exporters and ways to overcome it. JSC "Russian Export Center", ANO "Analytical Center under the Government of the Russian Federation", 2017. 33 p.
13. Revenko L.S., Revenko N.S. Russia's participation in multilateral export control regimes as an instrument

- струмент защиты интересов российских экспортеров // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 7. С. 49–61.
14. *Ревенко Н.С.* Экспортный контроль России в ракетной сфере // Экономика и управление. 2016. № 2. С. 112–117.
15. *Роскошная М.С.* Выявление актуальных угроз системы экспортного контроля: международный и российский опыт // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. № 3. С. 320–325.
16. *Савенок А.В., Филиппова Е.О.* Экспортный контроль в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2896–2900.
17. *Шерешов А.В., Федотова А.Ю.* Тенденции экспортного контроля в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–2. С. 307–310.
- for protecting interests of russian exporters. Russian Foreign Economic Bulletin. 2014. No. 7. Pp. 49–61. (in Rus.).
14. *Revenko N.S.* Export control of Russia in the missile area. *Economy and Management*. 2016. No. 2. Pp. 112–117. (in Rus.).
15. *Roskoshnaia M.S.* Identification of current threats to the export control system: international and russian experience. *Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. 2016. No. 3. Pp. 320–325.
16. *Savenok A.V., Filippova E.O.* Export control in the Russian Federation. *Scientific-Methodological Electronic Journal "Concept"*. 2017. Vol. 39. Pp. 2896–2900. (in Rus.).
17. *Shereshov A.V., Fedotova A.Y.* Trends in export control in the Russian Federation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No. 5–2. Pp. 307–310. (in Rus.).

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Экспортный контроль в РФ и изменения в его правовом регулировании в период 2014–2024 годов».

Авторы: Агапов А.Ю., Халипов С.В. (соавтор).

Работа актуальна, поскольку акцентирует внимание на изменения в правовом регулировании сферы экспортного контроля в России в контексте основных международных актов, касающихся экспортного контроля,—в период трансформации международной системы и острого противостояния России и недружественных государств Запада. Статья соответствует научной специальности 5.1.5. Международно-правовые науки.

Текст статьи (тематика) полностью соответствует направлению публикаций журнала «Пробелы в российском законодательстве». Дан анализ основных актов российского законодательства в части полноты правового регулирования в сфере экспортного контроля—с особым вниманием к пробельным и проблемным аспектам темы.

Статья написана научным стилем с использованием научно-правовой терминологии, объективно раскрывает состояние и проблемы правового регулирования экспортного контроля, подкреплена авторитетными источниками.

Научная новизна статьи заключается в исследовании (анализе) тех изменений, которые произошли в новейшее время в сфере правового регулирования экспортного контроля в России и в ЕАЭС.

Статья восполняет новыми аргументами и фактами исследования в области теоретического осмысления проблематики экспортного контроля. Практическая значимость статьи состоит в ее нацеленности на решение проблем и устранение пробелов в российском законодательстве в свете современного развития международных отношений.

Можно было бы порекомендовать авторам добавить (усилить) критику практики западных (недружественных) государств, направленную на подрыв, ослабление глобальной системы экспортного контроля.

Рецензентом рекомендовано принять статью к публикации.

Рецензент: Шумилов В.М., д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 87,44%.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025, принята к публикации 19.07.2025

The article was received on 04.07.2025, accepted for publication 19.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапов Артём Юрьевич, аспирант; Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; г. Москва, Российская Федерация, Spin-код: 5297-6340, e-mail: agapov.000@inbox.ru

Халипов Сергей Васильевич, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права; Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 6247-0387, AuthorID: 671314, e-mail: shalipov@vavt.ru

ABOUT THE AUTHORS

Artem Yu. Agapov, postgraduate student; Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Moscow, Russian Federation, Spin-code: 5297-6340, e-mail: agapov.000@inbox.ru

Sergey V. Khalipov, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Public Law Department; All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 6247-0387, AuthorID: 671314, e-mail: shalipov@vavt.ru

5.1.5.

Международно-правовые науки
(юридические науки)

International Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-162-168

УДК: 341.29

ГРНТИ: 10.87.01

ББК 67.9

EDN: ZIKDPP

Правовые коллизии в определении понятий «компьютерная информация», «цифровая информация» или «электронные данные»

© Гончарова Наталья Николаевна^a

© Дятлова Екатерина Владимировна^b

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева (ИЭУП), г. Казань, Российская Федерация

^a goncharova-nnn@yandex.ru

^b dyatlova_katerina@list.ru

Аннотация: Цель исследования. В статье проводится анализ международных и внутригосударственных правовых норм Российской Федерации и стран СНГ, свидетельствующие о приверженности термину «компьютерная информация». **Выводы.** Сходство национальных источников уголовного законодательства стран СНГ обусловлена прежде всего модельным документом, выработанным в Содружестве, который не является обязательным, что и было продемонстрировано проведённым анализом. В основной части данного исследования вполне однозначно высказываются позиции ученых об отрыве действующего права от актуального использования информации без привязки к конкретным компьютерным устройствам. Термин «цифровая информация» не используется в действующем праве, а получил широкое применение в науке, средствах массовой информации и в международном деловом общении. Принятие Конвенции против киберпреступности 2024 года приводит к необходимости пересмотреть возможность применения термина «электронные данные». В сущности, термины «компьютерная информация» и «электронные данные» могут одновременно применяться в международном и национальном праве. Однако формирование единого понятийного аппарата для стран-участниц БРИКС может способствовать полноценному достижению целей сотрудничества в борьбе с преступностью и гармонизации национальных правовых систем, поддерживая идею многополярности.

Ключевые слова: информация, электронные данные, компьютерная информация, цифровая информация, Модельный уголовный код, информационно-телекоммуникационное устройство, информационно-телекоммуникационная система, БРИКС, СНГ, Конвенция против киберпреступности

Для цитирования: Гончарова Н.Н., Дятлова Е.В. Правовые коллизии в определении понятий «компьютерная информация», «цифровая информация» или «электронные данные» // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 162–168. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-162-168. EDN: ZIKDPP

Legal Conflicts in the Definition of the Concepts of "Computer Information", "Digital Information" or "Electronic Data"

© Natalya N. Goncharova^a

© Ekaterina V. Dyatlova^b

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU), Kazan, Russian Federation

^a goncharova-nnn@yandex.ru

^b dyatlova_katerina@list.ru

Annotation: The purpose of the research. The article explores international and domestic legal norms of the Russian Federation and the CIS countries, indicating adherence to the term "computer information". **Results.** The similarity of national sources of criminal legislation of the CIS countries is primarily due to a model document developed in the Commonwealth, which is not mandatory, which was demonstrated by the analysis. In the main part of this study, the positions of scientists on the separation of the current right from the actual use of information without reference to specific computer devices are clearly expressed. The term "digital information" is not used in applicable law, but is widely used in science, the media and in international business communication. The adoption of the Convention against Cybercrime 2024 leads to the need to revise the possibility of applying the term "electronic data". In essence, the terms "computer information" and "electronic data" can be simultaneously applied in international and national law. However, the formation of a single conceptual apparatus for the BRICS member countries can contribute to the full achievement of the goals of cooperation in the fight against crime and harmonize national legal systems, supporting the idea of multipolarity.

Keywords: information, electronic data, computer information, digital information, Model criminal code, information and communication technologies, information and communication systems, BRICS, CIS, convention against cybercrime

For citation: Goncharova N.N., Dyatlova E.V. Legal Conflicts in the Definition of the Concepts of "Computer Information", "Digital Information" or "Electronic Data". Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 162–168. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-162-168. EDN: ZIKDPP

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшая роль терминологии в механизме правового регулирования прежде всего заключается в правильном описании объекта правового регулирования, что позволяет исключить пробелы в праве, а единогласие источников позволяет избежать коллизий. Развитие цифровых информационных технологий вызвало бурное обсуждение на всех уровнях и пересмотр рамок нахождения информации на конкретном устройстве.

Исследуемая тема набирает обороты на всех уровнях и в разных контекстах. Так, вопросы обмена информацией в целях борьбы с преступностью в рамках стран-участниц БРИКС рассмотрены в статье «Современные инструменты расследования транснациональных преступлений как меры обеспечения национальной безопасности» [Гончарова, Гусаков, 2025]. В монографии «БРИКС» проведено исследование состояния правовых систем стран БРИКС по вопросам использования цифровых технологий [Бикеев, Клемин, Гончарова, Латыпова, 2024]. Исследовалось использование цифровых ресурсов при охране архитектурных памятников, цифровых технологий в расследовании экономических преступлений [Латыпова, Гильманов, 2023; Латыпова, Мусина, Гильманов, 2022]; проведен анализ проблем связанных с использованием роботов [Begishev,

Shutova, Niyozmetov, Kiiko, Gilmanov, 2025] как носителей цифровых функций, технологий, и количество таких исследований расширяется в прогрессии.

Для государств—стран СНГ не новым является стремление к установлению режима борьбы с киберпреступлениями. Важным в 2001 году стало подписание Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации¹.

Позже в Душанбе 28 сентября 2018 года заключено Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий² (ратифицировано Российской Федерацией в 2021 году и вступило в силу 17 июля 2022 года), для участников которого Соглашение 2001 года прекратило свое действие. На данном этапе развития регионального международного права государства СНГ должны руководствоваться в вопросах

¹ Соглашение о сотрудничестве государств—участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01 июня 2001 года // URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1180#documentCard> (дата обращения: 13.07.2025).

² Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий // Собрание законодательства Российской Федерации.—2022.—№ 33.—Ст. 5883.

борьбы с преступлениями в сфере информационной безопасности.

В Соглашении стороны выражают намерения осуществлять сотрудничество в целях обеспечения предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий и сближать национальное законодательство в этих целях. В ст. 1 Соглашения, компьютерная информация представлена как—информация, находящаяся в памяти компьютерной системы, на машинных или на иных носителях в форме, доступной восприятию компьютерной системы, или передающаяся по каналам связи.

Также Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 17 февраля 1996 года принят Модельный уголовный кодекс³, имеющий рекомендательное значение, использует соответствующую терминологию, в частности, в ст. 250 включает термин «компьютерная информация», как хранящаяся в компьютерной системе, а в Главе 30 «Преступления против информационной безопасности» речь идет об информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях (ст. 286), информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи (ст. 289).

Статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ в примечании раскрывает, что под компьютерной информацией следует понимать сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"»⁵ указано, что, относимые к компьютерной информации сведения, данные, могут находиться в запоминающем устройстве электронно-вычислительных машин и в других компьютерных устройствах либо на внешних электронных носителях в форме, доступной восприятию компьютерного устройства и передаваться по каналам электрической связи. Данное разъяснение прямо связывает информацию с носителем, что существенно ограничивает сам объект правового регулирования.

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА СТРАН СНГ

Ст. 1 Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, использует термин «компьютерная информация», однако дает определение

термину «компьютерные данные», как любое представление фактов, информации или понятий в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе, включая программы, способные обязать компьютерную систему выполнять ту или иную функцию.

В виду существующих правовых характеристик компьютерной информации существуют коллизии в определении таких понятий.

В период 2023–2024 гг. шли активные переговоры по разработке Конвенции о борьбе с киберпреступностью, актуализируя статистикой дохода преступных групп от преступного использования информационных технологий (к 2025 году прогноз в девять триллионов долларов)⁶. Сама идея конвенции еще в 2019 году обсуждалась Генеральной Ассамблеей ООН и была зафиксирована в резолюции 74/247.

На данный момент Конвенция принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 года⁷, примечательно, что в тексте фигурирует не термин «цифровая информация», как в проекте, которая была определена как сведения (данные), независимо от формы и характеристик, содержащиеся и обрабатываемые в информационно-телекоммуникационных устройствах, системах и сетях⁸, а «электронные данные». В свою очередь в окончательном варианте «электронные данные», согласно ст. 2, означают любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в информационно-коммуникационной системе (ИКС), включая соответствующую программу, в результате действия которой ИКС выполняет функцию. Отметим отдельно, что термины компьютерная информация не используются, а носители обозначаются термином «информационно-коммуникационная система», а не «устройство информационно-коммуникационных технологий», как было в проекте Конвенции.

Национальное право стран СНГ разрозненно, так, Уголовный кодекс Армении определяет компьютерную информацию как всю систему информации, которая хранится на компьютере, в компьютерной системе, сети или на компьютерных носителях и охраняется законом от преступных посягательств⁹.

Далее, при осуществлении анализа национального законодательства Республики Кыргызстан, мы пришли к выводу, что о компьютерной информации упоминается в главе «Преступления против кибербезопасности»¹⁰, в остальных национальных источниках легальное определение не закреплено, а говорится лишь об информации. Национальное законодательство

³ Модельный уголовный кодекс от 17.02.1996 года (с изм. от 16.11.2006) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 13.07.2025).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996.—№ 25.—Ст. 2954.

⁵ Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"».

⁶ В Вене проходят переговоры по разработке конвенции о борьбе с киберпреступностью // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436692> (дата обращения: 13.07.2025).

⁷ Конвенция ООН против киберпреступности 2024 года // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 13.07.2025).

⁸ Конвенция ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (проект) // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Second_session/Russia_Contribution_R.pdf (дата обращения: 13.07.2025).

⁹ Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 года № ЗР-199 (с изм. и доп.) // Официальные ведомости Республики Армения.—2021.—№ 3.—Ст. 407.

¹⁰ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изм. и доп.) // Газета «Эркин Тоо».—2021.—№ 122–123.

Кыргызстана призвано минимизировать киберпреступность и все еще находится на стадии разработки.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь просматривается термин «компьютерная информация» рассматривается в ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», как сведения, воспринимаемые комплексом программно-технических средств¹¹.

Закон Молдавии «О предупреждении и борьбе с преступностью в сфере компьютерной информации» (ст. 2) применяет термин «компьютерные данные» как любое представление фактов, сведений или понятий в форме, пригодной для обработки с помощью компьютерной системы, в том числе программы¹².

Законодательство Республики Таджикистан не дает юридического определения «компьютерной информации»; в Узбекистане¹³ термин «компьютерная информация» используется, однако определения также нет; в Уголовном кодексе Казахстана вместо термина «компьютерная информация» используется «электронная информация».

Уголовный кодекс Туркменистана¹⁴ включает положения, которые квалифицируют преступные деяния, связанные с информатикой, связью и компьютерной информацией.

Исходя из проведенного анализа уголовного национального законодательства стран СНГ, становится понятно, что государства-участники на данный момент не разработали легальное определение компьютерной информации, а сам термин часто меняют на схожие по значению, такими как электронная информация.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ТЕРМИН В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Компьютерная информация становилась объектом исследования и толкования со стороны научного сообщества, в частности информация, используемая в судебном процессе в качестве доказательства, была представлена как «фактические данные, обработанные компьютерной системой и (или) переданные по доступным лицу телекоммуникационным каналам ...» [Россинская, 2001: 30].

Термин электронные данные находили ранее поддержку у научного сообщества, в частности в исследовании А. Ф. Мицкевича и А.В. Суслопарова [Мицкевич, Суслопаров, 2010].

И.К. Рябченко пришел к выводу, что компьютерную информацию можно разделить на два типа: объективную информацию и субъективную информацию, содержащуюся в структуре субъекта, и квазиинформацию, содержащуюся в совокупности информации о субъектах. Компьютерные данные—это информация в формализованном формате, хранящаяся в памяти компьютера

или на других электронных носителях. В компьютерных устройствах эта информация должна быть включена в информацию, содержащуюся в устройстве, которая наряду с информационным шумом также должна включать в себя структурированную и интеллектуально важную информацию [Рябченко, 2019].

Изучив работы Л.Н. Ермолаевой, можно прийти к выводу, что «компьютерная информация» представляет собой любую информацию, способную перенести на компьютер, созданная там же и используемая для хранения, передачи др. как в личных, так и коммерческих целях в виде текста, звука, изображения и т.д. [Ермолаева, 2023: 43]

По словам А.Н. Попова, информация, хранящаяся в памяти компьютера, на машине или другом носителе в форме, которая может восприниматься компьютерами или передаваться по каналам связи, называется компьютерной информацией. С помощью программного и аппаратного обеспечения человек может получить представление о компьютерной информации. Представление компьютерной информации на носителе называется файлом. Каждый файл содержит определенные характеристики, которые облегчают его идентификацию, такие как имя, количество представленных данных, тип файла (например, текст или графика) и дополнительные атрибуты [Попов, 2018].

Систематическая трактовка определения А.Н. Гувым предполагает, что компьютерная информация—это информация на машинном носителе, на жестком диске или в системе ЭВМ или их сети.¹⁵

Фундаментальные термины и понятия, связанные с компьютерной информацией, регулируются многочисленными законами. Но при этом, расширение новых компьютерных технологий обеспечивает человечество комфортом общения, но может нести в себе общественную опасность [Дятлова, Янгличева, 2022], включая возможность совершения преступлений, в том числе неизвестных современному уголовному закону [Нечаева, Латыпова, Гильманов, 2019]. А под информацией следует понимать сведения, хранящиеся, принимающиеся-передающиеся информационными системами, машинами и даже живыми организмами [Дятлова, Юсупов, 2017].

Наиболее сильно откликается позиция И.Р. Бегишева в его диссертации на тему «Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации» и говоря о главном, волнующем нас в данном исследовании, было предложено в примечании 1 к ст. 272 УК РФ сконцентрироваться на термине «цифровая информация», вместо «компьютерная информация» и дать определение «сведения (сообщения, данные), обращающиеся в информационно-телекоммуникационных устройствах, их системах и сетях» [Бегишев, 2017: 9].

В виду стремительного развития технологий, развития искусственного интеллекта, идеи о метавселенных [Денисович, 2024; Бегишев, Денисович, Сабитов, Пасс, Скоробогатов, 2023], внедрения виртуального

¹¹ Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 307-3 «Об оперативно—розыскной деятельности» (с изм. и доп.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь.—2015.—№ 29.

¹² Закон Республики Молдова от 3 февраля 2009 года № 20 «О предупреждении и борьбе с преступностью в сфере компьютерной информации» (с изм. и доп.) // Официальный монитор Республики Молдова.—№ 11–12.—2010.—Ст. 17.

¹³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII (с изм. и доп.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан.—1995.—№ 1.—Ст. 3.

¹⁴ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-1 (с изм. и доп.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана.—№ 2.—1997.—Ст. 9.

¹⁵ Гув А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей. 2010 // URL: <https://internet.garant.ru/%2Fdocument%2F55007677%2Fparagraph%2F1868%2Fdoclist%2F141%2F1%2F0%2F0%2FГув%20А.Н.%20Комментарий%20к%20Уголовному%20кодексу%20Российской%20Федерации%3A%3A2> (дата обращения: 13.07.2025).

обращения информации, при развитии разного рода правовых отношений [Гончарова, 2022: 59], появления технологий цифровых двойников [Begishev, Shutova, Arhmetshin, Denisovich, Latypova, Gilmanov, 2024] без использования конкретного устройства, стоит признать новые реалии и расширить охват до электронных данных, тем более что международные нормы и научные воззрения уже для этого есть.

В Казанской Декларации БРИКС 2024 года¹⁶ отмечено, что в целях укрепления государств, необходимо повышение надежности ИКТ-систем и ускорение их цифровой трансформации. Государства подчеркнули необходимость выработки рамочной основы для сотрудничества внутри БРИКС. В обсуждениях в БРИКС уже широкими шагами используются термины цифровое пространство, цифровое сотрудничество, цифровая инфраструктура, цифровые технологии. Все это рядом с целями обеспечения информационной безопасности, а значит страны БРИКС и БРИКС+ однозначно подбираются к внедрению в правовые документы актуальной терминологии. Причем уже понятно, что принципы цифрового гуманизма и цифрового суверенитета лягут в основу таких перспективных документов¹⁷.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что термины «электронные данные», «цифровая информация» не используются в действующем отечественном праве, международно-правовое регулирование достигло определенного понимания и задало вектор развития в пользу первого терми-

на. Разночтения в национальных правовых системах, в науке, средствах массовой информации и в международном деловом общении следует рассматривать как поиск подходящего в каждом случае понятия, необходимого для выработки правовых текстов.

В сущности, термины «компьютерная информация» и «электронные данные» могут одновременно применяться в международном и национальном праве. Однако формирование единого понятийного аппарата для стран-участниц БРИКС может способствовать полноценному достижению целей сотрудничества в борьбе с преступностью.

Прогрессивные воззрения БРИКС могут лечь в основу гармонизации законодательства стран-участниц, учитывая призыв «платформы» к имплементации государствами Конвенции ООН против киберпреступности.

Использование термина «компьютерная информация» приводит к ограничению понимания объекта исследования и не охватывает иные формы, такие как облачные сервисы, метаданные и другие, что дает преимущество использованию термина «электронные данные».

Возможное использование термина «электронные данные» позволит в целях борьбы с преступностью использовать цифровые данные, получаемые вне компьютерных устройств, в качестве объекта либо средства преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международные правовые нормы могут стать живыми только посредством их трансформации во внутреннее право государств, Конвенция против киберпреступности скорее приведет к постепенному переходу от «компьютерной информации» к «электронным данным», что положительно скажется в виду требуемого единообразия в целях достижения идеальной цели сотрудничества государств в борьбе с преступностью. В результате имплементации международной нормы мы можем не увидеть должного эффекта, хотя призывы БРИКС могут дать результат для его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бегишев И.Р.* Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Казань: 2017. 31 с. EDN: YRTZMD.
2. Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве / И.Р. Бегишев, В.В. Денисович, Р.А. Сабитов [и др.] // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2023. № 4(39). С. 58–62. DOI 10.47475/2311-696X-2023-39-4-58-62. EDN: HEHWGN.
3. БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирязова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев [и др.]. Казань: Издательство «Познание», 2024. 224 с. ISBN 978-5-8399-0798-0. EDN: ECSPDW.
4. *Гончарова Н.Н.* Современные инструменты расследования транснациональных преступлений как меры обеспечения национальной безопасности / Н.Н. Гончарова, А.Е. Гусаков // *Обеспечение безопасности современного общества и государства*

REFERENCES

1. *Begishev I.R.* The concept and types of crimes in the field of circulation of digital information: abstract diss. ... Cand. Sci. (Law). Kazan, 2017. 31 p. EDN: YRTZMD.
2. The criminal-legal significance of the metavselniy: conflicts in the law. Begishev I.R., Denisovich V.V., Sabitov R.A., Pass A.A., Skorobogatov A.V. *Law and Lawser: History, Theory, Practice.* 2023. No. 4 (39). Pp. 58–62. DOI 10.47475/2311-696X-2023-3-4-58-62. EDN: HEHWGN.
3. BRICS: Russian view: projection in the scientific study of the Brix phenomenon. A.V. Timiryasov, I.E. Diskin, I.I. Bikeev [et al.]. Kazan, 2024. Pp. 25–47. ISBN 978-5-8399-0798-0. EDN: ECSPDW.
4. *Goncharova N.N.* Modern tools for investigating transnational crimes as measures to ensure national security. N.N. Goncharov, A.E. Gusakov. *Ensuring the security of modern society and the state in the conditions of a multipolar world: a collection*

- в условиях многополярного мира: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 года. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. С. 189–196. EDN: NHOUDI.
5. Гончарова Н.Н. Правовая помощь в виртуальном пространстве / Н.Н. Гончарова // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегешева [и др.]. Том 2. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 57–59. EDN: XCEBUN.
 6. Денисович В.В. Уголовно-правовое значение свойств метавселенных / В.В. Денисович // Проблемы права. 2024. № 3(95). С. 30–34. DOI 10.14529/proprava240307. EDN: NVFMNL.
 7. Дятлова Е.В. Парсинг и закон / Е.В. Дятлова, Ю.Р. Янгличева // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 49–52. EDN: ITDYUM.
 8. Дятлова Е.В. Правовое регулирование отношений в условиях информационного общества / Е.В. Дятлова, Т.З. Юсупов // Молодой ученый. 2017. № 15(149). С. 244–246. EDN: YLNTAR.
 9. Ермолаева Л.Н. Компьютерная информация: проблематика исследования / Л.Н. Ермолаева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4(16). С. 42–47. EDN: TYOUBK.
 10. Латыпова Э.Ю. Использование цифровых ресурсов при охране архитектурных памятников Российской Федерации / Э.Ю. Латыпова, Э.М. Гильманов // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. Казань: Познание, 2023. С. 152–157. EDN: OOEIWY.
 11. Латыпова Э.Ю. Цифровые технологии в расследовании экономических преступлений / Э.Ю. Латыпова, Р.Р. Мусина, Э.М. Гильманов // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегешева [и др.]. Том 2. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 135–139. EDN: IYZVPQ.
 12. Мицкевич А.Ф. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву / А.Ф. Мицкевич, А.В. Сулопаров // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206–209. EDN: MWFZXR.
 13. Нечаева Е.В. Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы / Е.В. Нечаева, Э.Ю. Латыпова, Э.М. Гильманов // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 80–86. DOI 10.33463/1999–9917.2019.27(1–4).1.080–086. EDN: ZEICUX.
 14. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А.Н. Попов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 24–25.
 15. Россинская, Е.Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е.Р. Россинская, А.И. Усов. Москва: Издательство «Право и закон», 2001. 416 с. EDN: TSBNDF.
 16. Рябченко И.К. Анализ понятий «Компьютерная информация» и «Компьютерные данные» и их использование в уголовном процессе / И.К. Рябченко // Юри-
 - of materials of the X International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 17–19, 2025. Cheboksary, 2025. Pp. 189–196. EDN: NHOUDI.
 5. Goncharova N.N. Legal assistance in the virtual space. Goncharova N.N. Digital technologies and law: a collection of scientific works of the I International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 23, 2022. Edited by I.R. Begishev [et al.]. Volume 2. Kazan, 2022. Pp. 57–59. EDN: XCEBUN.
 6. Denisovich V.V. Criminal-legal value of the properties of the metaverse. Denisovich V.V. *Problems of law*. 2024. No. 3 (95). Pp. 30–34. EDN: NVFMNL. (in Rus.).
 7. Dyatlova E.V., Yanglicheva Yu. R. Parsing and the law. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 49–52. EDN: ITDYUM. (in Rus.).
 8. Dyatlova E.V., Legal regulation of relations in the conditions of the information society. Dyatlova E.V., Yusupov T.Z. Text: direct. *Young scientist*. 2017. No. 15 (149). Pp. 244–246. EDN: YLNTAR. (in Rus.).
 9. Ermalaeva L.N. Computer information: Research problems. Ermalaeva L.N. *Society, Law, statehood: retrospective and perspective*. 2023. No. 4 (16). Pp. 42–47. EDN: TYOUBK. (in Rus.).
 10. Latypova E. Yu. Using digital resources in the protection of architectural monuments of the Russian Federation. Latypova E. Yu., Gilmanov E.M. in the collection: education, education and law in the context of global challenges. A collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Cheboksary, 2023. Pp. 209–213. EDN: OOEIWY.
 11. Latypova E. Yu. Digital technologies in the investigation of economic crimes. Latypova E. Yu., Musina R.R., Gilmanov E.M. in the collection: digital technology and law. Collection of scientific papers of the I International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes. Ed. I.R. Begisheva. Kazan, 2022. Pp. 135–139. EDN: IYZVPQ.
 12. Mitskievich A.F. The concept of computer information on Russian and foreign criminal law. Mitskievich A.F., Susloparov A.V. Spaces in Russian legislation. 2010. No. 2. Pp. 206–209. EDN: MWFZXR.
 13. Nechaeva E.V. Angry of digital information: the current state of the problem. Nechaeva E.V., Latypova E. Yu., Gilmanov E.M. Man: Crime and Punishment. 2019. T. 27. No. 1. Pp. 80–86. DOI 10.33463/1999–9917.2019.27(1–4).1.080–086. EDN: ZEICUX.
 14. Popov A.N. Crimes in the field of computer information: Textbook. A.N. Popov. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. Pp. 24–25.
 15. Rossinskaya E.R. Forensic computer-technical expertise. Rossinskaya E.R., Usov A.I. Moscow: Law and Law, 2001. 416 p. EDN: TSBNDF.
 16. Ryabchenko I.K. Analysis of the concepts of “computer information” and “computer data” and their use in the criminal process. Ryabchenko I.K. Legal science. 2019. No. 12. Pp. 99–100. EDN: HIKDHO.
 17. Humans and Robots: Transformations of Professional Communication in the Digital

- дическая наука. 2019. № 12. С. 99–100. EDN: HIKDHO.
17. Humans and Robots: Transformations of Professional Communication in the Digital Era / I. Begishev, A. Shutova, D. Niyozmetov [et al.] // 2025 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, Russian Federation, 09 апреля 2025 года. IEEE: IEEE, 2025. P. 144–148. DOI 10.1109/ComSDS65569.2025.10971289. EDN: PTSCQC.
18. Digital Twins in Healthcare System: Communication between Society and Law / I. Begishev, A. Shutova, E. Akhmetshin [et al.] // 2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Санкт-Петербург, 10 апреля 2024 года. Vol. 2024. Санкт-Петербург: IEEE, 2024. P. 9–12. DOI 10.1109/ComSDS61892.2024.10502083. EDN: HMRWSY.
- Era. Begishev I., Shutova A., Niyozmetov D., Kiiko D., Gilmanov R. In the collection: 2025 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). IEEE, 2025. Pp. 144–148. DOI 10.1109/ComSDS65569.2025.10971289. EDN: PTSCQC.
18. Digital Twins in Healthcare System: Communication Between Society and Law. Begishev I., Shutova A., Arhmetshin E., Denisovich V., Latypova E., Gilmanov R. In the collection: In the collection: In the collection 2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). St. Petersburg, 2024. Pp. 9–12. DOI 10.1109/ComSDS61892.2024.10502083. EDN: HMRWSY.

РЕЦЕНЗИЯ

Авторы: канд. юрид. наук. Гончарова Наталья Николаевна, Дятлова Екатерина Владимировна.

Название статьи: «Правовые коллизии в определении понятий "компьютерная информация", "цифровая информация" или "электронные данные"».

Статья Н.Н. Гончаровой и Е.В. Дятловой посвящена важным в настоящее время проблемам трансформации терминов «компьютерная информация», «цифровая информация», «электронные данные» под влиянием геополитических, научных и правовых факторов, в виду разрозненного развития международных и национальных правовых систем. Автором обоснованно рассматриваются как универсальные, так и региональные правовые нормы, оказывающие влияние на развитие единообразных правил, в течение длительного времени влияющие на национальное право.

Актуальность данной статьи связана с развитием цифровых технологий, на фоне чего международное сообщество обозначило необходимость гармонизации законодательства с целью устранения правовых коллизий в развитие трансграничного взаимодействия. Страны БРИКС развивая многополярность и суверенность зафиксировали свою приверженность целям борьбы с преступностью, поэтому имплементация Конвенции против киберпреступности, унификация терминологии являются основой получения желаемых результатов, что подтверждают декларации.

Автором проведена важная теоретическая работа, имеющая научную ценность. Исследование совмещает поиск правовой и доктринальной основы для наилучшей траектории развития российского понятийного аппарата в условиях повышения уровня цифровой преступности, ценности цифровой дипломатии в разрешении конфликтов. В научном изыскании определена ценность термина «электронные данные», что позволит в целях борьбы с преступностью использовать цифровые данные, получаемые вне компьютерных устройств, в качестве объекта либо средства преступления.

Научная статья Н.Н. Гончаровой, Е.В. Дятловой «Правовые коллизии в определении понятий "компьютерная информация", "цифровая информация" или "электронные данные"» имеет научное обоснование и является продолжением поиска направлений развития цифровых платформ международного сотрудничества.

Рецензент: Латыпова Э.Ю., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат».

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, принята к публикации 20.07.2025

The article was received on 02.07.2025, accepted for publication 20.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры международного и европейского права; Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); г. Казань, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7682-4442, SPIN-код: 7098-8510, AuthorID: 623431, e-mail: goncharova-nnn@yandex.ru

Дятлова Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры международного и европейского права; Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); г. Казань, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-8314-3750, SPIN-код: 9208-4925, AuthorID: 938870, e-mail: dyatlova_katerina@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya N. Goncharova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of International and European Law; Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML); Kazan, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7682-4442, SPIN-code: 7098-8510, AuthorID: 623431, e-mail: goncharova-nnn@yandex.ru

Ekaterina V. Dyatlova, Senior Lecturer, Department of International and European Law; Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML); Kazan, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-8314-3750, SPIN-code: 9208-4925, AuthorID: 938870, e-mail: dyatlova_katerina@list.ru

5.1.5.

Международно-правовые науки
(юридические науки)

International Law Sciences

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-169-176

УДК: 341

ГРНТИ: 10.87

EDN: RKIXDG

Сравнительно-правовой анализ правотворческих процедур в ЕС и в ЕАЭС

© Астапенко Илья Валерьевич

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

astapenko.ilya.94@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблематика правотворчества в рамках международных интеграционных объединений на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза. Анализируется специфика правотворческих процедур в ЕС и ЕАЭС. Целью исследования является сравнительно-правовой анализ правотворческого процесса в ЕС и ЕАЭС, выявление специфических черт соответствующих процедур, а также их классификация. В результате проведенного исследования констатируется возможность выделения в ЕС и ЕАЭС двух типов правотворческих процедур: институциональных и договорных, в зависимости от правовой природы финального акта, принимаемого в их рамках. Отмечаются специфические характеристики правотворческого процесса в ЕС, которому присущ принцип координации деятельности ключевых институтов, в отличие от ЕАЭС, где система руководящих органов выстроена по иерархическому принципу. По итогам проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию права ЕАЭС в части, касающейся правотворческих процедур, а всю совокупность норм, регулирующих принятие нормативных правовых актов в рамках рассматриваемых интеграционных объединений предложено выделить в отдельный межотраслевой институт в праве ЕС и ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕС, ЕАЭС, правотворчество, принципы правотворческой деятельности, интеграционное право

Для цитирования: Астапенко И.В. Сравнительно-правовой анализ правотворческих процедур в ЕС и в ЕАЭС // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 169–176. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-169-176. EDN: RKIXDG

DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-169-176

Comparative Legal Analysis of Law-Making Procedures in the EU and the EAEU

© Ilya V. Astapenko

Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
astapenko.ilya.94@mail.ru

Annotation: The article examines the problems of lawmaking within the framework of international integration associations using the example of the European Union and the Eurasian Economic Union. The specifics of lawmaking procedures in the EU and the EAEU are analyzed. The purpose of the study is a comparative legal analysis of the lawmaking process in the EU and the EAEU, identifying specific features of the relevant procedures, as well as formulating an approach to their classification. As a result of the study, it is stated that it is possible to distinguish two types of lawmaking procedures in the EU and the EAEU: institutional and contractual, depending on the legal nature of the final act adopted within their framework. Specific characteristics of the lawmaking process in the EU are noted, which is characterized by the principle of coordination of the activities of key lawmaking institutions, in contrast to the EAEU, where the system of governing and decision-making bodies is built on a hierarchical principle. Based on the results of the analysis, proposals were formulated to improve the law of the EAEU in terms of law-making procedures, and the entire set of rules governing the adoption of regulatory legal acts within the framework of the integration associations under consideration was proposed to be allocated to a separate inter-branch institute in the law of the EU and the EAEU.

Keywords: EU, EAEU, law-making, principles of law-making, integration law

For citation: Astapenko I.V. Comparative Legal Analysis of Law-Making Procedures in the EU and the EAEU. Gaps in Russian Legislation. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 169–176. (in Rus.). DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-4-169-176. EDN: RKIXDG

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в теории международного права общим местом является наличие у международных организаций правосубъектности. Правосубъектность международных организаций характеризуется как производная (специальная) по сравнению с универсальной правосубъектностью государств. Именно государства наделяют международную организацию правосубъектностью, объем которой закрепляется в учредительных актах и иных документах.

Наделенные правосубъектностью международные организации, наряду с государствами, принимают участие в процессе создания (изменения) норм международного права, то есть выступают субъектами международного правотворческого процесса [Гликман, 2003. 56]. Создание норм международного права международными организациями может осуществляться путем заключения международных договоров с государствами и другими международными организациями. Еще одним способом формирования норм является принятие руководящими органами международной организации решений, носящих нормативный характер. Несмотря на наличие в рамках отечественной доктрины определенных дискуссий о возможности отнесения решений международных организаций к источникам международного права, многие исследователи допускают такую возможность [Малинин, 2003. 156]. Большинство ученых-правоведов признают, что решения междуна-

родных организаций по вопросам их «внутреннего права» (в том числе процедурным, финансовым и иным) являются обязательными для государств-членов в том случае, если это предусмотрено учредительным актом [Колосов, Кривчикова, 2000. 230]. Такие решения признаются носящими нормативный, правовой характер.

ПРАВOTВOPЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Правотворческая деятельность в рамках международных организаций имеет свою специфику, учитывая цели и задачи конкретного объединения. Особый интерес для исследований представляют организации региональной экономической интеграции, направленные не только на координацию усилий государств в той или иной сфере, но и на сближение (конвергенцию) их экономических систем. Специфика целей и задач интеграционных структур предопределяет уникальный набор характеристик их организационно-правовой природы, включая правотворческую деятельность.

Одной из черт права подобных организаций является его наднациональный характер. По поводу содержания категории «наднациональность» в отечественной доктрине высказываются различные точки зрения [Гаврилов, Данышов, 2019]. Впервые оно было сформулировано применительно к процессу европейской интеграции в контексте создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) [Павельева, 2018]. М. Хиршлер и Б. Цимерман усматривали проявление

наднациональности в ЕОУС, в первую очередь в праве издавать нормативные акты, обязательные для граждан государств-членов и принимать решения большинством голосов [Хиршер, Цимерман, 1987].

Достаточно распространенным является подход, рассматривающий категорию «наднациональность» сквозь призму объема полномочий институтов интеграционного объединения. По утверждению профессора П. Линдсета, основным критерием, отграничивающим наднациональную организацию от классической международной межправительственной организации, является степень автономности ее управляющих органов [Lindset, 2016. 154].

А.М. Барнашов характеризует феномен наднациональности как «добровольное наделение руководящих институтов некоторых интеграционных объединений реальными властными полномочиями по установлению и применению нормативных правил поведения, обязательных не только для государств-членов, но и для физических и юридических лиц, находящихся на их территории» [Барнашов, 2019. 109].

Наднациональность, по мнению О.Н. Шпакович, не является статичной категорией: ее объемы могут меняться как в различных организациях, так и в ходе эволюции институциональной структуры одной организации [Шпакович, 2012]. В современных международных отношениях государство может быть участником различных интеграционных объединений, отличающихся по степени внутреннего единства и уровню наднациональности, в том числе в части, касающейся предоставленных органам таких объединений полномочий по принятию нормативных актов обязательного характера [Кашкин, 2014].

Еще одним распространенным взглядом является рассмотрение понятия «наднациональность» во взаимосвязи с государственным суверенитетом. К примеру, Т.Н. Нешатаева говорит о наднациональности в широком смысле как о добровольном ограничении суверенной компетенции государственной власти [Нешатаева, 2014. 244]. С точки зрения Дж.Г. Оутса, наднациональные международные организации способны «навязывать» новые обязательства государствам-членам [Самович, Марухно, 2021. 118].

Наднациональность очевидным образом связана с феноменом региональной экономической интеграции и может быть охарактеризована, в том числе как метод функционирования межгосударственного объединения [Гаврилов, Данышов, 2019.11]. Наднациональность является своего рода фундаментом для реализации целей интеграционного объединения [Гаврилов, Данышов, 2019.10]. Не случайно в этой связи профессор В.М. Шумилов говорит о наднациональном праве не только как о нормативном блоке, но и как о методе регулирования [Шумилов, 2015].

Резюмируя, можно выделить следующие ключевые черты наднациональности применительно к международным организациям:

- передача части государственных полномочий межгосударственному объединению, чаще всего в экономической сфере;

- наделение руководящих органов организации правом принимать решения большинством голосов (а не единогласно);

- принимаемые руководящими органами акты носят обязательный характер и обладают прямым действием в правовых порядках государств-членов;

- нормы актов интеграционных организаций порождают права и обязанности, в том числе для физических и юридических лиц (а не только для государств и самой организации);

- должностные лица наднациональных органов управления выступают в личном качестве в интересах организации в целом.

В настоящее время сфера наднационального регулирования в международной экономической системе настолько расширилась, что ряд ученых выделяют наднациональное право в качестве самостоятельной системы правовых норм в рамках формирующегося глобального права [Шумилов, 2015]. Некоторые исследователи объединяют всю совокупность правовых норм, регулирующих деятельность международных организаций региональной экономической интеграции, в комплексное межотраслевое явление—«интеграционное право» [Блажеев, Кашкин, Калиниченко, 2017].

Создавая международную организацию в экономической сфере, государства могут прибегнуть к наднациональному методу [Шумилов, 2018] регулирования ряда сфер общественных отношений, в которых необходимо обеспечить унификацию отдельных направлений деятельности с целью обеспечения максимального экономического эффекта. К примеру, в рамках таможенных союзов, государства унифицируют сферу таможенного регулирования, принимают кодифицированные акты (таможенные кодексы), устанавливающие единые пошлины и регулирующие трансграничное перемещение товаров на общей таможенной территории. В данных объединениях государства создают органы управления, наделенные наднациональными полномочиями. Безусловно, степень наднациональности в праве международных интеграционных объединений различна. Как правило, поначалу государства-члены оказываются объективно не готовы передать значительную часть полномочий на наднациональный уровень. Развитие наднационального регулирования происходит постепенно, по мере углубления интеграционных процессов. При этом даже на высоких ступенях интеграции (на этапе создания экономического и валютного союза) определенные сферы общественных отношений остаются в зоне исключительной компетенции государств, а какие-то регулируются методом межгосударственной кооперации по аналогии с классическими международными организациями.

В рамках международных интеграционных объединений субъектам правотворческой деятельности выступают не только государства-участники, но (подчас в гораздо большей степени) руководящие органы (институты) данных организаций, наделенные наднациональными полномочиями. При этом в ряде интеграционных образований могут применяться и различного рода гибридные формы правотворчества, предполагающие участие как государств-членов, так и руководящих органов объединений.

Что касается видов актов, принимаемых в рамках интеграционных структур, то они могут носить различный характер и включать в себя, как классические международные договоры, так и акты вторичного пра-

ва, принимаемые на основе учредительных договоров. При этом в отдельную категорию в ряде интеграционных объединений может быть отнесено делегированное и/или исполнительное правотворчество руководящих органов. Помимо этого, значительную роль в деле развития и углубления интеграции могут играть акты ненормативного свойства, включая нормы так называемого «мягкого права», создаваемые как институтами интеграционных структур, так и иными органами и аффилированными организациями (различного рода агентствами и т.п.).

Одним из ключевых элементов, определяющих успешность развития интеграционных связей в рамках объединения, являются правовые нормы, регулирующие деятельность данной организации. В случае наднационального регулирования особую важность представляют не только сами нормы, но и процесс их принятия. Для того, чтобы развитие интеграции шло успешно, процесс принятия решений в организации должен максимально отвечать, с одной стороны, интересам объединения в целом, а с другой, не встречать резкого неприятия со стороны государств-членов, которые склонны воспринимать чрезмерное расширение полномочий наднациональной структуры как угрозу суверенитету, в результате чего интеграционные процессы могут оказаться заблокированными.

ПРАВOTВOPЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЕС

На заре существования Европейского экономического сообщества, в соответствии с Римским договором 1957 года, были предусмотрены две основные процедуры принятия решений. В рамках первой процедуры Совет действовал полностью самостоятельно, без участия Парламентской Ассамблеи. Право инициировать принятие акта в основном принадлежало Комиссии. Вторым типом процедуры была процедура консультации, в ходе которой Совет запрашивал мнение Парламентской Ассамблеи по проекту акта, однако оно не являлось обязательным для учета при финальном голосовании (право законодательной инициативы также принадлежало Комиссии).

Развитие процедур принятия решений в ЕС шло по двум магистральным направлениям: увеличение полномочий Парламентской Ассамблеи (затем Европейского парламента) и расширение голосования в Совете квалифицированным большинством на все большее количество сфер общественных отношений, для регулирования которых Сообщества (а затем Союз) были наделены компетенциями в соответствии с учредительными договорами. В качестве еще одной тенденции, относящейся к правотворческому процессу, можно выделить постоянное расширение сфер, в которых Сообщества наделялись соответствующими компетенциями.

Первоначально полномочия Парламентской Ассамблеи были расширены в бюджетной сфере. В соответствии с положениями Люксембургского договора 1970 года, была создана система так называемых «собственных ресурсов» Сообществ, которая изменила принцип формирования бюджета. В рамках обновленной бюджетной процедуры Парламентская Ассамблея получила право контроля за расходованием «собственных ресурсов» Сообществ.

Впоследствии влияние Парламентской Ассамблеи на процесс принятия бюджета было вновь усилено. Согласно положениям Брюссельского договора 1975 года, она получила право отклонять подготовленный Комиссией проект ежегодного бюджета, а также выносить вотум недоверия Комиссии в случае ненадлежащего исполнения бюджета Сообществ.

Важным этапом в развитии правотворческого процесса в рамках европейского интеграционного объединения стало принятие в 1986 году Единого европейского акта (ЕЕА). В ЕЕА получило легальное закрепление наименование «Европейский парламент», которое активно использовалось Ассамблеей с 1962 года, но не было отражено в текстах учредительных договоров. Единый европейский акт ввел новый тип правотворческой процедуры—процедуру сотрудничества (cooperation procedure), в рамках которой было предусмотрено голосование в Совете квалифицированным большинством, а Парламент приобрел дополнительные рычаги влияния на процесс подготовки итогового текста акта путем внесения поправок. Шанс на принятие парламентских поправок существенно возрастал в случае их поддержки абсолютным большинством депутатов либо Комиссией. Помимо этого, Единым европейским актом была введена процедура одобрения (assent) Парламентом заключения Сообществами международных договоров (сходная с процессом ратификации международных соглашений национальными парламентами) [Кавешников, 2020].

Маастрихтский договор 1992 года расширил сферу применения процедуры сотрудничества. Парламент получил право утверждения состава Комиссии. Важнейшим нововведением указанного договора в правотворческой сфере стало учреждение процедуры совместного принятия решений (co-decision procedure) [Кавешников, 2020].

В рамках указанной процедуры Парламент и Совет должны были утвердить подготовленный Комиссией проект акта, для того чтобы он считался принятым. В случае, если указанные институты не могли прийти к соглашению, была предусмотрена согласительная процедура за счет формирования «Согласительного комитета», в который входили представители Совета и Парламента. У Парламента также появилась возможность накладывать вето на проект акта: в случае его отклонения абсолютным большинством депутатов документ считался непринятым и снимался с повестки. Кроме того, Маастрихтский договор расширил механизм голосования квалифицированным большинством в Совете, в том числе в сферах занятости, обеспечения гендерного равенства, модернизации систем социальной защиты и ряде других.

В дальнейшем в ходе реформ Амстердамского (1997 года) и Ниццкого (2001 года) договоров была расширена сфера применения процедуры совместного принятия решений, включая сферы социальной защиты, условий труда для граждан третьих стран, легально пребывающих на территории государств-членов ЕС и ряд других. При этом указанное расширение не было безусловным и требовало в каждом конкретном случае принятия Советом соответствующего решения, причем единогласно. Параллельно с этим были вновь расширены сферы, принятие актов в которых осуществля-

лось путем голосования в Совете квалифицированным большинством.

Современный этап правотворчества в Европейском союзе был ознаменован заключением Лиссабонского договора 2007 года, в соответствии с которым всю совокупность правовых актов Евросоюза можно подразделить на две основные категории: законодательные и незаконодательные. Указанные акты принимаются законодательными институтами ЕС: Европейским парламентом (далее—Парламент) и/или Советом ЕС (далее—Совет). Все законодательные акты Евросоюза принимаются исключительно посредством законодательной процедуры (п. 3 ст. 289 Договора о функционировании ЕС—ДФЕС), которая представлена двумя разновидностями: обычной (*ordinary legislative procedure*) и специальной (*special legislative procedure*).

К незаконодательным актам ЕС относятся [Четвериков, 2007, 1551]:

- юридически обязательные акты, принимаемые Советом и Парламентом, для которых в учредительных договорах не предусмотрено применение обычной или специальной законодательных процедур;

- юридически обязательные акты иных институтов ЕС, в частности Европейской комиссии (Комиссии), Европейского совета (Евросвета) и Европейского центрального банка (ЕЦБ).

Отдельную категорию незаконодательных актов составляют делегированные и имплементационные (исполнительные) акты Комиссии.

Примечательно, что учредительные договоры Союза прямо не устанавливают иерархию законодательных и незаконодательных актов, за исключением делегированных и имплементационных актов, которые носят производный характер по отношению к законодательному акту, на основании которого они принимаются.

Ключевой особенностью, разграничивающей законодательные и незаконодательные акты ЕС, является процедура их принятия и связанные с ней аспекты. Так, к примеру, в отношении законодательных актов нормами учредительных договоров, а также Внутренних регламентов Парламента и Совета установлен принцип публичности и открытости при рассмотрении и голосовании по проектам актов в указанных институтах. Важной отличительной особенностью принятия законодательных актов является вовлеченность в данный процесс национальных парламентов, которые участвуют в проверке проекта акта на его соответствие принципу субсидиарности, о чем подробнее будет сказано ниже.

ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЕАЭС

Переходя к рассмотрению истории развития правотворческого процесса в Евразийском экономическом союзе целесообразно провести небольшой экскурс в историю данного интеграционного проекта, одним из знаковых моментов которой стало образование Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2000 году.

Руководящими органами ЕврАзЭС являлись Межгосударственный Совет, Интеграционный Комитет, Межпарламентская Ассамблея и Суд Сообщества (ст. 3 Договора о ЕврАзЭС). Межгосударственный совет, в соответствии со ст. 13 Договора о ЕврАзЭС, прини-

мал решение консенсусом, за исключением вопроса о приостановке членства или об исключении из состава объединения. В этом случае решение должно было приниматься по принципу—консенсус минус голос государства, в отношении которого оно принималось.

Интеграционный Комитет принимал решения большинством в 2/3 голосов. В случае, если за проект голосовали четыре государства-участника, но при этом он не набирал необходимых 2/3 в Комитете, указанный вопрос должен был быть передан на рассмотрение Межгосударственного совета (ст. 13 Договора о ЕврАзЭС).

Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС представляла собой орган парламентского сотрудничества, который рассматривал вопросы, связанные с гармонизацией (сближением, унификацией) законодательства государств-членов и приведением его в соответствие с договорами, заключенными в рамках объединения в целях реализации задач Сообщества (ст. 7 Договора о ЕврАзЭС).

По мере углубления интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС за счет формирования таможенного союза и единого экономического пространства были сформированы новые органы управления, решения которых носили наднациональный характер. Примечательно, что в отличие от ЕС, где процесс углубления интеграции и увеличения взаимосвязанности экономических и социальных систем государств-членов сопровождался вовлечением в Сообщества (затем Союз) новых участников, на постсоветском пространстве интеграция носила нелинейный, пульсирующий характер. Так, в составе ЕврАзЭС первоначально выделилось интеграционное ядро—тройка (Россия, Казахстан и Беларусь), которая согласилась начать построение таможенного союза и единого экономического пространства. Другие участники (Киргизия и Таджикистан) не поддержали данный тренд и сохранили прежний объем кооперации в рамках ЕврАзЭС (Киргизия позднее присоединилась к очередному витку развития интеграции в рамках Евразийского экономического союза).

В соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии 2011 года, в состав указанного органа вошли Совет и Коллегия Комиссии. Комиссия в пределах своих полномочий получила право принимать обязательные для государств-членов решения, а также рекомендации, не носящие обязательного характера.

Решения Совета Комиссии принимались консенсусом (ст. 12 Договора о Евразийской экономической комиссии), а решения и рекомендации Коллегии Комиссии принимались консенсусом или квалифицированным большинством в 2/3 голосов от общего числа членов Коллегии (ст. 21 Договора о Евразийской экономической комиссии).

Последующее создание Евразийского экономического союза не столько затронуло процессуальную сторону правотворческого процесса, в том числе по линии Комиссии, сколько институциональную структуру евразийского интеграционного проекта, выведя за скобки его парламентскую составляющую.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предлагается выделить в доктрине права ЕС и доктрине права ЕАЭС отдельный межотраслевой инсти-

тут правотворческой деятельности, поскольку рассматриваемую совокупность норм нельзя в полной мере отнести ни к институциональному праву ЕС и ЕАЭС, регламентирующему порядок формирования и функционирования органов управления этих организаций, ни к материальному праву, регулирующему отношения, связанные с реализацией целей интеграционных образований.

Правотворческие процедуры в Европейском союзе предлагается классифицировать на основании правовой природы финального акта, принимаемого в их рамках. Исходя из этого, выделено две группы процедур: институциональные и договорные. В первом случае речь идет о принятии актов вторичного права интеграционного объединения уполномоченными институтами, во втором случае—о заключении, внесении изменений или прекращении действия международных договоров.

К институциональным процедурам в ЕС отнесены законодательные процедуры (обычная, специальная, бюджетная) и незаконодательное правотворчество институтов ЕС (незаконодательные акты Совета, имплементационные и делегированные акты Комиссии, акты ЕЦБ). К договорным процедурам относятся процедуры принятия новых членов и выхода из состава ЕС, внесения изменений в учредительные договоры, заключения договоров с третьими странами и международными организациями, а также соглашения между государствами-членами ЕС.

В Евразийском экономическом союзе правотворческие процедуры подпадают под приведенную классификацию. К институциональным процедурам в ЕАЭС относится принятие решений и распоряжений органами Союза: Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией (Советом и Коллегией). Группу договорных процедур составляют процедуры принятия новых членов и выхода из состава ЕАЭС, внесения изменений в учредительные договоры, заключения договоров с третьими сторонами и договоров в рамках Союза.

Содержание правотворческого процесса в ЕС не соответствует формальной регламентации правотворческих процедур, которая задает общую рамку действий институтов без детализации. В реальности указанные процедуры дополняются официально не закрепленными механизмами, за счет которых происходит их эволюция, позволяя своевременно адаптировать правотворческий процесс к динамике развития интеграции. С течением времени отдельные, наиболее важные элементы подобных механизмов, имеют тенденцию к закреплению на уровне различных источников права ЕС.

В отличие от ЕС, в ЕАЭС регламентация правотворческих процедур отражает реальное содержание процесса принятия актов. В большинстве случаев формального согласования проектов актов между несколькими органами ЕАЭС не требуется, в связи с чем отсутствует необходимость появления неформальных механизмов сближения позиций руководящих органов, по аналогии с ЕС.

Несмотря на формальное разделение институтов ЕС на законодательные и незаконодательные, в реальности правотворческий процесс проходит в «треугольнике» Комиссия-Совет-Парламент. Важной отличительной

особенностью правотворчества в ЕС является принцип согласования позиций всех институтов, принимающих участие в конкретной процедуре, с целью достижения так называемого межинституционального баланса.

В ЕАЭС действующие правотворческие процедуры не только, как правило, не предполагают равноправного участия в принятии акта нескольких органов, но и сами органы выстроены нормами учредительного договора в строгую иерархическую систему. Даже в тех процедурах, где имеет место участие нескольких органов, к примеру, в ходе бюджетного процесса, они реализуют свои функции последовательно, а окончательное решение принимается Высшим Евразийским экономическим советом.

По мере углубления интеграционных процессов в ЕС возрастала роль Парламента как субъекта правотворчества. Данный институт, с одной стороны, является важным элементом наднационального регулирования в противовес Совету, олицетворяющему межправительственный подход к принятию решений. С другой стороны, Парламент придает правотворческому процессу в ЕС дополнительную легитимность, обеспечивая участие представителей, избранных гражданами Союза, в принятии ключевых решений.

В ЕАЭС парламентское измерение интеграции отсутствует. При этом иерархичность, заложенная в институциональной структуре, а также в системе правотворчества в ЕАЭС наряду с доминированием межгосударственного метода регулирования, ставит вопрос о наличии определенного дефицита демократической легитимности в рамках Союза. Создание парламента (или на первом этапе—парламентской ассамблеи) позволит вовлечь в правотворческую деятельность в ЕАЭС представителей законодательной власти, что будет способствовать расширению взаимосвязи органов Союза с народами государств-членов, подключив их (наряду с государствами) к развитию интеграционных процессов.

Предлагается использовать опыт ЕС в части, касающейся совершенствования процедур принятия новых членов и выхода из состава ЕАЭС. Разработка четких критериев вступления по аналогии с Копенгагенскими критериями ЕС позволит упорядочить процесс подготовки государств-кандидатов к обретению членства в Союзе.

В контексте совершенствования процедуры выхода из состава ЕАЭС предлагается учесть опыт ЕС, и установить более длительный период (два года), по истечении которого действие Договора в отношении государства, направившего уведомление о выходе из состава Союза, прекращается. Действующий в настоящее время 12-месячный срок может оказаться недостаточным для урегулирования всех обязательств государства перед выходом из ЕАЭС.

В качестве рекомендаций по совершенствованию права ЕАЭС в части, касающейся правотворческого процесса, предлагается выработать на уровне Союза единый механизм исполнения в государствах-членах решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета.

С целью усиления наднациональной компоненты регулирования в рамках Союза и повышения автономности деятельности Евразийской экономической

комиссии предлагается отказаться от ряда избыточных процедур контроля государств-членов за деятельностью Коллегии ЕЭК в части, касающейся процедуры принятия бюджета ЕАЭС. Дополнительное согласование проекта бюджета Союза с правительствами и упол-

номоченными органами государств-членов на уровне ЕЭК представляется нецелесообразным, учитывая, что проект акта впоследствии проходит согласования в Евразийском межправительственном совете и утверждается Высшим Евразийским экономическим советом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнашов А.М. Наднациональность и конституционный суверенитет в интеграционных процессах / А.М. Барнашов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск, 2019. Ч. 80. С. 109–112. С. 109.
2. Гаврилов В.В., Данышов В.Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине. Московский журнал международного права. 2019;(3): С. 6–13.
3. Гликман О.В. Нормотворческая деятельность Международной организации труда. Московский журнал международного права. 2003;(4): С. 55–74.
4. Интеграционное право: учебник / В.В. Блажеев, С.Ю. Кашкин, П.А. Калинин и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. Москва: Проспект, 2017. 720 с.
5. Кавешников Н. Ю. Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции. Современная Европа. 2020. № 5 (98). С. 77–88.
6. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. 224 с.
7. Концепция верховенства права через призму наднациональности правопорядка Европейского Союза: анализ научных подходов / Самович Ю.В., Марухно Е.Ю. // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 2 (14). С. 116–123.
8. Малинин, С.А. Избранное. Статьи и отрывки из книги: Право международной безопасности и межгосударственных организаций, договорное, морское, атомное право: К 80-летию со дня рождения и к 50-летию научной и педагогической деятельности Сергея Александровича Малинина / С.А. Малинин; Санкт-Петербургский университет [СПбГУ]. Юридический факультет. Санкт-Петербург, 2003. 443 с. С. 156.
9. Международное право: учебник / В.М. Шумилов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2018. 528 с.
10. Международное право: Учебник. Отв. Ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Изд-во «Международные отношения». 2000. С. 230.
11. Нешатаева Т.Н. 2014. Интеграция и наднационализм. Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. № 2 (24). С. 243–248.
12. Павельева Э.А. 2018. Соотношение суверенитета и наднациональности: история и перспективы. Сибирский юридический вестник. № 4 (83). С. 124–129. С. 125.
13. Хиршлер М., Цимерман Б. Западно-европейские интеграционные объединения. Право: пер. с нем. / под общ. ред. и предисл. Э.М. Аметистова, М.И. Брагинского. М., 1987. С. 75–77.
14. Четвериков А.О. Законодательство и правовые акты Европейского Союза в соответствии с Лисса-

REFERENCES

1. Barnashov A.M. Supranationality and Constitutional Sovereignty in Integration Processes. A.M. Barnashov. *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: A Collection of Articles*. Tomsk, 2019. Part 80. Pp. 109–112. p. 109. (in Rus.).
2. Gavrilov V.V., Danshov V.E. The Contents of the Category of "Supranationality" in Modern International Legal Doctrine. *Moscow Journal of International Law*. 2019; (3): Pp. 6–13. (in Rus.).
3. Glikman O.V. Rule-making Activities of the International Labor Organization. *Moscow Journal of International Law*. 2003; (4): Pp. 55–74. (in Rus.).
4. Integration Law: A Textbook. V.V. Blazheev, S. Yu. Kashkin, P.A. Kalinichenko, et al.; ed. S. Yu. Kashkin. Moscow: Prospect, 2017. 720 p.
5. Kaveshnikov N. Yu. Evolution of decision-making procedures in the EU as a parameter of the depth of integration. *Modern Europe*. 2020. No. 5 (98). P. 77–88.
6. Kashkin S. Yu., Chetverikov A.O. Fundamentals of Integration Law: textbook. manual. Moscow: Prospect, 2014. 224 p.
7. The concept of the rule of law through the prism of the supranationality of the legal order of the European Union: analysis of scientific approaches. Samovich Yu.V., Marukhno E. Yu. *Theory and practice of social and humanitarian Sci*. 2021. No. 2 (14). P. 116–123. (in Rus.).
8. Malinin, S.A. Selected. Articles and excerpts from the book: Law of International Security and Interstate Organizations, Treaty, Maritime, Nuclear Law: On the 80th Anniversary of Birth and the 50th Anniversary of Scientific and Teaching Activity of Sergei Alexandrovich Malinin. S.A. Malinin; St. Petersburg University [SPbGU]. Faculty of Law. St. Petersburg, 2003. 443 p. P. 156.
9. International Law: Textbook. V.M. Shumilov. 3rd ed., corrected. and additional. Moscow: YUSTITSIYA, 2018. 528 p.
10. International Law: Textbook. Responsible. Ed. Yu. M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow: Publishing house "International Relations". 2000. P. 230.
11. Neshataeva T.N. 2014. Integration and supranationalism. *Bulletin of Perm University. Series: Legal Sciences*. No. 2 (24). Pp. 243–248.
12. Pavelieva E.A. 2018. The relationship between sovereignty and supranationality: history and prospects. *Siberian Law Bulletin*. No. 4 (83). Pp. 124–129. P. 125. (in Rus.).
13. Hirschler M., Zimmermann B. Western European integration associations. Law: trans. from German. under the general editorship and foreword by E.M. Ametistov, M.I. Braginsky. Moscow, 1987. Pp. 75–77.
14. Chetverikov A.O. Legislation and legal acts of the European Union in accordance with the Lisbon Treaty

- бонским договором 2007 года. // Lex Russica (Научные труды МГЮА) 2008 (№ 6). с. 1544–1555.
15. Шпакович О.Н. 2012. Наднациональность в праве международных организаций. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 2 (37). С. 133–143.
16. Шумилов В.М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист 3(12) 2015 С. 70–87.
17. Шумилов В.М. О «Глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме. Московский журнал международного права. 2015;(4):4–17.
18. Lindset P. 2016. Supranational Organizations. The Oxford Handbook of International Organizations. Ed. by J.K. Cogan, I. Hurd, I. Johnstone. Oxford: Oxford University Press. P. 152–170. p.154.
- of 2007. *Lex Russica (Scientific works of Moscow State Law Academy)*. 2008 (No. 6). Pp. 1544–1555. (in Rus.).
15. Shpakovich O.N. 2012. Supranationality in the law of international organizations. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*. No. 2 (37). Pp. 133–143. (in Rus.).
16. Shumilov V.M. The concept of global law and global normative system. *Modern lawyer*. 3 (12) 2015 Pp. 70–87. (in Rus.).
17. Shumilov V.M. On "Global law" as an emerging legal supersystem. *Moscow journal of international law*. 2015; (4): 4–17. (in Rus.).
18. Lindset P. 2016. Supranational Organizations. The Oxford Handbook of International Organizations. Ed. by J.K. Cogan, I. Hurd, I. Johnstone. Oxford: Oxford University Press. Pp. 152–170. p. 154.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью «Сравнительно-правовой анализ правотворческих процедур в ЕС и в ЕАЭС» соискателя кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации Астапенко Ильи Валерьевича.

Статья написана на актуальную тему и представляет собой краткий обзор результатов работы автора над диссертационным исследованием, посвященном правотворческим процедурам в ЕС и в ЕАЭС. Цель и задачи исследования сформулированы корректно. Структура статьи соответствует поставленным задачам. Выводы, сделанные автором по результатам проведенного исследования, логически выверены. Положительной чертой исследования является комплексный анализ нормотворческой деятельности в ЕС и в ЕАЭС. Автором выработан подход к классификации ряда нормотворческих процедур в рамках ЕС и ЕАЭС, а также предложены определенные пути совершенствования нормотворческой деятельности в ЕАЭС с учетом европейского опыта. Сделан вывод о том, что реальное содержание процесса нормотворчества в ЕС зачастую выходит за рамки процедур, закрепленных в учредительных договорах, и регулируется комплексом обычно-правовых норм и норм «мягкого права», ключевые аспекты которых с течением времени имеют тенденцию к закреплению на уровне источников первичного и вторичного права. Установлено, что в ЕС ключевая роль в процессе нормотворчества отводится достижению межинституционального баланса, в том числе посредством неформальных (незакрепленных в учредительных договорах и актах вторичного права) практик. В то же время в ЕАЭС в нормотворческих процедурах при формальной автономии органов Союза прослеживается принцип иерархичности.

Рецензент: Мазаева Н.Н., канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права, декан Международно-правового факультета, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность текста 78,55%.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025, принята к публикации 20.07.2025
The article was received on 29.06.2025, accepted for publication 20.07.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Астапенко Илья Валерьевич, соискатель кафедры международного права; Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0009-0005-5391-6084, SPIN-код: 2414-6605, AuthorID: 1066696, e-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Astapenko, applicant of the Department of International Law; Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Moscow, Russian Federation, ORCID: 0009-0005-5391-6084, SPIN-code: 2414-6605, AuthorID: 1066696, e-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ / РЕДАКЦИОННОМ СОВЕТЕ РЕЦЕНЗИРУЕМОГО НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ (С УКАЗАНИЕМ КОЛИЧЕСТВА АКАДЕМИКОВ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ДОКТОРОВ НАУК, КАНДИДАТОВ НАУК, ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ)

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА:

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права РУДН, главный научный редактор журнала;

Чистяков Владимир Всеволодович, профессор, главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК».

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ) – ДЕВЯТЬ ДОКТОРОВ НАУК, ОДИН КАНДИДАТ НАУК, В Т.Ч. ОДИН ЗАРУБЕЖНЫЙ УЧЕНЫЙ

1. Андреев Валерий Витальевич, доктор исторических наук, профессор;

2. Барзилова Инна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор;

3. Буянова Марина Олеговна, доктор юридических наук, профессор;

4. Ковлер Анатолий Иванович, доктор юридических наук, профессор;

5. Кузнецов Александр Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ;

6. Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор;

7. Мулукаев Ролан Сергеевич, доктор юридических наук, профессор;

8. Насурдинов Эмом Сайфидинович, кандидат юридических наук, доцент;

9. Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

10. Шульженко Юрий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ) – ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ДОКТОРА НАУК, В Т.Ч. ОДИН ЗАРУБЕЖНЫЙ УЧЕНЫЙ

1. Агафонов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, доцент;

2. Березин Максим Юрьевич, доктор экономических наук, профессор;

3. Бринчук Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

4. Буянова Марина Олеговна, доктор юридических наук, профессор;

5. Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор;

6. Выпханова Галина Викторовна, доктор юридических наук, профессор;

7. Горбунова Ольга Николаевна, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессио-

нального образования;

8. Гречкина Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор;

9. Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор;

10. Карелина Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор;

11. Касумов Алыш Мамиш оглы, доктор юридических наук, профессор;

12. Курманов Мидхат Мазгутович, доктор юридических наук;

13. Лабин Дмитрий Константинович, доктор юридических наук, доцент;

14. Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор;

15. Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент;

16. Петрова Галина Владиславовна, доктор юридических наук, профессор;

17. Лабин Дмитрий Константинович, доктор юридических наук, профессор;

18. Рассолов Илья Михайлович, доктор юридических наук, профессор;

19. Северин Виталий Андреевич, доктор юридических наук, доцент;

20. Скачкова Галина Семеновна, доктор юридических наук, профессор;

21. Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор;

22. Шмалый Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор.

23. Шульженко Юрий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

24. Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ) – ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДОКТОРОВ НАУК, В Т.Ч. ДВА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

1. Буянова Марина Олеговна, доктор юридических наук, профессор;

2. Воронов Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор;

3. Выпханова Галина Викторовна, доктор юридических наук, профессор;

4. Ершова Инна Владимировна, доктор юридических наук, профессор;

5. Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор;

6. Касумов Алыш Мамиш оглы, доктор юридических наук, профессор;

7. Кудрявцева Елена Васильевна, доктор юридических наук;

8. Курбанов Рашад Афатович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

9. Лабин Дмитрий Константинович, доктор юридических наук, доцент;

10. Летова Наталья Валерьевна, доктор юридических наук;

11. Петрова Галина Владиславовна, доктор юридических наук, профессор;

12. Скачкова Галина Семеновна, доктор юридических наук, профессор;

13. Сулейменов Майдан Кунтуарович, доктор юридических наук, профессор;

14. Хатунцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор;

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)—ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДОКТОРОВ НАУК, ТРИ КАНДИДАТА НАУК, В.Т.Ч. ТРИ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

1. Берова Джульетта Михайловна, доктор юридических наук, доцент;

2. Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор;

3. Букалерева Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор;

4. Велиев Исахан Вейсал оглы, доктор юридических наук, профессор;

5. Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор;

6. Володина Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент;

7. Воскобитова Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор;

8. Джафаров Азер Мамед оглы, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Азербайджанской Республики, Государственный советник юстиции 3 класса;

9. Жалыбин Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор;

10. Жданов Сергей Павлович, кандидат юридических наук, доцент;

11. Зиядова Дуря Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор;

12. Иванов Никита Георгиевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

13. Исаенко Вячеслав Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный работник прокуратуры РФ, Государственный советник юстиции 3 класса;

14. Казакова Вера Александровна, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

15. Капинус Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 2 класса, профессор РАН;

16. Кузнецов Александр Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ;

17. Лесников Геннадий Юрьевич, доктор юридических наук, профессор;

18. Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник Министерства образования РФ, Заслуженный юрист РФ;

19. Максимов Сергей Васильевич, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор;

20. Осмоналиев Кайрат Медербекович, доктор юридических наук, профессор;

21. Параскевова Светлана Андреевна, доктор юридических наук, профессор;

22. Пospelов Олег Витальевич, кандидат юридических наук, доцент, адвокат;

23. Расторопов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор;

24. Серебrenникова Анна Валерьевна, доктор юридических наук, профессор;

25. Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор;

26. Чупрова Антонина Юрьевна, доктор юридических наук, профессор;

27. Шагапсоев Заурби Лелович, доктор юридических наук, профессор;

28. Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

5.1.5. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)—СЕМЬ ДОКТОРОВ НАУК

1. Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

2. Абдуллин Адель Ильсиярович, доктор юридических наук, профессор;

3. Ковлер Анатолий Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

4. Курбанов Рашад Афатович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

5. Лабин Дмитрий Константинович, доктор юридических наук, доцент;

6. Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент;

7. Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор.

О ЖУРНАЛЕ. ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ СТАТЕЙ, ПОСТУПАЮЩИХ В ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЮР-ВАК» (В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ»). ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ. ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ. ТРЕБОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ НА ПУБЛИКАЦИЮ

О ЖУРНАЛЕ

Журнал входит в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по праву. Решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 25.02.2011 г. Перерегистрирован Решением Президиума от 28.12.2018 по специальности 12.00.00 - Юридические науки. Первый номер журнала вышел в 2008 г. и был инициирован большим другом редколлегии академиком Кудрявцевым Владимиром Николаевичем, который и дал название журналу. Индекс цитирования журнала, двухлетний импакт-фактор РИНЦ 2015 г.—0,6. Главный научный редактор—Абашидзе Аслан Хусейнович, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой международного права Юридического института Российского университета дружбы народов, г.Москва, Российская Федерация. Главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК» - профессор Чистяков Владимир Всеволодович. Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редколлегии и другими учеными.

С 2007 г. по 2015 г. журнал при поддержке Издательского дома «Юр-ВАК» провел по регионам 8 Международных научно-практических конференций под названием «Пробелы в российском законодательстве», посвященных памяти академика Кудрявцева В.Н. Доклады, заслушанные на конференциях, были опубликованы на страницах журналов Издательского дома «Юр-ВАК». На II-й конференции при поддержке всех участников конференции было направлено обращение к Президенту Академии наук академику Осипову Юрию Сергеевичу с просьбой об учреждении золотой медали Академии наук имени В.Н.Кудрявцева. Это обращение было передано в аппарат Академии. Оно было также опубликовано в журнале «Бизнес в законе» №4 2008 г., составлено и подписано доктором юридических наук, Лауреатом Государственной премии, профессором Лунеевым Виктором Васильевичем и Генеральным директором Издательского дома «Юр-ВАК» Чистяковым Владимиром Всеволодовичем. Обращение было проработано с помощником Президента Академии Коваленко Геннадием Яковлевичем и Президентом Осиповым Юрием Сергеевичем, и получило их положительную поддержку. На всех проведенных ИД «Юр-ВАК» конференциях участники конференции голосовали единогласно за обращение к Президенту Академии наук с просьбой учредить медаль имени Кудрявцева В.Н. Затем об этом печаталось на страницах журналов нашего Издательского дома - «Бизнес в законе» и «Пробелы в российском законодательстве», рекомендованных ВАКом для публикации научных статей.

В 2015 г. Академией наук РФ учреждена золотая медаль имени Кудрявцева В.Н., которая присуждается за выдающиеся работы в области права.

Журнал «Пробелы в российском законодательстве» издается регулярно и распространяется по подписке. Индекс по Каталогу «Почта России» ПП611. До 2015 г. журнал издавался 6 раз в год, в 2016 г. было 8 выпусков журнала, с 2017 г. публикуется 7 выпусков журнала, с 2023 г. публикуется 8 выпусков журнала. Обращаем Ваше внимание, что состав редколлегии журнала международный. Журнал востребован как в Российской Федерации, так и за рубежом, о чем свидетельствует география подписки на журнал. Журнал зарегистрирован в следующих базах данных: научная электронная библиотека E-LIBRARY.RU, ULRICHS

WEB/ GLOBAL SERIALS DIRECTORY, EAST VIEW, ИВИС, ЭБС (издательство «ЛАНЬ»), MYLIBRARY MEDIA (электронная библиотека). Также статьи журнала представлены в открытом доступе для обеспечения максимального цитирования в GoogleScholar, OCLC The world's libraries Connected, EBSCO Research Databases, RePEc, OpenAire, BASE Bielefeld Academic Search Engine.

Каждый выпуск журнала содержит не менее 200 стр., и включает порядка 30 научных статей от аспирантов до маститых докторов наук. В журнале публикуются статьи по всем областям права как российских так и зарубежных авторов на русском и английском языках. Подписаться на журнал можно:

1. В редакции журнала—г.Москва, ул.Поварская, 23А/21, E-mail: urvak@urvak.ru, предварительно связавшись с Главным редактором ИД «Юр-ВАК» Чистяковым Владимиром Всеволодовичем по тел.:8-916-577-94-06.
2. Индекс по каталогу агентства "Почта России" - ПП611 "Пробелы в российском законодательстве" <https://podpiska.pochta.ru/press/ПП611>.
3. Альтернативная подписка и курьерская доставка—Агентство «Урал-Пресс». Телефон в Москве: 8 (495) 789-86-36.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7(916)577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Некоммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций».

Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указываются: фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, учёная степень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.
2. Номер специальности (обязательно).
3. Название статьи на русском и английском языках.

4. Аннотация на русском и английском языках.

Аннотация должна быть **четко структурированной** и отражать следующие аспекты содержания статьи (не более 100 слов в каждом раз-деле):

Задача—Причины/цели написания исследовательской работы. Обязательны ссылки на иностранных авторов, работающих над исследуемой задачей.

Модель—Методология /как это было выполнено/область исследования.

Выводы—Обсуждение/результаты.

Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы (если применимо)—Исключения/следующие шаги.

Практическое значение (если применимо)—Применение на практике/Что дальше?

[NEW] Социальные последствия (если применимо)—Влияние на общество/политику.

Оригинальность/ценность—Кто сможет извлечь пользу из этой работы и что в ней нового? Для кого предназначена работа.

5. 4-6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.
6. Текст статьи в редакторе Word.
7. Список используемых литературных источников на русском и английском языках в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ 7.82-2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не должно превышать 15 источников.
8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте:
<http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf>
9. Отчет системы **Антиплагиат** www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи.
 - Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.
10. Объем публикуемых материалов 8-10 страниц, шрифт 14, интервал 1,5.
11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.
12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электронном носителе, и в печатном виде.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-БАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей.

Срок рецензирования—**до 20 рабочих дней**.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Antiplagiat в полной платной версии на сайте www.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы

проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются на **обязательное внешнее рецензирование**. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании. Подробные правила рецензирования изложены на сайте Издательского дома «Юр-БАК» <http://www.urvak.ru/review/>

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ

На сайте Издательства: <http://www.urvak.ru> размещена публичная оферта Издательства на заключение лицензионного договора в отношении статей Авторы. Направление по электронной почте Автором заполненного по форме акцепта на публичную оферту (форма акцепта размещена на этом же сайте) вместе со статьей рассматривается как заключение между Издательством и Автором лицензионного договора на условиях публичной оферты.

Согласно условиям лицензионного договора Издательство как Лицензиат вправе использовать Произведение (статью и все входящие в нее составные части) на безвозмездной основе посредством:

- а) воспроизведения (полное или частичное) Произведения в средствах массовой информации;
- б) распространения экземпляров Произведения или его части любым способом;
- в) импортирования экземпляров Произведения или его части;
- г) переработки, в том числе перевода Произведения;
- д) доведения Произведения или его части до всеобщего сведения.

Автор несет персональную ответственность за содержание и оформление предоставляемых к публикации материалов.

Автор несет ответственность за наличие в представляемом материале любых форм неправомерного заимствования. В случае обнаружения заимствования, не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах, материал отклоняется; дальнейшее сотрудничество Издательства с автором прекращается.

Заявка на публикацию материала, поступившая в адрес редакции по электронной почте/ через сайт/ лично через руководство Издательства, является конклюдентным действием, приводящим к возникновению указанных выше прав и обязанностей, расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования произведения с Издательством, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса России может быть заключен в устной форме.

Также заявка на публикацию предполагает автоматическое согласие автора на публикацию материала на указанных условиях и в определяемые с учетом загруженности редакционного портфеля журнала сроки.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию и получения устного подтверждения главного редактора. Форма публичной оферты приводится на сайте Издательства: <http://www.urvak.ru/oferta.pdf>

Издательство имеет право уступить полученное от Автора право третьим лицам без предварительного согласования с Автором.

Издательство имеет право вносить необходимую корректуру в рукопись: аннотацию, ключевые слова, список литературы без согласования с автором, а также тексты переводов на английский язык. Издательство обеспечивает Автора авторским экземпляром как минимум в количестве 1 шт. посредством рекомендации подписаться на данное издание.

**РЕДАКЦИЯ НЕ ВЫПЛАЧИВАЕТ АВТОРАМ ДЕНЕЖНЫЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ
ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛЫ.**